ИЗДАТЕЛЬСКОЕ БЮРО ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Проф. П. П. МАСЛОВ.

НАУКА О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Выпуск 2.

Государственное Издательство
Иркутское Отделение
Иркутск, 1921

Иркутск. 1 Государственная Типография — 859 — 3000 — 21 г Р. В. Ц.

Отдел пятый.

Общественные классы и распределение.

При изучении законов потребления, мы разделяем национальный доход на три части: одна часть растрачивается на производительное, другая на необходимое и третья на непроизводительное потребление.

При распределении же национального дохода между хозяйствами и различными классами населения, он делится сообразно роли, какую играет тот или другой класс, то или другое потребительское хозяйство в современном капиталистическом обществе.

В народном хозяйстве принимают участие различные классы населения, рабочие, крестьяне, предприниматели и т. д., причем, рабочие получают заработную плату, которая идет, главным образом, на необходимое потребление, предприниматели получают прибыль, которая затрачивается, главным образом, на непроизводительное и на производительное потребление, идущее на расширение производства. Крестьяне получают доход от своего труда и хозяйства, который идет на необходимое и производительное потребление, т. е. на хозяйственные потребности.

В зависимости от хозяйственных условий капиталистического общества весь его доход распределяется на три главнейших вида доходов: 1) заработную плату, получаемую рабочими и служащими, 2) прибыль, получаемую предпринимателями и 3) ренту, получаемую землевладельцами. Сообразно этим трем видам дохода и капиталистическое общество распадается на три основных общественных класса: рабочих, продающих свой труд, предпринимателей-капиталистов, имеющих предприятия с наемным трудом, и землевладельцев, получающих земельную ренту. На ряду с этими основными классами капиталистического общества, существует класс мелких собственников—крестьян и ремесленников, занимающих промежуточное положение между перечисленными классами, по характеру своего дохода, приближающийся то к одному, то к другому классу.

Деление национального дохода на три части обусловливается тем, что для производства необходимы труд, капитал и земля. Рабочий, прилагающий труд к производству и создающий материальные ценности, получает не весь продукт своего труда, потому, что капиталист, овладевший орудиями производства и землевладелец, захвативший землю, получают каждый свою долю из национального дохода именно потому, что при капиталистическом строе они являются владельцами земли и капитала. Напротив, в крестьянском мелком хозяйстве, где земледелец является и владельцем рабочих рук и земли и орудий производства не происходит распадения дохода на указанные три части.

Итак, распределение и потребление национального дохода находится в таком взаимоотношении:

Потребление	Распределение в капит. о-ве	В крестьян. хоз-ве
необходимое	заработная плата (рабочие)	валовой доход хозяйства.
производительное	прибыль (капиталисты)	
непроизводительное	земельная рента (землевладельцы)	

Если орудия производства и земля находятся в распоряжении трудящихся, то и распределение на указанные нами категории отпадает и остается только потребление национального дохода по изложенным нами выше законам.

Распределение в капиталистическом обществе, таким образом, дает двоякого рода доходы. Трудовой доход или заработную плату тем, кто принимает участие в производстве и доход владельцев земли и капитала, основанный на эксплоатации чужого труда. Ибо владелец земли и капитала получает часть продуктов труда, работающих только потому, что без капитала и земли невозможно приложение труда, невозможно производство. В силу экономической необходимости, вынуждаемый голодать владелец рабочих рук должен продавать свой труд, чтобы приложить его к производству. Таким образом, создается эксплоатация трудящихся нетрудящимися классами.

Разделение национального дохода между тремя общественными классами вызывает стремление каждого из этих классов увеличить свою долю за счет доли других классов. Это приводит к борьбе общественных классов, которая создает такое положение, что во имя своих классовых интересов против других классов, совершенно отодвигаются интересы хозяйственного целого, интересы народного хозяйства. Так было во время войны и революции 1914—18 годов, когда эта борьба поставила его на край гибели.

Задача политической экономии заключается не только в том, чтобы выяснить экономические законы, которыми регулируется распределение национального дохода, но и влияние различного характера распределения на развитие хозяйства в целом, на благосостояние всего общества.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

ГЛАВА XX.

Образование рабочего класса.

1.

Современное капиталистическое производство отличается от всех других форм организации народного хозяйства тем, что при капитализме эксплуатируется наемный рабочий труд. На этой основе капиталистического строя базируются все его главнейшие особенности. Поэтому для понимания и изучения современного народного хозяйства нужно прежде всего изучить те отношения, которые создаются на почве найма труда.

Но в свою очередь, экономические законы, регулирующие отношения труда и капитала, тесно связаны с условиями капиталистического производства, основанного на наемном труде. Таким образом, для выяснения законов, регулирующих заработную плату, нужно принять во внимание условия производства, поскольку они влияют на условия найма рабочих.

Если мы обратимся к тому отделу политической экономии, который трактуется, как отдел «о производстве», то в нем найдем очень мало ответов для освещения вопроса о влиянии законов, регулирующих производство, на отношения труда и капитала, на высоту заработной платы. А между тем, как мы покажем дальше, законы производства имеют непосредственное влияние на условия определяющие высоту заработной платы различных категорий рабочих.

В каждом учебнике политической экономии, ее теория разделяется на отделы, причем, обыкновенно, первый отдел и отвечает «производству», второй «обмену», третий «распределению».

Я не буду рассматривать вопроса, насколько целесообразно такое деление теории политической экономии и остановлюсь лишь на том, что понимается под отделом «производство» и что в этом отделе излагается.

Для изучения и понимания процесса общественного производства, необходим анализ двух его сторон: **организации** производительных сил и **распределения** производительных сил.

Только организации производительных сил и посвящают свое внимание экономисты, пишущие о производстве О перераспределении производительных сил, ни одним экономистом не упоминается не только в отделе о производстве, но и вообще где бы то ни было в учебниках политической экономии.

Организация производства имеет, разумеется, огромное значение в хозяйственной жизни. Значение форм сотрудничества, разделения труда, формы производства, техники производства и т. д., едва-ли кто-либо будет оспаривать. Но без анализа распределения производительных сил, даже понимание организации производства не будет достаточно ясным, а следовательно, и правильным.

Например, техника производства, производительность труда, имеют первостепенное значение в хозяйственной жизни страны, но производительность труда и техника производства зависят, как увидим, от распределения производительных сил, между производством средств производства и предметов непосредственного потребления.

Следовательно, без исследования распределения производительных сил, недостаточно правильно и отчетливо будет исследование и организации производительных сил.

2.

Вопросу о распределении производительных сил общества, достаточно уделено мною места в другом отделе книги (Законы потребления). Здесь мы остановимся на этом вопросе лишь постольку, поскольку необходимо это для понимания экономических законов, регулирующих заработную плату

Распределение производительных сил имеет одинаково огромное значение на всех ступенях хозяйственного развития.

Для всех ступеней хозяйственного развития, мы можем констатировать следующий закон: чем больше производительных сил затрачивается на производство средств производства, тем труд производительнее.

Но с другой стороны, перераспределение производительных сил в сторону производства средств производства, находится в зависимости от производительности труда, от степени развития производительных сил, которая зависит от производства средств производства. Ибо для производства в каждом хозяйстве, необходима определенная минимальная затрата труда на предметы непосредственного потребления, для удовлетворения потребностей работающих субъектов. Без этого невозможен самый процесс производства.

Чем меньше производительность труда, чем меньше средств производства, тем больше места в общем хозяйственном бюджете должна занимать та сумма предметов непосредственного потребления, которая необходима для работающих субъектов. И наоборот, чем выше производительность труда, т. е. чем больше средств производства, тем меньшую долю из общей суммы производимых продуктов, могут составлять предметы непосредственного потребления, а, следовательно, тем больше хозяйство может затрачивать труда на средства производства.

В натуральном хозяйстве, процесс увеличения средств производства, происходит путем постепенного перераспределения производительных сил хозяйства в сторону накопления средств производства, причем, это накопление тем доступнее для хозяйства, чем большим количеством рабочих сил оно располагает. Поэтому, в хозяйствах с двумя работниками легче увеличить средства производства, чем в хозяйстве с одним работником. В хозяйстве с тремя работниками легче, чем с двумя и т. д. Поэтому, увеличение рабочих сил хозяйства сопровождается обыкновенно относительным увеличением и средств производства.

Но в натуральном хозяйстве, увеличение средств производства, достигает весьма ограниченных размеров, так как безграничное увеличение производства продуктов, потребляемых только внутри хозяйства, не имеет смысла. Поэтому процесс распределения производительных сил в сторону производства средств

производства, ограничен тесными рамками в пределах потребностей каждого отдельного хозяйства.

С развитием капитализма, когда средства производства сосредоточиваются в руках капиталиста-предпринимателя, когда капиталистическое хозяйство переходит к производству на обширный рынок, сумма средств производства может увеличиваться до безграничных размеров с целью расширения производства. При этом, производитель-рабочий лишен средств производства, и предприниматель вовсе не заинтересован непосредственно в расширении непосредственного потребления рабочего; напротив, чем меньшую долю производимых продуктов потребляет рабочий, тем больше остается предпринимателю для удовлетворения его потребностей и для дальнейшего накопления средств производства, для дальнейшего увеличения количества производимых продуктов.

Следовательно, процесс перераспределения производительных сил в сторону увеличения производства средств производства при нормальных условиях капиталистического строя, происходит безостановочно и постоянно, хотя непосредственное потребление рабочих при этом может даже сократиться. Ибо целью капиталистического хозяйства, является не удовлетворение потребностей работающих, как в натуральном хозяйстве, а накопление капитала.

3.

Натуральное хозяйство производит в своих пределах все или большую часть необходимых продуктов. Производительные силы в нем распределяются пропорционально потребностям хозяйства в этих продуктах.

При капитализме, каждое хозяйство производит какой-нибудь продукт на рынок, и уже в обмен на этот продукт, получает все необходимые предметы для дальнейшего производства и для удовлетворения потребностей. Поэтому, хотя во всем народном хозяйстве производительные силы распределяются сообразно существующим потребностям капиталистического общества в различных продуктах, но количество средств производства и распределение производительных сил в каждом отдельном хозяйстве будет различно. Поэтому, при капиталистическом строе, процесс перераспределения производительных сил происходит иным путем, чем в натуральном хозяйстве.

1. Прежде всего производительные силы в каждой отрасли капиталистической промышленности передвигаются в те предприятия, где труд производительнее. Разумеется, и натуральное хозяйство стремится использовать свои рабочие силы наиболее производительно. Но если в одном хозяйстве труд земледельческого рабочего дает в течение года 50 пудов, а в другом хозяйстве он дает 100 пудов, то, тем не менее, оба хозяйства будут одинаково существовать: одно хозяйство не может вытеснить другого путем конкуренции, потому, что ее между ними нет. Точно также различие в производительности труда при производстве всех других продуктов для натурального хозяйства не представляет никаких опасностей. При товарно-капиталистическом строе хозяйство, располагающее более производительным трудом, уничтожает другие хозяйства с трудом менее

производительным, так как может дешевле продавать свои продукты и тем самым уничтожить конкуренцию менее производительного труда.

Благодаря этому производительные силы иногда медленно и постепенно, иногда быстро передвигаются из предприятий с менее производительным трудом, в предприятия с трудом, более производительным.

Так как производительность труда в значительной степени зависит от средств производства, в особенности от орудий производства, то и производительные силы передвигаются из мелких предприятий, обладающих меньшими средствами производства, менее производительным трудом, в руки крупных предпринимателей.

2. С развитием хозяйства и его производительных сил потребность в одних продуктах быстро расширяется, особенно потребность в средствах и орудиях производства и обмена, между тем как потребность в других продуктах расширяется медленно. Поэтому происходит перераспределение производительных сил между различными отраслями промышленности.

Так, по мере относительного увеличения потребности капиталистического общественного хозяйства в продуктах обрабатывающей промышленности и относительно менее быстрого расширения потребности в продуктах земледелия, производительные силы из земледелия передвигаются в индустрию. Этот процесс перераспределения производительных сил между земледелием и индустрией, обостряемый обезземеленем и разорением земледельческого населения землевладельцами, ростовщическим капиталом и проч., имеет, как увидим, огромное значение, и влияет на весь строй капиталистических отношений.

В натуральном хозяйстве может также происходить процесс расширения какой нибудь отрасли хозяйства на счет другой, но этот процесс выражается лишь в том, что члены данного хозяйства начинают увеличивать затраты труда в данную отрасль и сокращать их в другой отрасли.

При товарно-капиталистическом строе процесс перераспределения производительных сил между различными отраслями производства проявляется в выбрасывании рабочих, как ненужных в сокращающейся отрасли производства и в расширении найма рабочих в расширяющейся, т. е. проявляется в безработице среди рабочих падающей отрасли.

Процесс перераспределения производительных сил между различными отраслями промышленности можно иллюстрировать следующей таблицей роста и уменьшения в процентах профессионального населения по различным отраслям в Германии за период с 1882 по 1907 годы:

Произв. питательн. веществ	+ 47,15%
Изготовлен. одежды и др.	+ 13,61 »
Сельское хозяйство	— 8,48 »
Горнозаводство	+121,10 »
Машиностроение	+180,22 »
Химическ. промышл.	+155,02 »
Всего	31,47%

Мы видим, что в некоторых отраслях (в земледелии), несмотря на увеличение населения, число занятых рабочих абсолютно сократилось. В других (изготовление одежды) произошло относительное сокращение занятых рабочих, наконец, в третьих произошло быстрое увеличение.

3. Под влиянием различия производительности труда—главным образом, вследствие различия естественных условий в разных странах—производительные силы в различных отраслях промышленности перераспределяются между странами. Так, из плотнонаселенных районов и стран, земледельческое население передвигается в реже населенные, вследствие того, что экстенсивное земледельческое хозяйство производительнее интенсивного. Поэтому при сокращении земледельческого населения в плотнонаселенных странах, в реже населенных оно иногда увеличивается чрезвычайно быстро.

Точно также в тех районах, где имеются минеральные богатства, развиваются промыслы, связанные с горным делом и т. д.

Распределение производительных сил между различными районами и странами имеет также огромное значение, отражаясь на положении наемного труда и вызывая развитие средств обмена (пути сообщения и пр.).

Таким образом, перераспределение производительных сил в капиталистическом обществе происходит: 1) между отдельными предприятиями в сторону предприятий с более производительным трудом, 2) между отдельными отраслями промышленности в сторону тех отраслей, потребность в продуктах которых расширяется быстрее, и 3) между отраслями промышленности отдельных районов и стран, где труд в данной отрасли производительнее.

Теперь мы перейдем к общепринятому отделу политической экономии, к отделу «о производстве». Не трудно увидеть, что все те явления, которые принято рассматривать в этом отделе политической экономии, тесно связаны с процессом распределения производительных сил.

Формы сотрудничества, формы промышленности и промышленных предприятий, техника производства и т. д. находятся в тесной зависимости от распределения производительных сил страны между производством средств производства и предметов непосредственного потребления. Формы и размеры предприятий зависят от степени накопления средств производства и от процесса перераспределения производительных сил из мелкого производства в крупное.

Техника производства зависит от распределения производительных сил страны между производством орудий производства и предметов непосредственного потребления; чем большая доля труда в народном хозяйстве затрачивается на орудия производства, тем выше техника; и обратно, чем большая доля труда затрачивается на производство предметов непосредственного потребления, тем при данной сумме производства, техника развивается медленнее. Но техникой производства определяется при капиталистическом строе и форма производства. Таким образом, те стороны народного хозяйства, которые принято рассматривать в отделе «о производстве», находятся в зависимости от условий распределения производительных сил страны между различными отраслями производства.

Без рассмотрения законов распределения и перераспределения производительных сил, нельзя установить и закономерности развития одних форм производства в другие, изменения техники и проч., нельзя установить причинной связи явлений, а можно только констатировать, что бывают различные формы производства: ремесленное, мануфактура, фабрика и т. д., что бывает машинное и ручное производство, что машинный труд производительнее и т. д. и т. д.

Задача же политической экономии заключается не только в том, чтобы констатировать, что существует ремесло, фабрика и т. д., но и в том, чтобы установить закономерность смены одних форм производства другими, одних технических приемов производства более производительными, установить причинную связь явлений. Между тем, эту причинную связь возможно установить лишь установивши связь форм производства, техники и т. д. с процессом распределения производительных сил страны между различными отраслями промышленности.

Как увидим далее, законы, регулирующие высоту заработной платы в различных отраслях производства, также могут быть выяснены только в связи с процессом распределения и перераспределения производительных сил. В такой же связи находятся и законы, регулирующие высоту прибыли и земельной ренты.

С частно-хозяйственной точки зрения кажется, что формы хозяйства или техника производства зависят от степени накопления капитала и даже денег в руках предпринимателя. Но не трудно увидеть, что в **народном хозяйстве** и формы хозяйства и техника производства определяются распределением производительных сил между производством предметов непосредственного потребления и производством средств и орудий производства.

Испанцы могли в сотни раз больше, чем им удавалось, из открытой ими Америки вывезти золота и серебра, и это повело бы лишь к понижению цен на золото и серебро и не могло прибавить ни одной машины в национальное производство. Лишь поскольку в стране увеличивается затрата производительных сил на увеличение средств и орудий производства, постольку может прогрессировать и техника, в значительной степени определяющая и формы производства.

Из приведенной выше таблицы о распределении производительных сил в Германии, мы видим, что в колоссальных размерах увеличилось производство орудий производства (машиностроение), почти в таких же размерах увеличилось производство вообще средств производства для индустрии (горнозаводское дело) и относительно и даже абсолютно сократилось сельское хозяйство. Такое перераспределение производительных сил предрешает не только технику производства в народном хозяйстве, но и форму производства, потому, что применение машин доступно только в крупных фабричных предприятиях, ведет к их развитию и к разрушению остатков мелкого ремесленного производства.

Считая главным предметом отдела «о производстве», анализ процесса распределения и перераспределения производительных сил, мы должны каждое явление экономической жизни рассматривать в связи с этим процессом, т. е. с процессом производства.

Исследуя законы, регулирующие заработную плату, мы тем самым принуждены выяснять и те явления, которые происходят в производстве, в процессе распределения производительных сил. Как увидим далее, условия, определяющие заработную плату, находятся в прямой и тесной зависимости от условий производства. Изучение законов, регулирующих заработную плату, так же, как изучение прибыли и ренты, должно быть в то же время анализом процесса производства: иными словами, те явления, которые принято выделять как особый отдел, как «производство», совершенно не связанный с отделом распределения дохода, не может быть выделен по той простой причине, что изучение, например, законов заработной платы есть вместе с тем изучение производства, процесса распределения и перераспределения производительных сил.

Таким образом, начавши анализ капиталистических отношений с анализа основ капиталистического строя — отношений наемного труда и капитала — мы должны постоянно на ряду с этим анализировать условия капиталистического производства и исходить из них, чтобы дать правильное освещение рассматриваемым вопросам. А условия производства проявляются в процессе распределения и перераспределения производительных сил, регулирующих форму, технику и организацию производства. Значение распределения производительных сил станет ясно из дальнейшего, из анализа влияния различных факторов на хозяйственные отношения и прежде всего, в первой части этого труда, на отношения труда и капитала, на законах, регулирующих заработную плату.

ГЛАВА XXI.

Зарождение капитализма и перераспределение производительных сил.

1.

На какой ступени развития общественных производительных сил зарождается капитализм и какая сторона социально-экономических отношений является наиболее характерной для этой формы производства?

Эксплуатация труда сама по себе еще не создает капиталистического строя, капиталистических отношений. Труд работника эксплоатировался и в рабовладельческом и в феодальном обществе, тем не менее капиталистических отношений тогда не создалось.

Получение прибыли на капитал также не является еще характерным только для капиталистического общества. Прибыль на торговый капитал получалась также и при рабовладельческом и при феодальном строе.

Наконец, накопление богатств было доступно и рабовладельцам древней Греции и Рима и средневековым купцам, но эти богатства еще не превращались в капитал.

К. Маркс в главе «о первоначальном накоплении» ярко рисует те грабежи и насилия, благодаря которым образовались большие состояния; но эти богатства лишь при определенных общественных отношениях могли превратиться в капитал.

С другой стороны В. Зомбарт описывает те «мирные» и «честные» пути,

которыми в средние века отдельные лица накопляли в своих руках богатства, достаточные для того, чтобы при создавшихся благоприятных условиях постепенно организовать капиталистическое производство.

Но накопление богатств тем или другим путем было лишь одним из необходимых условий для зарождения капитализма, само же по себе еще не создавало капиталистических отношений.

В главе «Образование меновой ценности», я старался показать, что капиталистические отношения возникают тогда, когда торговый капитал начинает получать прибыль не от эксплуатации потребителя, а от эксплуатации свободного от средств производства производителя, когда ремесленник превращается в кустаря, вынужденного сбывать свои изделия скупщику ниже их ценности, когда скупщик, продавая изделия кустаря по одной цене с изделиями независимого ремесленника, все таки получает прибыль.

Торговая прибыль, получается от эксплуатации потребителя, существовала во все периоды существования торговли, как у финикийских и греческих купцов, так и у средневековых торговцев. Эта прибыль, основанная, по терминологии Зомбарта, на высоких надбавках на цены, была характерна не только для средневековой торговли, но и для всех предыдущих периодов купеческой торговли. Видеть в такой прибыли зачатки развития капитализма, во всяком случае, нельзя.

Точно также земельная рента, накопляемая в период, предшествовавший капитализму, не могла служить причиной и источником ее развития. Земельная рента в том или ином виде и в предшествующие периоды являлась средством эксплуатации земледельческого населения и накопления богатств.

Наконец, грабежи и насилия, к которым всегда прибегали господствующие классы для накопления богатств, только в известный период хозяйственного развития могли сделаться базой для развития капиталистических отношений.

Таким образом, и торговая прибыль, получаемая средневековыми купцами, и земельная рента, и богатства, полученные путем грабежей и насилий, были лишь необходимой почвой для развития капиталистических отношений, но эти отношения могли возникнуть и развиться только тогда, когда стало возможным получение прибыли путем эксплуатации наемного труда **рядом** с существованием ремесла.

Пока торговец сбывал на рынке изделия других районов и других стран, не конкурируя с местными ремесленниками, получая прибыль только путем надбавки на цены своих товаров, для капиталистических отношений не было места в стране. Если, например, самостоятельный ремесленник продает на базаре сукно по одному рублю за аршин, то торговец не может конкурировать с ним, если не найдет зависимого от него кустаря, у которого он может купить сукно дешевле рубля за аршин. При таких условиях купец может торговать только изделиями, не вступая в конкуренцию с местными ремесленниками, торгуя лишь «экзотическими» продуктами.

Коренным образом изменяются отношения при условиях, когда ремесло так развивается, что ремесленник принужден сбывать свои изделия скупщику

нике их ценности и, таким образом, превратиться в кустаря. Теперь скупщик-торговец может конкурировать с независимым ремесленником, продавая свои изделия даже дешевле, чем последний.

Благодаря прочной цеховой организации средневековых ремесленников, торговый капитал искал кустарей не в городах с прочным цеховым строем, а в деревнях, среди земледельческого населения.

Развитие ремесла и обмена повело к развитию и в сельском хозяйстве производства на продажу, к повышению земельной ренты и к развитию хищнических инстинктов у землевладельцев, никогда не отличавшихся особенной гуманностью.

Разорение и обезземеление крестьян облегчило развитие кустарного производства и образование все более и более многочисленных кадров населения, пригодного для эксплуатации в производстве торговым капиталом, нашедшим неисчерпаемый источник для получения прибыли уже не путем «надбавки» цен, а путем эксплуатации производителя товаров.

И в настоящее время существует целый ряд профессий, в которых производители находятся в положении средневековых ремесленников, работая непосредственно на потребителя. И постольку, поскольку в этих профессиях (например, по починке различных предметов) капитал не может эксплуатировать производителя, форма производства сохранилась совершенно неизменной от средних веков, хотя техника в некоторых случаях радикально изменилась.

2.

Указанная выше основа образования и существования капиталистического строя подрывает все попытки объяснения существования прибыли капиталистов-предпринимателей «производительностью» капитала, выгодами обмена и т. п. Некапиталистическая торговая прибыль могла получаться только от торговли экзотическими продуктами путем надбавки на цены товаров в потому, что самостоятельные производители-ремесленники не могли конкурировать с торговцами в приготовлении этих продуктов, продавая их по нормальной цене. С другой стороны, торговый капитал не мог конкурировать с самостоятельными ремесленниками, не покупая таких продуктов ниже их нормальной цены, т. е. не эксплуатируя производителя.

Процесс превращения ремесла в кустарное производство и потом в домашнюю фабрику крупной промышленности и в крупное производство, мы обрисовали в другом месте. Здесь мы лишь вкратце укажем те формы, в которых этот процесс происходил.

Увеличение числа ремесленников, вызванное, главным образом, выбрасыванием сельского населения в города, вынуждает искать сбыта продуктов ремесленного производства за пределами местного рынка.

Пока ремесленник сбывал свои изделия заказчику или потребителю на ближайшем базаре, посредник-торговец между ремесленником и потребителем не имел себе места.

Необходимость сбыта на более отдаленном рынке побуждает ремесленника

сбывать свои изделия торговцу-скупщику по более низкой цене, так как только при таком условии торговец может сбывать свои изделия на одном и том же рынке с самостоятельными ремесленниками.

На ряду с производством на заказ и на ближайший рынок для сбыта потребителю, развивается производство готовых изделий на скупщика, которое по мере увеличения зависимости кустаря от скупщика, по мере сокращения средств производства у массы кустарей, переходит в работу на хозяина сдельно из готового материала, т. е. в домашнюю форму крупной промышленности.

По мере пролетаризации сельского населения, по мере того, как увеличивается количество лиц, вынужденных обращаться к обрабатывающей промышленности, не имеющих достаточно средств не только для того, чтобы доставить свои изделия на более отдаленный рынок и дождаться их сбыта, но и для того, чтобы приобрести сырой материал для обработки,—расширяется сфера приложения торгового капитала в производстве, хотя оно не носит еще внешней формы капиталистического производства. Торговец лишь доставляет кустарю готовый материал для обработки и за известную сдельную плату получает для продажи готовые изделия; но при такой организации производство уже носит чисто капиталистический характер, и кустарь-ремесленник превращается в наемного рабочего этого торговца предпринимателя.

При такой типичной форме капиталистического производства, источник прибыли ничем не прикрывается.

Рядом работающий самостоятельный ремесленник, сбывая свои изделия потребителю, не получает никакой прибыли, а получает необходимые средства существования пропорционально затрате своего труда. Торговец-скупщик, продавая те же изделия, произведенные теми же техническими средствами, получает огромную прибыль и накопляет ее, потому, что получает от кустарей. Этот продукт покупается по пониженной цене, потому что скупщик не оплачивает полностью продуктов труда тех кустарей, которых он эксплоатирует. В этой первичной форме капиталистического производства найти «производительность» капитала не смогут даже современные софисты-экономисты, объясняющие прибыль на капитал его «производительностью». Здесь источник прибыли совершенно открыт: самостоятельный ремесленник продает свои изделия по их ценности. Так же продает и капиталист-скупщик. Но последний получает прибыль постольку, и только постольку, поскольку он не оплатил полностью труд кустаря, работавшего на него. Разумеется, эта прибыль получается благодаря тому, что скупщик обладает капиталом, а кустарь продает продукты своего труда, (т. е. свой труд) ниже их ценности потому, что не обладает необходимыми средствами производства; но здесь ясно, что не средства производства создают прибыль, а кустарь-рабочий, часть продуктов которого получает предприниматель-скупщик, пользуясь средствами производства, как орудием эксплуатации.

Таким образом, капиталистическое производство базирует и развивается на почве отчуждения продуктов труда непосредственных производителей капиталистом, при чем для неоплаченного труда рабочего, доля, превращающаяся в прибыль и в «доходы» части общества, незанятой производством, определяется

степенью эксплуатации наемного труда, долей продуктов, получаемой непосредственными производителями из общей суммы продуктов, производимых в стране. Поэтому есть все основания начать анализ капиталистического строя с анализа доли труда, с определения высоты заработной платы и законов, ее регулирующих.

3.

Только переход к эксплуатации производителя путем превращения неоплаченного продукта в прибыль является основой для безграничного накопления и для превращения этого накопления в новое орудие эксплуатации; иными словами, только превращение продукта эксплуатации производителя в прибыль служит базой развития капитализма.

Разумеется и тогда, когда капитал широко организовал эксплуатацию труда кустарей, а потом рабочих пролетариев, он не отказался от эксплуатации массы населения различными видами торговой монополии, грабежом колоний и проч., но все эти виды эксплуатации, главным образом, мелких самостоятельных хозяев потребителей являются при капитализме лишь прибавкой к той прибыли, которая получается от непосредственной эксплуатации труда рабочих; такого рода эксплуатация потребителей лишь содействует повышению нормы прибыли на капитал и не являясь специфической особенностью капитализма.

Напротив, до периода развития капиталистического производства, во время развития рабского труда в древнем мире, во время расцвета ремесла в средние века, купец, продававший привозные продукты, получал прибыль исключительно путем эксплуатации потребителя. Древнее «ойкосное» хозяйство, эксплуатируя рабский труд, получало от рабов прибавочный продукт, но этот продукт потреблялся в собственном хозяйстве. Колоссальные богатства, накоплявшиеся в руках римских богачей благодаря грабежу, ростовщичеству и т. д., отчасти могли затрачиваться на расширение земельных владений богачей, в большинстве же случаев потреблялись ими непосредственно, вызывая безумную роскошь. Даже грабежи испанцев после открытия Америки не могли привести к превращению награбленных богатств в капитал.

Только при реорганизации производства, когда «свободный» производитель принужден получать часть произведенных им продуктов; когда продукты, обмениваясь по их трудовой ценности, дают прибыль капиталу; когда потребление этих продуктов проникает в массу хозяйств и вытесняет оттуда потребление продуктов производства независимых ремесленников,—только тогда создается почва для дальнейшего развития капитализма, так как дается возможность втянуть в товарный обмен продуктами непосредственного потребления все хозяйства страны, а не одних потребителей привозных продуктов.

История экономического развития всех стран до возникновения капитализма показывает, что накопление богатств докапиталистического периода не вело еще к организации капиталистического производства, хотя и было одним из условий благоприятствовавших его развитию. Поэтому рабское хозяйство древнего мира, Египта, Греции, Рима и др., развившись из общинного хозяйства, не

является предшествовавшей необходимой стадией развития капиталистического хозяйства, которое также развилось из общинного и районного.

Богатые рабовладельцы и феодалы могли получать очень много продуктов производства своих рабов и крепостных, но эти продукты могли только непосредственно потребляться самими богачами и их дворней, и обмениваться на предметы также непосредственного потребления. Их богатство не могло превратиться в орудие эксплуатации новых и новых производительных сил, не могло приобрести способности к безграничному самовозрастанию.

Даже купцы, доставлявшие господствующим классам экзотические продукты и получавшие большую торговую прибыль, могли получать ее и накоплять богатства лишь в столько, поскольку господствующие классы потребляли продукты купеческой торговли. Торговый капитал мог лишь приобретать в виде торговой прибыли часть, сравнительно небольшую, из того, что получали господствующие классы от населения путем непосредственной эксплуатации.

4.

Только при превращении ремесла в кустарное производство, торговый капитал мог непосредственно сам жадно приникнуть к источнику всех богатств, к производительному труду, и не довольствоваться только крохами со стола высших сословий, а непосредственно получать прибыль на капитал путем эксплуатации производителя. Поэтому развитие кустарного производства, эксплуатация в различных формах наемного труда путем приложения к производству капитала, дает **огромный толчок к накоплению капитала и к перераспределению производительных сил.**

Раньше производство, обработка продуктов, не давали прибавочного продукта, который мог бы превратиться в капитал, в орудие дальнейшего накопления. Ибо ремесленник производил продукты для того, чтобы обменять их на предметы непосредственного потребления и для дальнейшего воспроизводства продуктов в тех же размерах. Он производил и получал в обмен продуктов только в таких размерах, сколько необходимо было для существования «соответственно своему общественному положению».

Даже землевладелец, отчуждая в свою пользу продукты крестьянского хозяйства, мог и имел целью только затратить их или на непосредственное потребление, или для обмена на предметы роскоши, т. е. тоже на непосредственное потребление.

Теперь, после превращения ремесленника в кустаря, работающего на скупщика или на хозяина сдельно, каждый рабочий день этого кустаря создает прибавочную ценность для капиталиста, потому что последний уплачивает кустарю только часть стоимости его продукта, остальная неоплаченная часть остается предпринимателю в виде прибыли.

Таким образом, постольку, поскольку ремесло превращается в кустарное производство, поскольку производство продуктов переходит в распоряжение капитала, оно служит для процесса дальнейшего накопления капитала.

Каждая новая единица накопленного капитала служит в свою очередь ору-

дием капитализации ремесла, превращения его в средство для создания прибыли и для дальнейшего ее накопления.

Раньше, при ремесле, заработок ремесленника потреблялся весь на его собственные потребности за исключением той доли, которая была необходима для дальнейшего производства. Теперь доля продуктов его производства переходит к капиталисту и превращается у него уже не в предметы непосредственного потребления, а в капитал, в средство для расширения производства или в средства для передвижения товаров и их обмена.

Происходит **относительное** сокращение непосредственного потребления и относительное увеличение производства средств производства и обмена; прежде всего средств обмена: увеличивается количество кораблей, на которых перевозятся товары, увеличивается добыча драгоценных металлов, как орудия обмена и т. д.

Происходит **относительное** сокращение производства предметов непосредственного потребления при абсолютном и значительном увеличении производства **всех** продуктов. Ибо переход к кустарному производству на широкий рынок в огромной степени увеличивает размер производства даже без изменения техники.

Вследствие увеличения числа ремесленников, последние ограничивали производство каждого ремесленника, так как количество потребителей-заказчиков было ограничено. Часть ремесленник работал только два-три дня в неделю, так как очень скоро удовлетворял местную потребность в его продуктах. Кустарь, работая на неопределенный рынок, мог сбывать свои изделия скупщику в неограниченном количестве, и чем больше последний его эксплуатировал, тем больше кустарь должен был производить, тем больше был вынужден напрягать свои силы, чтобы заработать необходимые средства для существования.

В свою очередь увеличение производства вело к увеличению той доли которую получал капиталист и которая превращалась в средства производства, в новый капитал, т. е. вело к дальнейшему перераспределению производительных сил, к дальнейшему увеличению средств производства и обмена.

Мы видели, что без изменения техники превращения ремесленника в кустаря, переход к производству на капиталиста, сопровождается увеличением производства более, чем вдвое путем напряжения рабочих сил кустаря.

Увеличившии размеры производства более, чем в два раза, ремесленники, перешедшие в подчинение капиталу, получают заработок не более, или немногим более, чем ремесленники, работающие на заказчика. **Половину произведенных кустарем ценностей берет, как свою долю капитал.** Так, у сапожников, работающих на заказчика, процент чистого заработка по отношению к сумме сбыта равняется 41%, а при работе на хозяина сдельно—только 20%; у кузнецов, сбывающих изделия на ближайших базарах потребителям, получается 45% заработка из стоимости продукта, а у работающих на хозяина сдельно—26% [1]).

Следовательно, при переходе от ремесленного производства к домашней

[1]) Цифровые данные обследования 1050 хозяйств кустарей и ремесленников г. Кузнецка.

форме капиталистического производства количество производимых продуктов увеличивается более, чем в два раза, но около половины производимых ценностей получает в свою пользу капиталист, который значительную часть отчуждаемых от производителя продуктов может снова превратить в капитал для расширения своих операций.

Таким образом, процесс накопления и перераспределения производительных сил в сторону производства средств производства находится в зависимости от величины той доли, которая остается рабочему в виде заработной платы и от суммы продуктов, вырабатываемых капиталистическим производством.

По мере расширения операций капитала в сфере производства, должна увеличиваться не только доля капиталистов в сумме продуктов, производимых страной, но и доля продуктов, производимых в качестве орудий и средств производства и обмена. Технический прогресс, введение машин и т. д., является не только орудием, но и результатом увеличения суммы прибавочной ценности в руках предпринимателей-капиталистов.

5.

Производительность труда при данных естественных условиях (при данной урожайности почвы, при данной плотности населения и т. д.) зависит от количества труда, затрачиваемого на средства производства, как в натуральном хозяйстве, так и в хозяйстве капиталистическом.

В натуральном хозяйстве чем больше рабочих сил затрачивается на средства производства, тем больше производится и продуктов, тем лучше могут удовлетворяться потребности членов хозяйства. А на производство средств производства может быть затрачено тем больше труда, чем большим количеством рабочих сил располагает хозяйство. Поэтому в крестьянском хозяйстве количество средств производства и количество производимых продуктов растет быстрее, чем число работников крестьянской семьи. Каждый статистический сборник о крестьянском хозяйстве подтверждает эту мысль. Например, в Тотемском уезде Вологодской губернии хозяйства по размерам посева, т. е. по количеству производимых продуктов, располагаются в следующую таблицу:

с посевом:	работн. на 1 хоз.:
до 1 десят.	0,96
от 1,1 до 2 дес.	1,18
» 2,1 » 3 »	1,42
» 3,1 » 4 »	1,58
» 4,1 » 6 »	1,63
» 6 дес и более	1,87

Мы видим, что количество производимых в хозяйстве продуктов растет быстрее, чем число работников. Но это явление тесно связано с тем, что средства производства (скот) увеличиваются также быстрее, чем увеличивается число работников. Это видно из следующей таблицы:

с посевом:	всего скота на 1 работн.:
до 1 десят.	0,81
от 1,1 до 2 дес.	1,32

» 2,1 » 3 »	1,49
» 3,1 » 4 »	1,57
» 4,1 » 6 »	1,58
» 6,1 дес. и выше	1,73

На производительность труда при данных естественных условиях влияет распределение производительных сил между производством средств производства и предметов непосредственного потребления. Поэтому натуральное хозяйство по мере возможности увеличивает относительное количество средств производства, чтобы увеличить производительность труда.

Но так как задачей натурального хозяйства является удовлетворение потребностей членов этого хозяйства, то увеличение средств производства может происходить только в определенных, очень ограниченных размерах. Могут проходить целые столетия в развитии натурального хозяйства и тем не менее не произойдет существенного изменения в соотношении затрат труда на средства производства и на предметы непосредственного потребления, так как увеличение продукции дальше известных пределов для натурального хозяйства является бесцельным.

В натуральном хозяйстве количество средств производства определяется распределением труда в этом хозяйстве между производством средств производства и предметов непосредственного потребления.

С развитием капиталистических отношений в народном хозяйстве, состоящем из суммы всех хозяйств страны, количество средств производства (от которых зависит и техника производства) определяется уже распределением всех производительных сил страны между производством средств производства и предметов непосредственного потребления. Одно хозяйство может производить только предметы непосредственного потребления, другое — только средства производства, но во всем национальном хозяйстве происходит планомерное распределение производительных сил между производством средств производства и предметов непосредственного потребления. Переход к капиталистическому производству сопровождается постепенным переходом средств производства в руки капиталиста-предпринимателя; бывший ремесленник постепенно лишается средств производства и превращается в наемного рабочего, получающего только предметы непосредственного потребления в виде заработной платы. При таких условиях не только изменяется распределение производительных сил, но и его цель. В натуральном хозяйстве средства производства увеличивались только постольку, поскольку это увеличение вело к увеличению непосредственного потребления членов хозяйства.

При капиталистических отношениях увеличение доли капитала сопровождается, при данной сумме производимых продуктов, уменьшением заработной платы производителей, уменьшением их непосредственного потребления. Поэтому переход к капиталистическому строю, сопровождается увеличением производства средств производства и обмена, может повести, и, как увидим, приводит даже к абсолютному сокращению потребления производительных классов. Как раз в первоначальный период развития капитализма рост капитала (средств

производства и обмена) происходил не столько вследствие увеличения производительности труда, сколько вследствие относительного сокращения потребления производительных классов. Все, сколько нибудь беспристрастные, экономисты признают, что положение производительных классов в начале развития капитализма ухудшилось [1]).

Уже на почве происходившего отчуждения части продуктов непосредственного производителя и постепенного накопления в руках капиталистов средств производства, создается технический переворот, увеличение производительности труда и дальнейшее увеличение средств производства.

Поэтому, экономическими законами, которые регулируют долю, получаемую наемным трудом, в известной степени определяются все условия существования и развития капиталистического строя. Законы, определяющие высоту заработной платы, тем самым влияют и на весь процесс развития капитализма, на распределение и перераспределение производительных сил в производстве, на норму прибыли и т. д. Ибо капитализм развивается и мог развиваться только постольку, поскольку капиталист имел возможность отчуждать в свою пользу часть продуктов труда подчиненного ему производителя-кустаря и вместе с тем конкурировать с независимым ремесленником. А эта возможность иметь объекты эксплуатации рядом с независимыми ремесленниками создавалась в сельском хозяйстве, где, вследствие тех или иных причин, на которых мы сейчас не будем останавливаться, сельское население вынуждено было переходить к обрабатывающей промышленности, в подчинение к капиталу.

Таким образом, условия развития капитализма определялись той долей, которую капитал получал от наемного труда, а эта доля определялась, в свою очередь, долей, которую получал наемный труд из общей суммы производимых им продуктов. Поэтому, только после выяснения экономических законов, регулирующих высоту заработной платы, мы можем перейти к выяснению законов, регулирующих прибыль, ренту и цену обмениваемых продуктов, на колебания, которой влияет и заработная плата, и прибыль, и рента.

ГЛАВА XXII.

Перераспределение производительных сил и образование рабочего класса.

1.

В связи с перераспределением производительных сил находится не только норма заработной платы, получаемой различными категориями рабочих, но и образование рабочего класса и развитие капитализма.

---

[1]) Роджерс неопровержимо доказывает, что с 1563 г. „два века английские законы и их служители стремятся низвести рабочего до полуголодного существования, подавить в зародыше всякое действие и всякое выражение, указывающее на организованное недовольство". („История труда и заработные платы в Англии", русск. пер. стр. 328). Капитал пользовался не только экономической, но и политической силой, чтобы понизить заработную плату и таким образом увеличить свою долю и убить ремесло.—„Целых пять столетий издавался закон за законом для урегулирования заработной платы в интересе работодателей" (Ibid, стр. 420). Эти законы были отменены, когда накопление капитала убило ремесло.

Развитие капитализма путем превращения ремесла в кустарное производство началось в связи с увеличением числа ремесленников, благодаря переходу все большей и большей части земледельческого населения к кустарному производству.

Выбрасываемое из земледелия, главным образом, вследствие экспроприации земель, земледельческое население все в большем и большем количестве переходит к обрабатывающей промышленности. Это увеличение числа ремесленников побуждает к сбыту продуктов ремесленного производства на более широкий рынок. В ремесле все больше и больше начинает господствовать скупщик, который сбывает продукты в более отдаленных районах и, таким образом, порывает непосредственный обмен продуктами между ремесленником и потребителем.

Увеличение числа рабочих, занятых индустрией, не только ведет к расширению обмена между отдельными районами и, таким образом, ведет к изменению организации хозяйства, расширяя хозяйственную связь между районами, но вносит коренные изменения и в условия производства.

Увеличение числа подмастерьев, а потом кустарей, вносит новые социальные отношения в производство, обостряя классовую борьбу наемных рабочих с работодателями. Раньше противоречие интересов подмастерьев и мастеров не выступало так ярко, потому что «доход» того и другого в значительной степени определялся нормальной и часто нормируемой ценой продуктов, сбываемых непосредственно потребителю. Расширение производства на более широкий рынок и относительное уменьшение производства непосредственно на потребителя выдвигало на первое место при установлении цен, конкуренцию, при которой регулирование их цехами являлось бессильным. Кроме того, на почве расширения наемного труда прибыль стала получаться исключительно на почве эксплуатации наемного труда, так как конкуренция понижала цены.

Если раньше каждый подмастерье, после известного периода ученичества, мог надеяться сделаться самостоятельным мастером, то с увеличением числа наемных рабочих и в особенности с увеличением числа кустарей, занятых производством в деревне на скупщиков, положение подмастерьев стало иным. Благодаря перераспределению производительных сил между земледелием и индустрией, благодаря увеличению числа ремесленников, нахлынувших из деревни и превратившихся в кустарей, произошел переворот в самой организации производства и обмена.

Увеличение производства повело к расширению обмена далеко за пределы ближайшего района, повело к поискам рынка. С другой стороны, развитие кустарного производства, т. е. производства на скупщика, а не непосредственно на потребителя, дает сильный толчок накоплению капитала. Раньше, при производстве ремесленником продуктов непосредственно на потребителя, происходил процесс простого воспроизводства товаров, так как ремесленник, потребляя столько, сколько и производил, получал от ремесла лишь необходимое для безбедного существования. Кустарь уже не потребляет полного эквивалента своих продуктов, так как значительная их доля достается скупщику-торговцу. Про-

цесс накопления ускоряется, при чем доля, получаемая скупщиком, превращается в капитал.

2.

Увеличение числа кустарей, работающих на скупщика, по мере накопления капитала, повело к организации мануфактуры с детальным разделением труда рабочих, объединенных в одно предприятие. Этим технически народное хозяйство подготовлялось к машинному капиталистическому производству, так как разделение труда в мануфактурах упростило манипуляции каждого рабочего до простых механических движений.

Социальные отношения капиталистического строя подготовлялись также передвижением массы рабочих из земледелия в индустрию, что повело к образованию кадров пролетариев, живущих продажей своего труда и к образованию капиталистов, эксплуатирующих наемный труд. А накопление капитала, в свою очередь, вело к перераспределению производительных сил от производства предметов непосредственного потребления к производству средств производства и обмена.

В свою очередь, рост промышленного населения и обработка продуктов сельского хозяйства создают широкий рынок для земледелия. Расширяется обмен предметов обрабатывающей промышленности на предметы земледелия, увеличивается спрос на последние и, благодаря развитию рынка создается капиталистическая рента. Крупное земледельческое помещичье хозяйство, вовлекается в товарный обмен. Усиливается захват землевладельцами крестьянских земель, на этом еще более усиливается отлив земледельческого населения в города и увеличивается резервная рабочая армия.

К. Маркс, в главе о первоначальном накоплении, дает яркую картину того грабежа, насилий и эксплуатации, которыми сопровождался процесс образования «национального» хозяйства из районного и процесс «первоначального» накопления.

Наблюдая этот процесс, мы видим, что с самого зарождения капиталистического строя земледельческое население, уходящее из деревни в город, определяло minimum заработной платы, получаемый рабочими в соответствующий период. Благодаря экспроприации земель «положение низших классов народа почти во всех отношениях ухудшилось, мелкие землевладельцы и фермеры опустились до положения поденщиков и наемников, и вместе с тем, труднее стало зарабатывать средства к жизни в этом состоянии»[1]).

Под давлением конкуренции сельско-хозяйственного пролетариата, положение рабочих в XVI столетии, по данным Роджерса, значительно ухудшилось, так как реальная заработная плата упала.

Пока население, выбрасываемое из земледелия, не понижало заработную плату подмастерьев и рабочих, и в Англии, и в Германии мы видим тенденцию законодательным путем регулировать заработную плату установлением ее

---

[1]) К. Маркс. Капитал т. I, стр. 525. Цитата из книги Dr. K. Price

maximum'a [1]), выше которого рабочий не имеет права требовать. Но, по мере прилива сельско-хозяйственного населения к индустрии, законодательное регулирование заработной платы с целью ее понижения, становится безполезным, так как конкуренция безземельного населения и без того понижала ее до minimum'a. По мере развития капитализма, земледельческое население все в большем и большем количестве переходило к домашней промышленности, или выбрасывалось из деревни и уходило в поиски за работой в города или эмигрировало (иногда и) заключало хозяйственный союз, причем что система вспомоществования платы путем «пособий бедным» (alowance system), «в сельско-хозяйственном производстве в большинстве графств получила всеобщее распространение. Особенно много пользовались ею для понижения заработной платы. Также и в промышленности, пользуясь этой системой, предприниматели могли держать плату на низком уровне, во всяком случае, она получила широкое распространение», так как заработная плата опускалась ниже средств, необходимых для существования [2]).

«Я утверждаю, пишет Т. Роджерс, что с 1563 по 1824 год существовал заговор, составленный законом и осуществленный заинтересованными классами,—заговор, целью которого было лишить английских рабочих их заработной платы, привязать их к земле, отнять у них всякую надежду и толкнуть их в безысходную нищету». Закон поспешил стать на сторону победителя—капитала, чтобы докончить «покорение» рабочего.

3.

Экономическая необходимость, вынуждавшая сельское население переходить к промыслам, повела к тому, что не только в городах увеличилось число ремесленников, не принадлежавших к цехам, обострявших конкурренцию и вынуждавшихся к поискам отдаленного рынка, т. е. к переходу на работу для скупщика, но повело к быстрому развитию крестьянской «домашней промышленности», окончательно подрывавшей ремесло.

Эксплуатируя деревенское население, для которого работа в индустрии являлась «подсобным» промыслом, скупщик-капиталист мог уплачивать чрезвычайно низкую заработную плату и, пользуясь этим, получать высокую прибыль, продавая изделия даже по более низкой цене, чем самостоятельные ремесленники. Конкурренция деревенского населения неизбежно должна была повести к ухудшению положения индустриального населения в городах. Перераспределение производительных сил населения из земледелия в индустрию уже при самом начале развития капитализма, повело к ухудшению положения индустриального населения. Это ухудшение было тем значительнее, чем большая часть земледельческого населения принуждена была заниматься промыслами.

---

[1]) В установлении maximum'a заработной платы О фон-Цвиденек-Зюденгорст («Теория и политика заработной платы») видит цель—«установление есциального мир»» (русск. пер. стр. 99). С таким же правом в рабстве и во всех формах эксплоатации можно видеть ту же цель.

[2]) О. Цвиденек-Зюденгорст. Указ. соч., стр. 107 русск пер.

В Германии тканый промысел «любимое (!!) побочное занятие мелкого люда», по выражению Шмоллера, держится еще до настоящего времени, несмотря на колоссальное увеличение производительности труда на фабриках благодаря усовершенствованной технике. В России этим промыслом занимаются десятки тысяч кустарей. Эти факты показывают, насколько низко оплачивается труд в домашней промышленности и насколько страшна была конкурренция деревенских рабочих, когда еще не было технических усовершенствований, когда ремесленник работал теми же орудиями, какими работал кустарь.

«В Германии, пишет В. Зомбарт, сельские промыслы развились, главным образом, с середины XVIII столетия. Побуждение к дальнейшему распространению сельской промышленности дала медленно возрастающая потребность в приложении капитала, хорошим (еще бы! П. М.) объектом для которого является все увеличивавшийся излишек (!) населения. Этот последний, образовался прежде всего, вследствие чрезмерного (?) прироста населения в деревне, а затем уже и вследствие стесненного положения мелких сельско-хозяйственных рабочих-собственников, после уничтожения сервитутных прав и раздела общинных земель. К этому еще у «освобождаемых» крестьян присоединялись, большею частью, очень значительные выкупные платежи, что делало в особенности значительным увеличение денежных доходов» [1]).

Если отбросить все субъективные суждения почтенных экономистов в роде выраженний «любимые занятия» или «излишнее население» (с точки зрения землевладельца!), то остается голый факт, что перераспределение производительных сил, вызванное развитием капитализма и накоплением капитала, толкало последний в деревню, чтобы там эксплуатировать более дешевый труд земледельческого населения.

В руки скупщика-капиталиста сельское население толкалось и землевладельцами, «освобождавшими» крестьян от земли, и правительством, облагавшим «освобожденных» крестьян непосильными налогами. «Чрезмерный прирост» безземельного и малоземельного населения, вызванный обезземелением крестьян, создавал огромную рабочую армию, которая, занимаясь промыслами в деревне, или уходя в города, одинаково ухудшала положение городского индустриального населения.

Естественно, что при первоначальном развитии капитализма, при зарождении рабочего класса, последний ничего не мог сделать против ухудшения своего положения под напором развивающегося капитала: minimum заработной платы, как и при развитом капитализме, создавался в деревне, где «промышленный рабочий стоял тогда еще одной ногой в сельском хозяйстве».

И в Англии, и в Германии, так же, как и в других промышленных странах, промышленный рабочий класс в сущности образовался постепенно из сельского населения, выбрасываемого из сельского хозяйства в процессе перераспределения производительных сил из земледелия в индустрию.

Это «излишнее», по терминологии Зомбарта, население дало возможность

---

[1]) В. Зомбарт. Современный капитализм, т. II. стр. 130 русск. пер.

капиталу подчинить своей власти всю индустрию и, в дальнейшем ее развитии, препятствовать улучшению положения рабочего класса, имея в распоряжении резервную армию из населения, выбрасываемого и до настоящего времени земледелием.

ГЛАВА XXIII.

Образование резервной рабочей армии.

1.

Во все известные нам исторические эпохи, когда в обществе появлялись большие кадры безработных, выброшенных из своего хозяйства, причиной образования этих кадров были неблагоприятные социальные отношения, слагавшиеся в сельском хозяйстве.

Как известно, в древней Греции, особенно в Афинах, начиная с VII столетия до Рождества Христова, появляется большое количество безработных, с которыми государство должно было так или иначе считаться. «Экономический переворот,—справедливо замечает Г. Адлер [1]),—нанес последний удар мелкому крестьянскому хозяйству. Могущественное развитие морской торговли повело к ввозу дешевого хлеба из понтийских, сицилийских и южно-итальянских областей. Одновременно происходило быстрое превращение натурального хозяйства в денежное». В Афинах появляются в большом числе безработные—разоренные и экспроприированные крестьяне и ремесленники. Для того, чтобы дать занятия безработным («беспокойной черни» по словам Плутарха), начинает производиться постройка тех великолепных общественных зданий, которые сделали Афины самым красивым городом древнего мира. Разорение мелких крестьянских хозяйств повело к приливу безработных в города, где правительство всеми мерами старались ослабить этот «беспокойный» элемент, часть безработных старались занять общественными работами, а огромная часть отправлялась за пределы родины. Этими безработными заселялись греческие колонии.

Аналогичный процесс обезземеления и разорения крестьянства в древнем Риме привел к образованию в «вечном городе» той голодной толпы, которую в конце концов римские демагоги должны были удовлетворять зрелищами и раздачей хлеба, чтобы удерживать за собою власть.

И в древней Греции и в Риме образование армии безработных происходило, с одной стороны, на почве экспроприации земель у земледельческого населения, с другой стороны **на почве перераспределения производительных сил в земледелии** между различными странами, вызванного развитием обмена. Экстенсивное хозяйство более плодородных стран греческих колоний в древней Греции, так же, как конкуренция Сицилии, Африки и других стран в древнем Риме подорвали земледелие в Греции и в Италии и повели к расширению ввоза хлеба и к сокращению внутреннего производства.

Таким образом, в исторические периоды, когда и не было еще капитализ-

[1]) G. Adler. Die Socialreform im Alterthum Iena 1907 s. 18.

ма, происходил процесс перераспределения производительных сил между странами, вызванный развитием обмена, аналогичный тому процессу, который происходит теперь в земледелии. Теперь так же, как в древней Греции, крестьяне из Англии, Германии и других европейских стран, бегут или в города или переселяются в колонии, где добывают земледельческие продукты, доставляемые в Европу.

Существенная разница между рассматриваемыми периодами заключается в том, что современные пауперы-крестьяне уже не могут разсчитывать на общественные работы, или на даровую раздачу хлеба, а находят заработок в развивающейся капиталистической индустрии, или состоят в резервной рабочей армии, дожидаясь иногда безнадежно, регулярного заработка.

2.

По мере развития капитализма и обмена, выбрасывание земледельческого населения достигает все больших и больших размеров до тех пор, пока индустриальное население не превысит земледельческого. Но даже и в последнем случае, процесс не прекращается, а лишь замедляется.

По данным Iering'а из провинций Восточной Пруссии, Западной Пруссии, Померании и Позена, т. е. из земледельческих провинций выселилось [1]):

в 1885—90 г.г.	639,000	человек
» 1890—95 »	425,000	»
» 1895—1900 »	473,000	»
» 1900—1905 »	367,000	»

Это бегство земледельческого населения замечается, разумеется, и экономистами, но причины его для них большей частью не ясны, а соответственно этому и меры, предлагаемые для удержания (!) на месте земледельческого населения несостоятельны.

Наиболее авторитетным среди немецких экономистов в вопросе о сельскохозяйственных рабочих считается фон-дер-Гольц. По мнению его, бороться с этим оттоком земледельческого населения очень трудно, но не невозможно. Городская жизнь привлекательнее,—вот, по мнению фон-дер-Гольца, причина стремления рабочих из деревни в город.

Но зачем же крестьяне и сельско-хозяйственные рабочие бегут за океан, чтобы там заняться земледелием же? Неужели там так много городских удовольствий, театров и зрелищ, недостаток которых яко бы гонит крестьян из родной деревни?

Хотя над этими вопросами многие задумываются, хотя в экономической литературе мы встречаем самые различные объяснения образования армии безработных, однако мы не находим указаний на основную причину этого явления и на условия, при которых она начинает действовать на экономический строй.

Само собою разумеется, что, если главной причиной образования армии

[1]) Цит. из ст. Aug. Skalweit: Gutsherrschaft und Landarbeiter из Jahrbuch für Gesetzgeb.—verwaltung u. s. w G Schmoller'a 3. H. 1911.

безработных является перераспределение производительных сил из земледелия в индустрию, которое при капиталистическом строе делает «излишними» выброшенные из земледелия рабочие руки, но никакие меры борьбы с безработицей в рамках капиталистического строя не могут ее уничтожить.

Противники социализма объясняют образование резервной рабочей армии и безработицу какими-нибудь второстепенными причинами, чтобы найти против нее какие-нибудь меры в рамках капиталистического строя, и, таким образом, уничтожить одно из самых тяжелых явлений этого строя.

Г. Адлер [1]), например, указывает на единственное средство, чтобы уничтожить безработицу при сохранении капиталистического строя. Этим средством, по его мнению, является организация всей индустрии в картели, чтобы фиксацией производства устранить перепроизводство и кризисы. Этот рецепт, по мнению автора, действителен потому, что главной причиной безработицы он считает кризисы.

Но если принять во внимание, что сотни тысяч рабочих, приливающих из деревни, не получат заработка от того, что производство организовано в картели, то ясно, что единственная мера, на которую указывает автор, ничуть не приводит к цели.

Величина армии безработных зависит, главным образом, от положения сельско-хозяйственного населения. Чем больше выбрасывает рабочих земледелие, тем больше безработных.

Перепись безработных, хотя бы в Германии, ясно показывает, что существование армии безработных тесно связано со всем строем капиталистического производства и процессом перераспределения производительных сил из земледелия в индустрию, и что кризисы могут лишь обострять безработицу, вызванную этим процессом перераспределения.

«Летом, в июле, число безработных в Германии в 1895 году было 299,352 чел. или 1,35 на 100 самодеятельного населения, а зимой того же года (2 декабря) было 771.005 человек безработных, или 3,46 чел. на 100 самостоятельных.

Т. е., несмотря на **постоянное** из года в год сокращение земледельческого населения и выбрасывание его в город десятками и сотнями тысяч, еще зимой, когда сельско-хозяйственные работы сокращаются, безработица увеличивается, рабочие руки в еще большем количестве **временно** выбрасываются из земледелия и увеличивают резервную рабочую армию.

Кроме **постоянного** отлива земледельческого населения в индустрию, происходит еще сезонный отлив, в огромных размерах увеличивающий армию безработных, **несмотря на то, что декабрь-месяц в различных отраслях промышленности принадлежит к исключительно рабочему сезону**» [2]).

---

[1]) G. Adler. Arbeitslosigkeit Handwörterbuch der Staatwiss. 3 Aufl.

[2]) Там же

3.

Процесс выбрасывания земледельческого населения и поглощения его индустрией происходит постепенно. В большие города переходят из земледельческого населения, главным образом, те рабочие, которые или окончательно порвали с земледелием, или предполагают остаться в городе на долгое время. Здесь они образуют резервную рабочую армию, увеличивающуюся или уменьшающуюся, в зависимости от расширения или сокращения промышленности. В деревне и мелких городах остается гораздо больше тех безработных, которые связаны еще с земледелием и выбрасываются из него лишь на зиму, так как летом они еще находят в земледелии заработок.

Это видно из следующей таблицы, относящейся к 1895 году:

	Безработных:		Всего жителей:	
В городах, имеющих:	летом	зимой	летом	зимой
более 100 тыс. жит.	116,557	175 770	7,027,790	7,292,400
от 10 до 100 т. »	66,734	139 587	8,524,363	8,771,439
менее 10 » »	115,061	454,648	36,218,131	36,202,750
Всего	299,352	771,005	51,770,248	52,246,529

В этой таблице характерно следующее: зимой количество населения в мелких местечках и деревнях сократилось вследствие передвижения населения в крупные города, несмотря на общий прирост всего населения. Но при абсолютном сокращении населения мелких городов и местечек зимой число безработных колоссально увеличилось.

Очевидно, эта колоссальная армия зимних безработных еще не решается передвинуться в крупные города, так как она выброшена земледелием только на зиму, а летом снова вернется к земледелию. Только часть земледельческого населения, уже окончательно выброшенная из земледелия, уходит в крупные промышленные центры и здесь старается найти работу. Выбрасывая ежегодно сотни тысяч «излишних» рабочих, земледелие часть из них на лето привлекает обратно, чтобы зимою снова выбросить. Поэтому на ряду с существованием постоянной безработицы, среди части рабочих, создается еще временная безработица, связанная с сезонностью работы в земледелии и в некоторых отраслях индустрии, а также с периодичностью колебаний расширения и сокращения (кризис) индустрии. Эти те колебания и затушевывают основные причины и основное явление в образовании резервной армии,—процесс постоянного выбрасывания земледельческого населения из деревни, ведущий при современных капиталистических отношениях к образованию армии безработных, которую не успевает поглощать развивающаяся индустрия.

В России более медленное развитие индустрии и большое количество лиц, занятых земледелием, приводит к тому, что земледельческое население зимой часто голодает, не имеет заработка и тем не менее не числится безработным, но только потому, что не имеет надежды на заработок, остается на месте или «идет в кусочки». Если бы индустрия развивалась в России в два, в три раза быстрее, все таки капитализм имел бы армию безработных, так как скрытое в деревнях

безработное население двинулось бы в поиски за работой; деревенское население голодает вовсе не от любви к безделью и к голоду...

Медленное развитие индустрии задерживает деревенское население около земли, так как отсутствие заработка вынуждает его держаться за нее, несмотря на то, что она обеспечивает, да и то не всем, только полуголодное существование.

Миллионы кустарей, довольствующихся ежедневным заработком в 3—10 коп., миллионы отхожих рабочих, ищущих временного заработка на стороне, представляют собою скрытую резервную рабочую армию [1]), которая всегда готова поступить на фабричную работу, если там будет для нее место и достаточное вознаграждение. Эта **скрытая** рабочая армия в России своей численностью превышает количество рабочих, занятых в индустрии, и оказывает огромное давление на уровень заработной платы, затрудняя ее повышение.

4.

Экономисты-классики объясняли избыток предложения рабочих рук слишком быстрым размножением рабочего населения, которое поэтому не может быть все поглощено индустрией. Даже социалист Лассаль считал размножение населения регулятором размеров резервной рабочей армии и высоты заработной платы.

По мнению этих экономистов, повышение заработной платы ведет к увеличению размножения рабочих и предложения рабочих рук, к образованию избытка рабочих. Увеличение предложения рабочих рук ведет, в свою очередь, к понижению заработной платы ниже средств, необходимых для существования, к сокращению рождаемости и рабочих рук до нормы, требуемой размерами промышленности.

К. Маркс выяснил, что образование резервной рабочей армии создается не избытком рождаемости рабочих, не быстрым их размножением, а общественно-экономическими условиями, присущими капиталистическому строю. Но, останавливаясь на конкретных причинах образования избыточного населения, Маркс обратил внимание на второстепенные причины, а не на главную, хотя, как увидим, мимоходом указал и на нее.

Главной причиной образования «промышленной резервной рабочей армии» Маркс считает изменение строения капитала, увеличение постоянной его части, т. е. средств и орудий производства, и относительное сокращение переменного капитала, т. е. предметов непосредственного потребления рабочих. Так как все большая и большая часть накопляющегося в руках капиталистов капитала, с развитием техники, реализуется в орудия и средства производства, в машины и материалы для обработки, то доля капитала, составляющая заработную плату, **относительно** все больше сокращается. Это Маркс считает **специфической** особенностью капиталистического строя.

Если изучать бюджеты натурального хозяйства, то легко увидеть, что увеличение доли средств производства на счет относительного сокращения предме-

[1]) Ср. К Маркс. Капитал, т. I, гл. 23. Различные формы относительного перенаселения

тов непосредственного потребления при развитии техники **не составляет специфической особенности капитализма.** И в натуральном хозяйстве развитие техники, увеличение производительности труда сопровождается также относительным увеличением средств производства в общем его бюджете. Если мы представим себе и социалистический строй, то и там технический прогресс может и неизбежно будет сопровождаться относительным увеличением производства средств производства и относительным сокращением (но абсолютным увеличением) предметов непосредственного потребления из общей суммы производимых богатств.

Это объяснение образования резервной армии строением капитала было бы тогда правильно, если бы переменный капитал абсолютно не увеличивался, или увеличивался медленнее, чем размножается индустриальное население. Как увидим, это действительно происходит в земледелии, но не в индустрии.

Несмотря на относительное уменьшение доли переменного капитала, затрачиваемого на заработную плату из общей суммы накопляющегося капитала в стране, мы видим, что индустрия поглощает рабочих **больше**, чем дает естественный прирост индустриального населения. Маркс приводит данные, что в некоторых отраслях промышленности количество рабочих сокращается: «В шерстяном производстве в 1851 году занято было 102.714 человек, в 1861 г. — 79.242; на шелковых фабриках в 1851 г.—111.940, в 1861 г.—101.678 и т. д. [1])». Но в то же время на бумагопрядильных и ткацких фабриках в 1851 г. было 371.777 человек, в 1861 г.—456.646, в каменноугольных копях в 1851 г.—183.389, в 1861 г.—246.613. Что же эти данные показывают? Они показывают, что в некоторых отраслях промышленности происходит абсолютное сокращение рабочих, в других отраслях увеличение, но в общем при развитии индустрии, несмотря на введение машин, количество рабочих увеличивается быстрее, чем происходит размножение рабочего класса и кадры рабочих пополняются рабочими, оторванными от земледелия. Если мы будем наблюдать процесс капиталистического развития во всех странах, то мы везде увидим одно и то же явление: везде естественный прирост индустриального населения слабее, чем рост индустриальной рабочей армии. Но если **несмотря** на введение машин, на рост постоянного капитала, несмотря на усиление эксплуатации труда рабочих, на распространение детского и женского труда, индустрия поглощает больше рабочих, чем дает естественный прирост индустриального населения, чем дает пополнение кадров рабочих их подрастающими поколениями, то и считать введение машин причиной образования резервной рабочей армии нельзя. Очевидно, источник резервной рабочей армии нужно искать вне пределов индустрии. Разумеется, сокращение одних отраслей промышленности и одновременное расширение других, создает временную безработицу части рабочих. Еще в больших размерах безработицы создаются кризисами. Но эти явления не могут служить причиной образования **постоянной** резервной рабочей армии, которая в годы оживления промышленности не исчезает, а лишь сокращается. Причины образования «относительного перена-

[1]) «Капитал», т. I, стр. 452.

селения» следует, очевидно, искать не в развитии индустрии, если это развитие ведет к такому быстрому ее расширению, что количество занятых в ней рабочих увеличивается на счет земледельческого населения. Количество занятых рабочих увеличивается как раз в тех отраслях промышленности, в которых быстрее развивается техника, в которых вводятся машины.

Где же нужно искать источника образования промышленной резервной армии?

5.

Прилив и отлив рабочего населения между различными отраслями промышленности в процессе хозяйственного развития лучше всего отражается в промышленных переписях, точно устанавливающих число занятых рабочих в каждой отрасли народного хозяйства. Из этих промышленных переписей видно, что индустриальное население увеличивается гораздо быстрее, чем происходит естественный прирост благодаря рождаемости и привлечению новых поколений индустриальных рабочих. Кадры индустриальной рабочей армии гораздо больше пополняются приливом деревенского земледельческого населения, чем размножением индустриального населения.

Так, в Германии с 1882 по 1895 г. земледельческое население абсолютно **сократилось** с 19.225.455 чел. до 18.501.307 чел., т. е. на 724 тыс. чел., а индустриальное население **увеличилось** с 16.058.080 чел. до 20.253.241 чел., т. е. на 4195000 ч. Если предположить, что и рождаемость и смертность индустриального и земледельческого населения одинакова, то при среднем увеличении всего населения за этот период на 14,4 проц., индустриальное население путем рождаемости могло, приблизительно, увеличиться только на 2.300 тыс. человек, а земледельческое население на 2.700 тыс. чел. Таким образом, индустриальное население увеличилось не только путем размножения, но в большей степени путем привлечения в индустрию из земледелия **всего прироста** земледельческого населения. В индустрию была выброшена несколько даже большая доля, так как земледельческое население сократилось за этот период не только относительно, но и абсолютно. Все население Германии за этот период увеличилось на 14,48 проц., индустриальное население увеличилось на 26,12 проц., а земледельческое сократилось на 3,77 проц.

Даже в Англии, где развитие индустрии и отлив земледельческого населения в индустрию начались очень давно, и где земледельческое население составляет, сравнительно, небольшую часть всего населения, кадры индустриальных рабочих пополняются не только за счет естественного прироста земледельческого населения, но даже на счет продолжающегося абсолютного его сокращения. Во всех развивающихся капиталистических странах промышленная рабочая армия растет на счет размножения земледельческого населения, а местами и на счет абсолютного его сокращения. Отсюда очевидно, что резервная индустриальная армия не может образоваться благодаря развитию индустрии, благодаря относительному росту в ней постоянного капитала, применению машин и т. д. Напротив, развивающаяся индустрия поглощает больше, чем дает размножение рабо-

чего населения, несмотря на усиленную эксплуатацию рабочей силы занятых рабочих рук. Источника образования резервной рабочей армии нужно искать там, откуда приливают рабочие, где количество занятых рабочих сокращается. Из приведенных данных видно, что этот источник находится не в индустрии, а в земледелии, что выяснение причин и условий образования резервной рабочей армии, а также законов, обусловливающих норму наиболее низкой заработной платы, нужно искать в условиях земледельческого хозяйства при капиталистическом строе.

Обыкновенно, причины, обусловливающия высоту заработной платы, и причины образования резервной рабочей армии, экономисты искали в условиях обрабатывающей промышленности и мало останавливались на влиянии условий земледельческого хозяйства. Из приведенных выше общеизвестных данных видно, что это является глубокой ошибкой.

На указанный выше источник образования резервной рабочей армии, правда, мимоходом, указывает К. Маркс.

«Как только капиталистическое производство, говорит он, овладевает земледелием, или в той мере, в какой оно им овладевает, спрос на земледельческое рабочее население с накоплением функционирующего здесь капитала абсолютно уменьшается, т. е. отталкивание рабочего населения не вознаграждается здесь, как в неземледельческой промышленности, большим притяжением его. Часть сельского населения поэтому всегда наготове перейти в городской или мануфактурный пролетариат... Этот источник относительного перенаселения течет, следовательно, непостоянно [1])».

Не трудно увидеть, что этого указания на главный, по нашему мнению, источник образования промышленной резервной армии недостаточно. В Англии, действительно сельское население переходило в города под влиянием развития капиталистического земледелия. Но в других странах, с развитием капитализма, в индустрии население выбрасывается из земледелия не только по мере развития капиталистического земледельческого хозяйства, но и из мелкого крестьянского хозяйства, арендующего земли у землевладельцев, как в Ирландии, Италии и в России, или ведущего хозяйство на своих мелких земельных участках, как в Бельгии, России, Франции и др. странах. Очевидно, с развитием капитализма земледельческое население выбрасывается в город, в индустрию не только капиталистическим земледелием, но и мелким земледельческим хозяйством, где машины почти не имеют применения и где накопления функционирующего в земледелии капитала не происходит.

Выбрасывание земледельческого населения капиталистическим земледелием обусловливается двумя причинами: 1) особенными условиями применения сельско-хозяйственных машин, ведущего к выбрасыванию из земледелия рабочих рук, которые заменяются машиной, и 2) меньшей производительностью дополнительных затрат на землю. И та, и другая причина побуждают землевладельца-предпринимателя сокращать количество прилагаемого труда на данную пло-

[1]) Ibid, стр. 461.

щадь земли, дают ему возможность понижать заработную плату до minimum'а и этим гнать земледельческое население в города. Разумеется, обе причины начинают действовать таким образом только при капиталистическом строе.

Особенность условий применения сельско-хозяйственных машин заключается в следующем.

В индустрии введение машины, увеличивая производительность труда каждого рабочего, увеличивает и **размеры производства продуктов.** Поэтому введение машин часто сопровождается увеличением числа занятых рабочих. Например, введение механических ткацких станков сопровождается таким расширением производства, что увеличивается не только производительность каждого рабочего, но и число рабочих, занятых ткачеством на фабриках, хотя временно число рабочих и может сократиться.

Введение сельско-хозяйственных машин в большинстве случаев вытесняет сельско-хозяйственных рабочих, сокращает их число. Размеры сел. хоз. производства тесно связаны с размерами площади эксплоатируемой земли. В плотно населенных странах эта площадь не может расширяться. Между тем сельско-хоз. машина **сокращает** количество рабочих, необходимое для обработки или уборки урожая с **данной** площади земли, а не увеличивает количество продукта. Например, жнейка сокращает в несколько раз количество рабочих, необходимых для уборки хлеба с данной площади земли, а не увеличивает его количество. Такое же значение имеет лесопилка, молотилка, сеялка, сенокосилка и т. д. Так как площадь эксплоатируемой земли составляет определенную величину, то введение сельско-хоз. машин ведет к сокращению необходимого числа занятых рабочих пропорционально увеличению производительности труда благодаря введению машин. Таким образом, капиталистическое земледелие, вводя машины, выбрасывает сел.-хоз. рабочих путем понижения их заработной платы. Заработная плата так понижается, что сельские хозяева часто держат машины лишь про запас, на случай ее повышения, так как рабочие в борьбе за существование понижают заработную плату до нормы, при которой ручной труд для землевладельца оказывается выгоднее.

Количество занятых сельско-хоз. рабочих могло бы увеличиться лишь при дополнительных затратах на ту же площадь земли при интенсификации хозяйства, для увеличения числа продуктов с той же площади земли. Но, вследствие факта падения производительности последовательных затрат, интенсификация хозяйства при капиталистическом строе выгодна только при повышении цен на сельско-хоз. продукты, а этому мешает конкурренция реже населенных стран, где площадь эксплоатируемой земли может расширяться на счет новых земель.

Предприниматель интересуется только прибылью и не будет делать дополнительных, менее производительных, затрат, если они не дают прибыли, хотя бы население вымирало с голоду от безработицы. Противоречие капиталистического строя и заключается в том, что при возможности получить новое дополнительное количество продукта с той же площади земли, земледельческое население может умирать с голода от безработицы, так как сельскому хозяину невыгодно делать

дополнительные затраты на получение этого добавочного продукта, потому, что новые затраты менее производительны.

Но не только капиталистическое земледелие выбрасывает рабочие руки и гонит их в поиски за заработком в индустрию.

Мелкое крестьянское хозяйство также вынуждено искать заработка на стороне, так как вследствие ли взаимной конкуренции или вследствие конкуренции капиталистического земледелия принуждено отчуждать все большую и большую долю своих продуктов в виде арендной платы. (О законах роста «продовольственной» ренты смотри «Аграрн. вопрос» т. I и II). Средств, необходимых для существования в мелком арендном крестьянском хозяйстве, становится недостаточно, и крестьяне отправляются в поиски за заработком в города, в обрабатывающую промышленность.

Наконец, и мелкое крестьянское хозяйство, которое ведется на собственной земле, начинает поставлять огромное количество «избыточных» рабочих рук в индустрию отчасти вследствие экспроприации крестьянской земли во время отмены крепостного права, отчасти вследствие распыления участков, непосильных налогов, падающих на мелкое хозяйство и вообще вследствие недостаточности средств существования, получаемых со своего земельного участка.

Все три категории деревенских пауперов, сельско-хозяйственные рабочие, мелкие арендаторы и малоземельные крестьяне поставляют в города такое огромное количество рабочих рук с минимальными жизненными потребностями, что при самом быстром развитии индустрии, какое происходит, например, в Германии, при огромном увеличении занятых на фабриках рабочих, всегда имеется постоянная рабочая армия, ищущая заработка в индустрии, армия, которая давит на рабочую массу с тыла, угрожая заместить занятого рабочего, в случае его конфликта с капиталом за улучшение своего положения.

Найдя источник образования резервной рабочей армии, нам теперь легче выяснить и условия, определяющие высоту заработной платы у различных категорий рабочих.

Из приведенных выше данных о перераспределении рабочих сил между индустрией и земледелием видно, что передвижение рабочих из ремесленного и вообще мелкого производства в крупные предприятия, точно также как и передвижение рабочих из падающих отраслей промышленности в развивающиеся не может еще служить источником образования резервной индустриальной армии; ибо это передвижение рабочих из одних отраслей индустрии в другия не увеличивает общего количества индустриальных рабочих; избыток предложения рабочих рук идет из источника, который находится вне пределов индустрии.

ГЛАВА XXIV.

Перераспределение производительных сил в земледелии и заработная плата.

1.

В главе о причинах образования рабочей резервной армии мы нашли, что главным источником, откуда образуется резервная рабочая армия, откуда пере-

мещаются производительные силы, является земледелие. Но если земледельческие рабочие и крестьяне уходят на заработки в город, в индустрию, и работают там в качестве чернорабочих, то очевидно заработная плата сельскохозяйственного рабочего **ниже заработной платы чернорабочего в индустрии.** Ибо, во-первых, чтобы земледельческие рабочие **постоянно** из года в год отливали от земледелия в индустрию и здесь могли конкуррировать с городскими, рабочему нужно, чтобы труд в индустрии оплачивался выше, чем в земледелии; во-первых, только крайняя необходимость, недостаточность заработка, необеспеченность существования вследствие низкой заработной платы в сельском хозяйстве обыкновенно побуждает бросать привычные насиженные места и идти туда, где можно рассчитывать получить больший заработок; т. е. отход земледельческого рабочего и крестьянина в индустрию может быть лишь результатом того, что в земледелии заработная плата ниже, а здесь годовая заработная плата выше. Ибо масса рабочих не двинется из района, где заработная плата выше в район с более низкой оплатой труда. Если бы в земледелии годовой заработок был выше, то земледельческие рабочие и крестьяне не стремились бы перейти в индустрию и не понижали бы заработную плату индустриальных рабочих. Только в период уборки хлеба, когда спрос на рабочие руки в сельском хозяйстве расширяется и оплата труда повышается, замечается обратная тяга рабочих из города в деревню.

Труд сельско-хозяйственного рабочего требует значительной выучки, между тем, как труд чернорабочего или рабочего в рудниках, является наиболее простым и не требующим обучения. Труд сельскс-хозяйственных рабочих считается наиболее простым трудом потому, что они привыкают к этому труду с детства. В действительности, сельско-хозяйственный рабочий (батрак) исполняет массу разнообразных работ, из которых каждая в отдельности требует немного времени для обучения, но все в совокупности требуют продолжительного навыка, так, что первый год неумелого работника едва ли будет продуктивным. Сельско-хозяйственный рабочий должен уметь ухаживать за скотом, должен уметь сеять или рукой (операция, требующая навыка, чтобы не засеять кустами), или машиной, должен уметь пахать, косить, жать и т. д. и т. д., уметь владеть топором, пилой и проч. для мелких починок орудий при работе. Кто наблюдал сельско-хозяйственный труд, тот легко мог заметить, что все эти простые на первый взгляд операции могут исполняться людьми, имеющими известный довольно продолжительный навык, хотя в **отдельности**, каждой из них нетрудно обучиться в короткое время. С другой стороны, труд чернорабочих или чернорабочих в городе значительно проще. Каждый сельскохозяйственный рабочий в короткое время может сделаться каталем, забойщиком и т. д.

Между тем, мы видим, что труд горнорабочих оплачивается значительно выше, чем труд сельскохозяйственных рабочих, настолько выше, что, например, углекопы в Англии пытались путем своей организации прекратить доступ в их среду со стороны рабочих других отраслей промышленности, где труд дешевле оплачивается.

Почему это происходит? Разумеется не потому, что труд горнорабочих

требует больше навыка и специализации, чем труд сельскохозяйственных рабочих, а потому, что при развитии капитализма, производительные силы страны перераспределяются между земледелием и другими отраслями промышленности,—в том числе и горнозаводской,—в сторону последних. В сельском хозяйстве число рабочих сокращается, а в горной промышленности быстро увеличивается. Сокращение числа занятых рабочих в данной отрасли промышленности (напр., в земледелии) ведет к относительному понижению заработной платы, как бы труд ни был сложен, так как только путем такого понижения происходит перераспределение производительных сил—хотя продолжительность периода обучения имеет огромное значение при установлении нормы заработной платы за различные категории труда, но на ряду с этим, имеет первостепенное значение процесс перераспределения производительных сил. Этот процесс при капиталистическом строе и совершается путем относительного понижения заработной платы в производствах сокращающихся и относительного ее повышения в отраслях промышленности, которые расширяются. Понижение и повышение заработной платы, так же как повышение и понижение прибыли ведет к перемещению труда и капитала из одного производства в другие. Планомерность распределения рабочих сил между различными сферами производства, создается следовательно двумя факторами: рабочих перемещает угроза голода от безработицы и низкой оплаты труда, а капиталы перемещает жажда наживы со стороны капиталиста. Рабочий принужден перемещаться вслед за перемещением капитала, как пленник, привязанный цепями к колеснице победителя.

2.

Главным поставщиком добавочных рабочих рук для индустрии является земледелие. Развитие капиталистического хозяйства сопровождается переходом части земледельческого населения к обрабатывающей промышленности. Увеличение количества занятых рабочих в индустрии происходит главным образом на счет уходящего от земледелия населения. Количество индустриальных рабочих и абсолютно и относительно растет, а количество земледельческого населения относительно, а иногда и абсолютно, падает.

Но, если кадры чернорабочих в индустрии пополняются приходящими из деревни сельскохозяйственными рабочими, то в деревне заработная плата этих рабочих должна быть ниже; следовательно, заработная плата сельскохозяйственных рабочих «определяет» заработную плату чернорабочих. Ибо, чем ниже заработная плата в сельском хозяйстве, тем больше давление на высоту заработной платы индустриальных рабочих должны оказывать приходящие из деревни рабочие.

Но и в деревне положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих не одинаково. В плотно населенных районах, вследствие невозможности расширять запашки и вследствие невыгодности делать дополнительные затраты труда на ту же площадь земли, а также вследствие введения сельскохозяйственных машин, как мы выяснили в главе о резервной рабочей армии, происходит выбрасывание «лишних» для сельского хозяина рабочих. Напротив, в редко населенных

районах, вследствие большей производительности экстенсивного хозяйства, распашки расширяются и земледелие может поглощать все большее и большее количество рабочих; благодаря расширению площади эксплоатируемой земли, здесь должен быть и больший спрос на рабочие руки. В экстенсивном хозяйстве западных штатов Северной Америки, производительность труда земледельческого рабочего в три раза выше, чем в более интенсивном хозяйстве восточных плотнонаселенных штатов. Наличность необработанных земель, благодаря большей производительности экстенсивного хозяйства,—делает возможным и выгодным расширение площади посевов, вызывает спрос в земледелии на рабочие руки. Земледелие здесь поглощает их, а не выталкивает в индустрию. Поэтому, здесь заработная плата сельскохозяйственных рабочих должна быть выше, чем в плотно населенных земледельческих районах. Но при таких условиях и заработная плата в индустрии в редко населенных районах, должна быть выше, так как на ее высоту не оказывает давления местное сельскохозяйственное население, так как оно не выбрасывается из земледелия в индустрию и так как в этих районах выше тот minimum заработной платы, который создается в земледельческом хозяйстве других районов.

В действительности мы видим, что и в России, и в Соединенных Штатах высота заработной платы находится в тесной связи с характером земледельческого хозяйства. В России в плотно-населенных земледельческих районах с «избыточным» земледельческим населением заработная плата наиболее низкая [1]).

В Соединенных Штатах в районах экстенсивного хозяйства, где запашки еще расширяются, заработная плата выше, чем в юго-восточных штатах, где ведется более интенсивное хозяйство.

Если разделить Соединенные Штаты на западную, северо-восточную и юго-восточную части, то в западных штатах средняя недельная плата индустриальных рабочих превышает 12 долларов, в северо-восточных штатах она равняется 10—12 долл., а в юго-восточных штатах ниже 10 долл. В этих же районах в земледелии происходят следующие изменения: в западных штатах, несмотря на более высокую заработную плату, сбор хлебов быстро увеличивается, а ценность «земледельческого капитала» (земли, построек, скота и машин) быстро растет. В северо и юго-восточных штатах наблюдается обратное явление. Сравним штаты с высшей и низшей заработной платой индустриальных рабочих.

В штатах с высшей заработной платой:

	Плотность населения [2])	Рост производства пшеницы с 1883 г. по 1908 г.	Средняя заработн. плата в неделю [3])	Рост ценности земли с 1880 по 1900 г.
Montana . . .	1,7	400%	18,60 дол.	2000%
Nevada	0,4	?	18,05 „	300%
Arizona . . .	1,1	?	16,27 „	1200%

[1]) Некоторое влияние на высоту заработной платы оказывает характер землевладения и землепользования. Влияние этого фактора мы выясним дальше.

[2]) Statistical abstract of the Unit. St. 1908.

[3]) Manufactures 1905. Part. IV. Earnings of wage-earners. Ср. Levasseur. L'Ouvrier americain. T. I, стр. 464.

Idaho	1,9	1500%	15,30 „	1500%
Colorado . . .	5,2	425%	14,78 „	250%
Washington . .	7,7	800%	12—15 „	850%

Соответствующие цифры в штатах с наиболее низкой заработной платой следующие:

Virginia . . .	46,2	30%	ниже 8 дол.	20%
Georgia . . .	37,6	—12%	6,7 „	40%
North Carolina	39	13%	5,92 „	30%
Tenesse . . .	48,4	10%	8,17 „	20%
Alabama . . .	35,5	—30%		57%
New Hampshire	45,7	?	ниже 10 долл.	— 8%
Mariland . . .	120,5	60%		6%
Rhode Island .	407	?		—12%

Мы видим, что несмотря на более низкую заработную плату в районах с более плотным земледельческим населением, количество добываемого хлеба не только сократилось сравнительно с ростом населения С. Ш., но местами сократилось и абсолютно; что ценность земли возросла незначительно, а местами абсолютно упала. Земледелие не поглощало рабочих рук растущего населения, а выбрасывало их. Заработная плата стояла на низком уровне не только в земледелии, но и в индустрии. Тем не менее это не помешало относительному падению цены земли, а следовательно и ренты в этих районах. Земледелие, выбрасывая рабочие руки в индустрию, понижало и здесь заработную плату до minimum'а.

Напротив, в Штатах с более редким земледельческим населением при возможности вести более производительное экстенсивное хозяйство и расширять запашки, земледелие поглощало все больше и больше рабочих рук, повышало заработную плату до такой нормы, чтобы привлечь сельскохозяйственных рабочих из других районов. Несмотря на более высокую заработную плату, труд в экстенсивном хозяйстве является настолько более производительным, что в колоссальных размерах росла, как производство пшеницы, так и цена земли и земельная рента. Относительно более высокая производительность земледельческого труда экстенсивного хозяйства и **возможность расширять запашки** в редко населенных районах, делает выгодным увеличение размеров земледельческого хозяйства, привлечение рабочих более высокой заработной платой. Высокая заработная плата не мешает получать огромные барыши, которые ведут к образованию сверх прибыли еще земельной ренты и к ее росту. Очевидно, в этих районах земледельческое население не будет уходить в индустрию. Напротив, оно будет увеличиваться. Расширение запашек поглощает приходящих рабочих, и предприниматели в индустрии должны повышать заработную плату, чтобы привлечь рабочих из плотнее населенных земледельческих районов, выбрасывающих земледельческих рабочих.

Таким образом, различие производительности труда в земледелии различных районов, влияет на перераспределение производительных сил между этими

районами, а повышение заработной платы в расширяющейся отрасли промышленности, служит орудием перераспределения рабочих сил. Но ни в коем случае производительностью труда не определяется заработная плата. Ибо как только появляется избыток рабочих, заработная плата понизится, несмотря на то, что от этого избытка рабочих производительность труда ничуть не понизится.

То же явление перераспределения производительных сил путем относительного повышения и понижения заработной платы наблюдаем мы и между различными районами России.

В центральном земледельческом районе «избыточные» рабочие направляются в поиски за заработками в южную и восточную Россию, где заработная плата относительно выше. Из нечерноземных губерний деревенское население направляется главным образом в города, пополняя кадры индустриальных рабочих.

На юге и юго-востоке России, приходящие земледельческие рабочие из центрального района так понижают заработную плату, что их конкурренция часто ведет к столкновениям с местными рабочими. Следующее сопоставление дает более или менее правильную картину высоты заработной платы сельскохозяйственных рабочих в районах, откуда идут рабочие, и в районах, куда они направляются [1]).

Черноземный район:

Губернии с неизменной площадью посева	Годовая заработн. плата.	Губернии с расширяющейся площадью посева.	Годовая заработн. плата.
Киевская	51 руб.	Херсонская	80 руб.
Черниговская . . .	50 »	Таврическая	104 »
Подольская	44 »	Екатеринославская .	84 »
Волынская	36 »	Обл. Войска Донск. .	90 »
Пензенская	52 »	Астраханская . . .	87 »
Курская	45 »	Самарская	65 »
Орловская	49 »		

Нечерноземный район:

Промышленные губ. с развитой индустрией.	Заработн. плата.	Непромышленные губ. отпускающие рабочих.	Заработн. плата.
С.-Петербургская . .	87 руб.	Псковская	58 руб.
Московская	75 »	Смоленская	46 »
Владимирская . .	75 »	Калужская	57 »

Близость промышленного района, куда деревенские рабочие направляются для работы на фабриках, повышает заработную плату в сельском хозяйстве так же, как и близость редко населенных земледельческих районов с расширяющимися запашками, где требуются сельскохозяйственные рабочие. Напротив, в

[1]) Эти данные приведены мною в книге „Аграрный вопрос", т. I. Данные о поденной заработной плате сельскохозяйственных рабочих аналогичны годовым ценам на рабочие руки.

районах с избыточным земледельческим населением, при отсутствии здесь развивающейся индустрии [1]), существует минимальная заработная плата, так как отсюда рабочие идут и в индустрию и в сельское хозяйство других районов.

Итак, минимальная заработная плата образуется в земледелии, в районах, выбрасывающих земледельческое население в другие районы. Этот minimum заработной платы регулирует норму заработной платы всех категорий рабочих. Ниже такого уровня, средний заработок не может опуститься, потому что при этом minimum'е население уже уходит из деревни в город или в другие районы.

3.

Процесс поглощения земледельческого населения индустрией не закончился даже в Англии [2]). Во всех других капиталистических странах земледельческое население продолжает так же притекать в индустрию, поглощаться ею и таким образом влиять на заработную плату. Процесс выбрасывания земледельческого населения происходит настолько интенсивно, что несмотря на поглощение индустрией все большего и большего количества рабочих, значительная часть населения принуждена из плотно населенных земледельческих районов эмигрировать в колонии или, как это происходит в России, переселяться в реже населенную Сибирь. Следовательно, во всех капиталистических странах условия жизни деревенского населения в районах, откуда уходят рабочие, определяют minimum заработной платы.

В Германии с 1882 по 1907 год сельское население абсолютно сократилось с 19.225 тыс. до 17.700 тыс. душ, т. е. на 1.544 тыс. человек. Но от земледелия, кроме этих полуторых миллионов человек, ушел еще весь естественный прирост деревенского населения около 7 миллионов душ. Этим колоссальным количеством выброшенного земледельческого населения и пополнялась рабочая армия в таких размерах, что, несмотря на огромное увеличение населения, занятого в индустрии, резервная рабочая армия продолжала увеличиваться. Эти приходящие рабочие и устанавливали minimum заработной платы.

Даже в Соединенных Штатах, несмотря на расширение запашек, индустриальное население растет быстрее, т. е. в индустрию идет не только часть иммигрантов, но и часть земледельческого населения [3]). В 1890 году земледельческое население составляло 38% всего населения, а в 1900 году уже 35,9%. То же самое произошло во Франции, Швейцарии и др.

Во всех капиталистических странах до периода развития капитализма население занималось главным образом земледелием. Поэтому весь период развития капитализма представляет собою постоянный процесс перераспределения произво

---

[1]) Аналогичные отношения существовали и существуют между промышленной Англией и земледельческой Ирландией. В Англии вблизи фабричных центров заработная плата земледельческих рабочих стояла выше, чем в чисто земледельческих округах.

[2]) В Англии рабочая армия пополняется отчасти насчет прироста земледельческого населения самой Англии, отчасти Ирландии.

[3]) Последней промышленной переписью констатируется абсолютное сокращение земледельческого населения в центральных и северных плотнее населенных штатах.

дительных сил между земледелием и индустрией: земледелие выбрасывало «излишних» рабочих, а индустрия поглощала необходимое для капиталистического производства количество рабочих, оставляя незанятые рабочие руки в виде «резервной рабочей армии».

Первоначально процесс выбрасывания земледельческого населения происходил на почве захвата землевладельцами крестьянских земель и усиленной эксплоатации крестьян. Потом, по мере развития земледельческой техники и введения машин, капиталистическое земледелие ускорило и усилило этот процесс.

При капиталистическом строе процессом перераспределения производительных сил между земледелием и индустрией, благодаря которому рабочие выбрасываются из земледелия, не только создается резервная рабочая армия, но устанавливается в деревне и minimum заработной платы, который влияет на ее высоту у рабочих, занятых в индустрии.

Предприниматели в обрабатывающей промышленности со своей стороны принимают все меры к тому, чтобы для сокращения издержек производства и повышения прибыли эксплоатировать наиболее дешевый труд и наиболее ограниченное число рабочих, удлиняя рабочий день, увеличивая интенсивность труда с одной стороны и применяя женский и детский труд—с другой. Поэтому все выбрасываемые из земледелия рабочие руки не находят себе места в индустрии, несмотря на ее быстрое развитие; часть их и образует резервную рабочую армию.

Разумеется, пришедший из деревни рабочий может вытеснить городского рабочего; в резервной армии будут находиться и городские и деревенские рабочие, но это не меняет существа дела: при современных капиталистических отношениях армия безработных и minimum заработной платы все-таки образуются в процессе перемещения производительных сил из земледелия в индустрию.

Процесс перераспределения производительных сил происходит не только между земледелием и индустрией, но и между различными отраслями промышленности. И здесь этот процесс выражается путем относительного или абсолютного понижения заработной платы в падающей отрасли промышленности или в отрасли промышленности с сокращающимся количеством рабочих и относительного повышения заработной платы в отрасли, требующей привлечения рабочих рук.

Так, по данным земской статистики в Московской губернии, при общем повышении заработной платы (денежной) с 1894 —903 по 1910 г. от 20 до 50% среди кузнецов, слесарей, скорняков и т. д., заработная плата пильщиков одновременно упала на 26%, вследствие сокращения спроса на пильщиков, вытесняемых пильными заводами.

В данном случае сокращение спроса на труд пильщиков приведет, разумеется, к тому, что постепенно пильщики перейдут к другим видам труда и останется только необходимое число пильщиков, при том, довольствующихся пониженным заработком.

Тем не менее перемещение рабочих из одной отрасли индустрии в другую не имеет такого значения, как перемещение из земледелия в обрабатывающую

промышленность. Ибо, как уже замечено выше, перемещение рабочих из одной отрасли промышленности в другую не увеличивает общего количества рабочих, предлагающих в индустрии свои руки. Индустрия поглощает все занятое в ней население. Его естественного прироста даже недостаточно. Между тем земледелие выбрасывает рабочих в таком колоссальном количестве, что в индустрию принужден уходить весь прирост земледельческого населения, а во многих странах земледельческое население сокращается не только относительно, но и абсолютно.

Даже в наиболее передовой капиталистической стране, в Англии, где земледельческое население сократилось, повидимому, до minimum'а, оно продолжает выбрасываться в индустрию путем относительного понижения заработной платы в сельском хозяйстве. Сравнивая заработную плату рабочих различных профессий, мы находим, что в сельском хозяйстве она самая низкая даже теперь. Недельная оплата труда в сельском хозяйстве Соединенного Королевства следующая [1]) (в 1907 г.): Англия 18 шиллингов 4 пен.; Валлис—18 шил., Шотландия—19 шил. 7 пен., Ирландия—11 шил. 3 пен. Средняя плата чернорабочих 18-21 шил., текстильщиков около 25 шил. и т. д.

4.

Обыкновенно высоту заработной платы объясняют и определяют высотой культурного уровня рабочего класса. Этим уровнем определяется количество необходимых средств существования. Но чем определяется количество потребностей, в особенности культурных потребностей рабочего класса, т. е. его культурный уровень?

Развитие потребностей, особенно культурных потребностей, обусловливается средствами, которыми рабочий располагает для удовлетворения этих потребностей. Потребность в газете, как и другие культурные привычки, могут развиться лишь постольку, поскольку оне могут удовлетвориться, т. е. поскольку рабочий располагает средствами, необходимыми для удовлетворения этих потребностей, т. е. уровень культурных потребностей обусловливается высотой заработной платы, которая дает необходимые средства для удовлетворения потребностей. Высота заработной платы обыкновенно объясняется высотой культурного уровня; между тем высота культурного уровня зависит от высоты заработной платы.

Такое объяснение высоты заработной платы неудовлетворительно. В Соединенных Штатах, в Австралии и других европейских колониях заработная плата европейских колонистов выше, чем в метрополии, не потому, что культурный уровень этих колонистов выше, а, напротив, культурный уровень делается там выше, благодаря более высокой заработной плате.

Мы видим известную закономерность, наблюдая высоту заработной платы в различных районах и странах, которая не находится в тесной связи с высотой культурного уровня рабочих, а с некоторыми другими условиями, влияющими на высоту заработной платы.

---

[1]) По анкете «Board of Trade».

В реже населенных штатах Северной Америки заработная плата выше не потому, что там выше культурный уровень рабочих. Туда направляются рабочие из плотнее населенных районов с более низкой заработной платой, но с таким же культурным уровнем. В свою очередь в эти плотнее населенные штаты переселяются рабочие из Европы (Германии, Англии и т. д.), где они получали более низкую заработную плату не потому, что немцы и англичане имеют более низкий культурный уровень. Но и здесь в Европе мы видим, что поставщиком новых кадров наемных рабочих, поглощаемых индустрией, является деревня. Эти рабочие, попадая в город или в Америку и получая здесь более высокую заработную плату, могут лучше удовлетворять культурные потребности и развить их. Очевидно, культурный уровень вырабатывается при условии, если данная высота заработной платы допускает удовлетворение определенных культурных потребностей.

Как увидим далее, высота культурного уровня, достигнутого рабочими, имеет огромное влияние на размножение рабочего населения, на характер складывающейся семейной жизни, но не может определять высоту заработной платы. Напротив, высота заработной платы имеет непосредственное прямое влияние на культурный уровень рабочих.

Из изложенных выше соображений видно, что относительная высота заработной платы в различных районах и в различных отраслях пром-сти зависит [1]) от процесса перераспределения производительных сил между различными отраслями промышленности и между различными районами и странами, что minimum заработной платы создается в европейской деревне. Отсюда передвигаются рабочие в различные отрасли производства, здесь создается minimum заработной платы, влияющий на ее высоту в других областях промышленности и поддерживаемый вновь приходящими рабочими. В других отраслях производства высота заработной платы различных категорий рабочих определяется той прибавкой к minimum'у заработной платы деревенских рабочих, которая вырабатывается конкурренцией рабочих, прибавкой, оплачивающей потери периода обучения, передвижения рабочих из одной отрасли производства в другую, или из одного района в другой.

Minimum заработной платы получают деревенские рабочие. Чем же здесь в деревне определяется этот minimum?

ГЛАВА XXV.

Образование минимума заработной платы.

1.

Уровень благосостояния и потребностей сельскохозяйственных рабочих и крестьян, уходящих на сторону для заработка в значительной степени опреде-

[1]) Весь вышеприведенный анализ условий, определяющих заработную плату рабочих, предполагает индивидуальные соглашения рабочего и капиталиста. Влияние рабочих коалиций на высоту заработной платы будет освещено нами в дальнейших главах.

ляется с циальными условиями, сложившимися еще при зарождении и первоначальном развитии капиталистического строя.

Капитализм застал в деревне уже сложившиеся, но различные в различных районах социальные отношения. В большей части Европы крестьянские земли были захвачены крупными землевладельцами, эксплуатировавшими при крепостном праве своих крепостных крестьян.

Освобождение крестьян повело к «освобождению» многих крестьян и от земли. Обезземеленные крестьяне, а также малоземельные должны были или работать по найму на землевладельца или арендовать у него земли и для обработки посева. Безземельные и малоземельные крестьяне, бывшие крепостные и рабы, не могли при «свободе» улучшить свое положение, напротив, материальные условия для них во многих случаях ухудшились. Нанимаясь на сельскохозяйственные работы, они при взаимной конкурренции не могли выносить свою заработную плату выше суммы средств, необходимых для существования: количество малоземельных и безземельных, нуждающихся в заработке, всегда превышало «потребность» землевладельцев в рабочих руках. Это, как мы заметили, и являлось постоянной причиной оттока земледельческого населения в города. При таких условиях сельские рабочие не могли и не могут повышать заработной платы выше **суммы средств, необходимых для существования.** Такому повышению препятствует конкурренция. Чем больше было на данной площади земли безземельных и малоземельных, тем острее должна была проявляться их конкурренция, тем сильнее голод и безработица должны давить на уровень заработной платы и гнать земледельческое население в другие районы. Крупное хозяйство плотно населенных районов не находило и не находит выгодным вести настолько интенсивное хозяйство, чтобы им поглощались все наличные рабочие руки. Конкурренция районов с экстенсивным хозяйством ставила и ставит границы повышению хлебных цен, при котором были бы выгодны дополнительные затраты на ведение более интенсивного хозяйства. Но даже и высокие хлебные цены не могли бы побудить землевладельца увеличить число занятых рабочих рук в сельском хозяйстве настолько, чтобы все земледельческое население могло быть обеспечено заработком. При капиталистическом строе передвижение производительных сил из земледелия в индустрию неизбежно и неизбежно оно проявляется в безработице среди тех слоев рабочего населения, которые заняты в отрасли промышленности, откуда перемещаются производительные силы.

Развитие товарного обмена и конкурренция земледельческих продуктов из районов экстенсивного хозяйства лишь обостряли процесс перераспределения производительных сил, еще более сокращали количество рабочих рук в земледельческих районах.

Безземельные и малоземельные крестьяне должны были или искать заработков на стороне или, оставаясь на месте, прибегать к аренде земли не для получения прибыли, а для того, чтобы получать от земледелия средства, необходимые для существования, т. е. прибегать к продовольственной аренде.

Законы роста и падения продовольственной аренды выяснены мною в первой части 1-го т. «Аграрного вопроса». Здесь я лишь кратко формулирую неко-

торые выводы, вытекающие из анализа продовольственной ренты и имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу о норме заработной платы в сельском хозяйстве.

Мелкий арендатор стремится получить с арендуемой земли не прибыль, а сумму продуктов, необходимых для существования. Поэтому вследствие взаимной конкурренции малоземельных и безземельных крестьян-арендаторов, арендная плата повышается до такой нормы, что арендатору по уплате аренды остается только самое необходимое для существования его и его семьи. Выше этой нормы арендная плата не может подняться, потому что арендаторы, не будучи в состоянии прокормиться, уйдут в другой район или, в конце концов, от хронической голодовки будут вымирать. Хроническое голодание является, таким образом, границей «заработка» арендатора. Все, что получается с арендуемого участка сверх этой «нормы» достается землевладельцу в виде ренты с продовольственного хозяйства арендатора.

Ниже рента не может опуститься не только вследствие взаимной конкурренции мелких арендаторов, но и вследствие конкурренции арендаторов-капиталистов: если бы рента с арендуемых участков опустилась до нормы **капиталистической** ренты, т. е. до нормы, при которой можно получить прибыль на затраченный капитал, то арендаторы капиталисты вытеснили бы мелких арендаторов из продовольственного хозяйства.

Очевидно, чем больше на данной территории **земледельческого населения** и чем меньше заработков в индустрии, куда могли бы пойти земледельцы, тем острее их взаимная конкурренция и тем выше должна быть продовольственная рента; доля, которая остается арендатору за его труд, тем более приближается к сумме средств, необходимых лишь для того, чтобы не умереть с голоду.

Для продовольственного арендатора безразлично, платить ли аренду деньгами или продуктами, ибо ему важно количество продукта, которое ему останется для прокитания. Поэтому при низкой цене продуктов он удовольствуется меньшей их долей, чем капиталист-арендатор, который производит продукты для того, чтобы получить прибыль, т. е. выручить определенную сумму денег. В районах продовольственного хозяйства должна дольше сохраниться аренда из доли продукта, а в районах капиталистического хозяйства—денежная. Это мы видим и в России и в Соединенных Штатах. Если мы возьмем отдельные штаты с высшей и низшей заработной платой, то мы увидим следующую разницу[1]):

ШТАТЫ.	Средняя заработная плата рабоч. в индустрии в неделю[2])		% ферм, эксплоатируемых: собственниками	арендаторами за деньги	арендаторами из доли продукта.
Montana	18,60	доллар.	90,8	4,7	4,5
Nevada	18,02	»	88,6	7,4	4
Arizona	16,27	»	91,6	5,2	3,2

[1] Abstract of the Twelfth census. 1900. Стр. 227.
[2]) Manufactures, 1905. Part. IV Earning of wage-earner.

Idaho	15,30 »	91,3	2,3	6,4
Colorado	14,78 »	77,4	9,0	13,6
Washington	12—15 »	85,6	7,1	7,3
Virginia	ниже 8 »	69,3	9,9	20,8
Georgia	» 6,7 »	40,1	26,2	33,7
North Carolina	» 5,9 »	58,6	8,9	32,5
Tenesse	» 7,17 »	59,5	12 6	27,9
Alabama	ниже10 »	42,3	33,3	24,4
New Hampshire	— »	92,5	5,6	1,9

Из приведенной нами таблицы видно, что в районах с более плотным земледельческим населением и с наиболее низкой заработной платой (за исключением New-Hampshire) преобладает не только арендное хозяйство, но именно арендное хозяйство из доли продукта. В России, как видно из приведенных нами данных в книге «Аграрный вопрос», точно также в центральном земледельческом районе преобладает мелкая продовольственная аренда и здесь также заработная плата наиболее низкая.

Взаимная конкурренция земледельцев должна так повысить арендную плату, что в районах с более плотным земледельческим населением и с менее развитой индустрией должна преобладать мелкая продовольственная аренда, должно преобладать мелкое продовольственное хозяйство, должен быть «избыток» рабочих рук[1]), между тем как в реже населенных земледельческих районах должно преобладать капиталистическое хозяйство с высокой заработной платой, должен быть «недостаток» рабочих рук. В районах с развивающейся индустрией, поглощающей все большее и большее количество рабочих, часть арендаторов из продовольственного хозяйства и малоземельных крестьян уходит из земледелия в обрабатывающую промышленность, находя здесь лучший заработок. Здесь, при таких условиях земледелец не принужден довольствоваться minimum'ом количества продуктов, необходимых лишь для того, чтобы не умереть с голоду.

Чем плотнее земледельческое население и чем больший процент из него является безземельным и малоземельным, тем острее конкурренция земледельческого населения и его «доход» приближается к количеству средств, граничащих с хроническим голодом. Напротив, в районах, где земледельческое население не так плотно, а также в районах, где не существует крупных латифундий и процент безземельного и малоземельного населения меньше, только малоземельные и безземельные крестьяне принуждены искать заработка на стороне, только они не могут получать со своего клочка земли достаточно средств для существования. Крестьянин, имеющий свою землю, не вынужден отчуждать часть продуктов в уплату за аренду земли. Поэтому здесь норма потребностей населе-

[1]) Вульгарное выражение „избыток' рабочих рук в земледелии совершенно не анализируется экономистами и часто приводит их к ложным выводам. Не трудно сообразить, что „избыток" рабочих рук в земледелии является в плотнонаселенных районах потому, что дополнительные затраты труда на ту же площадь земли, прилагаемые этими „избыточными" руками, менее производительны и только поэтому мелкое хозяйство при капиталистическом строе принуждено выбрасывать на сторону эти „избыточные" рабочие руки. При натуральном хозяйстве дополнительные затраты не были убыточны, так как продукт добывался не для рынка. „Избыточность" населения увеличивается особенно тогда, когда у него земли экспроприируются, как было при отмене крепостного права.

ния настолько выше, насколько у массы населения остается больше продуктов для собственного потребления.

Норма заработка мелкого продовольственного арендатора граничит с необходимыми средствами для существования. Но земледелец может вести хозяйство и наемными батраками, не сдавая свою землю в аренду. Он будет выплачивать заработную плату сельскому рабочему из произведенного последним продукта не **больше**, чем то количество продуктов, которым довольствуется арендатор продовольственного хозяйства, т. е. заработная плата не будет превышать средств, необходимых для существования. Ибо только при этом условии, рассчитывая еще на большую производительность труда в крупном хозяйстве, предприниматель-землевладелец будет вести экономическую запашку, а не сдавать свою землю в аренду.

Таким образом, заработная плата сельскохозяйственных рабочих в районах продовольственной аренды не превышает средств, необходимых для существования, а должна колебаться около этой нормы,—может, как мы увидим далее, стоять ниже этой нормы.

И действительно, только под угрозой голода земледельческое население районов с относительно большим процентом безземельного и маловемельного населения уходит в другие районы за заработком.

2.

В районах продовольственного хозяйства заработная плата может опуститься и ниже суммы, необходимой для поддержания существования рабочего, хотя это на первый взгляд и кажется невозможным. Мелкий арендатор или собственник маленького участка земли может получать только часть необходимых средств для существования. Но так как на своем или на арендованном маленьком участке земли он не может использовать все рабочие силы своего семейства и вместе с тем не может получить с него и достаточно средств для существования, то продажей части рабочих сил семьи (в виде ли кустарного промысла, отхода на фабрику или в имение землевладельца) такой мелкий хозяин пополняет свой бюджет. Он продает рабочую силу ниже суммы средств, необходимых для существования, потому, что часть этих средств получает от своего хозяйства.

Следовательно, та часть населения, которая занимается земледельческим хозяйством, может продавать свой труд в **своем** ближайшем районе или уходя **временно** на сторону — ниже суммы средств, необходимых для существования. Поэтому многие кустари, а также с.-х. рабочие довольствуются таким заработком, который без поддержки бюджета доходом со своего хозяйства не мог бы поддерживать существование рабочего. Рабочий, не имеющий никакого хозяйства, разумеется не может довольствоваться таким заработком, так как умер бы с голоду.

Эта «резервная армия» временных рабочих, имеющих некоторый заработок в своем хозяйстве, держит в своем районе заработную плату чернорабочего на уровне средств, необходимых для существования, и не позволяет ей подняться выше, а напротив, имеет тенденцию опустить ниже этого уровня. При такой тенденции рабочие, не имеющие своего хозяйства, бегут из этих районов в горо-

да в другие районы и вызывают жалобы сельских хозяев на отсутствие «свободных» рабочих рук в сельском хозяйстве. Землевладельцы упускают из виду лишь одно обстоятельство, что, если бы эти свободные рабочие не бежали, они все равно вырождались бы или вымирали от недостатка заработка, вытесняемые более дешевым трудом соседей-крестьян. Если бы земельная рента оставалась в руках крестьян арендаторов, то бегства из деревни в таких размерах не было бы, и, во всяком случае, заработная плата не падала бы так низко, потому, что мелкие земледельцы не были бы вынуждены продавать свой труд ниже средств необходимых для существования.

Итак в районах крупного землевладения и плотного земледельческого населения заработная плата стремится опуститься ниже уровня средств, необходимых для существования. Эти районы являются очагами эмиграции рабочих в города и соседние районы и влияют на уровень заработной платы в этих последних. Заработная плата чернорабочих не может подняться выше уровня необходимых средств для существования под постоянным давлением рабочих из очагов их эмиграции.

Под влиянием этого давления в известной степени находятся и обученные рабочие. Американские рабочие с трудом борются против ухудшения своего положения благодаря конкурренции иммигрантов из Европы. По отношению к английским рабочим такую же роль играли ирландцы, как по отношению к рабочим промышленных районов России рабочие, приходящие из районов преимущественного хозяйства, как европейские иммигранты к американским рабочим, итальянцы к швейцарцам и т. д. На эту сторону отношений рабочих указал еще Энгельс, не указавши, впрочем, основных причин этого явления. По мнению Энгельса многочисленное (!?) и бедное население Ирландии являлось постоянным резервом для развивающейся индустрии Англии. «Поэтому, как говорит Карлейль, заработная плата английского работника во всех отраслях труда, где может с ним конкуррировать ирландец, опускается все ниже и ниже». Гаскейль говорит, что рабочие, живущие в Манчестере в подвалах—обыкновенно ирландские семьи ручных ткачей, чернорабочих и т. д. «Наоборот, высшие разряды фабричных рабочих находятся в совершенно ином положении».

Характерно, что и в индустрии в падающих отраслях промышленности, откуда производительные силы отливают, заработная плата опускается даже ниже, чем в земледелии. Так, после введения ткацких машин заработная плата ручных ткачей в Англии падает с 20 шилл. до 9 шилл., между тем как заработная плата сельско-хозяйственных рабочих была 11 шилл., а фабричных ткачей 31—44 шилл.

Наиболее ярким доказательством того, что главным фактором, влияющим на относительную высоту заработной платы в различных отраслях промышленности является перераспределение производительных сил, служит следующий факт. В районах, где площадь посева в земледелии расширяется благодаря большей производительности экстенсивного хозяйства, заработная плата сельско-хозяйственных рабочих стоит очень высоко, местами даже выше, чем в обрабатывающей промышленности индустриальных районов. Т. е. передвижение производительных

сил в земледелие,—при возможности расширения запашек в районах экстенсивного хозяйства,—ведет к относительному повышению заработной платы в сельском хозяйстве этих районов. Так, в Соединенных Штатах в районах с расширяющимися запашками заработная плата в земледелии относительно очень высока. То же самое можно наблюдать в России в южных губерниях. Точно также в период уборки хлеба, когда увеличивается спрос на рабочие руки в сельском хозяйстве, заработная плата настолько повышается, что привлекает временно часть индустриального населения к сельскому хозяйству.

Из этого видно, что сам по себе сельскохозяйственный труд не обладает такими свойствами, что за него платится меньше, чем за другие виды труда. Только передвижение производительных сил из земледелия в индустрию ведет к относительному понижению заработной платы в сельском хозяйстве.

Приведенные нами исключительные случаи относительного повышения заработной платы в сельском хозяйстве лишь подтверждают общее правило, что на относительную высоту заработной платы главное влияние имеет перераспределение в капиталистическом обществе производительных сил.

3.

В связи с перераспределением производительных сил, положение рабочих в различных районах и странах так же как и в различных отраслях промышленности не одинаково. В районах, выбрасывающих земледельческое население, положение рабочих хуже, как в земледелии, так и в индустрии. В районах, поглощающих рабочее население, положение рабочих должно быть лучшее, но лучше в тех отраслях промышленности, которые поглощают рабочих.

Вообще с развитием капитализма в плотно населенных странах индустрия поглощает рабочих, а земледелие выбрасывает. Поэтому в районах, куда передвигаются рабочие, заработная плата должна быть выше даже в земледелии.

Так, в Московской губернии заработная плата сельскохозяйственных рабочих выше, чем в чисто земледельческих районах центральной России, потому что индустрия Москвы и других промышленных пунктов отвлекает рабочих и повышает их заработную плату. Тем не менее и здесь оплата труда сельскохозяйственных рабочих в обычное время значительно ниже оплаты труда индустриальных рабочих. Это видно из следующего сопоставления:

	Заработная поденная плата в копейках [1].				
	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1907 г
Сельскохоз. рабочего в губернии	61	61	66	68	72
поденщика в Москве	86	95	90	94	93
каменщика в Москве	118	118	119	123	125
плотника в Москве	125	127	128	133	142
столяра в Москве	135	139	152	214	208

Если принять во внимание, что жизнь в Москве стоит несколько дороже,

[1]) Статистический ежегодник Московской губ. за 1909 г. Стр. 137—199.

чем в уездах Московской губ., то заработок **чернорабочего** поденщика в Москве лишь немного превышает заработок сельскохозяйственного рабочего. Но чем большего обучения требует труд рабочего, тем больше разница в оплате труда против сельскохозяйственных рабочих. Труд столяра оплачивается уже почти в три раза выше, чем труд сельскохозяйственного рабочего. И эта разница оплаты труда вполне понятна. Каждый сельскохозяйственный рабочий и крестьянин, пришедший из деревни, может сделаться чернорабочим (поденщиком), поэтому заработная плата поденщика в Москве близко подходит к уровню заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Плотником может быть уже не каждый пришлый рабочий, а для столяров конкурренция сельскохозяйственных рабочих уже имеет значение лишь постольку, поскольку последние проходят выучку этой специальности.

Наиболее важными земледельческими районами, выбрасывающими рабочих не только за пределы района, но и за пределы страны, в Европе являются следующие пункты: центральный земледельческий район и русская Польша и Литва, откуда рабочие идут на Запад, в Германию, доходя до Дании. Так, в Германию большая часть иностранных рабочих приходит из русской и австрийской Польши.

В 1910 году в Германии было занято иностранных рабочих:

	в сельском хозяйстве.	в фабричной промышл.
Поляки	281813	30891
Русины	47190	29340
Итальянцы	70000	36000

Общее число иностранцев в Германии с 372.792 чел. увеличилось до 1.028.560 чел. в 1905 году и до 1.259.879 в 1911 году. Из них 515.176 австрийцев, 280.781 русских, 147.037 итальянцев. Остальные народности в меньшем числе.

Из этих данных видно, что страны с отсталой промышленностью, не поглощающею рабочих, выбрасывают их из сельского хозяйства за-границу. Даже в Дании преобладающее количество иностранных сельскохозяйственных рабочих приходит из австрийской (Галиции) и русской Польши. Из 10.320 иностранных сельскохозяйственных рабочих в Дании в 1911 году было: из Галиции 8.101 чел., из русской Польши—1.828 и немецкой—172 чел.

Другим пунктом, выбрасывающим рабочих в соседние государства, является Италия. Отсюда рабочие направляются в Швейцарию, Францию и Германию, но, главным образом, в Америку. Разумеется, в пунктах, **откуда** рабочие уходят, заработная плата в сельском хозяйстве должна быть наиболее низкая и, обратно, чем дальше район, в который рабочие уходят в поиски за работой, тем выше в нем должна быть заработная плата.

Третьим пунктом, выбрасывающим рабочих на мировой рынок, являются Китай и Япония, где мелкое хозяйство заключает в себе колоссальную рабочую резервную армию.

В районах иммиграции рабочих, где их положение более благоприятно, местные рабочие стремятся прибегать к более квалифицированному труду, в котором конкурренция приходящих чернорабочих оказывает более слабое давление. Поэтому, например, в Швейцарии труд чернорабочих исполняется приходящими рабочими из Италии, где землевладельцы выжимают из крестьян все, что возможно. Швейцарские рабочие не могут и не хотят конкуррировать с итальянцами в дешевизне рабочих рук и поэтому стремятся заняться квалифицированным трудом. Происходит своеобразное разделение труда в стране между различными народностями.

В кустарных промыслах Саратовской губернии, горожане занимаются профессиями, лучше оплачиваемыми, чем приходящие из деревни кустари. В Англии, как упомянуто, дешевле оплачиваемым трудом занимаются ирландцы и т. д. и т. д.

В связи с указанными условиями создается и уровень необходимых потребностей рабочего населения, его культурный уровень. Та сумма средств, которая необходима для ирландца, итальянца или русского, недостаточна для англичанина или янки. Последние будут до крайности бороться против такой низкой нормы заработной платы, которая для первых покажется достаточной. Но когда итальянец, ирландец или русский поживет в Соединенных Штатах, там при благоприятных условиях быстро вырабатывается новая норма культурных потребностей, превышающая сумму необходимых средств для существования.

Деревенское население, переходя в город, обыкновенно начинает работу с неквалифицированного, дешевле оплачиваемого труда. Так, исследование Дементьева о московских рабочих констатирует, что «специализация, если она к тому же оплачивается лучше других занятий, всегда понижает число рабочих, сохранивших связь с землей», т. е. Дементьев констатирует, что рабочие, сохранившие связь с землй, выходящие из деревни, работают в ниже оплачиваемых профессиях, констатирует связь низкой оплаты труда с выходцами из деревни. Среди рабочих, обрабатывающих неволокнистые вещества, распределение рабочих на уходящих (в деревню) и не уходящих следующее:

Рабочие в красильнях при конторах для раздачи основ	68%
Рабочие ручных красилен при ручных ткацких и ситценабивных фабриках . . .	34,5%
Рабочие в механических красильнях	6,5%

То же самое констатируется и в Петрограде [1]).

В Соединенных Штатах иммигранты из Европы играют такую же роль, какую в Европе играет деревенское население. Считая с 1821 года, в Соединенные Штаты переселился 21 миллион иностранцев, при этом более половины этого числа переселилось за последние 23 года. В промышленных городах эти переселенцы и пополняли промышленную армию. Теперь в таком промышленном городе, как Чикаго, насчитывается около 80% иностранцев, в Мильвоки около 85% и т. д. Здесь иностранцы создают тот minimum заработной платы, кото-

[1]) См. П. Маслов. Аграрный вопрос. Т. I, гл. XIV.

рый препятствует значительному ее повышению, несмотря на упорные усилия со стороны местных организованных рабочих.

4.

На основании изложенной нами схемы образования нормы заработной платы, наиболее низкий ее уровень должен быть у земледельческих рабочих в плотно населенных земледельческих районах, отпускающих рабочих на сторону. У индустриальных рабочих в городе, заработная плата должна быть выше. При этом наиболее низкая заработная плата должна быть у чернорабочих и за такой труд, который доступен каждому приходящему из деревни рабочему. По мере увеличения периода выучки для какой-либо профессии должна соответственно повышаться в ней и заработная плата. Наиболее высокая заработная плата должна быть в «монопольных» профессиях и за труд, дающий, кроме заработной платы, и ренту.

Положение рабочего класса, таким образом, определяется положением его в источниках «избыточного» рабочего населения. Отсюда, как замечено, рабочие уходят под давлением голода, когда они не могут удовлетворить своих жизненных потребностей. Пока эти источники прилива дешевого труда существуют, пока не улучшится положение рабочих, выбрасываемых из земледелия и отмирающих отраслей промышленности, пока они остаются неорганизованными, до тех пор рабочее население города будет всегда иметь в тылу рабочую армию, готовую уничтожить сделанные завоевания в сфере отношений продажи и найма труда, до тех пор будет существовать для многочисленных групп рабочих указанный нами minimum заработной платы. Если бы этот minimum повысился, то и потребности низших категорий рабочих, приходящих из деревни, также повысились бы. Поскольку их потребности повысились бы, постольку положение этих рабочих, не улучшаясь субъективно, объективно улучшилось бы, т.-е. эти рабочие продолжали бы находиться на границе голодовки, но minimum заработной платы, получаемой ими, удовлетворял бы большую сумму потребностей. Например, если бы рабочие этой категории, повысивши свою заработную плату, привыкли одеваться лучше и чище, если бы это составило одну из наиболее настоятельных потребностей, то рабочие, находясь на границе с голодовкой и субъективно чувствуя всю тяжесть своего положения, удовлетворяли бы потребность в одежде лучше, чем раньше. Повышение же minimum'а заработной платы облегчало за повышение заработной платы и других категорий рабочих.

При наличности источников избыточных рабочих, т.-е. благодаря оттоку рабочих из земледелия и падающих отраслей промышленности, заработная плата и других категорий рабочих имеет постоянную тенденцию опускаться до уровня средств, необходимых для существования. Напротив, в расширяющихся отраслях промышленности имеется тенденция к повышению заработной платы не только под влиянием указанных нами условий (подготовка, выучка, необходимость привлечения большого числа рабочих и т. д.), но главным образом потому, что здесь условия более благоприятны для борьбы рабочих за улучшение своего положения и более благоприятны для их организации в целях этой борьбы.

Чем больше требуется подготовки к данной профессии, чем меньше конкурренции и чем быстрее расширяется данная отрасль промышленности, тем легче бороться за повышение заработной платы, тем успешнее будет эта борьба и тем больше будет разница между minimum'ом заработной платы и платой в данной профессии.

Преобладанием той или другой из указанных выше противоположных тенденций, определяются объективные условия борьбы рабочего класса за улучшение его положения. Чем более ослабляется влияние понижательной тенденции, т.-е давление рабочих из падающих отраслей промышленности, составляющих резервную армию, и чем сильнее действует вторая тенденция, т.-е. развитие промышленности и увеличение занятых рабочих, тем больше шансов, что организованная борьба рабочих поведет к повышению заработной платы.

Поэтому положение сельскохозяйственных рабочих, определяющее minimum заработной платы, имеет огромное влияние на положение всего рабочего класса.

5.

Значение прилива сельскохозяйственного населения для положения рабочих и его влияние на заработную плату освещено экономистами чрезвычайно мало. Наиболее правильное, но, к сожалению неглубокое освещение этому вопросу дает Оппенгеймер.

Оппенгеймер правильно указывает на то, что «причиной постоянной резервной армии (Die Ursache der dauernder Reproduction der Reservearmee) является земледелие», что современные аграрные отношения создают то перенаселение, которое является постоянным резервуаром «свободных» запасных рабочих рук. Не машина, а именно это сельское население, приставленное к машине, убило ремесло в свое время. И не машина вытесняет рабочих и сейчас, создавая безработицу, а непрерывный приток сельскохозяйственных рабочих. И хотя спрос на рабочие руки скорее, чем прирост населения, но именно «конкурренция сельскохозяйственного пролетариата толкала женщин и детей под ярмо капитала».

В другом, более раннем труде [1]) Оппенгеймер высказывает те же мысли. Он доказывает, что не чернорабочие получают наиболее низкую заработную плату, а сельскохозяйственные рабочие. Ниже всех оплачивается труд «не чернорабочих, а наиболее многочисленного в наихудшем положении находящегося класса земледельческих рабочих, конкурренция которых мешает улучшению положения других категорий рабочего класса... Когда развитие города, капитализм делает необходимым выход из деревни, тогда одним ударом уравнивается положение до сих пор различных категорий рабочих, городских и сельских: поток сельских рабочих переполняет индустрию своим предложением труда, предлагает свою рабочую силу безконечно ниже «исторически сложившихся необходимых средств для существования».

Указавши на главный источник резервной рабочей армии, Оппенгеймер,

[1]) Das Grundgesetz des Marxschen Gesellschaftslehre. Berlin. 1903. S. S. 126—8.

к сожалению, не обнаруживает достаточного понимания их сельскохозяйственных отношений, ни общих причин, влияющих на перераспределение производительных сил.

«Вытесняет-ли машина сельскохозяйственных рабочих, спрашивает Оппенгеймер и отвечает: «очевидно, нет. Фактически и потребность хозяйства в рабочих растет. По Settegast'у потребность в ручных работах на ¼ гектара в течение года равна:

при зерновом хозяйстве . . . . . 12— 20
» плодосмене . . . . . 30— 50
» индустриальном . . . . . 60—130»

Этот «аргумент» показывает, что Оппенгеймер смешивает культуру с техникой хозяйства. Каждая система хозяйства,—зерновая, плодосменная и индустриальная,—могут вестись с большим или меньшим участием машин. Если при применении машин в зерновом хозяйстве, кроме того, требуется 12—20 рабочих дней ручного труда, то без применения машин его потребуется в 3—4 раза больше. Точно так же и при других системах хозяйства. Что же касается самых систем хозяйства, то они вводятся независимо от применения машин, а в зависимости от плотности населения и цен на продукты. Подробнее на этом вопросе я не останавливаюсь, так как достаточно писал об этом в другом месте (см. Аграрный вопрос т. I и «Теория разв. нар. хоз.»).

При попытке же формулировать законы, регулирующие высоту заработной платы, Оппенгеймер обнаруживает полную беспомощность. «Как высока дань, которую берет от рабочего собственник средств производства,—это определяется условиями места и времени (von Ort zu Ort und von Zeit zu Zeit) в зависимости от редкости услуг по отношению к средствам производства, сообразно законам, регулирующим цену и меновую ценность всех продуктов и особенно монопольных продуктов».

Хотя Оппенгеймер и не дает ничего для понимания законов, регулирующих заработную плату, но он по крайней мере заметил бросающийся в глаза весьма важный факт, игнорируемый другими экономистами, а именно, что резервная рабочая армия рекрутируется из сельскохозяйственных рабочих, создавая ее минимум. Правда, он недостаточно правильно анализировал это явление, но все-таки на него указал.

Оппенгеймер усиленно подчеркивает, что этот простой и несомненный факт долго игнорировался, и объясняет это тем, что в последнее столетие господствует такой индустриализм, который заставляет рассматривать все явления народнохозяйственной жизни с односторонней точки зрения.

Но высказав эти мысли, Оппенгеймер так и не дает теории заработной платы и самое явление безработицы объясняет расплывчато и непоследовательно. Причину тяги сельскохозяйственного пролетариата в города он видит в двух факторах: в формах хозяйства и собственности, которые имеют значение постольку, поскольку существует монополизация земли крупными землевладельцами. Неравномерное распределение земли,—вот причина избыточного сельско-

хозяйственного населения и бегства его из деревни. Но почему и чем вызывается это избыточное население, он не объясняет; почему и районы мелкого земледельческого хозяйства, где отсутствует крупное землевладение, также поставляют рабочих в города; почему земледельческое население относительно сокращается и в плотнонаселенных районах мелкого землевладения,—все эти вопросы так и остаются необъясненными Оппенгеймером: он не останавливался на основных процессах перераспределения производительных сил между земледелием и индустрией, а обратил внимание лишь на явление второстепенного порядка, хотя и имеющее огромное значение.

Во всяком случае и попытка Оппенгеймера заглянуть за пределы индустрии является уже большим шагом вперед, так как помогает выяснить основные процессы, совершающиеся в народном хозяйстве, и осветить их роль, между прочим, и в теории заработной платы.

Мы так долго остановились на работах Оппенгеймера потому, что и те немногие правильные мысли, которые встретили у этого экономиста, составляют редкое исключение в экономической литературе последнего времени.

Например, обычное господствующее представление о причинах безработицы различными экономистами формулируется более или менее одинаково. Приведем для примера следующее «полное» ее объяснение: «Причины безработицы бывают различные и делятся, в общем, на четыре категории: физические, технические, политические и социальные»... (не достает еще астрономических!). «Физические (!) причины—сезонность работы и стихийные бедствия, неурожаи и пр., быстрый прирост населения. Политические причины—неблагоприятные торговые договоры, таможенные пошлины и проч. Социальные—передвижение населения из деревни в город, краткий срок военной службы и пр.» [1]). Эта «исчерпывающая» «научная» полнота объяснения причин безработицы показывает, какая может в настоящее время существовать путаница в голове экономиста, даже пишущего специально о безработице.

ГЛАВА XXVI.

Сельские рабочие в индустрии.

1.

Выброшенные из сельского хозяйства рабочие поглощаются индустрией двояким путем: или предприниматели организуют свои фабрики и заводы в сельскохозяйственных округах, в деревне, чтобы иметь на месте дешевые руки, или рабочие идут в город и здесь ищут работы на фабриках.

При существовании фабрик и заводов в сельских местностях, тем не менее огромное количество рабочих передвигается в город, потому что все-таки в городе находится главный рынок труда и потому, что организация значительной части фабрик удобна и выгодна в городе.

Поскольку рабочий приходит в город, на широкий рынок труда, он под-

[1]) N. Buschmann. Die Arbeitslosigkeit. 1897. S. 67.

чиняется местным условиям рабочего рынка, в общем более благоприятным, чем в сельской местности, откуда рабочий вышел.

Но при отсутствии у сельского рабочего навыка к фабричной работе, при отсутствии специальности он рискует остаться без работы и вернуться домой ни с чем. Это обстоятельство очень благоприятствует контрактовому найму деревенских рабочих на фабрики по наиболее дешевым ценам и наиболее жестокой эксплуатации этих контрактовых рабочих. С другой стороны, дешевизна пришлых из деревни и особенно нанятых по контракту рабочих рук, является одной из главных причин борьбы местных рабочих с пришлыми, борьбы, которая в некоторых странах оказывает давление и на государственное законодательство.

Предприниматель рассматривает рабочую силу, как простой товар, который нужно покупать по возможности дешевле, чтобы получить больше прибыли. А всякий товар дешевле в месте его производства и избытка. Для того, чтобы получать более дешевые рабочие руки, предприниматели часто организуют «покупку» рабочих рук в районах, выбрасывающих рабочее население. Нанятые предпринимателями агенты разъезжают по деревням и законтрактовывают рабочих для вывоза их в промышленные районы.

Приобретая таким путем более дешевые рабочие руки, предприниматель может оказывать давление на высоту заработной платы у себя на месте, противопоставить местным рабочим конкурренцию привезенных рабочих. В России, вследствие ее обширности и вследствие разнообразия хозяйственных условий в различных районах, такого рода покупка труда на местах «избыточного» населения, особенно широко распространена. В южном районе, где развитие производительных сил в земледелии и индустрии поглощает рабочие руки, предприниматели стараются нанять рабочих из центрального земледельческого района, в колоссальном количестве выбрасывающего их. Некоторые предприниматели законтрактовывают рабочих в других государствах и ввозят этот дешевый «товар», как наиболее выгодный.

В Японии своеобразный «институт поставщиков» создан исключительно для нужд больших предприятий, являясь посредником между сельским населением и предпринимателями крупных промышленных центров Японии при вербовке рабочих и работниц для фабрик и заводов.

Подобные поставщики, разъезжая по деревням и рисуя заманчивые перспективы городской, фабричной жизни, завлекают своих добродушных соотечественников в омут заводско-промышленной жизни.

Труд поставщиков хорошо оплачивается. Каждое большое предприятие имеет несколько таких «посредников», обязанность которых заключается и в разыскивании рабочих, убегавших от ужасных условий на фабриках [1]).

Вывоз рабочих из других стран является очень распространенным в тех странах, где заработная плата относительно более высока. Вывоз китайских кули и индийских рабочих в южную Африку, наем русских, австрийских и итальянских рабочих в более развитых европейских капиталистических странах является одним из средств приобрести не только более дешевые, но и менее способные

[1]) А. Петров. Рабочий вопрос в Японии. Стр. 164.

к сопротивлению рабочие руки. Дешевый привозной «товар» в виде рабочих рук удобен тем, что рабочие, оторванные от родной почвы, завезенные в чужую страну, иногда незнающие языка, могут подвергаться безнаказанно наиболее свирепой эксплуатации, обманам и насилиям, являются наиболее беззащитными.

Естественно, что местные рабочие, видя в привозимых из заграницы контрактовых рабочих наиболее опасных для себя конкуррентов и не разобравшись в причинах этого явления, начинают агитацию против такого рода привоза рабочих и добиваются его запрещения.

Но дешевизна рабочих рук в районах, выбрасывающих рабочих, ведет к борьбе рабочих, находящихся в лучшем положении, вообще против иммигрантов. Такого рода борьбу мы наблюдаем в Соединенных Штатах, в Австралии, в Новой Зеландии и т. д. Рабочие замечают разницу высоты заработной платы привозных и местных рабочих и хватаются за первое средство, которое им кажется удобным для сохранения более высокой нормы заработной платы: борятся против ввоза рабочих. Объяснения, которыми оправдывается эта братоубийственная борьба рабочих с приливом иностранных рабочих, кажутся, на первое время, правильными. Когда белые рабочие боролись против привоза цветных рабочих— негров, китайцев, японцев и т. д., то объясняли эту борьбу тем, что цветные представляют собою низшую расу, потребности которой значительно ниже потребностей белых, более культурных рабочих. Но по мере улучшения путей сообщения и облегчения передвижения рабочих и белые рабочие из стран с дешевым трудом стали такими же конкуррентами, как и цветные рабочие. Пришлось и белых рабочих некоторых стран причислить к «низшим расам». Между тем, рабочие, например, Соединенных Штатов, легко могли убедиться, что иммигранты евреи и рабочие других национальностей, организовавшись на местах иммиграции, добивались и добиваются повышения заработной платы и тогда делаются не менее «культурными», чем янки, если разуметь под «культурностью» лучшее удовлетворение физических потребностей, и более культурными, если понимать под «культурностью» и характер духовных потребностей. В действительности низкая заработная плата привозных рабочих объясняется теми условиями, на которые мы выше указали, тем, что экономические условия на родине пришлых рабочих сводят заработную плату к минимуму необходимых средств к существованию.

Австралийские, американские и английские союзы рабочих, пропитанные буржуазной идеологией, считая капиталистические отношения нормальными, не находят иных средств борьбы с понижением заработной платы пришлыми рабочими, как запрещение иммиграции наиболее беззащитным рабочим. Эгоистическое стремление устранить конкуррренцию пришлых рабочих, облекается в форму расового антагонизма, стремления сохранить культуру против пришлых варваров и т. д. Только проповедь социализма, объясняющего отрицательные стороны капиталистического строя господством капитала, открывает рабочим глаза на значение различных методов борьбы за улучшение их положения.

Тем не менее, как мы указывали, отсутствие теории заработной платы и неправильное объяснение ее высоты в различных районах, странах и отраслях

промышленности служит значительным препятствием пониманию причин этого явления.

Причиной низкой заработной платы сельского населения, передвигающегося в города, эмигрирующего за океан и т. д., служит не низкий культурный уровень этого населения, а неблагоприятные экономические условия на месте их выселения. Их «культурный уровень» делается высоким, как только им удается организоваться на новом месте и поднять заработную плату до обычного уровня. Рабочий, получающий высокую заработную плату в России, не хуже американца сумеет распорядиться своим заработком, но, к сожалению, таких рабочих, которые получают заработную плату не ниже американских рабочих, слишком мало, не вследствие малой культурности первых, а вследствие неблагоприятных социально-экономических условий, вследствие давления на заработную плату приходящих из деревни рабочих.

Ослабить давление приходящих рабочих на заработную плату возможно не братоубийственной борьбой [1]), а организацией пришлых рабочих и вовлечением их в экономическую борьбу за улучшение положения рабочих. Китайские рабочие, поскольку им удалось организоваться в Соединенных Штатах, значительно повысили свою заработную плату. Нечего и говорить о европейских рабочих, которые, организовавшись являются верными товарищами в экономической борьбе местных рабочих. Это видно из приведенных уже нами данных о потреблении продуктов иммигрантами и уроженцами Соед. Штатов и европейскими рабочими.

Из всех европейских стран в настоящее время в Англии имеются наиболее благоприятные условия для повышения заработной платы в сельском хозяйстве. Там, настолько значительная часть населения уже передвинулась из земледелия в индустрию, что конкурренция сельскохозяйственных рабочих не может так давить на заработную плату, как в других более отсталых европейских странах.

Постановление рабочей партии в Англии, относящееся еще к июню 1913 г., бороться за установление minimum'а заработной платы в сельском хозяйстве, указывает на то, что рабочая партия, может быть ощупью, на основании жизненного опыта, но во всяком случае нашла тот источник, где образуется minimum заработной платы, откуда в индустриальную армию идут рабочие с наиболее низко оплачиваемым трудом.

2.

Препятствия передвижению рабочих из районов с наиболее низкой заработной платой ставятся главным образом в этих районах.

---

[1]) В 1889 году Американская федерация труда, требуя законодательных мер против иммигрантов, становилась на тот путь, которым сами рабочие эксплоатируются предпринимателями, и пыталась вместо борьбы с предпринимателями за улучшение своего положения, бороться с иностранными рабочими. См. об этом Levasseur. L'Ouvrier americain. T. I.

Уже в последнее время перед войной американские рабочие начинали понимать, что легенда национальной и расовой борьбы является гибельною для них же. Так, по сообщению «L'Humanite» (летом 1913 г.), «рабочие протестуют против националистической политики по отношению к японцам, грозящей войной и угрожают всеобщей забастовкой».

Землевладельцы, заинтересованные в сохранении minimum'а заработной платы, употребляют все усилия к тому, чтобы обеспечить себя наиболее дешевыми рабочими руками. Поэтому, поскольку землевладельцы оказывают влияние на государственное законодательство, препятствия передвижению рабочих ставятся и государственной властью. В этом отношении у нас до революции власть в угоду землевладельцам и отчасти из фискальных целей, нанесла огромный ущерб, как тем рабочим, которые уходят на заработки заграницу, так и тем, которые остаются. Препятствия передвижению рабочих, задерживали многих рабочих на месте, обостряли между ними конкурренцию, и таким образом, вели к понижению заработной платы на месте в России, увеличивая разницу в высоте заработной платы в России и заграницей, препятствовали многим рабочим получить высокий заработок заграницей и вынуждали или оставаться дома без работы или довольствоваться ничтожным заработком.

Но и для тех рабочих, которым удается пробраться заграницу, препятствия, которые ставятся государством их передвижению, обходятся очень дорого. Так, при поездках крестьян для заработков в Америку, «все хлопоты по поездке берет на себя профессиональный агент. Сейчас от Брест-Литовска до Нью-Йорка крестьяне платят 125 рублей. Крестьяне переплачивают и за то, что у нас граница не открыта для свободного перехода, и за то, что агент не может открыто держать конторы [1])».

Принято думать, что в Европе и в Америке более высокая оплата труда объясняется очень высокими требованиями по отношению к рабочему, что там эксплоатируется труд, требующий значительной подготовки и обучения, что русский рабочий, получающий дома ничтожную заработную плату, в Европе и Америке мало пригоден вследствие своей неразвитости и недостаточной подготовки.

Факты говорят противное [2]). Русские рабочие из Америки присылают каждый в среднем 700—800, не более 2.000 рублей ежегодно. Небольшие деревни ежегодно получают около 20 тыс. руб. американского золота. Сама Америка считает, что она ежегодно высылает по почте в Россию около 11 милл. руб. эмигрантских денег, не считая тех, которые переводятся банками и «вкатываются» в Россию вместе с их владельцами.

Таким образом, труд русских рабочих ценится в Америке в 3—4 раза выше, чем в России не потому, что переехавшие в Америку рабочие делаются способными к более квалифицированному труду, а потому, что там экономические и социальные условия являются более благоприятными, нежели что быстрое раз-

[1]) Vitalis. Экспорт необработанного труда («Речь», № 169, 1913 г.). Характерны формы перехода через границу: «Через границу переправляются партиями в несколько сот человек. Начальство строжайше блюдет за тем, чтобы на заветном песчаном валике и рву, отделяющих Россию и Германию не было следов от человеческих ног. Поэтому установлено обычаем, что эмигранты сваливают в кучу на песок свои ватные пиджаки, ложатся и перекатываются по ним через границу. Выкатиться из России стоит восемь рублей «с головы»; вкатиться гораздо дешевле—два рубля».

[2]) Эти факты, между прочим, красноречиво говорят о том, насколько неправильно объяснение низкой заработной платы в России малой производительностью труда рабочих. В Америке труд тех же рабочих оказывается производительным. Объяснение этого см. дальше.

ность производительных сил в индустрии и в земледелии ежегодно поглощает труд не только естественного прироста местных, но и сотен тысяч пришлых рабочих. Если, тем не менее и в Америке всегда существует резервная рабочая армия, то не потому, что индустрия недостаточно быстро поглощает естественный прирост местного рабочего населения, а потому, что европейское и, отчасти азиатское земледелие с развитием капитализма выбрасывает гораздо больше рабочих рук, чем может поглотить индустрия при самом быстром темпе ее развития.

Нужно заметить, что в Америке наиболее распространено применение машин. Между тем, именно там, в индустрии находят заработок не только подрастающие поколения американских рабочих, но огромное количество иммигрантов.

Все эти факты доказывают, что если русский, польский или итальянский рабочий, выброшенный из земледелия, получает на родине низкую заработную плату, если он в земледелии ведет полуголодное существование, то не потому, что он мало культурен, что поддержание его существования стоит дешево, не потому, что его труд мало производителен, а потому, что экономические и социальные условия для него крайне неблагоприятны, что земледелие выбрасывает слишком много рабочих рук, а индустрия не достаточно быстро развивается, чтобы поглощать выброшенные из земледелия рабочие руки. Труд того же рабочего в Америке оказывается достаточно «производительным», чтобы получать заработную плату в 3—4 раза выше.

Оказывается, что в России, где машинное производство применяется в ничтожных размерах, резервная рабочая армия настолько велика, что рабочие руки поставляются на европейский и американский рынки, а в Америке, где машинное производство применяется в наибольших размерах, индустрия ежегодно поглощает сотни тысяч пришлых рабочих. Можно поэтому судить, насколько удовлетворительно объяснение безработицы применением машин!

ГЛАВА XXVII.

Почему крестьянское хозяйство вскармливает рабочих для индустрии.

Высота заработка индустриальных рабочих, как видно будет из дальнейшего изложения, зависит не столько от затрат труда, не столько от напряженности работы, сколько от характера их профессий, от перераспределения производительных сил и т. д. Эти объективные вне воли рабочего стоящие факторы, настолько неуклонно определяют высоту его заработка, что при всех своих единоличных условиях, он почти не может повысить свой заработок, хотя бы увеличение его семьи побуждало к этому. Единственное средство повысить бюджет семьи,—это эксплуатировать труд жены и детей, но такой путь повышения заработка не всегда доступен. Поэтому, как увидим дальше, у рабочих рост семьи зависит от роста заработка рабочего, а не обратно. Т. е., чем выше заработок рабочего, тем больше имеется возможности иметь семью, и обратно, чем меньше заработок, тем меньше семья. Поэтому рабочие, получающие меньше заработка,

не имеют семьи, поэтому большинство сельскохозяйственных рабочих бессемейные, а рабочие, получающие более высокую заработную плату, дают наибольший процент семейных. Капитал, не оплачивая стоимость содержания семьи, лишает ее огромную часть рабочих.

При анализе бюджетов гамбургских рабочих и бюджетов крестьян, наблюдается следующее явление: по мере увеличения семьи рабочего, количество продуктов, потребляемых каждым едоком, падает, т. е. увеличение семьи рабочего сопровождается сокращением потребления каждого члена семьи. Это видно из следующей таблицы [1]):

	Число едоков по отношению к работнику						
	1,10—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,60—1,75	1,75—1,90	1,91 и больше
На одного рабочего из личн. бюджета .	902	953	1020	986	1071	1063	1071
На одного едока	854	802	764	662	652	590	494

Из этой таблицы мы видим, что по мере увеличения семьи, потребление каждого едока правильно сокращается.

Предпринимателю нет дела до размеров семьи рабочего: если семья последнего растет,—за это расплачивается сам рабочий и его дети. Разумеется, при таких условиях оплаты труда, размножение рабочего населения задерживается, потомство рабочих, если оно и имеется, должно вырождаться с тем большей интенсивностью, чем больше семьи рабочих.

Анализ бюджетов крестьянских хозяйств дает выводы совершенно другого характера. Работая в своем хозяйстве, мелкий собственник в среднем получает меньше, чем фабричный рабочий. Потребности первого поэтому ниже, чем потребности наемного рабочего, так же как и культурный уровень. Пока рабочий одинок, без семьи, он может лучше удовлетворять свои культурные потребности, лучше одеваться и проч. Но как только появляется семья, мелкий собственник оказывается в лучшем положении. Бюджет мелкого собственника растет вместе с ростом его семьи. Количество производимых мелким собственником продуктов растет вместе с увеличением его семьи, правда, растет вследствие большого напряжения его труда, но все-таки растет.

Прилагая труд в собственном хозяйстве, мелкий собственник делает дополнительные, хотя и менее производительные затраты, чтобы получать дополнительное количество продуктов, пропорционально увеличению своей семьи. Это видно из следующей таблицы, составленной на основании бюджетов вологодских крестьян (цифры первой группы приняты за 100) [2]).

[1]) См. А. Чаянов. Очерки по теории трудового хозяйства, стр. 17.

[2]) Там же, стр. 17.

	Отношение числа едоков к работникам.						
	1,05—1,15	1,16—1,30	1,31—1,45	1,46—1,60	1,61—1,75	1,76—1,90	и больше
У крестьян личн. бюдж. на 1 едока . .	100	98,5	101,4	96,0	99,5	—	—
У крестьян личн. бюдж. на 1 работн. .	100	108,1	126,5	134,1	158.9	—	—
Гамбургский рабочий на 1 едока . .	100	93,9	89,5	77,5	76,4	69,1	58,8
Гамбургский рабочий на 1 работника .	100	105,8	113,2	109,2	119 9	117 9	119,9

Мы видим, что в крестьянском хозяйстве увеличение числа едоков не уменьшает их потребления, между тем как в бюджете рабочего потребление каждого едока с увеличением их по отношению к работнику сокращается со ста до 58,8. Те же выводы дает анализ бюджетов крестьян других губерний России, бюджетов швейцарских крестьян и т. д.

Эти данные имеют некоторое значение для освещения затронутого нами вопроса. Потребности крестьян относительно очень низки и бюджет их, обычно, очень ничтожен. Но удовлетворение потребности в семье не встречает там того неодолимого препятствия, какое встречает городской рабочий. Крестьянин может делать в своем хозяйстве дополнительные затраты труда и таким путем, путем сильного напряжения своей трудовой деятельности повышать бюджет пропорционально росту своей семьи. Разумеется, эти дополнительные затраты труда возможны только при известном минимуме принадлежащей ему земельной площади, средств производства и т. д. Во всяком случае, для той части крестьян, которые имеют этот минимум, возможно увеличение семьи с меньшим риском сократить удовлетворение жизненных минимальных потребностей.

Это дает возможность крестьянам мелким собственникам выкармливать новые подрастающие поколения работников. **Но приложение новых рабочих сил на тот же участок** земли, является там уже мало производительным. Новые работники в хозяйстве так мало дают, что для обеспечения своего дальнейшего существования вскормленные в деревне свежие рабочие силы гораздо больше заработают в городе. Они уходят в город, в индустрию и там ищут заработка. Крупным предпринимателям мелкое хозяйство таким образом может давать свежие рабочие силы, а фабричные рабочие могут быть оставлены без семьи.

Воспитание молодых поколений рабочих, которые должны выбрасываться из земледелия и давать рабочие руки для индустрии, может происходить только при известных социальных условиях в сельском хозяйстве. На это мы указывали уже в предыдущих главах. Если земледельческие хозяйства настолько многоземельны, что приложение труда новых подрастающих поколений достаточно производительно, чтобы обеспечить более или менее сносное существование земледельческого населения, оно не уходит из земледелия, остается там.

В районах же, где мелкое хозяйство так малоземельно, что приложение труда новых работников не обеспечивает их существования, они принуждены уходить в поиски за работой и заполнять кадры наемных рабочих.

Мелкое крестьянское хозяйство исполняет важнейшие функции, необходимые для современного капиталистического общества. Город и современная индустрия пожирают людей. Капиталистическому хозяйству нужны все новые и новые гекатомбы рабочих, которые не получают достаточно средств для воспитания свежих рабочих сил, которые требуются на смену старых все в большем и большем количестве. Эту функцию поставщика свежих рабочих сил и исполняет мелкое хозяйство.

С другой стороны, без усиленного размножения населения и без воспитания подрастающих поколений, в мелком хозяйстве происходило бы быстрое сокращение населения страны и таким образом, подрывались бы основы капиталистического строя. Ибо не только во взаимной международной борьбе, которую поддерживает капитализм, но и в самом развитии капитализма имеет большое значение общее увеличение населения. Увеличение внутреннего рынка тесно связано не только с повышением потребления на голову населения, но и с количеством последнего. Поэтому сокращение размножения населения грозит задержкой промышленного развития страны. Поэтому промышленная буржуазия очень заинтересована в сохранении мелкого хозяйства, хотя ее экономическая деятельность и самое развитие хозяйства подрывает основы существования мелкого хозяйства.

Это противоречие современного хозяйственного строя неизбежно ведет и к противоречивой политике господствующих классов. Хотя государством принимаются некоторые меры к сохранению мелкого хозяйства, но вместе с тем, это мелкое хозяйство разоряется не только всем ходом развития экономических отношений, но и налогами, значительная часть которых сваливается господствующими классами на крестьян и рабочих.

Таким образом, трудовое крестьянское хозяйство очень полезно с точки зрения предпринимателей, потому что является постоянным источником излишних рабочих рук, воспитываемых в земледелии и источником прироста населения. Но оно полезно и в другом отношении: именно, в трудовом хозяйстве воспитываются рабочие, привыкающие к напряжению труда для того, чтобы довольствоваться минимумом потребностей, именно трудовое хозяйство создает минимум потребностей, регулирующий заработную плату остальных категорий рабочих.

Как мы заметили, размножение населения в трудовом хозяйстве происходит благодаря возможности дополнительных наименее производительных затрат труда членов этого хозяйства.

Разумеется, эти дополнительные затраты делаются только ради удовлетворения наиболее настоятельных жизненных потребностей. Только настоятельная необходимость удовлетворения потребностей может побудить делать малопроизводительные затраты труда, дающие ничтожную прибавку продуктов в мелком хозяйстве. Так как такие хозяйства являются поставщиками наиболее дешевой рабочей силы, то предприниматели и стараются вывезти этот продукт из районов

его наиболее дешевого «производства». Законтрактование рабочих на местах, поставляющих рабочие руки в другие районы, является одной из наиболее выгодных мер для предпринимателей.

ГЛАВА XXVIII.

Перераспределение производительных сил в индустрии и заработная плата.

1.

Выше мы уже выяснили законы, которыми регулируется и причины, которыми вызывается перераспределение производительных сил, влияющее на высоту заработной платы. Процесс перераспределения производительных сил выясняется, как из анализа бюджетов отдельных хозяйств, так и из анализа развития народного хозяйства в целом.

Так мы нашли, что в земледелии, вследствие падения производительности затрат на ту же площадь земли, вследствие того, что труд в экстенсивном хозяйстве производительнее, чем в интенсивном, земледельческое население стремится к рассеянию по всей удобной для земледелия площади земного шара. Поэтому производительные силы в земледелии стремятся передвинуться из плотнонаселенных стран в реже населенные; поэтому, в последних, при капиталистическом строе, заработная плата в земледелии относительно должна быть выше, а в плотнонаселенных земледельческих районах заработная плата земледельческих рабочих относительно должна быть ниже.

С другой стороны, как из анализа бюджетов отдельных хозяйств, так и из анализа развития народного хозяйства, мы пришли к выводу, что относительная доля производства и потребления предметов питания по мере развития хозяйства сокращается и увеличивается потребление, а, следовательно, и производство предметов обрабатывающей промышленности и в особенности, средств производства. Т. е. производительные силы общества по мере его экономического развития, должны передвигаться из земледелия в индустрию. На заработной плате это перераспределение производительных сил между земледелием и индустрией должно сказаться в виде относительного понижения заработной платы в земледелии и относительного ее повышения в индустрии. Путем такого изменения заработной платы, путем выбрасывания сельскохозяйственных рабочих и крестьян из земледелия, сельское население принуждено переходить постепенно в обрабатывающую промышленность.

Разумеется, перераспределение производительных сил по мере развития хозяйства происходило и в натуральном хозяйстве до развития капитализма. Но там это перераспределение совершалось планомерно и вело только к улучшению положения членов хозяйства. В бюджетах крестьянских хозяйств мы видим, что, по мере улучшения благосостояния крестьянской семьи, затраты труда на производство предметов непосредственного потребления относительно сокращаются и относительно увеличиваются затраты труда на производство средств производства. Чем зажиточнее хозяйство, тем относительно больше труда оно затрачивает на средства производства. Но это ведет лишь к тому, что производитель-

ность труда каждого члена хозяйства увеличивается, и благодаря этому полнее удовлетворяются их потребности.

Если мы представим себе социалистическое общество с планомерной организацией производства, то и там перераспределение производительных сил может происходить в том же направлении, т. е. в увеличении затрат труда на средства производства и на предметы обрабатывающей промышленности и в относительном сокращении затрат труда на непосредственное добывание предметов питания. Но там перераспределение производительных сил выразится в простом передвижении рабочих рук из одной отрасли промышленности в другую. Только при капиталистическом строе это перераспределение производительных сил происходит особым путем: голод и безработица являются побудителями для рабочих оставить одну отрасль промышленности, а относительное повышение заработной платы—перейти в другую отрасль.

2.

С развитием капитализма перераспределение производительных сил происходит с известной закономерностью.

Прежде всего производительные силы передвигаются в производство орудий и средств обмена, т. е. в пути сообщения и производство необходимых для этого материалов и орудий: железные дороги, пароходы, в угольную и железоделательную промышленность, поскольку они являются необходимыми для доставки необходимого сырья. В другие отрасли обрабатывающей промышленности производительные силы должны передвигаться постольку, поскольку развивается массовое потребление. Очевидно, условия борьбы за повышение заработной платы благоприятнее в тех отраслях промышленности, куда передвигаются производительные силы общества.

Процесс передвижения производительных сил от одной отрасли в другую не рассматривается вульгарной экономией отчасти потому, что его изучение недоступно с частно-хозяйственной точки зрения.

С частно-хозяйственной точки зрения расширение какой либо отрасли промышленности представляется в виде затраты денежного капитала предпринимателями на производство в расширяющейся отрасли промышленности и в виде сокращения затрат в сокращающейся отрасли. Но в общественном производстве этот процесс гораздо сложнее. Деньги сами по себе ничего не создают. Для производства необходимы затраты живого труда, орудий и средств производства. Но, в свою очередь, необходимые для увеличения производства орудий и средства производства (сырье, здания и т. д.) также должны быть созданы новой затратой труда. Таким образом, как внешнее проявление процесса перераспределения производительных сил, должно быть передвижение денежного капитала из одних отраслей производства в другие. Но в процессе **общественного** производства перераспределение производительных сил выразится в том, что увеличивается количество труда, затрачиваемого не только в расширяющуюся отрасль промышленности, но и для производства для нее орудий и средств производства. Так как последние производятся также только трудом, то, в конечном счете, перераспре-

деление производительных сил выражается в увеличении затрат труда в расширяющейся и смежных с ней отраслях промышленности. В капиталистическом обществе это выразится в увеличении найма рабочих рук в этих отраслях, в натуральном хозяйстве просто в увеличении в них затрат труда. Поскольку изменяются условия производства благодаря передвижению производительных сил, постольку изменяются и условия найма рабочих в различных отраслях производства.

Заработная плата является результатом борьбы из-за нее предпринимателей и рабочих, т. е. результатом классовой борьбы. Успех и результаты этой борьбы зависят с одной стороны, от чисто объективных экономических условий, которые мы стараемся выяснить в теории заработной платы, с другой от энергии и организованности борющихся сторон. Но и последнее условие, т. е. организованность предпринимателей и рабочих в значительной степени зависит от развития и перераспределения производительных сил.

Процесс перераспределения производительных сил в капиталистическом обществе происходит совершенно независимо от воли предпринимателей и рабочих. В этом процессе можно найти известную закономерность, но эта закономерность становится заметной лишь при изучении всего народного хозяйства в целом.

Благодаря процессу накопления капитала, все большая и большая часть общественного труда затрачивается на орудия и средства производства (см. «Теория развития нар. хоз.» гл. XV). С другой стороны, по мере развития индустрии, в бюджете каждого хозяйства все большее и большее место занимают затраты на предметы обрабатывающей промышленности и относительно меньшую роль играют затраты на продукты земледелия.

Увеличение потребления какого-либо продукта выражается в увеличении спроса на него, а уменьшение потребления—в сокращении спроса. В связи с увеличением или сокращением спроса на продукты той или другой отрасли промышленности, распределяются и производительные силы общества. Сокращение спроса ведет к понижению рыночной цены продукта, к сокращению прибыли и к сокращению производства. Увеличение спроса ведет к обратным последствиям. Капитал, руководствуясь стремлением получить наибольшую прибыль, перемещается в зависимости от увеличения или сокращения потребления продуктов различных отраслей промышленности. А это изменение потребления нащупывается только на рынке и не поддается предварительному учету. Поэтому перераспределение производительных сил происходит не в виде планомерного передвижения капиталов и рабочих сил из одной отрасли в другую, вызванного предварительным точным расчетом, а соображениями, основанными исключительно на колебаниях спроса и предложения.

Изучая перераспределение производительных сил в процессе хозяйственного развития, можно точно определить тенденции, которые проявляются в этом процессе, например, можно определить, что и в будущем производительные силы будут передвигаться из земледелия в обрабатывающую промышленность, так как

те тенденции развития капиталистического хозяйства, которые проявлялись в прошлом, остаются и для более или менее ближайшего будущего.

Если мы проследим перераспределение производительных сил, например в Германии по данным промышленной переписи, то увидим, что производительные силы передвигаются главным образом в производство средств производства, затем в передвижение и обмен продуктов и, наконец, в производство продуктов удовлетворяющих вновь развивающейся потребности. С 1882 по 1907 год, наибольшее увеличение и уменьшение числа рабочих произошло:

		в %
в сельском хозяйстве	— 1,597 тыс. на	— 8,48%
горнозаводство	+ 1,633 »	+ 121,1%
обработка металлов	» 1,485 »	» 110,8%
машиностроение	» 1,441 »	» 180,2%
строительные промыслы	» 2,075 »	
почта, телеграф и железная дорога	» 8,700 »	[1])
торговля	» 1,441 »	

При абсолютном сокращении числа лиц, занятых сельским хозяйством, весь естественный прирост населения передвинулся, главным образом в производство средств производства (горнозаводское дело, обработка металлов, машиностроение и строительные промыслы) и отчасти в обмен (железные дороги и торговля).

Тенденции развития народного хозяйства и перераспределения производительных сил определяют в главных чертах и положение рабочих, вынужденных передвигаться из одной отрасли производства в другую под давлением относительного понижения и повышения заработной платы.

В связи с указанными тенденциями будут распределяться и производительные силы капиталистического общества.

И в ближайшем будущем должно расширяться производство средств производства. Следовательно, заработная плата в этих производствах должна будет стоять выше, чем в земледелии, чем в мелком производстве и т. д., но точных размеров передвижения капитала и труда в ту или другую отрасль промышленность определить нельзя. Пока существует капиталистический строй, рабочие всегда будут находиться под угрозой неожиданного для них сокращения той или другой отрасли промышленности и необходимости искать заработков в другой. Теория заработной платы может лишь выяснить причины, определяющие различный уровень заработной платы различных категорий рабочих и общие условия, которыми регулировалась и будет регулироваться заработная плата и которые являются более или менее благоприятными для ее повышения. Так, например, благодаря концентрации капитала и передвижению производительных сил в крупное производство, можно смело утверждать, что заработная плата в более крупных предприятиях не только была, но и будет выше, чем в мелких, т. е. там условия борьбы за повышение заработной платы более благоприятны, благо-

[1]) См. проф. К. Воблый. Третья профес.-промысловая перепись. Т. I. Стр. 338—341.

даря общей тенденции развития хозяйства. То же можно сказать относительно отдельных отраслей промышленности,—машиностроительной, каменноугольной, железоделательной, так как эти отрасли промышленности с развитием хозяйства, должны быстро развиваться.

3.

Относительное увеличение доли основного капитала с целью увеличения производительности труда сопровождается обыкновенно увеличением размеров и самых предприятий; увеличиваются не только размеры основного капитала, но и количество рабочих. Это передвижение производительных сил в более крупные предприятия должно вести и к относительному повышению заработной платы в крупных предприятиях, сравнительно с ее размерами в мелких предприятиях. Но, несмотря на ее относительное повышение, доля **рабочего** (заработная плата) **в общей ценности продукта падает.** Эти положения можно иллюстрировать следующей таблицей, составленной на основании данных промышленной переписи Соед. Штатов 1905 г. [1]):

Предприятия с производством	Из общей суммы. % числа предприятий.	% основного капитала.	% числа рабочих.	% заработн. платы.	% ценности продукта.	% заработн. платы из ценности произв продукта.	% прибавочной ценности.
ниже 5 тыс. долларов	32,9	1,3	1,9	1,6	1,2	29	1,5
от 5 до 20 тыс. долларов	33,7	4,2	7,7	7,2	5,1	25	4,8
» 20 » 100 » »	22,2	13,0	18,8	18,3	14,4	22,4	13,7
» 100 » 1000 » »	10,3	43,8	46,0	45,7	41,3	19,5	45,2
свыше миллиона долларов	0,9	37,7	25,6	27,2	38,0	13	34,8
во всех предприятиях	100	100	100	100	100	17	100

Из таблицы мы видим, что по мере увеличения размеров предприятий, увеличивается процент основного капитала сравнительно с процентом рабочих, занятых в предприятиях соответствующих размеров. Т. е. с увеличением предприятия увеличиваются размеры основного капитала по отношению к переменному, к заработной плате, и на каждого рабочего приходится больше основного капитала. Этот факт доказывает, что с увеличением размеров предприятий, происходит перераспределение производительных сил страны в сторону производства орудий производства. Так, в самых мелких предприятиях, имеющих 1,9% всех занятых рабочих, основной капитал составляет только 1,3% общей суммы капитала, а в самых крупных предприятиях при 25,6% общего числа рабочих, основной капитал составляет 37,7% общей суммы основного капитала.

На ряду с этим, заработная плата также относительно повышается вместе с увеличением размеров предприятий. В самых мелких предприятиях 1,9% об-

[1]) Manufactures. 1905. Special reports of the census office Part VI. 1908.

лцет) числа рабочих получают 1,6% общей суммы заработной платы, т. е. на 16% меньше средней заработной платы, а в самых крупных предприятиях 25,6% рабочих получают 27,2 процентов из общей суммы заработной платы, т. е. на 6% больше средней нормы.

Несмотря на относительное повышение заработной платы в крупных предприятиях, производительность труда настолько повышается, что ценность произведенных продуктов растет быстрее, чем заработная плата и основной капитал. Вместе с тем, доля, получаемая капиталистами в виде прибыли, процента и т. д., растет быстрее, чем заработная плата. Между тем, как 25,6% рабочих, занятых в крупных предприятиях, получают 27,2% заработной платы, прибавочная ценность, получаемая в производстве увеличивается до 34,8% ее общей суммы, получаемой во всех предприятиях. К сожалению, в данных переписи из общей суммы, получаемой предпринимателями, не выделена доля, которая идет на амортизацию капитала и на ремонт, но % этой доли должен относительно падать, так как более солидные постройки, машины и т. д. требуют меньшего процента на ремонт и амортизацию.

Из приведенных нами данных о высоте заработной платы в различных по размерам предприятиях видно, что чем крупнее предприятие, тем выше заработная плата. А так как в крупных предприятиях преобладает машинное производство, то этот факт может быть констатирован так: технический прогресс и введение машин сопровождается **относительным** повышением [1]) заработной платы в технически лучше поставленных предприятиях. Это объясняется отчасти большей степенью сопротивляемости рабочих, организованных в крупных предприятиях; но, очевидно, для того, чтобы рабочие могли добиться более благоприятных для себя результатов, необходимы и более благоприятные экономические условия.

Главным фактором относительного повышения заработной платы, в крупных технически лучше поставленных предприятиях является процесс перераспределения производительных сил, влияющий на высоту заработной платы во всех областях хозяйственной деятельности. Крупное производство расширяется на счет мелкого, производительные силы передвигаются в этом направлении и крупное производство привлекает рабочие силы относительным повышением заработной платы, так же как индустрия отвлекает их от земледелия. Таким путем происходит перераспределение производительных сил не только между различными отраслями народного хозяйства, между земледелием и индустрией, между падающими отраслями промышленности и развивающимися, но и между отсталыми способами производства и технически наиболее современными как в земледелии или в каком-нибудь падающем промысле—например, в производстве лаптей, заработок падает ниже нормы необходимых средств существования и тем вынуждает рабочих переходить в другие отрасли народного хозяйства,—так и в технически отсталых предприятиях заработная плата опускается ниже миниму-

[1]) Разумеется это повышение заработной платы происходит не механически, а зависит от способности рабочих к борьбе за ее повышение. Но указанные условия делают эту борьбу более или менее успешной.

ма, и рабочие под угрозой голода передвигаются в предприятия технически более совершенные.

В зависимости от процесса перераспределения производительных сил в одних предприятиях, технически более отсталых, заработная плата относительно понижается; в других, технически лучше поставленных, она относительно повышается, но абсолютная высота заработной платы зависит от силы и организованности класса предпринимателей и рабочих, от результата классовой борьбы. Процесс перераспределения производительных сил является лишь общим фоном, условием, при котором происходит классовая борьба. В зависимости от этого условия борьба рабочих в той или другой отрасли промышленности, в тех или других типах предприятий будет более или будет менее успешной. Например, в крупных предприятиях заработная плата может в среднем достигать более высокого уровня, чем в мелких, продолжительность рабочего дня в них может успешнее сократиться и т. д.; или обратно, в мелких предприятиях, благодаря их падению, заработная плата может относительно падать, рабочее время удлиняться и т. д., т. е. в крупных предприятиях положение рабочих относительно может улучшаться лишь потому, что в мелких предприятиях оно ухудшается. Относительное повышение заработной платы в крупных предприятиях и относительное понижение ее в мелких, является общим для всех категорий рабочих, для мужчин, женщин и детей.

Это видно из следующей таблицы. Средняя заработная плата в долларах в 1905 году за неделю была [1]):

В предприятиях.	У детей.	Женщин.	Мужчин.
Менее 10 рабочих . . .	3,30	5,52	10,51
От 10 до 50 рабочих .	3,25	5,85	11,07
» 50 » 150 »	3,34	6,06	11,30
» 150 » 300 »	3,34	6,09	11,13
» 300 » 500 »	3,75	6,36	11,30
» 500 и выше	3,72	6,55	11,41

Перераспределение производительных сил происходит между крупными и мелкими предприятиями также, как между различными отраслями промышленности и различными районами. Следовательно, заработная плата в зависимости от процесса перераспределения производительных сил должна быть выше, в технически лучше оборудованных предприятиях по тем же причинам, по которым она выше в районах, привлекающих рабочих и в развивающихся отраслях промышленности.

4.

Перераспределение производительных сил происходит не только между отдельными отраслями промышленности, но и между районами и странами. В странах, где производительные силы быстро развиваются, спрос на рабочие руки

[1]) Manufactures. 1905. Part IV. Earnings of wage-earners. Стр. 709.

растет и заработная плата относительно повышается, сравнительно с высокой ее в районах, выбрасывающих рабочих. Наиболее быстрое развитие капитализма и производительных сил происходит в Соединенных Штатах Северной Америки. Здесь, благодаря быстрому развитию индустрии и благодаря расширению эксплоатируемой площади на новых землях, земледелие не выбрасывает рабочих, и их увеличение происходит на счет иммиграции. При таких условиях заработная плата должна быть наиболее высокой. В Англии, хотя земледельческое население уже в значительной степени передвинулось в города, тем не менее оно еще и до настоящего времени поставляет рабочих для индустрии. Здесь заработная плата должна быть ниже, чем в Америке, но выше, чем в других европейских странах с относительно большим процентом выбрасываемого земледельческого населения. В Германии индустрия быстро развивается, и заработная плата должна бы быть сравнительно высокой, но земледельческое население еще поставляет слишком много «излишних» рабочих, и заработная плата не может достигнуть такого уровня, как в Англии. Во Франции индустрия развивается медленнее, и заработная плата должна быть ниже, чем в Германии и Англии. Наконец, в таких странах как Италия и Россия, заработная плата наиболее низкая, так как выбрасываемое земледелием рабочее население не поглощается индустрией и эмигрирует.

Имеющиеся данные о заработной плате подтверждают такое объяснение ее высоты. По анкетам, произведенным в Соединенных Штатах, Англии, Германии и Франции в 1907-9 годах, сравнительная высота заработной платы и длина рабочего дня в этих странах была следующей (принимая длину рабочего дня и заработную плату в Англии за 100): [1])

	Зараб. плата.	Длина раб. дня
Соединенные Штаты	282	96
Англия	100	100
Германия	83	111
Франция	75	117

Реальная заработная плата, выраженная в продуктах, не соответствует денежной плате. Тем не менее и выраженная в количестве продуктов высота заработной платы остается приблизительно в таком же отношении, как и в деньгах. Цены продуктов по анкетам были следующие (принимая цены в Англии за 100):

	Соед. Штаты	Англия.	Германия.	Франция.
Сахар	144	100	119	144
Сало	116	100	123	—
Мука пшеничная	139	100	140	153
Белый хлеб	223	100	—	115
Простое мясо	104	100	122	109
Свиное	81	100	123	116
Квартиры	198	100	100	86

[1]) Bulletin of the Bureau of Labour, 1911. Цит. из «Вестн. Финан.» за 1912 г.

Мы видим, что в Соединенных Штатах содержание жизни стоит в общем дороже, чем в Англии, но заработная плата значительно выше, чем относительная дороговизна продуктов. В Германии и Франции цены продуктов приблизительно одинаковы,—выше, чем в Англии,—и тем не менее заработная плата в Германии ниже, чем в Англии, а во Франции ниже, чем в Германии.

Принято объяснять избыток безработных и низкую оплату труда рабочих их быстрым размножением. Но во Франции, как известно, размножение населения приостановилось, между тем заработная плата значительно ниже, чем в Соедин. Штатах, где население быстро увеличивается, и даже ниже, чем в Германии.

Разумеется, на высоту заработной платы имеет влияние и организованность рабочих и их борьба за ее повышение, но успешность этой борьбы, в значительной степени, определяется объективными условиями.

В Соединенных Штатах рабочие не лучше, а хуже организованы, чем в Англии и даже в Германии, тем не менее благодаря общим социально-экономическим условиям там заработная плата установилась наиболее высокой.

5.

Наконец, перераспределение производительных сил должно также отражаться на высоте заработной платы у представителей различных профессий.

У земледельческих рабочих заработная плата, в среднем, должна быть ниже чем у индустриальных рабочих так как производительные силы с развитием капитализма передвигаются в индустрию, у представителей падающего ремесла ниже, чем в развивающемся и т. д.

Передвижение капитала вызывается стремлением получить большую прибыль. Очевидно, что, если капиталист находит выгодным платить более высокую заработную плату там, куда передвигаются производительные силы, то только потому, что даже при более высокой заработной плате прибыль его повышается. И действительно, всякое перераспределение производительных сил по территориям ли, или по предприятиям ведет к относительно большему повышению прибавочной ценности, чем к повышению заработной платы.

Из таблицы, в которой приведены данные о высоте заработной платы в различных штатах Северной Америки и о размерах посева, видно, что земельная рента, в которую реализуется прибыль землевладельцев, повысилась в огромных размерах именно там, где выше заработная плата, и обратно, несмотря на более низкую заработную плату в штатах с уменьшающимися размерами посева, цена земли и рента упали. Ценность земли в Montan'e поднялась с 1880 года на 2000%, в Arizon'e на 1200% и т. д., несмотря на наивысшую заработную плату. Напротив в Mariland'e, Rhode Island'e и др. с наиболее низкой заработной платой цена земли или понизилась или осталась без изменений.

Точно также, с увеличением размеров предприятий, заработная плата занятых в них рабочих несколько повышается, но в гораздо большей степени повышается в них сумма прибавочной ценности: при 25,6% занятых рабочих из общего их числа сумма прибавочной ценности, получаемая в этих предприятиях, составляет 34,8% из общей суммы прибавочной ценности. Таким образом, при

сравнительно незначительном повышении заработной платы для предпринимателей увеличивается в огромных размерах.

Сравнивая процесс распределения национального дохода в индустрии по мере ее развития, мы находим в Соединенных Штатах Северной Америки следующие цифры для соответствующих периодов:

	1890 г.	1900 г.	% роста против 1890 г.	1905 г.	% роста против 1900 г.
Капитал	6,525 м долл.	9·817 м. долл.	50,5%	13,872 м. долл.	41,3%
Число рабочих	4,251 т. чел.	5,308 т. чел.	24,9%	6,157 т. чел.	16%
Заработная плата . . .	1,891 м. долл.	2,322 м. долл.	22,8%	3,016 м долл.	29,9%
Число служащих	(?)	396 т. чел.	-	566 т. чел.	42,7%
Их жалованье	—	403 м. долл.		609 м. долл.	50,9%
Прибавочная ценность .	636 м. долл	1,027 м. долл.	62,8%	1,651 м. долл.	60%
Ценность продуктов . . .	9,372 м. долл	13,004 м. долл.	38,8%	16 866 м. долл.	29,7%

Из таблицы мы видим: с 1890 г. по 1905 год число рабочих увеличилось на 45%, заработная плата выросла на 59,5%, между тем как прибавочная ценность увеличилась за тот же период на 159%. Т. е., несмотря на постоянную организованную борьбу рабочих за повышение заработной платы, повышение ее оказалось ничтожным (при увеличении числа рабочих на 45% сумма их заработка увеличилась на 59,5%) сравнительно с повышением суммы прибыли. При этом, как мы заметили, повышение суммы прибыли происходит в больших размерах в тех предприятиях и отраслях промышленности, куда передвигаются производительные силы, и где, следовательно, заработная плата относительно выше.

Из таблицы видно также, что значительно быстрее роста числа рабочих и их заработной платы увеличивается число служащих и сумма их жалованья. Создается огромная армия служащих рядом с рабочими физического труда. Уже в 1905 году в Соединенных Штатах было более полумиллиона служащих, клерков и т. д., не занятых непосредственно физическим трудом в обрабатывающей промышленности.

6.

Останавливаясь на значении технического прогресса и введения машин при капиталистическом строе мы должны указать на то, что совершенно не разделяем общепринятых взглядов на этот вопрос. Принято думать, что машины, вытесняя рабочих из той отрасли промышленности, в которой они вводятся, таким образом создают резервную рабочую армию.

В главе об образовании резервной рабочей армии мы статистическими данными показали, что, несмотря на увеличение интенсивности труда и усиление эксплоатации каждого рабочего, количество занятых рабочих в индустрии увеличивается быстрее, чем естественный прирост индустриального населения, что в некоторых отраслях промышленности количество занятых рабочих благодаря вве-

дению машин сокращается, но в большей степени увеличивается количество занятых рабочих при производстве машин и при добывании сырья для обработки этими машинами.

Исходя из положения, что машины вытесняют рабочих, сокращают спрос на труд и содействуют образованию резервной рабочей армии, некоторые экономисты основывают теорию заработной платы, из которой следует вывод, что борьба рабочих за повышение заработной платы вредит интересам других рабочих. Сущность теории «субституции», замены рабочих машинами, сводится к следующему.

Каждый отдельный предприниматель при организации предприятия руководствуется принципом экономии издержек производства, пользуясь комбинацией «факторов» производства—труда и орудий производства. Если один из факторов дорожает—предприниматель заменяет его другим, если заработная плата повышается, предприниматель заменяет рабочего машиной. Так как, действительно, повышение заработной платы является одним из могучих факторов, содействующих введению машин то из этого следовал бы вывод, что повышение заработной платы ведет к введению машин и выбрасыванию рабочих из индустрии и образованию резервной рабочей армии.

Т. е. если бы допустить, что введение машин ведет к абсолютному сокращению, числа занятых рабочих, то можно было бы сделать и соответствующие выводы: возможность «субституции» рабочего машиной ставит в границы повышение заработной платы, так как не дает возможности ей подняться: ее повышение ведет к замене живого труда машиной и к увеличению резервной рабочей армии, т. е. к ухудшению общего положения рабочих. Таким образом, приняв положение, что резервная армия создается машинами, что введение машин не увеличивает спрос на рабочие руки в других отраслях промышленности (в производстве этих машин и сырья для них), а сокращает его, нужно было бы признать и логический вывод из этого положения, что повышение заработной платы какой либо категории рабочих вредно для рабочего класса, так как поведет к выбрасыванию рабочих из производства машиной и к увеличению резервной рабочей армии. Среди социалистов повидимому, является наиболее распространенным взгляд, на котором основываются вышеприведенные выводы, взгляд, что резервная рабочая армия создается введением машин. Но тогда пришлось бы признать и вред борьбы за повышение заработной платы, которая ведет к употреблению машин. К счастью, этот взгляд совершенно неправилен и основан на наблюдении явлений в частном хозяйстве и в отдельных отраслях промышленности, а не на наблюдении всего народного хозяйства в целом.

Действительно, в том предприятии и в той отрасли промышленности, где благодаря повышению заработной платы, введены машины, количество занятых рабочих в этом предприятии или в этой отрасли промышленности может благодаря введению машин сократиться. Но во всем народном хозяйстве повышение заработной платы и введение машин увеличивают спрос на рабочие руки. Прежде всего увеличивается производство машин, материалов для них и сырья, необходимых для обработки.

А из анализа строения капитала в различных отраслях промышленности

видно [1]), что это ведет к огромному увеличению затрат труда на производство средств производства для введения машин, т. е. к увеличению спроса на труд в этих отраслях промышленности в гораздо большей степени, чем на непосредственное производство машин.

Кроме того, повышение заработной платы ведет к увеличению производства предметов массового потребления, что также сопровождается повышением строения капитала, т. е. увеличением производства средств производства для предметов непосредственного потребления и к расширению рынка. Поэтому, хотя введение машин, вызванное повышением заработной платы и может сократить спрос на труд в той или другой отрасли промышленности, в том или ином предприятии, но в гораздо большей степени оно расширяет производство в других отраслях промышленности и, прежде всего, в производстве средств производства. Оно ведет вместе с тем к перераспределению производительных сил между различными отраслями промышленности в направлении расширения производства средств производства. Наблюдая развитие различных капиталистических стран, мы легко можем заметить, что количество индустриальных рабочих быстрее увеличивается в странах, в которых применение машин наиболее распространяется, в которых технический прогресс неизбежно сопровождается расширением производства средств производства.

Таким образом, рассматривая все народное хозяйство в целом, в связи с перераспределением в нем производительных сил, мы должны прийти к следующему выводу: повышение заработной платы, сопровождаясь заменой рабочих машинами, ведет к увеличению спроса на труд вследствие роста производства средств производства, (машин и материалов) и вследствие расширения производства предметов потребления рабочих, вызванного повышением заработной платы. Расширение же производства предметов потребления рабочих ведет к массовому машинному производству с высоким строением капитала, т. е. к расширению производства средств производства и к более быстрому развитию промышленности. Если бы было обратное явление, если бы машины сокращали число рабочих в индустрии, то введение машин должно было бы вести к понижению заработной платы, именно там, где они вводятся, обостряя безработицу. Между тем заработная плата выше именно в отраслях промышленности и в странах, где вводится машинное производство, создающее более благоприятные условия для борьбы за повышение заработной платы. Только в сельском хозяйстве машина сокращает абсолютное количество занятых в нем рабочих.

Этот вывод находится в резком противоречии с установившимися взглядами на значение повышения заработной платы и введения машин потому, что замена рабочих машинами каждому бросается в глаза. Гораздо труднее проследить тот процесс перераспределения производительных сил и расширения производства, который является результатом введения машин. При этом страдают особенно рабочие, выброшенные машинами, так как, несмотря на увеличение спроса на труд, эти рабочие могут вымереть с голоду, не найдя работы, и, конечно, эти рабочие

[1]) См. „Теор. разв. нар. хозяйства", гл. XVI.

не легче, что в других отраслях промышленности количество занятых рук увеличилось. Тысячи ткачей умирали с голоду при введении механического ткацкого станка, хотя одновременно увеличивалось количество рабочих, занятых в других отраслях промышленности.

7.

Введение машин и технический прогресс ведут к развитию крупного производства и к передвижению производительных сил в крупные предприятия. Повышение заработной платы ведет к введению машин и, следовательно, к развитию крупного производства. С другой стороны передвижение производительных сил в сторону крупного производства дает возможность относительного повышения в нем заработной платы сравнительно с отсталыми отраслями промышленности и с отсталыми предприятиями. Т. е. повышение заработной платы дает толчек техническому прогрессу, а технический прогресс облегчает возможность борьбы за повышение заработной платы. Этой взаимной связью и объясняется приведенный выше факт относительно более высокой заработной платы в крупных предприятиях и более низкой в мелких.

Разумеется, не всегда повышение заработной платы сопровождается введением машин и обратно—не всегда машины вводятся, как результат повышения заработной платы. Но введение машин выгоднее при повышении заработной платы; машина вводится для того, чтобы она могла увеличить производительность дороже оплачиваемого труда. Поэтому развитие машинного производства тесно связано с относительным и абсолютным повышением заработной платы.

Абсолютное повышение заработной платы может быть только результатом классовой борьбы рабочих так как сами предприниматели вовсе не склонны повышать заработную плату. Она относительно повышается лишь постольку, поскольку это повышение вызывается перераспределением производительных сил в развивающихся отраслях промышленности, чтобы привлечь сюда рабочие силы из других отраслей. Только в организованной борьбе рабочие могут воспользоваться благоприятными для них условиями, чтобы использовать их и для абсолютного повышения заработной платы.

Такое же значение имеет промышленное оживление, вызванное расширением рынка, наступающее, обыкновенно, после периодических кризисов, или благодаря какой-нибудь благоприятной экономической конъюнктуре. В период промышленного оживления точно также производительные силы приливают в индустрию, также увеличивается спрос на рабочих и создаются благоприятные условия для повышения заработной платы. В данном случае происходит не перераспределение производительных сил, не перераспределение капиталов и рабочих, а прилив производительных сил к промышленности, явившийся после предшествовавшего периода застоя. Но и промышленное оживление обыкновенно сопровождается перераспределением производительных сил в сторону более крупных предприятий, выдержавших предшествовавший период кризиса и застоя, а также в сторону тех отраслей промышленности, которые получили наибольший толчек для развития от промышленного подъема. Разумеется, и в данном случае создаются лишь

благоприятные условия для повышения заработной платы; и уже от организации и самодеятельности рабочих зависит возможность использовать эти благоприятные условия для улучшения своего положения.

Мы сравнивали высоту заработной платы в Германии по различным отраслям промышленности в связи с их развитием. Из таблицы мы видим, что главным фактором, влияющим на высоту заработной платы, является перераспределение производительных сил.

Труд может быть «неквалифицированным» и оплачиваться выше квалифицированного труда, если он мало доступен для резервной армии, вербующейся из земледелия. Яркой иллюстрацией этого положения является относительная высота оплаты труда в связи с доступностью ее для приходящих из деревни рабочих. В России, благодаря преобладанию земледельческого населения, многие работы в городе исполняются приходящими деревенскими рабочими. Те же работы в Западной Европе и Америке исполняются городскими рабочими. Очевидно, в России труд в профессиях рабочих, приходящих из деревни, должен оплачиваться относительно ниже, чем труд городских рабочих. Например, в России наборщики должны получать значительно более высокую заработную плату, чем каменщики или плотники, приходящие из деревни, так как заработная плата в деревне наиболее низкая.

Совершенно иная оплата труда должна быть в Соединенных Штатах и даже в Западной Европе, где профессии каменщиков и плотников не связаны так с деревней, где они являются группой городских рабочих. Поэтому один и тот же труд, который в России применяется к категории более «квалифицированного», например, труда наборщиков оплачивается в России выше, чем труд каменщиков и плотников, а в Западной Европе и в Соединенных Штатах оплачивается ниже. Это видно из следующего сопоставления:

	Заработная плата:		
	наборщиков	каменщиков	плотников
в Петербурге	2 р. — к.	1 р. 39 к.	1 р. 53 к.
„ Берлине	2 р. 56 к.	3 р. 12 к.	3 р. 12 к.
„ Нью-Йорке	6 р. 07 к.	9 р. 86 к.	8 р. 02 к.

Это различие относительной платы труда профессий наборщиков, каменщиков и плотников нельзя объяснить ни «квалифицированностью» труда, ни «стоимостью» содержания рабочих. Почему более «квалифицированный» в России труд наборщиков оказывается в Западной Европе или в Соединенных Штатах менее «квалифицированным», чем труд каменщиков и плотников и оплачивается там ниже? Если определить заработную плату «стоимостью рабочей силы», то почему в Западной Европе и Соединенных Штатах «стоимость рабочей силы» наборщика ниже стоимости рабочей силы каменщика или плотника? Единственное объяснение указанному явлению мы найдем в процессе перераспределения производительных сил страны. В России земледелие непосредственно выбрасывает рабочих в строительную промышленность. В Западной Европе и Америке строительные рабочие вербуются из городских рабочих. А так как строительная

промышленность и в Западной Европе и в Соединенных Штатах очень быстро развивается, то это вызывает передвижение в нее рабочих рук путем относительного повышения заработной платы.

Относительно более низкая заработная плата в России в текстильной промышленности объясняется теми же причинами. Рабочие ткацких фабрик [1]) в значительной своей части вербуются из пришлого деревенского населения, для которого более доступен труд ткача, чем, например, типографского рабочего, требующий прежде всего грамотности.

ГЛАВА XXIX.

Перераспределение производительных сил и квалифицированный труд.

1.

Если бы характер труда в различных отраслях промышленности был более или менее одинаков и одинаково доступен для рабочих всех районов и всех производств, то разница в высоте заработной платы в различных отраслях промышленности была бы менее значительной. Незначительное повышение заработной платы в развивающейся отрасли промышленности и незначительное понижение в падающей было бы достаточным фактором для передвижения рабочих рук из одной отрасли в другую.

В действительности рабочие одной профессии не могут переходит к другой, так как требуется иногда продолжительная выучка для занятия каким либо трудом.

Чем продолжительней период выучки, тем меньше может выступить конкурентов на рабочем рынке в данной профессии. Точно также, чем больше требуется физической силы и ловкости для исполнения работы, тем меньше может быть конкурентов со стороны женщин, детей, чернорабочих и др.

Поэтому в одной и той же отрасли промышленности в зависимости от степени подготовки, которая требуется в той или другой профессии, заработная плата имеет чрезвычайно различный уровень. Очевидно в одной и той же отрасли промышленности различный уровень заработных плат уже не может быть объяснен процессом перераспределения производительных сил, а только степенью подготовки, выучки ловкости и силы, которые требуются от рабочих и которые препятствуют конкурренции необученных рабочих.

Так, в типографском деле труд машинных наборщиков, требующий наибольшей ловкости и выучки, оплачивается в Москве, в среднем 75,4 руб. месяц. Труд книжных работников только 39,5 руб., а труд тискальщиков 28,5 руб. в месяц [2]).

В литографиях в машинном отделении обученные рабочие получают 40,4 р.

---

[1]) Кроме указанных причин, нужно принять еще во внимание относительно большой процент женщин, понижающих средн юю норму заработной платы.

[2]) А. Свавицкий и В. Шер Очерки положения рабочих печатного дела в Москве, Спб 1904. Приложение табл. V.

в месяц, шлифовалы 21,3 р. Чернорабочие же в типографиях и литографиях получают 20,4 руб. в месяц [1]).

В различных отраслях промышленности требуется различное количество рабочих с большой выучкой или физической силой выше средней. Так, в полиграфической отрасли промышленности требуется от рабочих многолетняя выучка, чернорабочие играют в этой отрасли промышленности ничтожную роль. Поэтому средний уровень заработной платы здесь должен быть относительно выше, чем, например, в обработке волокнистых веществ, где может быть применяем в большем количестве женский и детский труд, и где не требуется такого продолжительного обучения.

Точно также в производствах по обработке металлов требуется от рабочих не только физическая сила, но и предварительная выучка. Здесь женщины и дети, а также чернорабочие не могут играть такой роли, как в производстве по обработке питательных продуктов или волокнистых веществ. Поэтому заработная плата металлистов в среднем значительно выше, чем в других отраслях промышленности.

На основании данных В. Варзара[2]) средняя высота (месячной) заработной платы была следующая:

		в 1911 г. [3]).
в обработке шерсти	12 руб.	10,5 руб.
» » хлопка	15,7 »	9,9 »
» » металлов	32,0 »	33,1 »
» полиграфическом производстве	25,0 »	23,6 »
во всех производствах по России	17,2 »	

Мы видим, что в зависимости от степени выучки и физической силы, которые требуются от рабочих в различных производствах, средняя высота заработной платы резко колеблется. Металлисты в среднем получают почти в три раза большую заработную плату, чем рабочие по обработке шерсти, где могут работать и женщины и малолетние.

С другой стороны в пределах одного и того же производства норма заработной платы колеблется в еще больших размерах. В типографском деле наборщики при машинах получают почти в 4 раза более высокую заработную плату, чем чернорабочие в тех же предприятиях. И чем больше места занимает квалифицированный труд требующий предварительного обучения, тем выше средний уровень заработной платы.

Перераспределение производительных сил из одной отрасли промышленности в другую или из одного района в другой, не уничтожает этого отношения

[1]) А. Свавицкий и В. Шер. Данные о заработной плате. Табл. V. См. также В. В. Шер. История професс. движения раб. печ. дела в Москве.

[2]) Статистические сведения о фабриках и заводах по произв. необложк. акцизом за 1900 г.

[3]) По данным отчетов фабричных инспекторов за 1911 г. См. материалы по страхованию рабочих № 1, Спб. 1913 г.

оплаты различных видов труда, а повышает или понижает оплату труда всех категорий рабочих данной отрасли промышленности или данного района. Так, в Соединенных Штатах во всех отраслях промышленности и всех категориях труда заработная плата в среднем выше, чем в Европе.

Точно также в экстенсивном хозяйстве русских окраин заработная плата выше, чем в земледельческом центре, у всех видов сельско-хозяйственного труда. В падающих отраслях промышленности заработная плата понижается у всех выбрасываемых из нее категорий рабочих, но разница в оплате труда различных категорий остается, как в падающих, так и в развивающихся отраслях промышленности, как в районах, выбрасывающих, так и в районах, поглощающих рабочих.

Таким образом, перераспределение производительных сил, с одной стороны, и размеры конкурренции рабочих между собой, зависящие от степени необходимой подготовки и физической силы, требующейся от них,—с другой, являются объективными условиями, определяющими норму заработной платы каждой категории рабочих. Организация рабочих является уже фактором действующим при этих объективных условиях.

Влияние указанных нами условий на высоту заработной платы проявляется в экономической жизни в самых разнообразных комбинациях, и поэтому заработная плата бывает чрезвычайно разнообразна в зависимости от влияния того или другого фактора. Так, в падающей отрасли промышленности могут быть виды труда, требующие большой выучки и, следовательно, недоступные конкурренции чернорабочих. Эти виды труда будут оплачиваться выше, чем труд в расширяющейся отрасли промышленности, но доступный каждому рабочему. Точно также в мелких предприятиях может применяться труд, требующий значительной подготовки, между тем как в крупных предприятиях может применяться труд, не требующий никакого обучения.

В зависимости от комбинаций процесса перераспределения производительных сил между предприятиями и отраслями промышленности и в зависимости от большей или меньшей доступности каждого вида труда для массы рабочих находится и высота заработной платы каждой категории рабочих.

2.

Наконец, на уровень заработной платы индивидуальных рабочих, кроме процесса перераспределения производительных сил и степени необходимой подготовки и обучения, в пределах каждой профессии, имеют влияние индивидуальные качества рабочих, их сила, ловкость и т. д. Это видно из следующей характерной таблицы. Рабочие печатного дела в Москве получают в месяц следующую заработную плату [1]):

[1]) А. Свавицкий и В. Шер. Цитир. соч Стр. 26.

	В среднем.	В возрасте: До 20	20—25	25 30	30—35	35—40	40—45	45—50	50 и больше
Наборщики книжные	39,9	30,6	36,0	40,8	44 8	44.7	45 9	44.8	34.1
Переводчики	39,3	23,9	30,4	40,2	45,7	42,8	42,7	46,1	44.1
Брошюровщики	29,4	24,4	28,3	31,4	31,2	35,6	30,4	28,0	25
Литографские машинисты	40.4	—	31,2	35.9	36,9	47,2	52,3	42,4	40,2
Печатники	43,5	28,3	32,7	42,8	43,8	49,1	46,1	43,5	42

В таблице мы видим в различных профессиях строгую закономерность роста заработной платы по мере перехода рабочего к более зрелому возрасту. Но к 50 летнему возрасту заработная плата всех перечисленных категорий рабочих начинает падать вместе с упадком сил рабочего.

До 40-45 летнего возраста силы рабочего и, особенно, его ловкость растут. Вместе с этим повышается и оплата его труда. Но по мере истощения его сил, с повышением возраста, оплата понижается, пока рабочий не выбрасывается окончательно из производства.

Рабочая сила при капиталистических отношениях является товаром. На цену этого товара оказывают влияние как общие условия, в которых находится рабочий класс, так и индивидуальные условия, в которых находится каждый рабочий.

1) Общими социальными условиями, в которых находится рабочий класс, определяется минимум заработной платы, создаваемый в районах «избыточного» населения.

2) Условия, в которых находятся рабочие, занятые в той или другой отрасли промышленности, определяются процессом перераспределения производительных сил, увеличивающим или уменьшающим спрос на рабочих в данной отрасли.

3) Условия, определяющие положение представителей той или другой профессии в пределах данной отрасли промышленности, определяются степенью необходимой подготовки, выучки для этой профессии.

4) Наконец, условия, определяющие высоту заработной платы индивидуального рабочего определяются его индивидуальными качествами, силой, ловкостью и т. д.

Значение всех перечисленных условий неодинаково для рабочего класса. Общими социальными условиями, создающими минимум заработной платы определяется положение всего рабочего класса, отдельные представители или группы которого под влиянием других перечисленных условий могут получать некоторую прибавку к этому минимуму.

Процесс перераспределения производительных сил на фоне общих условий капиталистического строя определяет относительное положение всех рабочих различных районов, различных стран и различных отраслей промышленности (в земледелии, в индустрии и т. д.), повышая или понижая средний уровень заработной платы.

Степень подготовки и выучки, необходимой в каждой профессии, определяет степень отклонения заработной платы от уровня, определяемого общими социальными условиями и процессом перераспределения производительных сил.

Наконец, индивидуальные качества рабочего определяют степень отклонения заработной платы индивидуального рабочего от нормы, устанавливаемой всеми перечисленными выше условиями.

В зависимости от того влияния, которое имеет каждое из перечисленных условий, борьба рабочих за улучшение своего положения может иметь различный характер и различное значение.

Рабочий может стремиться увеличить свой индивидуальный заработок путем усиленного напряжения, переходом на сдельную плату и т. п. Таким путем заработок того или другого рабочего, обладающего достаточной ловкостью и силой может повыситься, но положение рабочих всей профессии таким путем только ухудшается, так как обостряет конкурренцию между индивидуальными рабочими данной профессии. Усиленное напряжение ускоряет с увеличением возраста упадок сил рабочего и падение его заработной платы.

Рабочие каждой профессии могут бороться за улучшение своего положения путем забастовок, установления тарифов и т. п. Этот путь может повести к улучшению положения представителей данной профессии, но только до известной степени, так как значительное повышение заработной платы в какой-либо профессии привлечет через некоторое время приток новых рабочих, если данная профессия окажется в слишком выгодном положении.

Рабочие целых отраслей промышленности (индустриальные рабочие) или целых районов, могут бороться за улучшение своего положения или путем широко организованных забастовок, используя благоприятную экономическую конъюнктуру, или добиваясь законодательным путем регулировки рабочего времени и т. п. Этот путь имеет большое значение для всего рабочего класса, но предполагает большую организованность рабочего класса и уже большой политический вес.

Наконец, общие условия капиталистического строя, определяющие минимум заработной платы, могут быть устранены с устранением капиталистического строя, путем борьбы всего рабочего класса с самыми основами этого строя.

3.

Под влиянием перечисленных нами условий, уровень заработной платы различных категорий рабочих должен быть крайне разнообразен. В отрасли промышленности, в которую передвигаются производительные силы, уровень заработной платы может быть ниже, чем в отсталой промышленности, если в ней прилагается квалифицированный труд, требующий большой выучки. Тем не менее, общие тенденции развития хозяйства имеют наибольшее значение, так как они оказывают решающее влияние на общую норму заработной платы всех рабочих в крупных отраслях промышленности.

Перераспределение производительных сил является главным фактором, определяющим общее положение всех категорий рабочих.

Принимая во внимание сделанные нами оговорки, мы можем попытаться сравнить среднюю норму заработной платы в различных отраслях промышленности, в связи с процессом перераспределения производительных сил. Такого рода данные мы можем найти в германской статистике, причем получаются следующие цифры. Высота заработной платы в быстро развивающихся отраслях промышленности:

	Рост производства с 1882 по 1907 г. в % [1].	Средняя годовая заработная плата [2]. в 1909 г.	в 1895 г. [3]	в 1899 г.
Машиностроительное производство . . .	180,22%	1261 м.	899,83 м.	982,54 м.
Химическое „ . . .	155,02 „	1155,54 „	809,79 „	968,15 „
Горнозаводство	121,10 „	1323,87 „	927,24 „	1071,78 „
Типографское дело	173,92 „	1145,89 „	—	-
Обработка металлов	110,80 „	982—1234 „	816,09 „	903,34 „

Высота заработной платы в отстающих отраслях промышленности в то же время была следующей:

	Рост производства.	Заработная плата [4].		
В сельском хозяйстве	8,48%	280— 600 м.	—	—
„ рыболовстве	13,94 „	680 „	—	—
„ обработке дерева	44,63 „	881 - 1003 „	—	—
Производство питательных веществ	47,15 „	616—1172 „	—	—
Текстильная промышленность	49,46 „	614 - 899 „	623,23 м.	701,48 м.

Детальный анализ состава рабочих в каждой отрасли промышленности мог бы показать, что каждая из вышеприведенных групп состоит из различных категорий рабочих с различной оплатой труда. Тем не менее, характерно,—и это не случайность,—что в отраслях промышленности, наиболее быстро развивающихся, средняя заработная плата выше, чем в отраслях промышленности, развивающихся более медленно.

В сельском хозяйстве, как известно, заработная плата наиболее низка.

В отраслях промышленности, в которых количество занятых рабочих увеличилось менее чем на 50% за период с 1882 по 1907 год, заработная плата в среднем значительно ниже 1000 марок в год.

Напротив, в отраслях промышленности, в которых число занятых рабочих возросло более, чем на 100%, заработная плата в среднем значительно превышает 1000 марок в год.

---

[1]) По данным переписи.

[2]) Correspondenzblatt der General kommission. u s. w. № 10. 1911.

[3]) G. Schmoller Die historische Lohnbewegung 1902.

[4]) Katz Handarbeiter u Landwirtsch. in Obergessen. Stuttgert. 1904, стр. 125; по другим данным (Aitscherlich Die Schwankungen der landwirtsch. Reinerträge) средняя поденная плата мужчин с.-хоз. рабочих колебалась от 0,90 до 2,50 (максимум) марок. По данным Handbuch der Wirtschaftskunde Deutschlands поденная летняя плата не превышала 2½ марок.

Высота заработной платы у отдельных категорий рабочих может значительно отклоняться в ту или другую сторону в каждой отрасли промышленности, но общая тенденция, влияющая на среднюю норму заработной платы всех категорий рабочих в приведенных таблицах достаточно ярко обнаруживается.

В другом месте мы показали на основании статистических данных о заработной плате в крупных и мелких предприятиях Соединенных Штатов, что под влиянием передвижения производительных сил из мелких предприятий в крупные, средняя заработная плата в последних также относительно повышается. Т. е., процесс перераспределения производительных сил между предприятиями—передвижение их в крупные,—также в некоторой степени влияет на относительную высоту заработной платы в различных предприятиях.

Разумеется, перераспределение производительных сил между различными отраслями промышленности народного хозяйства, имеет более универсальное значение, чем перераспределение их между различными предприятиями.

Данные о заработной плате во Франции дают ту же картину: заработная плата ниже там, откуда передвигаются производительные силы, и выше там, куда они передвигаются. В земледелии она ниже всего, в провинции ниже, чем в Париже и его окрестностях, куда передвигается промышленное население. Заработная плата во Франции в 1891—3 годах в различных производствах была следующая [1]):

	В Париже.	В провинции.
В земледелии зимой	—	2,04
„ „ летом	—	2,94
„ текстильной индустрии	5,05	3,45
„ производстве пищевых продуктов .	5,75	3,65
„ химическом производстве	4,85	3,70
обработка дерева	6,50	3,75
машиностроительное производство .	6,60	4,25
и т. д.		

Несмотря на постоянное передвижение земледельческого населения в индустрию и абсолютное его сокращение, денежная заработная плата в земледелии все более и более отстает от высоты заработной платы в индустрии. Это видно из следующих данных, относящихся к Франции, где индустрия растет даже не так быстро, как в Германии или в Соединенных Штатах. Принимая высоту заработной платы в 1891—1893 т.т., за 100, заработная плата в предшествовавшие годы составляла следующую величину:

	1852—3	1860—65	1882—3	1891—3
в сельском хозяйстве . . .	69	91	109	100
„ индустрии	52	68	91	100

[1]) По данным L'Enquête de 1891—93 dans la Seine et les autres departements См. также E. Levasseur. Questions ouvrières en France. 1907, p. 529 и след.

Т. е. в индустрии заработная плата повышалась гораздо больше, чем в сельском хозяйстве, несмотря на постоянный отлив сельского населения в города. Сельское хозяйство продолжало в таком количестве выбрасывать рабочие руки, что их отлив из деревни все-таки был недостаточен для подъема заработной платы.

Более того, с 1882 по 1892 год, заработная плата в сельском хозяйстве даже абсолютно упала.

То же самое мы наблюдаем в России. Несмотря на постоянный приливъ деревенского населения в города, здесь денежная заработная плата в текущем столетии повысилась значительно больше, чем в сельском хозяйстве.

ГЛАВА XXX

Теория заработной платы.

1.

К. Маркс остановился на определении высоты заработной платы в начале второго отдела 1-го тома для выяснения процесса образования прибавочной ценности, получаемой предпринимателями от эксплоатации наемного труда, т. е. анализировал норму заработной платы не для выяснения законов определяющих ее величину **у различных категорий рабочих,** а для выяснения источника прибавочной ценности. Естественно, что для этого пришлось рассматривать заработную плату, как величину более или менее одинаковую для всех групп рабочих, и не останавливаться на законах, влияющих **на различие** заработной платы у различных категорий рабочих. Это было необходимо для выяснения процесса образования прибавочной ценности, не усложняя вопроса анализом различных норм заработной платы у рабочих равных профессий и различных районов.

«Подобно всем другим товарам, пишет Маркс, и она (рабочая сила) имеет ценность. Чем же определяется эта ценность? Ценность рабочей силы, как и ценность всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и для воспроизведения этого специфического товара. Производство рабочей силы состоит в ее воспроизведении, в ее восстановлении или в поддержании ее жизни. Для поддержания своей жизни личность нуждается в известном количестве средств существования. Ценность рабочей силы есть ценность средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Количество средств существования должно быть достаточно для того, чтобы поддержать нормальное существование рабочего в качестве трудящейся личности».

«Размеры необходимых потребностей представляют продукт исторического развития, обусловлены культурным уровнем страны. Для определенной страны и в определенный период времени, средний уровень необходимых средств существования является величиной данной [1])».

[1]) „Капитал“, т. I, стр 103—4. Русск. изд. Поповой.

Мы заметили, что для выяснения вопроса об образовании прибавочной ценности, получаемой от эксплоатации рабочих, приведенных положений вполне достаточно. Но совершенно недостаточно их для выяснения законов, определяющих заработную плату различных категорий рабочих.

Возьмем данные о **действительной** заработной плате различных категорий рабочих и мы увидим, что приведенное выше определение является недостаточным.

Средняя заработная плата за десятилетие 1887—1897 г. в Москве для печатников была равна [1]) 100, для столяров 128, для кузнецов 120. Какая из этих средних плат соответствует уровню необходимых средств существования?

Заработная плата с.-х. рабочих, в среднем, в Таврической губ. равнялась 104 к., а в Волынской 36 коп. [2]). Такое различие платы с.-х. рабочих существовало между различными областями России уже с 50-х годов прошлого столетия, т. е. в течение нескольких десятилетий. Какая плата соответствует уровню необходимых средств существования с.-х. рабочих, в Волынской или Таврической губернии?

По данным промышленной переписи 1905 года в Соединенных Штатах заработная плата индустриальных рабочих была следующей [3]):

В неделю:	Число рабоч.	% из общего числа.
ниже 3 долларов	132064	4,0
от 3 до 4 „	150403	4,6
„ 4 „ 5 „	194301	5,9
„ 5 „ 6 „	206163	6,2
„ 6 „ 7 „	262531	8,0
„ 7 „ 8 „	266012	8,1
„ 8 „ 9 „	255458	7,7
„ 9 „ 10 „	378009	11,5
„ 10 „ 12 „	439208	13,3
„ 12 „ 15 „	464875	14,1
„ 15 „ 20 „	390367	11,8
„ 20 „ 25 „	106700	3,2
„ 25 и выше „	51728	1,6

Если из приведенной таблицы заключить, что уровню необходимых средств существования соответствует заработная плата в 3, 4, 5 долл. в неделю, то окажется, что подавляющее большинство рабочих в Соединенных Штатах получает заработную плату выше необходимых средств существования. Если предположить, что необходимые средства существования превышают 15 долл. в

[1]) Статистический ежегодник г. Москвы, 1910 г., стр. 140
[2]) П. Маслов. Аграрный вопрос, т. I, приложение.
[3]) Manufactures, 1905. Part IV, p. 645.

неделю, то огромное большинство рабочих окажется получающим заработную плату ниже этой необходимой нормы.

Из приведенных данных можно было бы заключить, что такой нормы вообще не существует. Это заключение, как мы докажем, было бы неправильно. Статистическими данными мы хотели лишь показать, что теория заработной платы мало разработана, что общепринятых положений в этой теории недостаточно, и что с другой стороны господствующие в политической экономии теории, как постараемся доказать, совершенно несостоятельны. Следовательно, требуется дальнейшая разработка теории, с помощью которой можно было бы объяснить различие заработной платы в одной профессии, но в различных районах, и в различных профессиях одного района.

Ибо нельзя объяснить различием культурных потребностей высоту заработной платы сельско-хозяйственного рабочего, получающего в одном районе в среднем 104 р., в другом районе 35 руб. в год, или рабочего одной профессии, получающего ниже 3 долл. и рабочего другой профессии, получающего выше 20 долл. в неделю. Точно также нельзя объяснить различие высоты заработной платы различных категорий рабочих только квалифицированностью труда тех, которые получают выше minimum a. напр., выше 3 долл. в неделю. Тогда пришлось бы признать, что почти вся рабочая армия получает заработную плату выше нормы за «квалифицированный» труд, т. е. труд почти каждого рабочего оказался бы «квалифицированным», требующим особого напряжения и выучки. Но тогда потерял бы смысл как самый этот термин, так и «норма» заработной платы, если большинство рабочих получает заработную плату, соответствующую этой норме.

2.

Различие высоты заработной платы у различных категорий рабочих не могло не обратить на себя внимания со стороны экономистов. Экономическая наука не могла удовлетвориться теориями заработной платы, излагавшимися экономистами-классиками, не только потому, что в этих теориях заработная плата различных категорий рабочих рассматривалась, как постоянная одинаковая величина, но и потому, что теория классиков приводила к слишком пессимистическим выводам о положении рабочего класса, слишком добросовестно подчеркивала противоречие экономических интересов предпринимателей и рабочих.

Требовалось выработать новую теорию, для чего были, как мы уже отмечали, и объективные, и субъективные основания. Объективные основания— наличность различной высоты заработной платы у различных категорий рабочих. Субъективным основанием является стремление бороться с теорией социализма, обнаружившего непримиримое противоречие интересов предпринимателей и рабочих. Указывая на наличность двух оснований для разработки теории заработной платы, я не хочу этим сказать, что все защитники новой теории заработной платы сознательно создали теорию в интересах предпринимателей. Например, Гобсон и даже Тюнен желали улучшить положение рабо-

чих, но бессознательно усвоили точку зрения предпринимателей не рабочих, не как на единственный субъект производства, а как на объект хозяйственных операций предпринимателя, также как на капитал или на землю.

Мы не будем останавливаться на критике всех существующих и существовавших теорий заработной платы. Это заняло бы слишком много места. Поэтому рассмотрим только «новейшую» теорию, происхождение которой, впрочем довольно давнее, а именно, теории «предельной производительности» рабочего, на которой основана теория «дифференциального дохода».

Эта теория, родоначальником которой нужно считать экономиста Тюнена, сводится к следующему: «производительность» труда рабочих не одинакова. Увеличение числа рабочих в предприятии сверх определенного количества ведет к понижению производительности труда последних рабочих. **Ценность продукта труда последнего рабочего, представленного в предприятии в данной профессии и составляет заработную плату** [1]). «В интересах как сельского хозяина, так и фабриканта увеличивать число своих рабочих до такой нормы, пока это увеличение является выгодным. Границей этого увеличения является тот последний рабочий, заработная плата которого поглощает весь произведенный им продукт; следовательно, заработная плата равна сумме продукта, произведенного последним рабочим. Но так как рабочий потребляет не те продукты, которые производит он, то под «суммой продукта нужно понимать сумму денежной стоимости произведенных рабочим продуктов».

Профессор Маршалль приблизительно так-же определяет закон, регулирующий заработную плату; она определяется со стороны предпринимателя предельной производительностью работника, а со стороны рабочих—количеством предложения их труда.

Дж. Гобсон называет «определяющим» (заработную плату) рабочим такого, который производит продуктов на сумму равную его заработной плате [2]). «Дифференциальные» заработки более искусных рабочих будут значительны. «Во всякое данное время мы находим скалу труда с различными нормами заработной платы для наименее производительных членов каждого ее деления. В свою очередь, в каждой категории будет встречаться известное число различных качественных оттенков труда, каждый со своей нормой заработной платы. Ее мы можем измерять также, начиная от границы определяющего рабочего в каждом разряде».

В этой теории уже неправильно основное положение, что производительность труда последнего «определяющего» рабочего в каждой профессии и категории рабочих ниже, чем производительность труда остальных. Правда, при некоторых работах (в примере приведенном Тюненом,—при сборе картофеля) производительность труда дополнительных рабочих падает, но это является результатом падения в земледелии производительности дополнительных затрат. Вообще же в индустрии производительность труда рабочего обусловливается **орудиями производства.**

---

[1]) См Thünen, Der isolierte Staat. II, SS 181—6.

[2]) Дж. Гобсон. Экономика распределения. Русск пер. стр. 127.

Какой рабочий-машинист является «определяющим» заработную плату этой категории труда, если к каждой машине требуется два машиниста, ни больше, ни меньше? К машине требуется определенное число рабочих и лишний рабочий просто не нужен. Если имеется 10 токарных станков по металлу, то требуется и соответствующее число токарей. Лишний токарь при станке просто будет мешать. Другой ткач при ткацком станке не нужен и производительность его труда равнялась бы нулю, следовательно, производительность его труда никак не может «определять» заработную плату ткачей [1]). Количество ткачей, токарей, машинистов и т. д. определяется количеством орудий и средств производства, а производительность труда каждого из них определяется качеством орудий производства: быстротой движения машины, ее качеством, совершенством и т. д.

Но если даже допустить, что производительность труда дополнительных рабочих всех категорий падает, то и в таком случае «определяющий» дополнительный рабочий никак не может определить заработную плату.

Что служит критерием производительности труда рабочего?

По мнению защитников разбираемой нами теории, производительность труда рабочего определяется **ценой** произведенных им продуктов. Если один рабочий производит продуктов на один рубль в день, то «производительность» труда этого рабочего и определяется этим рублем. Но эти же экономисты признают, что заработная плата входит в цену продуктов, произведенных рабочим, т. е. цена продуктов определяется, между прочим, и высотою заработной платы, так как она входит в издержки производства. Ценность продуктов определяется этими экономистами по нормальной продажной цене, которая зависит от издержек производства, в том числе и от высоты заработной платы. В свою очередь высоту заработной платы они определяют ценой продукта, который производится «определяющим» рабочим. Следовательно, высота заработной платы определяется ценой произведенного продукта, а цена этого продукта определяется высотой заработной платы. Остроумно!

Новая теория заработной платы принуждена вращаться в этом безнадежном круге, потому что критерием заработной платы в ней берется производительность труда рабочего, а последняя, в свою очередь, определяется ценой продукта, в которую входит заработная плата, составляющая часть издержек производства.

В самом деле, как сравнить «производительность» труда одного рабочего, добывающего в день один золотник золота с производительностью труда другого рабочего, добывающего в день сто пудов железной руды, или ткача, изготовляющего в день 10 арш. ситца? Ценой продукта? А чем определяется цена, влияет ли на нее высота заработной платы? Экономисты признают, что высота заработной платы влияет на издержки производства и на цену продуктов и, следовательно, определяет ее.

---

[1]) Если даже допустить, что увеличение числа, напр., чернорабочих может сопровождаться падением производительности их труда, то как можно сравнивать производительность «определяющего» чернорабочего с производительностью труда ткача или машиниста?

3.

Но даже допустивши приведенные выше несообразности, т. е. меньшую производительность труда «последнего» рабочего и определение производительности труда ценою его продуктов, мы все таки придем к заключению, что высота заработной платы определяется не производительностью труда последнего, наименее производительного рабочего.

В самом деле, допустим, что с каждым новым лишним рабочим производительность труда падает и в конце концов опускается до нуля: производительность труда первого добавочного рабочего равняется 9, второго 8, третьего 7 и т. д. Может ли заработная плата приблизиться к нулю, а если не может, то что этому мешает?

Едва ли требуется доказывать, что, например, машинисты не согласятся работать за $\frac{1}{8}$ или за $\frac{1}{4}$ нормальной заработной платы машинистов, хотя бы предприниматель находил, что «производительность» труда «определяющего» машиниста равна $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$ производительности других машинистов. Средняя заработная плата не может опуститься ниже средств, необходимых для физического существования рабочего, просто потому, что если физически не может существовать владелец рабочих рук, то и эти руки не могут работать. Но из этого вполне ясен вывод, что минимальная заработная плата определяется не минимальной производительностью труда, с минимумом средств, необходимых для существования [1]).

«Производительность» труда рабочих данной профессии может благодаря прогрессу техники очень повыситься, тем не менее взаимная конкурренция рабочих данной профессии может повести к понижению заработной платы до указанного выше минимума. И обратно, производительность труда, например, при добывании платины, вследствие выработки рудников, может упасть в несколько раз, тем не менее заработная плата не может опуститься ниже Existenz-minimum'a, а повысится цена платины до нормы, покрывающей издержки производства при новых условиях. Повышается или понижается производительность труда, минимум заработной платы одинаково колеблется около суммы необходимых средств для существования рабочего. Заработная плата, как мы видели, повышается и может повышаться выше этого minimum'a но в зависимости от совершенно других условий, анализ которых и составляет задачу нашей работы. Во всяком случае, теория дифференциальной заработной платы, исходя из предположения, что заработная плата определяется заработком «последнего» рабочего, беспомощно запутывается в противоречии, объясняя неизвестное тем же неизвестным, определяя высоту заработной платы ценой продукта, а цену продукта высотой заработной платы.

Впрочем, Гобсон, например, чувствует логическую несообразность допуще-

---

[1]) Наличность резервной рабочей армии, на которую мы указывали в предыдущих главах, опускает заработную плату до нормы необходимых средств существования в тех рабочих профессиях, которые доступны для этой резервной армии, т. е. главным образом у чернорабочих.

ния, что заработная плата может приблизиться к нулю и делает поправку, которая уничтожает всю теорию.

Гобсон признает, что существует минимум заработной платы, определяемый средствами, необходимыми для существования рабочего, что ниже этого уровня заработная плата, в среднем, не может опускаться.

Но, придавая такое значение уровню необходимых средств существования, Гобсон тем самым опрокидывает теорию «производительного» труда. Ибо до уровня средств необходимых для существования, заработная плата опускается вследствие конкурренции рабочих, независимо от того, какими орудиями, определяющими производительность труда, работают рабочие, т. е. независимо от производительности труда «определяющего» рабочего.

Но если норма заработной платы определяется наиболее настоятельными потребностями рабочих, до которых опускает ее взаимная их конкурренция, то и более высокая заработная плата, получаемая некоторыми категориями рабочих, определяется не большей производительностью их труда, а более слабой конкурренцией под влиянием различных причин, которые и нужно выяснить. Если цена продуктов, производимых в определенный промежуток времени дороже оплачиваемыми рабочими, выше, чем цена других продуктов, произведенных в то же время другими категориями рабочих, то не потому, что труд первых производительное, а потому, что издержки производства первых выше и продукты продаются дороже. Мы не можем сказать, что труд простого ткача, например, менее производителен, чем труд гравера для набивки ситцев, просто потому, что производительность различных видов труда несравнима. Но продукт труда гравера ценится выше, чем продукт труда ткача потому, что цена продукта не вполне соответствует количеству затраченного труда, а соответствует издержкам производства. Т. е. денежная цена продукта определяется высотой заработной платы, а не заработная плата определяется ценой продукта. Разумеется, очень удобно доказывать социальную «справедливость» капиталистического строя, исходя из предположения, что предприниматель получает высокую «плату» за свой «труд» эксплоатации, или инженер за свой «труд» надзора, потому что этот «труд» «производительнее». А «производительность» такого труда определять «платой», которую они получают. Рабочий получает нищенскую плату, потому что его труд мало производителен, а инженер или предприниматель получают высокую «плату» за необыкновенно производительный труд. Это очень удобно. Но как сравнить «производительность» труда предпринимателя, занимающегося выжиманием пота и инженера, распоряжающегося работами, с производительностью труда ткача? [1]). Где критерий? В их «заработной плате»!

При полной негодности принятого теорией дифференциальной заработной платы критерия эта теория не может объяснить и того, почему заработная плата некоторых категорий рабочих бывает выше минимума. То, что получает рабочий сверх необходимых средств существования, Гобсон, как и некоторые другие эко-

[1]) Производительность труда сравнима только у рабочих одной профессии и зависит не только от искусства и силы рабочего, но больше всего от орудий производства, которыми он работает.

номисты, называет «рабочей прибылью» или «рабочей рентой». Но это ничуть не подвигает нас в решении вопроса, чем определяется заработная плата этих высших категорий рабочих, так как новая теория не дала правильного критерия минимума заработной платы.

Спрос и предложение через цену продуктов оказывает давление на распределение производительных сил между различными отраслями промышленности и таким путем оказывает некоторое влияние на относительную высоту заработной платы различных категорий рабочих, но не непосредственно, а путем сокращения того или другого производства и выбрасывания рабочих из одной отрасли промышленности в другую и не вследствие изменения производительности труда, а вследствие изменения размеров производства.

Но процессом перераспределения производительных сил вообще экономисты не занимаются и меньше всего занимались таким анализом защитники критикуемой мной теории.

Анализом этого процесса не занимаются не только академики-экономисты, но и социалисты, хотя только этим путем и можно выяснить законы, регулирующие заработную плату различных категорий рабочих.

4.

Мне не раз приходилось указывать на огромное значение изучения процесса перераспределения и распределения производительных сил общества для понимания совершающихся в нем экономических явлений. Исследование законов, регулирующих заработную плату различных категорий рабочих, тесно связано с процессом распределения общественных производительных сил.

Процесс перераспределения производительных сил выражается в том, что число занятых рабочих рук в какой либо отрасли промышленности сокращается и рабочие перемещаются в другие производства. Это может происходить, например, от сокращения потребления (спроса) какого либо продукта; может происходить при неизменном размере потребления, но при увеличении производительности труда, благодаря чему число занятых рабочих в этой отрасли сокращается.

Например, в какой либо отрасли промышленности 1000 рабочих производит в год 1 миллион экземпляров продукта. Рабочие принуждены будут переместиться из этой отрасли в другую, если потребление сократиться с 1 миллиона экземпляров до 500.000. В таком случае 500 рабочих данной профессии окажутся лишними. Может быть и так, что потребление остается неизменным, но благодаря лучшей технике, для производства того же 1 милл. экземпляров продукта требуется уже не 1000, а 500 рабочих.

Это явление, как мы показали в предыдущих главах, имеет место в капиталистическом земледелии, где, благодаря техническому прогрессу, рабочие выбрасываются из земледелия. Такое сокращение числа занятых рабочих в данной отрасли промышленности сопровождается понижением их заработной платы до минимума, потому, что предприниматели воспользуются избытком рабочих данной профессии и их конкурренцией для понижения заработной платы. Только

после понижения заработной платы до минимума излишние рабочие, вследствие отсутствия заработка, переместятся в другие отрасли промышленности. Таким образом, в последнем приведенном нами случае при повышении производительности труда и даже благодаря этому повышению, заработная плата в данной профессии понизится. Можно, поэтому судить, насколько правильным критерием высоты заработной платы может быть производительность труда, если благодаря ее повышению, например, в земледелии рабочие оказываются излишними, выбрасываются из земледелия, заработная плата понижается сравнительно с высотой ее в других отраслях промышленности и рабочие уходят благодаря этому из деревни в город. Я не буду останавливаться на критике принципа «субституции», которым, будто бы, руководствуется предприниматель при найме рабочего, т. е. возможностью замены рабочего машиной, в зависимости от того, «производительнее» ли машина или рабочий. Слишком очевидно, что токарный станок не заменяет токаря, машина—машиниста, вагон—вагоновожатого. Кроме того и здесь «производительность» труда сторонники критикуемой теории определяют ценой продукта, а «производительность» машины, кроме того, ее ценой, которая в свою очередь определяется заработной платой производивших ее рабочих. Т. е. высота заработной платы определяется высотой заработной платы других рабочих.

5.

Критикуя теорию дифференциальной заработной платы, мы попутно указывали на те условия, которые влияют на ее высоту. Главным условием, влияющим на высоту заработной платы и вынуждающим рабочих довольствоваться минимумом средств, необходимых для существования, является наличность резервной рабочей армии, избыток предложения рабочих рук, созданный условиями капиталистического строя. «Избыточные» рабочие руки, поставляемые земледелием, всегда имеются на рынке, и если капиталист часто не находит достаточного их числа, то не вследствие абсолютного их недостатка, а вследствие нежелания рабочих наняться за ту плату, по которой желал бы их нанять предприниматель. Для того, чтобы, например, нанять большее число углекопов или ткачей, чем имеется их в наличности, нужно настолько повысить заработную плату, чтобы избыточные рабочие других профессий (сельскохозяйственные или чернорабочие) нашли выгодным передвинуться туда, где чувствуется недостаток в рабочих руках. Наличность резервной рабочей армии ведет к тому, что предложение рабочих рук абсолютно всегда превышает спрос и только при нежелании платить более высокую заработную плату, предприниматели часто не находят достаточного количества рабочих. Так, землевладельцы не только в Германии но и в России часто жалуются на недостаток рабочих, умалчивая о том, что заработная плата в сельском хозяйстве ниже, чем во всех других отраслях промышленности.

Если бы капитализм не создавал резервной рабочей армии, если бы промышленность поглощала все рабочие руки, то конкуррренция не имела бы такого

одностороннего характера и уровень необходимых средств для существования не играл бы такой роли, какую играет теперь.

Тем не менее, защитники дифференциальной теории правы в том отношении, что при современном капиталистическом строе мы находим различную оплату труда в различных профессиях и в различных районах. Чем объясняется это различие?

Оружием установления **нормы** заработной платы в различных профессиях, также как и установления нормы прибыли на капитал, является конкурренция. В тех отраслях промышленности, в которых уровень прибыли поднялся значительно выше средней нормы, прилив новых капиталов и расширение производства ведут к понижению ненормально поднявшейся прибыли до ее среднего уровня. Точно также и заработная плата, поднявшись в каком либо предприятии или районе значительно выше средней нормы, привлечет рабочих из других предприятий или других районов. Вследствие взаимной конкурренции рабочих, заработная плата снова опустится до средней нормы оплаты труда этих рабочих.

Но указанное сходство стремления заработной платы и прибыли к одному уровню, к определенной норме проявляется лишь в их тенденциях.

В действительности даже уровень прибыли в различных отраслях промышленности не бывает одинаков. Капиталы, существующие в виде зданий, машин и т. п. не могут передвигаться из одной сферы производства в другую. Это передвижение доступно лишь той части капитала, которая не реализирована в виде основного капитала. Передвижение труда из одной отрасли промышленности в другую более затруднительно, чем передвижение оборотного капитала. Работа во многих отраслях производства требует такого навыка и такой специализации, что рабочий не может легко бросить одно занятие и перейти к другому. Точно также передвижение рабочих из одного района в другой и особенно в другую страну, значительно труднее, чем передвижение капиталов.

Деньги не имеют родины и не питают к ней привязанности. Они могут передвигаться, пересылаться почтой и т. д. Рабочий имеет привычки, привязанности и ходя предприниматели и экономисты смотрят на «рабочие руки», как на такой же «фактор производства», как и капитал, но указанных особенностей рабочего они уничтожить не могут. Только крайняя необходимость и нужда, т. е. недостаточная для удовлетворения наиболее необходимых потребностей, заработная плата побуждает рабочего покидать привычные места и отправляться в поиски за лучшей оплатой труда.

Если в районе **А** заработная плата вследствие избытка рабочих рук значительно повысилась, и многие из рабочих в продолжение значительного периода не могут совсем найти работы, то наиболее подвижная их часть отправляется из одного района в поиски за работой в другие районы.

Если в другом районе **В**, вследствие расширения производства, оно поглощает больше рабочих, чем имеется в наличности в этом районе, то заработная плата должна повыситься настолько чтобы привлечь рабочих из района **А**, где имеется избыток предложения рабочих рук.

Чтобы часть рабочих из района **А** передвинулась в район **В**, необходимо,

чтобы здесь уровень заработной платы превышал уровень заработной платы в районе **A**. Заработная плата должна быть настолько выше, чтобы этой разницей покрывались расходы на передвижение из одного района в другой, а также в некоторой степени вознаграждались потери, которые связаны с переменой места жительства [1]). Таким образом повышение заработной платы в районе **B** и ее норма здесь определяются высотой заработной платы в районе **A**.

Если бы заработная плата в районе **B**, вследствие недостатка рабочих, так высоко поднялась, что увлекла бы весь избыток рабочих из района **A**, то вследствие избытка рабочих рук теперь уже в районе **B**, она понизилась бы до указанной нами нормы и даже ниже ее. Поэтому она не может настолько подняться и увлечь все «избыточное» население района **A**, а поднимается лишь настолько, чтобы привлечь необходимое количество рабочих. Поэтому в районе **B** заработная плата, вследствие расширения индустрии или вследствие расширения запашек, должна стоять выше, чем в районе **A**, чтобы привлечь из последнего необходимое количество рабочих рук. Норма заработной платы определяется, таким образом, в районе с наибольшим «избыточным» населением. В других районах она должна быть выше настолько, чтобы более высокой оплатой труда привлечь необходимое количество рабочих. Обыкновенно передвижение рабочих происходит в таком количестве, что даже в районах, привлекающих рабочих из других областей и стран, образуется постепенно своя «резервная» армия, хотя и меньших размеров, но вполне обеспечивающая местный «рабочий рынок».

6.

Различие заработной платы по районам ярче всего отражается в сельском хозяйстве, так как здесь передвижение рабочих происходит постоянно в связи с рабочими сезонами.

Сопоставляя высоту заработной платы в районах, откуда рабочие уходят и куда приходят они, мы видим прямую ее зависимость от расстояния и издержек, которые связаны с передвижением. Средняя поденная заработная плата сельскохозяйственных рабочих на хозяйском содержании по районам была следующей [2]).

	Средняя за 1902—4 гг.	В 1905 г.	В 1906 г.
Центральный черноз. район	55 коп.	52 коп.	60 коп.
Средневолжский „	54 „	56 „	61 „
Малороссийский „	55 „	61 „	68 „
Нижневолжский „	61 „	74 „	80 „
Новороссийский „	73 „	77 „	102 „

Из приведенной таблицы мы видим, что в центральном и средневолжском районах, отпускающих «излишних» рабочих, заработная плата всегда ниже,

[1]) Как известно, Маркс указывал на большое влияние психологических и исторических моментов в установлении нормы заработной платы.

[2]) См. П. Маслов «Аграрный вопрос», т. II.

чем в районах, куда рабочие уходят. В последних заработная плата тем выше, чем дальше этот район от пункта исхода рабочих на заработки. В нижневолжском и нов российском районах, наиболее удаленных, заработная плата наиболее высокая.

Иллюстрацией изложенных выше теоретических положений могут служить уже приведенные нами данные о различии заработной платы в земледелии в центральной России и на юге, в восточных и западных штатах Америки, в промышленных и земледельческих районах и т. д. Яркую иллюстрацию дают и следующие данные о сравнении заработных плат в Москве и в Баку. На нефтяные промыслы в Баку требуются и обученные рабочие (кузнецы, столяры, слесаря, плотники и т. д.) и чернорабочие. Чернорабочих в Баку выбрасывают ближайшие земледельческие районы Кавказа и Персии, где мелкое земледельческое хозяйство находится в худшем даже положении, чем в черноземной России. Поэтому заработная плата чернорабочих в Баку должна быть более низкая, чем в Московской губ. Напротив, квалифицированных рабочих Баку может привлечь только из промышленных губерний, близких к Москве. Поэтому, различие заработной платы в Московской губ. и в Баку выражается в следующих цифрах:

	В Московск. губ. [1]) в руб.	В Баку [2]) в руб.	В Баку больше + или меньше —
Кузнец	1,41	2,20	+55,9%
Столяр	1,25	1,87	+49,6%
Слесарь	1,43	1,82	+27,5%
Плотник	1,21	1,68	+28 %
Чернорабочий . .	0,89	0,86	— 3,4%

Ту же самую картину мы находим в земледелии Соединенных Штатов, а также в других отраслях промышленности.

Индустриальные рабочие передвигаются, разумеется, только в те районы, где не только лучше оплачивается их труд, но покрываются этой лучшей оплатой труда и издержки передвижения.

В районах, куда рабочие приходят, может образоваться временный избыток рабочих, много будет безработных, тем не менее, средний уровень заработной платы в них будет выше, так как рабочие употребляют все усилия, чтобы относительно более высокой заработной платой покрыть издержки по передвижению.

7.

При современном капиталистическом строе происходит расширение и сужение производства не только по различным районам, но и в различных отраслях промышленности. Благодаря быстрому развитию отдельных отраслей производства, постоянно происходит перераспределение производительных сил между различными промыслами. Передвижение рабочих в этом направлении встречает препятствие в их специализации.

---

[1]) По данным Козьминых-Ланина.
[2]) По анкете совета съездов нефтепромышленников.

От одной части рабочих, необходимых для различных отраслей промышленности, не требуется специализации. Эта часть—«чернорабочие» могут переходить из одной отрасли производства, в другую без специальной подготовки, так как в каждой области производства они исполняют простейшие работы.

Другая часть работы требует некоторой специальной подготовки и ловкости, приобретаемой после нескольких месяцев и даже лет обучения и предварительной «ученической» работы.

Очевидно, что в расширяющейся отрасли промышленности за работы, требующие специальной подготовки, **заработная плата должна быть выше** заработной платы чернорабочих или тех рабочих, хотя бы со специальной подготовкой, которые принуждены перейти из сокращающейся отрасли промышленности в расширяющуюся. И тем, и другим рабочим, для того, чтобы проникнуть в расширяющуюся область производства, нужно пройти некоторую предварительную выучку. Следовательно, заработная плата за работы, требующие специальной подготовки, должна быть настолько выше заработной платы чернорабочих, чтобы покрыть расходы, связанные с обучением этим работам, хотя бы эти работы и требовали менее интенсивного труда. Только при таком условии рабочие из других отраслей промышленности и чернорабочие могут заполнять необходимые кадры рабочих данной специальности.

Но и здесь, если бы заработная плата поднялась значительно выше той нормы, которая определяется затратами времени и труда на предварительную подготовку, то приливъ рабочих к данной специальности понизил бы заработную плату до указанной нами нормы. Обыкновенно подготовка той или другой специальности рабочего не требует особенных расходов на обучение; только оплата труда за период выучки бывает ниже нормы. Тем не менее, рабочие тогда только могут приступать к обучению и подготовке к данной специальности, когда **обученный** рабочий получает заработную плату выше, чем чернорабочий, ибо только при этом условии он предпочтет работу обучения работе чернорабочего.

Таким образом, норма заработной платы обученных рабочих определяется нормой заработной платы чернорабочих, превышая последнюю на столько, чтобы покрывать связанные с обучением издержки и лишения.

8.

В капиталистической промышленности есть спрос и на такие специальности, которые требуют затраты значительных средств («капитала») на предварительную подготовку. Для того, чтобы явились такого рода специалисты, создается для них настолько высокий уровень оплаты труда, чтобы покрывались, как затраченные на обучение материальные издержки, так и прибыль на них и некоторая рента.

Например, для подготовки инженера-техника, требуется затрата «капитала» в течение 10 лет в сумме 10 тыс. руб. и затрата десятилетнего предварительного труда обучения. Инженер стремится получить не только вознаграждение за свой труд, который по существу легче труда «чернорабочего», но и вернуть затраченный «капитал» и проценты на него. Только такая оплата труда

лиц, владеющих достаточными средствами, побуждает делать большие предварительные затраты на подготовку и обучение.

Кроме того, из лиц, начинающих подготовку, не всем удается ее кончить. Например, из 10 человек, стремящихся сделаться инженерами, 5 человек кончают образование, а остальные 5 человек останавливаются на полпути. Если бы все стремившиеся сделаться инженерами кончали образование, то жалованье инженеров покрывало бы только предварительные расходы и проценты на капитал. Но так как только часть обучающихся достигает намеченной цели, то эти достигающие являются в некоторой степени монополистами. Конкурренция между ними слабее, чем могла бы быть при достижении всеми обучающимися степени инженера [1]). Поэтому инженеры получают еще монопольную ренту, потому что их меньше, чем было бы при свободной конкурренции всех приступивших к обучению и сделавших для этого затраты средств и труда.

Недостигшие степени инженера уже вступают в конкурренцию с неудачниками других профессий, требующих многолетней специальной подготовки и понижают оплату интеллигентского немонопольного труда, т. е. труда, на который способен каждый неспециализировавшийся интеллигент. Благодаря этому простой интеллигентский труд писцов, счетчиков и т. д., доступный каждому, не достигшему особой специализации интеллигентского труда, играет такую же роль, как труд чернорабочих в армии физического труда. Он оплачивается ниже всего и является минимумом заработка интеллигентского труда.

Обыкновенно мускульный квалифицированный, т. е. с предварительным обучением труд не требует затраты значительных средств, так как в период ученичества рабочий получает пропитание от своего заработка. Поэтому квалифицированный рабочий не получает особой доплаты за «затраченный капитал», как за интеллигентский труд. Точно также квалифицированный рабочий мускульного труда не получает и монопольной ренты потому, что всякий рабочий (или мальчик), после предварительного обучения, может исполнять то, что исполняет всякий другой.

В монопольном положении находятся только мастера, назначенные администрацией фабрики, так как положение мастера недоступно всем рабочим, обучавшимся данной работе, а доступно именно назначенным лицам.

Итак, высота заработной платы рабочих мускульного труда в индустрии определяется высотой заработной платы чернорабочих из районов с наибольшей рабочей резервной армией. В предыдущих главах мы выяснили, чем определяется заработная плата этих рабочих.

Из изложенных нами соображений вытекает вывод, что действительно, у различных категорий рабочих существуют различные нормы оплаты труда, но во-первых, эти нормы определяются не производительностью «определяющего» рабочего, а нормой заработной платы чернорабочих, которая определяется сред-

[1]) Поэтому буржуазное общество ничего не имеет против высокой платы за учение в высших учебных заведениях. Высокая плата за учение ограничивает число конкуррентов, особенно из рабочих слоев населения, и поддерживает монополию получивших высшее образование.

ствами, необходимыми для существования рабочего. Во-вторых, рабочие не получают никакой ренты, а получают лишь оплату за все предварительные лишения, с которыми связано обучение какой нибудь специальности. Рента получается лишь мастерами и дипломированными специалистами, сближая их с положением капиталиста.

ГЛАВА XXXI.

Норма заработной платы.

1.

При всем разнообразии заработной платы у различных категорий рабочих мы тем не менее видим, что заработная плата имеет известный минимум, ниже которого она опускается только при исключительно неблагоприятных условиях и существует известная средняя норма, около которой колеблется заработная плата большей части рабочих.

Чем же определяется минимум заработной платы и чем определяется ее норма?

Уровень необходимых средств для существования человека зависит как от внешних климатических, так и от специальных условий. В холодном климате требуется больше одежды, пищи, требуется теплое жилище и т. д.

Социально-политические условия определяют характер необходимых для поддержания существования пищи, одежды и проч.

В каждом климате, в каждой стране можно констатировать определенную норму необходимых средств существования, при которой, при возможности физического существования не допускается удовлетворение и развитие новых потребностей, менее необходимых для физического существования человека. Т. е. удовлетворение всякой новой потребности, не необходимой для физического существования, может быть сделано только в ущерб удовлетворению потребностей, поддерживающих существование. Следовательно, минимум удовлетворения потребностей предполагает чисто животное существование, при котором развитие потребностей крайне затруднено, так как угрожает физическому существованию.

Средний культурный уровень данной среды предполагает кроме удовлетворения необходимых для физического существования потребностей возможность удовлетворения таких, которые не являются необходимыми для физического существования, а вытекают из стремления к удовольствию.

Разумеется, и в первом случае, т. е. при минимальной заработной плате, возможно удовлетворение менее настоятельных потребностей, но такое удовлетворение угрожает самому существованию человека, так как происходит за счет удовлетворения наиболее настоятельных потребностей, путем недостаточного питания и проч.

Указанные нами две нормы заработной платы (минимум заработной платы и средняя норма) имеют резкое и существенное различие. Первая,—минимум, соответствующий уровню необходимых жизненных потребностей—ставит значи-

тельные препятствия развитию культурных потребностей, так как вся заработная плата уходит исключительно на поддержание существования.

Средняя норма заработной платы, напротив, дает некоторую возможность развитию культурных потребностей, так как не все средства могут уходить на элементарные потребности; одни потребности, не будучи жизненно необходимыми, могут сменяться другими, более высокими. Так, например, удовлетворение, получаемое от спиртных напитков, может смениться удовольствием, получаемым от искусства, книги и т. д. Эта смена потребностей не угрожает самому существованию человека, так как и та и другая не являются жизненно необходимыми, напротив, смена потребности в спиртных напитках эстетическими потребностями и т. п., усиливает жизнедеятельность человека.

Нельзя того же сказать относительно жизненных потребностей. Потребность в пище нельзя заменить потребностью в научных занятиях или эстетикой, хотя и встречаются случаи гибельного для организма сокращения питания ради менее настоятельной потребности.

2.

Минимум средств существования определяется физическими свойствами организма в данной среде при данных социальных и естественных условиях. За него рабочий держится из чувства чисто физического самосохранения. Рабочие, которые в течение продолжительного времени не могут удовлетворять минимума потребностей, вымирают.

Уровень культурных потребностей создается средней нормой заработной платы, превышающей указанный нами минимум, держится привычками той среды, в которой живет рабочий и изменяется с изменением этой среды. Культурный уровень городских, индустриальных рабочих создается уровнем заработной платы в индустрии, превышающей минимум физических потребностей. Поэтому ошибочно было бы утверждать, что заработная плата «определяется» культурным уровнем. Тем не менее, высота культурного уровня имеет огромное значение в борьбе за заработную плату и в значительной степени, как увидим, влияет даже на размножение населения.

Для того, чтобы поддержать данный культурный уровень, который установится у определенной категории рабочих при высоте заработной платы, регулируемой вышеизложенными экономическими законами, для того, чтобы не опуститься до минимума удовлетворения данного уровня культурных потребностей, рабочий часто предпочитает остаться без жены или без детей. Содержание семьи при данном заработке может привести к сокращению культурных потребностей и заставить опуститься до минимума средств, необходимых для существования.

Поэтому, многие рабочие обзаводятся семьей только тогда, когда, имея семью, возможно все таки оставаться на установленном уровне культурных потребностей.

Тем же руководствуются часто даже буржуазные семьи, располагающие гораздо большим бюджетом, чем рабочие; но опасность благодаря большой семье

сократить уровень установившихся потребностей, заставляет и буржуа воздерживаться от «неумеренного» размножения.

Влияние «культурного уровня» на размножение, повидимому, не слабее, а может быть и сильнее, чем влияние необходимого минимума средств существования. По крайней мере «регулирование» браков и рождаемости среди населения, получающего заработок, соответствующий средней норме заработной платы, очень распространено.

Из предыдущего анализа законов, регулирующих заработную плату, достаточно ясно вытекает вывод, что заработную плату, соответствующую минимуму необходимых средств для существования, получают сельско-хозяйственные рабочие и чернорабочие в районах, выбрасывающих рабочих в другие области и в падающих отраслях промышленности вследствие ли технической отсталости, или общего сокращения производства.

Люмпен-пролетариат, получая случайный заработок, не всегда имеет достаточно его и для поддержания своего существования: здесь болезни и смертность от недоедания являются обычным явлением.

Большинство индустриальных рабочих получает жалованье выше минимума средств, необходимых для существования, но ниже нормы, необходимой для поддержания существования семьи соответственно установившемуся культурному уровню. Поэтому, при ранних браках подвергаются эксплоатации жена и дети рабочего, дешевый труд которых вытесняет труд взрослых мужчин; поэтому в рабочей среде поздние браки, сокращение рождаемости и внебрачное сожительство, являются очень распространенным средством сохранить возможность жить сообразно установившемуся культурному уровню. Очевидно, что рабочий отказывается от семьи и детей не из отвращения к семейной жизни и детям, а из за недостатка средств для поддержания существования своего и своей семьи на данном культурном уровне. Только наиболее опытные рабочие, получающие высшую плату, могут позволить себе роскошь размножения без эксплоатации труда жены и детей и без понижения уровня потребностей.

Лицемерные сожаления о «падении нравов» в рабочей среде указывают лишь на нежелание взглянуть на истинные причины, вызывающие явления проституции, сокращения рождаемости и проч.

3.

Несмотря на то, что заработная плата городских промышленных рабочих выше, чем заработная плата сельскохозяйственных рабочих в районах рабочей эмиграции, городское рабочее население не может все таки размножаться настолько, чтобы естественным приростом пополнять увеличивающуюся рабочую армию.

Естественный прирост городского рабочего населения отстает от роста спроса на рабочие руки в индустрии не только потому, что быстро развивается индустрия, но и потому, что рабочие принуждены воздерживаться от размножения.

Средняя норма заработной платы, соответствующая среднему культурному

уровню рабочего, едва лишь достаточна для удовлетворения потребностей единичного рабочего, но совершенно недостаточна для удовлетворения средних потребностей целой семьи. Поэтому рабочие в своей массе не в состоянии содержать такое количество детей, которое пополняло бы с значительным избытком убыль от смертности рабочих.

В этом явлении, на первый взгляд, есть внутреннее противоречие. Деревенское население пополняет городскую индустриальную армию, несмотря на то, что в деревне заработная плата ниже и, следовательно, содержание семьи для рабочего еще более затруднительно.

Это видимое противоречие мы уже объяснили: прирост рабочего населения создается главным образом за счет мелкого хозяйства, которое воспитывает молодые рабочие силы, чтобы потом выбросить их на рабочий рынок. Увеличение рабочей армии происходит не только вследствие естественного прироста рабочего населения, но и на счет рабочих сил мелкого хозяйства.

Рабочее же население может позволить себе размножаться лишь постольку, поскольку тому или другому рабочему удается получить заработную плату выше средней нормы. Это видно из следующих данных.

Размеры семьи находятся в прямой зависимости от размеров заработка. Состав семьи рабочего в Берлине состоит при расходе:

	до	800	мар.	из	1	чел. [1]
от	800	» 950	»	»	1.7	»
»	900	» 1000	»	»	2.8	»
»	1000	» 1200	»	»	3,5	»
»	1200	» 1600	»	»	3,9 (4,3) [2]	
»	1600	» 2000	»	»	4,1	»
»	2000	» 2500	»	»	4.7	»
»	2500	» 3000	»	»	5,7	»

Из таблицы мы видим, что рабочие, получающие среднюю заработную плату или ниже средней, или не имеют семьи или имеют меньше 4-х чел., т. е. недостаточную для размножения населения. Только рабочие, получающие свыше 1600 марок, имеют семьи более 4 человек (двух детей), т. е. размножение населения поддерживается семьями, имеющими бюджет выше 1600 марок. Эти цифры убедительнее всяких разсуждений опровергают выводы тех экономистов, которые объясняют тяжелое положение рабочих их «неумеренным» размножением.

В бюджетных исследованиях, увеличение заработков вместе с ростом семьи объясняют увеличением заработков членов семьи. Разумеется, когда семья увеличивается, рабочему волей-неволей приходится как нибудь пополнять бюджет, хотя бы эксплуатацией труда членов семьи. Тем не менее, увеличение семьи,

[1]) Berliner Statistik. Herausgeg. v. Stat. Amt der St. Berl.

[2]) По анкете Имп. стат бюро. Цифры, относящиеся к хозяйствам с доходами свыше 1600 м., взяты у С. Прокоповича. «Новые исслед бюдж. нем. раб» Т. В. Э. О. № 6. 1910.

как нормальное явление, происходит лишь с увеличением заработка самого рабочего.

Разумеется, есть много семейств у таких рабочих, которые получают заработную плату ниже средней нормы. Но такие семейства уже не могут удовлетворять потребности, соответствующие среднему культурному уровню и, как видно из приведенных данных, являются исключениями, которые не характерны для рабочего класса в целом.

4.

Данные промышленных переписей в Германии, подтверждают вышеприведенные выводы.

Среди населения, занятого промышленной деятельностью, наиболее высокий процент состоящих в браке дают самостоятельные (74,3%), самый низкий— рабочие (42,6%). Пропорция холостых наиболее низка среди самостоятельных (12%) и наиболее высока среди рабочих (53,9%) [1]). Среди служащих, получающих более высокое жалованье, чем рабочие, группы холостых и семейных почти равны (48,8% и 49,2%). «Это доказывает, говорит проф. К. Воблый, [2]) что для самостоятельных обычным семейным положением является брак, для рабочих—холостое состояние».

В сельском хозяйстве, где положение рабочих хуже, чем в индустрии, процент холостых еще выше. Это видно из следующей таблицы:

	Холостых (мужч.).	Сост. в браке (мужч.).
Самостоятельные	5,7	68,7
Рабочие	67,6	29,4
Индустрия.		
Самостоятельные	10,7	84,7
Рабочие	49,6	48,7

Роскошь иметь не детей даже, а только жену из сельскохозяйственных рабочих позволяют себе только 29,4%, между тем, как из самостоятельных в сельском хозяйстве состоящие в браке составляют 88,7%.

Это «воздержание» от семейной жизни вызывается не «благотворительными» проповедями почтенных экономистов, скорбящих о слишком быстром размножении рабочих, а экономической необходимостью содержать семью, не опускаясь до животного состояния.

Заработная плата, недостаточно высокая для содержания семьи, вынуждает и рабочего и работницу поддерживать брачные отношения, избегая потомства и даже избегая «законного» брака.

Заработная плата работниц настолько недостаточна, что значительная часть из них принуждена пополнять свой заработок проституцией, чтобы под-

[1]) Нужно при этом сделать поправку, что около 25% имеется рабочих до 20-летнего возраста.

[2]) К. Воблый. Третья професс. пром. перепись в Германии, стр. 486.

держать свое существование и существование ребенка, если он есть. На ряду с семейной жизнью рабочих, получающих обыкновенно более высокий заработок, среди массы рабочих и работниц развиваются внебрачные отношения, неблагоприятные для размножения населения. Эти отношения являются результатом того, что большинство рабочих получает заработную плату более низкую, чем необходимо для содержания семьи, оставаясь при установившемся культурном уровне рабочих. Поэтому, мы можем с полным основанием утверждать, что в общем и среднем заработная плата рабочих стоит ниже суммы средств, необходимых для существования рабочего и его семьи соответственно существующему культурному уровню рабочих.

Вследствие этого, рабочему ради удовлетворения потребностей соответственно его культурному уровню, приходится жертвовать семейной жизнью.

Размеры дохода городского и сельского населения соответствуют приведенным выше данным о числе холостого и семейного населения.

В 1910 г., в Пруссии лиц с доходом не более 900 марок было в городах 334,8, а в сельских местностях 511,2 на тысячу человек.

Несмотря на то, что в сельских местностях наибольший процент составляют мелкие собственники, а в городах промышленный пролетариат, благодаря низкой заработной плате сельскохозяйственных рабочих, число лиц с доходом до 900 м. в сельских местностях больше, чем в городах.

Из данных о числе женатых и холостых в сельском хозяйстве мы видим, что размножение сельского населения происходит в мелком хозяйстве (самостоятельные), которое дает наибольший процент женатых. Напротив, сельскохозяйственный пролетариат дает лишь незначительный процент женатых, предоставляя «роскошь» размножения и поставки молодых рабочих сил на городской индустриальный рынок самостоятельным мелким хозяевам.

Из приведенных данных мы видим, какое огромное значение имеет стремление рабочих держаться за известный культурный уровень, установившийся у рабочих средней нормы заработной платы. Рабочий, во что бы то ни стало стремится удовлетворять потребности на уровне выше необходимого минимума средств существования.

В городе этот уровень, в общем, выше, чем в деревне. В городе относительно дешевле и доступнее для массы предметы культурного обихода, предметы, удовлетворяющие духовным и эстетическим потребностям, а предметы питания напротив, дороже чем в деревне. Естественно, что у городского населения создаются более разнообразные потребности, чем у деревенского. Поэтому горожанин рабочий, даже имея значительно более высокий заработок, чем в деревне, часто не решается жениться, чтобы ради семьи не лишиться удовлетворения культурных потребностей, сделавшихся жизненно-необходимыми. У городского рабочего «приличное» платье должно быть значительно лучше, чем у деревенского. Для него газета так же необходима, как и пища. Вследствие этого семейный рабочий должен иметь значительно большую плату, чем та, которая получается большинством рабочих. Между тем, постоянный прилив сельского населения в города препятствует повышению заработной платы, так как оно повело

бы еще к большему различию высоты заработной платы сельских и городских рабочих и еще к большему приливу и конкурренции сельского населения. Поэтому средняя норма заработной платы, создавая средний культурный уровень рабочих, при условиях городской жизни недостаточна для содержания рабочей семьи: благодаря приливу деревенского населения, капитал не «нуждается» в размножении рабочего населения, т. е. экономической необходимостью не принужден оплачивать стоимость содержания семьи рабочего в его заработной плате.

5.

Из анализа источников, откуда образуется постоянная резервная рабочая армия, ясно видно, насколько неправилен вывод, что «избыточное» население образуется вследствие быстрого размножения рабочего класса, что «воздержание» от размножения может улучшить положение рабочих.

Если бы индустриальные рабочие и совсем не размножались, то все таки резервная рабочая армия существовала бы и своей конкурренцией оказывала бы давление на промышленных рабочих. Поэтому предприниматели могут спокойно сокращать жизнь и семью рабочих усиленной эксплуатацией без опасения, что рабочая резервная армия сократится, могут советовать рабочим воздерживаться от размножения, ибо это предпринимателю только выгодно. Содержание семьи требует более высокого рабочего бюджета, более высокой заработной платы, между тем, как содержание семьи вовсе не необходимо с точки зрения предпринимателя; деревня доставит нужное количество рабочих, и при таком положении семья рабочего является лишь «роскошью», повышающей требования рабочих и вредной для интересов капитала.

Определяя «ценность рабочей силы», по которой она, как товар, продается предпринимателю, К. Маркс дает следующее определение ее высоты: «ценность рабочей силы, как ценность всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно и для воспроизведения этого специфического товара. Раз живая личность на лицо, производство рабочей силы состоит в ее воспроизведении, или ее возстановлении, или поддержании ее жизни. Для поддержания своей жизни личность нуждается в известном количестве средств для существования. Количество средств существования должно быть достаточно для того, чтобы поддержать нормальное существование рабочего в качестве трудящейся личности. Сами естественные потребности, например, пища, одежда, отопление, квартира и т. д. различны, смотря по климатическим и другим естественным особенностям страны. С другой стороны, и размеры так называемых необходимых потребностей, также как и способ их удовлетворения представляют продукт исторического развития и обусловлены, поэтому, по большей части, культурным уровнем страны, а стало быть, между прочим, определяются и тем, при каких условиях, с какими привычками и жизненными требованиями образовался класс свободных рабочих. Для определенной страны и в определенный период времени средний уровень необходимых средств существования, является величиной данной. Те рабочие силы, которые вследствие смерти или изнашивания удаляются с рынка, должны постоянно замещаться

по крайней мере реальным числом рабочих сил. Сумма средств существования, необходимых для производства рабочей силы, заключает, следовательно, в себе и средство существования заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем на товарном рынке увековечивается эта раса своеобразных товаро-владельцев [1])».

Из приведенных выше статистических данных мы видели, что воспитание «заместителей» рабочих в лице их детей вовсе не необходимо для капиталистического строя, так как таких заместителей поставляет сельскохозяйственное население. Если «ценность рабочей силы» определяется средствами, необходимыми для существования рабочего и его семьи при данном культурном уровне, т. е. средствами, необходимыми не только для существования самого рабочего, но и для воспитания поколения, которое его заменяет, то заработная плата в большинстве случая оказывается ниже ценности рабочей силы. Ибо даже физические силы рабочего быстро изнашиваются и плохо восстанавливаются благодаря низкой заработной плате. Для поддержания же существования поколений, большая часть рабочих не имеет достаточных средств. Даже те рабочие, которые имеют семью, принуждены пользоваться добавочным заработком остальных членов семьи. Потребность в приросте рабочих покрывается деревенским населением. Капиталистический способ производства не нуждается, ныне, в том, чтобы дети рабочих заменяли своих отцов. Несмотря на проституцию, на детоубийства, вынуждаемые недостатком средств существования (в одном Париже насчитывается ежегодно до 70 тыс. выкидышей), все-таки всегда имеется резервная рабочая армия: деревня доставит нужных рабочих без убыточной необходимости давать заработную плату всем рабочим, достаточную для содержания семьи.

К. Маркс причисляет к стоимости рабочей силы и стоимость содержания рабочей семьи, определяя этим минимум заработной платы. Мы показали, что заработная плата ниже этого минимума.

Ошибку Маркса можно объяснить тем, что он, как и экономисты-классики, считал размножение самих рабочих необходимым условием, благодаря которому заработная плата и держится около этого минимума. Если бы заработная плата спустилась ниже нормы, при которой может существовать семья, то сокращение прироста рабочих все равно подняло бы ее до этой нормы. Экономисты классики и К. Маркс в этом случае не приняли во внимание того, что прирост рабочих совершается и на счет деревенского населения: мелких собственников, арендаторов и проч. При таких условиях, хотя большая часть рабочих получает плату, при которой содержание детей затруднительно, хотя детоубийства, проституция, вытравление плода среди рабочего класса существуют в обширных размерах, тем не менее всегда имеется на лицо резервная рабочая армия из прилива населения деревни. Предприниматели вовсе не вынуждены и не заинтересованы в том, чтобы выплачивать такую заработную плату, которая обеспечивала бы естественный прирост индустриального населения.

---

[1])Капитал, т. I, гл. IV.

ГЛАВА XXXIII.

Норма заработной платы и норма прибыли.

1.

В предшествовавших главах мы пришли к выводу, что главным фактором влияющим на высоту заработной платы в различных отраслях промышленности является перераспределение производительных сил. Куда производительные силы передвигаются, там заработная плата должна быть выше. Каким же образом предприниматель может получать нормальную прибыль в тех отраслях промышленности, куда передвигаются производительные силы и где следовательно, заработная плата выше? Как примирить следующее противоречие. Доход, получаемый от предприятия предпринимателем делится между ним и рабочими. Чем большую долю получают рабочие, тем меньшую долю получает капиталист и обратно. Между тем, в отраслях промышленности, куда передвигаются производительные силы, при более высокой заработной плате, прибыль предпринимателей не ниже, чем в падающих отраслях промышленности откуда производительные силы передвигаются, а напротив, обыкновенно норма прибыли в первых бывает выше, чем в последних. Это падение прибыли в падающих отраслях промышленности, в падающих предприятиях, обыкновенно и бывает причиной передвижения капитала в развивающиеся отрасли. Возьмем, например, автомобильное производство. Оно быстро развивается и может привлекать капитал более высокой прибылью, а рабочих только относительным повышением заработной платы. Кроме того, оно требует высокого строения капитала, т. е. относительно большую сумму средств производства на единицу живого труда. Очевидно, что если бы предприниматели продавали свои изделия сообразно ценности живого труда, затрачиваемого на производство автомобилей, то они не получали бы прибыли на весь затраченный основной капитал и не могли бы уплачивать более высокую заработную плату. При таких условиях, производство автомобилей исчезло бы. Чтобы получить нормальную прибыль при повышенной заработной плате, предприниматели должны продавать автомобили выше их трудовой ценности. Только при таком условии предприниматели могут покрыть «издержки производства», получить нормальный процент прибыли на капитал и оплатить более высокую заработную плату.

В производстве автомобилей, средняя годовая заработная плата в Соединенных Штатах равняется 600 долл., а в производстве экипажей и вагонов 475 долл. Предприниматели автомобильных фабрик могут выплачивать более высокую заработную плату только при условии, если в цене их изделий оплачиваются все издержки производства, более высокая заработная плата рабочих и прибыль на затраченный капитал. Более того, быстрое развитие данной отрасли промышленности если показывает, что к ней привлекаются капиталы, что прибыль здесь если не выше, то во всяком случае не ниже средней нормы прибыли в стране.

Более высокая заработная плата в развивающихся отраслях промышлен-

ности выплачивается не из прибыли, а путем повышения цены соответствующего товара. Повидимому, ее выплачивает потребитель. Но в народном хозяйстве покупатели в то же время являются продавцами других товаров; поэтому повышенная цена какого нибудь товара выразится в повышенной цене других товаров. Если в развивающейся отрасли промышленности продукты продаются выше их трудовой ценности, то продукты падающей отрасли промышленности, обмениваемые на первые, тем самым продаются ниже их трудовой ценности. Например, производители лаптей за день труда, никем не эксплоатируемые, зарабатывают 3 коп. в день. Сказать, что их труд сам по себе мало производителен, нельзя, потому что более производительной фабрикации лаптей не существует. По тем же основаниям нельзя назвать малопроизводительным труд кустарей, приготовляющих деревянные лопаты, ложки и т. п. производителей, зарабатывающих по 10 коп. в день. Они продают свои изделия ниже их ценности. К этому побуждает их взаимная конкурренция.

При обмене на деньги с одной стороны автомобилей, с другой стороны ложек, лопат, лаптей и т. п., автомобили продаются выше их трудовой ценности, а такие продукты, как ложки, лопаты и проч. продаются ниже их трудовой ценности, не потому, что труд в одном случае производительнее, чем в другом,—в данном случае производительность труда не сравнима,—предполагается, что те и другие продукты производятся обычными в данный момент техническими приемами.

Таким образом, в отдельных отраслях промышленности относительное повышение в них заработной платы не сопровождается еще понижением прибыли предпринимателей в этих отраслях промышленности, если только цена изделий может при этом повышаться соответственно повышенным издержкам производства.

Но сумма всех производимых капиталистическим народным хозяйством продуктов не увеличивается и не уменьшается от того, получают ли рабочие большую или меньшую долю продуктов этого хозяйства. Следовательно, повышение заработной платы рабочих, поскольку оно увеличивает долю рабочих в национальном доходе, соответственно уменьшает долю всех капиталистов предпринимателей в этом доходе. Доля капиталистов может уменьшиться или увеличиться от повышения или понижения заработной платы, но это уменьшение или увеличение распределяется между предпринимателями различных отраслей промышленности; прибыль распределяется между предпринимателями более или менее равномерно, при чем покрываются как повышенные издержки, вызванные условиями производства (повышенная заработная плата и т. п.), так и прибыль на капитал, пропорционально его величине. Поэтому, несмотря на то, что в земледелии заработная плата значительно ниже, чем, например, в автомобильном производстве, норма прибыли в земледелии не выше, а в Европе даже несколько ниже, чем в отраслях промышленности с высокой заработной платой.

2.

Увеличение производительности труда путем технических усовершенствова-

ний, путем увеличения основного капитала или увеличение производительности благодаря социальным и естественным условиям также дает возможность предпринимателю получать большую сумму прибыли даже при более высокой заработной плате. Так, благодаря большей производительности экстенсивного земледельческого хозяйства в западных С.-А. Штатах, при более высокой заработной плате, чем в Европе и даже, чем в восточных штатах Америки, прибыль, тем не менее, настолько высока, что привлекает все новые и новые капиталы и рабочие руки. Точно также хозяева крупных ткацких фабрик, технически хорошо оборудованных, получают нормальную прибыль, между тем как кустари, работающие примитивными орудиями получают за свой труд ничтожный заработок в 5-10 к. в день. Очевидно, предприятия, в которых труд более производителен, могут платить более высокую заработную плату, чем предприятия с такими же, но менее производительным трудом.

Этот факт служит основанием для некоторых экономистов делать вывод, что заработная плата определяется производительностью труда.

Однако не трудно заметить, что в данном случае может быть сравнима высота заработной платы только у представителей одного какого-нибудь вида труда, например, у ткачей в крупных и мелких предприятиях, или у земледельческих рабочих в различных районах. Но и в этом случае главной причиной различия заработной платы является перераспределение производительных сил. Ибо из технически отсталых предприятий, так же, как из плотно населенных земледельческих районов, капитал и рабочие руки передвигаются в предприятия и районы с более производительным трудом. Предприятия с более производительным трудом не потому платят более высокую заработную плату, что ценят труд за его большую производительность, а потому, что более производительные предприятия требуют все большего и большего количества рабочих, должны привлекать рабочих, между тем как предприятия с менее производительным трудом падают, сокращают число рабочих. Труд сельскохозяйственных рабочих в крупных предприятиях благодаря улучшенной технике, очень производителен, например, в Восточной Пруссии, но заработная плата тем не менее очень низка, так как земледелие в этих районах сокращает число рабочих. При сокращении же числа занятых рабочих, при выбрасывании их из какой нибудь отрасли промышленности, рабочим трудно бороться не только за повышение заработной платы, но и против ее понижения.

Напротив, в отраслях промышленности или в предприятиях, где потребность в рабочих руках расширяется, несмотря на сопротивление предпринимателей,—которые всегда стараются дешевле нанять,—уровень заработной платы стоит относительно выше. Таким образом, в предприятиях с более высокой производительностью труда, последняя является не причиной относительно более высокой заработной платы, а условием, при котором заработная плата может повыситься,—условием облегчающим рабочим борьбу за относительно более высокую плату, вследствие передвижения производительных сил в такого рода предприятия из технически отсталых предприятий.

Наиболее ярко такая тенденция проявляется в земледелии, где земледельческое население из районов менее производительного интенсивного хозяйства передвигается в районы более производительного экстенсивного хозяйства с более высокой заработной платой. Менее заметно это передвижение производительных сил из технически отсталых мелких предприятий в более крупные. Тем не менее, если наблюдать процесс развития хозяйства каждой страны, то и в индустрии ярко проявляется это перераспределение производительных сил, влияющее на уровень заработной платы в различных предприятиях каждой отрасли промышленности. Количество рабочих, занятых в крупных предприятиях быстро увеличивается, между тем как в мелких предприятиях количество занятых рабочих не только относительно, но местами и абсолютно сокращается. Так, в Германии число самостоятельных лиц на каждую сотню с 1882 по 1907 г. сократилось с 34,17 до 26,13, между тем как число рабочих соответственно увеличилось, т. е. мелкое производство относительно сократилось.

Но переход из мелкого производства в крупное даже одной и той же отрасли промышленности вовсе не так прост, как кажется. Иллюстрацией процесса перераспределения производительных сил из мелкого хозяйства в крупное и влияние этого процесса на безработицу и высоту заработной платы может служить следующий факт, приведенный пастором Науманом на VII евангелическом конгрессе.

Во Франкфурте существует продолжительное время недостаток в башмачниках и портных и вместе с тем продолжительное время в больших размерах существует безработица среди мелких башмачников и портных... Недостаток людей, владеющих современной техникой производства... и избыток людей, умеющих делать то же старыми способами [1]).

Естественно, что заработная плата башмачников и портных в крупных предприятиях, нуждающихся в рабочих вследствие перераспределения производительных сил из мелких в крупные, должна быть выше, чем в мелких предприятиях, тем более, что башмачники и портные, работавшие старыми способами, не умеют работать в крупных предприятиях. Чем труднее переход рабочих в предприятия и отрасли промышленности, куда передвигаются производительные силы, тем должна быть больше разница в высоте заработной платы между падающими и развивающимися предприятиями и отраслями промышленности.

3.

В политической экономии даже недостаточно выяснено самое понятие «производительности» труда. Экономисты постоянно сравнивают «производительность» различных видов труда которые несравнимы. Только благодаря этому различные факторы влияющие на высоту заработной платы, могут некоторыми экономистами сводиться к различию производительности труда, которой, якобы, определяется высота заработной платы. Если бы в политической экономии было ясно установ-

[1]) Bericht VII ev. Kong. S. 127. Цит. из книги P. Berndt'a. «Die Arbeitslosigkeit». Berlin 1899 S. 17. См. также приведенные выше («Перераспределение производительных сил в земледелии») данные о заработной плате ручных и фабричных ткачей в Англии.

лено понятие производительности труда, то не существовало бы и господствующей теории, объясняющей различие заработных плат различием производительности труда.

Как мы заметили, производительность труда сравнима только в одинаковых видах труда, производительность труда одних ткачей с производительностью других, производительность труда одних портных с другими и т. д. Поэтому в одной и той же профессии за одинаковый по характеру труд различие оплаты труда рабочих обусловливается и различием производительности их труда.

Но различие оплаты одного вида труда рабочих обыкновенно незначительно и не имеет особенного значения.

Существует резкое различие в оплате труда рабочих различных профессий и различных отраслей промышленности. Между тем в этом случае производительность труда рабочих несравнима.

Низкую заработную плату, например, кустарей объясняют низкой производительностью их труда.

Не трудно однако заметить, что такого рода объяснение вытекает из неправильного представления о производительности труда.

Труд рогожников на рогожных фабриках оплачивается чрезвычайно низко. Заработная плата взрослого в неделю достигает 30-40 коп., а подростка—15-20 к п. [1]). Самостоятельные кустари, сбывающие свои изделия на рынке, зарабатывают несколько больше, но тоже ничтожную сумму.

Но более производительного труда рогожников нигде не существует. Следовательно, нельзя объяснить низкую заработную плату рогожников низкой производительностью их труда, если не имеется для сравнения труда рогожников, более производительного.

Эти замечания необходимо сделать в виду того, что при объяснении законов, регулирующих заработную плату принято вместо изучения этих законов отделываться ссылкой на производительность труда, хотя такая ссылка в большинстве случаев бывает неуместна. Также не всегда уместно и объяснение низкой заработной платы кустарей низкой производительностью их труда. Значительная часть кустарных промыслов, в которых изготовляются изделия для крестьян, еще не имеет конкурренции со стороны крупного машинного производства и, тем не менее, заработок кустарей ничтожен.

Низкая заработная плата кустарей, также как и сельскохозяйственных рабочих, объясняется или тем, что кустарные промыслы существуют в районах, где создается минимум заработной платы (в деревне), или тем, что кустарными промыслами занимаются рабочие, выходящие из этих районов, не подготовленные к более квалифицированному труду, или не находящие заработка в крупном производстве.

Продукты кустарного производства, как показано выше, продаются ниже их трудовой ценности. В известной степени тяжелое положение рабочих и са-

---

[1]) См. «Кустарный отдел Костромского земства». Рогожный промысел. См. также «Теорию разв. нар. хоз.», гл. IX.

мостоятельных производителей в мелком производстве тесно связано с условиями капиталистического строя, при котором национальный доход распределяется между предприятиями не пропорционально затратам труда на производство, а пропорционально величине затраченного капитала и пропорционально издержкам производства. В производствах, не требующих значительного основного капитала, конкурренция понижает цену изделий настолько, что при низкой оплате труда все-таки прибыль получается только пропорционально тому незначительному капиталу, который затрачивается в производстве, хотя в данной отрасли и не имеется конкурренции со стороны предприятий с высоким строением капитала, с высокой техникой.

По данным, приводимым К. Варзаром, «производительность» труда рабочих в России в 1919 г. (без сырых материалов и топлива) была следующая:

	Чистая производительность одного рабочего.	Средний годовой заработок рабочего.
По текстильной промышленности . . .	578 руб.	211 руб.
Обработка металлов	776 „	350 „
Обработка питательных веществ . . .	1509 „	154 „
Химические производства	1163 „	245 „
Добывание и обработка нефти	2415 „	431 „
Электрическ. ст., водопроводн. и проч.	3666 „	509 „
По всем отраслям промышленности . .	947 „	241 „

Из таблицы видно, что заработная плата совсем не соответствует «производительности» труда, определяемой той прибавкой к цене, которая получается после обработки продукта.

Мы видим, что «производительность» труда определяется ценой сырых материалов, перерабатываемых рабочими: чем больше материалов проходит через руки рабочего, чем большую ценность они представляют и чем большую ценность составляют орудия производства, тем больше «производительность» рабочего. Например, на казенных винных складах «производительность» рабочего достигает суммы 8.256 руб. в год, а заработная плата 217 руб. Труд применяется самый простой, но рабочие оперируют с большим количеством ценного материала и с значительным основным капиталом. Благодаря этому труд работниц, моющих посуду, чернорабочих, работающих на винных складах, оказывается «производительнее» квалифицированного труда рабочих в других производствах. Очевидно, как прибыль, так и заработная плата определяется не производительностью труда рабочих, как ее понимают экономисты, а другими условиями, на которые мы указали.

В кустарных промыслах, также как и в развитом капиталистическом производстве, заработная плата тем выше, чем больше ограничена конкурренция в данном промысле со стороны массы необученных рабочих. В той же Костромской губ., где взрослые рогожники получают заработок 30-40 коп. в неделю, в

ювелирном кустарном промысле взрослые рабочие получают до 120 руб. в год, т. е. 2—3 руб. в неделю на хозяйских харчах [1]). На ювелирам кустарям требуется несколько лет предварительного обучения.

С другой стороны предприниматели-кустари получают тем большую сумму прибыли, чем больше сумма капитала, необходимого для предприятия. Так, в кожевенном промысле, где значительную ценность составляет обрабатываемое сырье, четыре кустарных предприятия, имея всего 41 рабочего и затрачивая на заработную плату по 240 руб. в месяц, получают чистого ежемесячного дохода все вместе около 4.000 руб. С другой стороны, в рукавичном промысле, где требуется для производства незначительный капитал, десять наиболее крупных предприятий, имеют вместе 45 рабочих, но нанимают только трех. Тем не менее, несмотря на это, чистый доход этих десяти наиболее крупных предприятий рукавичников, **включая сюда** и заработную плату, достигает только 300 руб. в месяц, т. е. предприниматели рукавичники получают на каждого занятого трудом рукавичника меньше, чем кожевники уплачивают своим рабочим. Включая в чистый доход и заработную плату,, мы находим, что 4 кожевенных предприятия с 40 рабочими получают чистого дохода 4.240 руб. в месяц, а десять предприятий рукавичников с 45 рабочими получают чистого дохода 300 руб.. в 14 раз меньше. Эта разница будет понятной, если принять во внимание, что стоимость сырого материала, перерабатываемого 45 рукавичниками, равняется 22400 р., а стоимость материала, перерабатываемого 41 рабочим кожевником, превышает 180.000 рублей.

Таким образом, в самом корне капиталистических отношений скрывается неравномерное распределение чистого дохода, направляющегося в руки обладателей капитала, независимо от производительности труда. Производительность труда рукавичников и кожевников несравнима.

Точно также и в фабричном производстве благодаря различному строению капитала, благодаря увеличению или сокращению спроса на изделия и связанному с этим повышению цен и перераспределению производительных сил, рабочие различных производств создают различные ценности. Так, в Англии по анкете 1906 г., [2]) в типографиях на каждого рабочего приходится «чистого дохода» (включая и заработную плату, 190 фунтов стерл., а в производстве по приготовлению часов только 71 ф. стерл. Большинство экономистов, не задумываясь, скажет, что, значит, труд типографского рабочего более, чем в 2 раза, а годового в 6 раз производительнее труда часовщика. Но представим себе, что стал расти спрос на часы в больших размерах, чем на печатные произведения и часы поднялись в цене. Тогда «чистый доход» от каждого рабочего часового производства повысится. Но значит ли это, что производительность труда часовщика повысилась потому, что повысился «чистый доход» от каждого работающего часовщика?

[1]) Промысловые занятия крест. насел. Костромской губернии 1909 г. Ювелирный промысел.

[2]) «Census of Production act. 1906 г.».

Между тем, нет другого критерия для сравнения производительности труда часовщиков и типографщиков, кроме цены продуктов их труда. Определить же производительность труда ценою изделий явная бессмыслица. Очевидно, что более высокую оплату труда типографщиков против часовщиков, металлистов против рогожников нужно объяснять не сравнительной производительностью их труда, а распределением дохода, получаемого от производства предпринимателями различных отраслей производства, распределением пропорционально затраченному капиталу и сообразно с требованием перераспределения производительных сил, предъявляемым народным хозяйством путем спроса и предложения, путем повышения и понижения цен товаров на рынке.

Изложенными соображениями объясняется сохранение высокой нормы прибыли капиталистических предприятий с относительно более высокой оплатой труда.

Но в общем процессе хозяйственного развития доля, получаемая всеми капиталистами, не изменяется от изменения между ними долей дохода.

При распределении национального дохода **между классами** предпринимателей и рабочих доля капиталистов может увеличиться только на счет доли рабочих.

Этот рост доли капиталистов происходит на счет увеличения суммы всех продуктов, производимых рабочими. При увеличении общей суммы продуктов, производимых рабочими во всем народном хозяйстве, доля, получаемая всеми рабочими, если увеличивается, то значительно медленнее, чем общая сумма производства. Таким образом, доля, получаемая капиталом, увеличивается на всю разность между суммой национального производства и суммой заработной платы, получаемой рабочими.

Из приведенных соображений следует вывод: поскольку мы рассматриваем производство отдельного товара, заработная плата входит в издержки производства этого товара и ее повышение, если оно охватывает всю отрасль промышленности, не поведет к сокращению прибыли предпринимателя, при условии, если ему удастся повысить цену производимых товаров. Поскольку же мы рассматриваем все народное хозяйство, увеличение доли рабочих уменьшает долю предпринимателей, получаемую ими из общей суммы национального производства. Поэтому рабочие отдельных отраслей промышлен. часто делают ошибку, предполагая, что повышение их заработной платы может быть убыточно для предприятий. Если данному производству не грозит иностранная конкурренция, общее повышение заработной платы в производстве какого либо изделия обыкновенно ведет к относительному повышению цены этого изделия и прибыль предпринимателей не сокращается. Тем не менее, доля рабочих в общей сумме продуктов, благодаря повышению заработной платы может увеличиться. На этом я останавливался уже в «Теории развития народного хозяйства» (стр. 280-281).

Если мы возьмем наилучше оборудованное юж.-русское Днепр. Мет. общество и сравним с германским обществом Гильзенкирхен, то увидим, следующую разницу. В русском предприятии на 14-15 тыс. рабочих затрачен основной капитал в 13 миллионов рублей,—менее 1 тысячи рублей на рабочего.

В Германии на 46 тыс. рабочих и служащих общества Гильзенкирхен име-

ется основной и облигационный капитал в 226 млн. марок или около 2 500 руб. на рабочего, т. е. более чем в 2½ раза, чем в России [1]).

Величина основного капитала, затрачиваемого на машины и прочие орудия производства, имеет первостепенное значение для производительности труда. Чем больше основной капитал по отношению к заработной плате или переменному капиталу, тем труд производительнее. Таким образом, меньшая производительность русского рабочего зависит не от его лености, некультурности и прочих грехов, приписываемых русскому рабочему предпринимателями, а от нежелания русских предпринимателей затрачивать основной капитал в таких же размерах, как в Германии или в Соединенных Штатах.

Итак, причину меньшей производительности труда в России не трудно найти: она заключается в меньших затратах на русские производства, т. е. **зависит от предпринимателей.**

Почему же русские предприниматели не желают иметь более производительный труд? **Потому что Россия недостаточно богата капиталами и потому что этот труд дешев.** Когда заработная плата высока, предпринимателю выгодно введение даже дорого стоющей машины, потому что при увеличении производительности труда издержки на заработную плату относительно падают. Напротив, при низкой заработной плате введение машин **невыгодно**, так как процент на затраченный на машину капитал и текущие издержки превышают заработную плату.

В некоторых производствах можно точно учесть, при какой высоте заработной платы выгодно введение машин.

В Германии, в сельском хозяйстве жатвенные машины употребляются только в годы с высокой заработной платой за жнитво.

В годы же с низкой заработной платой машины просто стоят в сараях, так как выгоднее менее производительный, но дешевый ручной труд.

Некоторые машины совершенно не употребляются в России, потому, что труд рабочих слишком дешев. В России не колют машинами дрова, не дробят камни. Даже тяжести на постройках домов или зданий того же Днепровского завода поднимаются дешевыми рабочими руками, а не машинами, хотя эти машины очень несложны. Благодаря низкой оплате труда, домашние ткачи работают на ручных станках, кустари конкуррируют с фабричным машинным ткачеством и т. д. и т. д.

Повысить производительность своего труда рабочие могут только одним путем,—добившись более высокой заработной платы, лучшей оплаты своего труда. Только при этом условии предприниматели постараются сделать труд рабочих так же производительным, как и в Западной Европе. Труд германских рабочих производительнее потому, что там рабочие добились более высокой оплаты своего труда и этим вынуждают предпринимателей увеличивать производительность труда большими затратами основного капитала. В Соединенных Штатах заработ-

[1]) Если принять во внимание, что оборудование фабрик вследствие таможенных пошлин в России стоит дороже, чем в Германии и Соединенных Штатах, то нужно признать, что техническое оборудование заводов в России не в 2½ раза, а в три раза ниже, чем в Германии.

ная плата еще выше и это побуждает предпринимателей к еще большим затратам на машины и всяческие технические усовершенствования.

Мы пришли не к тем выводам, которые делаются политико-экономами. Не только высота производительности труда определяет высоту заработной платы в процессе экономической жизни, но иногда наоборот,—высота заработной платы влияет на производительность труда.

ГЛАВА XXXIV.

Кризисы и безработица.

1.

Указанный нами процесс перераспределения производительных сил, при развитии капитализма происходит скачками в виде периодически сменяющегося промышленного оживления и промышленных кризисов. Вследствие анархии производства, вследствие отсутствия общего регулятора, который определял бы необходимые размеры производства каждого продукта, накопляющийся капитал приливает туда, где в данный момент получается наибольшая прибыль: производство продуктов обыкновенно не соответствует рыночной потребности в них. Капитал в период промышленного оживления все в большем и большем количестве затрачивается на производство, не дожидаясь, пока произведенные продукты дойдут до потребления, пока затраченные на производство средства снова вернутся к предпринимателю в виде денег. Производство идет усиленным темпом, между тем как все большая часть капитала накопляется в виде непроданных еще товаров. В конце концов, при огромном накоплении непроданных товаров создается промышленный кризис, так как на дальнейшее производство оказывается недостаточно средств; эти средства лежат связанными в процессе обращения в виде непроданных потребителями товаров. Цены на товары падают, производство сокращается и массы рабочих выбрасываются на мостовую, так как они произвели слишком много товаров.

Наступивший период промышленного угнетения выражается в удешевлении товаров, сокращении производства и в постепенном переходе к равновесию спроса и предложения, т. е. к сокращению избытка произведенных товаров. Удешевление товаров ведет к стремлению путем технических усовершенствований удешевить производство, чтобы повысить упавшую норму прибыли. Но это стремление у капиталистов существует всегда. Важно то, что по мере накопления, капитала в периоды застоя капиталист может реализовать этот капитал путем увеличения основного капитала в виде усовершенствованных машин и пр. Увеличение же основного капитала, т. е. перераспределение производительных сил страны в сторону увеличения производства средств производства дает новый толчок развитию промышленности. Начинается новое промышленное оживление, выражающееся в увеличении производства средств производства, т. е. железоделательной, строительной, машиностроительной и пр. промышленности, а вслед за этим увеличение предметов потребления классов, благосостояние которых связано с развитием

промышленности. Начинают основываться новые предприятия для производства средств производства, передвижения и предметов непосредственного потребления. Цикл промышленного оживления и застоя начинается снова. В конечном результате этих периодических перетрубаций, является некоторое перераспределение производительных сил в сторону увеличения производства средств производства и соответственного увеличения орудий и средств обмена.

Смена периодов оживления и застоя ведет к тяжелым последствиям для рабочего класса, так как в периоды промышленного застоя рабочие бессильны бороться с ухудшением их положения: огромная масса безработных ложится на плечи занятых рабочих даже при прочной их организации. Бороться против понижения заработной платы в период промышленного угнетения чрезвычайно трудно, ввиду наличности возрастающей, благодаря безработице, резервной армии.

Воспользоваться периодом промышленного оживления для прочного улучшения своего положения рабочим не удается, так как борьба рабочих не настолько планомерна и организована, чтобы использовать все благоприятные стороны начинающегося промышленного оживления. Между тем такое использование возможно следующим образом.

Перераспределение производительных сил в период оживления и самое оживление промышленности происходит с известной закономерностью.

Для того, чтобы расширилась какая либо отрасль промышленности требуется предварительное расширение других отраслей, доставляющих средства производства для первой.

Таким образом, развитие и оживление различных отраслей промышленности должно происходить с известной последовательностью. Очевидно, первые усилия рабочих должны быть направлены на то, чтобы улучшить положение тех из них, которые заняты в первых оживляющихся отраслях промышленности, при поддержке остальных категорий рабочих. Сообразно последовательности расширения той или другой отрасли промышленности должна происходить и борьба за улучшение положения соответствующих категорий рабочих.

В странах с развитым и организованным рабочим движением борьба рабочих за улучшение своего положения эмпирически приводит их к некоторой последовательности, соответствующей указанной выше закономерности развития промышленности. Рабочие различных отраслей производства стараются избрать наиболее благоприятный момент для борьбы, но это происходит не планомерно, а стихийно, не под руководством правильного представления о процессе развития и перераспределения производительных сил в период промышленного оживления, а при наличности факта оживления той или другой отрасли промышленности.

2.

Статистика безработных по отдельным профессиям чрезвычайно мало разработана. Безработица в отдельных отраслях промышленности в связи с процессом перераспределения производительных сил никогда никем не изучалась. Экономической науке еще только предстоит задача найти известную закономерность

размеров безработицы в той или другой профессии в связи с процессами, которые совершаются при развитии народного хозяйства.

Статистика безработных в Германии началась с 1903 г. [1]). Таким образом, мы имеем возможность изучать размеры безработицы в отдельных профессиях меньше, чем в течение десятилетия (за 8 лет). Тем не менее, данные и за такой короткий период дают достаточно материалов для некоторых весьма важных выводов.

Статистика безработных в Германии касается только членов профессиональных союзов и, таким образом, не охватывает всю рабочую армию. Например, в 1906 г. имеются отчеты профессиональных союзов с 1.221.908 членами. В предшествовавшие годы имеются данные о меньшем количестве рабочих, в последующие годы то о большем, то о меньшем числе членов союзов.

Данные о количестве безработных имеются по четвертям года, причем указано как общее число случаев безработицы, имевшее место в течение каждой четверти года, так и число безработных в конце каждой четверти. Так как в течение одной какой нибудь четверти года или в конце ее количество безработных может колебаться в зависимости от случайных причин (стачки, сезонность работы и т. п.), то приведенные ниже данные представляют арифметические средние числа безработных в конце четырех четвертей каждого года на сто членов профессионального союза. Оперируя с такими данными мы можем наблюдать размеры и колебания безработицы в каждой профессии, устранивши случайные колебания, вызванные какими нибудь временными причинами.

С другой стороны, промышленные переписи дают точные данные о процессе перераспределения производительных сил в стране и таким образом, дают возможность проследить, как проявляется безработица в процессе хозяйственного развития.

За период с 1882 по 1907 год сельское хозяйство **выбросило** профессионального населения 1,6 милл. человек. Весь прирост населения и почти все выброшенное сельским хозяйством население было поглощено другими отраслями промышленности которые развивались неодинаково.

Быстрее всего развивалось производство средств производства а именно: Машиностроительное производство дало увеличение

профессионального населения на	180,2%
Горнозаводская промышленность на	121 1%
Обработка металлов на	110,8%

Из производств предметов непосредственного потребления наибольшее увеличение дало полиграфическое производство — на 174%.

Напротив, производство некоторых других предметов непосредственного потребления увеличилось лишь пропорционально росту населения, а именно:

Производство питательных веществ на	47 %
Изготовление одежды на	13 %
Обработка дерева на	44,6%

[1]) См. Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands за 1903—1911 гг.

Взявши соответствующие профессии рабочих, о которых имеются статистические данныя, мы находим следующее количество безработных (среднее арифметическое) на **100 человек** занятых:

		1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
1	Горнорабочие (нейтр. союзы) . .	?	?	0,09	0,01	0,01	0,1	0,11	1,12
	Горнорабоч. (Гирш.-Дункер. союзы)	0	0	0,05	0	0	0,04	0,06	0,05
2	Механические рабоч (Гирш.-Дункер.)	0,9	0,9	0,6	0,5	0,8	1,7	0,5	1,1
3	Металлисты	1,4	1,6	1,3	1,0	4,4	3,3	3,3	1,7

Из приведенной таблицы мы видим прежде всего, что во всех четырех отраслях промышленности по производству средств производства количество безработных увеличилось в 1908, 1909 и 1910 годах.

Количество безработных по обработке питательных веществ за тот же период было следующее (на 100 занятых):

		1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
4	Пекари	4,8	8,5	8,6	8,4	6,4	6,7	5,7	5,6
5	Пивовары	2,0	2,2	1,9	1,1	1,2	1,1	1,7	?
6	Мельники	3,3	3,4	3,1	3,2	1,5	2,2	1,9	2,2

Количество безработных в отраслях по обработке питательных веществ увеличивается как раз в те годы, (с 1903 по 1907 г.), когда количество безработных по производству средств производства сокращается и обратно, в период, когда увеличивается число безработных по производству средств производства (1908—1910), сокращается число безработных по обработке пищевых веществ.

На основании такого краткого периода в 8 лет мы не можем установить определенной закономерности в отношении числа безработных различных отраслей промышленности. Тем не менее, можем констатировать факт, что безработица в различных отраслях не совпадает и увеличение количества безработных в производстве средств производства может сопровождаться сокращением безработицы в производстве предметов непосредственного потребления.

Это несовпадение периодов безработицы в различных отраслях промышленности имеет большое значение для борьбы с безработицей и для борьбы рабочих за улучшение своего положения, так как в период безработицы в одной отрасли производства может быть оказана поддержка рабочими других отраслей.

В других отраслях производства предметов непосредственного потребления, в шляпном производстве, в полиграфическом и по обработке дерева количество безработных за тот же период было следующее:

		1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
7	Шляпники	2,8	2,6	2,9	3,0	3,8	6,6	6,8	7,4
8	Типографские рабочие	6,4	5,9	4,5	1,8	3,9	5,0	5,0	5,0
9	Типогр. необуч. раб. (Hilfsarbeiter)	2,0	1,6	1,0	0,4	1,4	2,2	1,6	1,4
10	Древообрабатыв. промышленность	—	1,7	1,6	1,7	3,0	5,4	3,6	1,5
	Общее колич. безраб. по Германии	2,7	1,9	1,6	1,1	1,6	2,9	2,8	1,9

Колебания числа безработных, сходные с колебаниями в производствах средств производства, обнаруживаются в деревообрабатывающей промышленности, которую, отчасти, также можно причислить к производству средств производства, и у шляпников. Число безработных в полиграфической промышленности наиболее соответствует колебаниям общего числа безработных в стране.

3.

На высоту заработной платы, как мы старались показать, влияет перераспределение производительных сил и степень необходимой подготовки для той или другой профессии. Чем больше требуется подготовки, тем выше заработная плата.

На количество безработных имеет также влияние процесс перераспределения производительных сил и степень необходимой подготовки к той или другой профессии. Но влияние того и другого факторов в данном случае **противоположное.**

Сравнивая среднее количество безработных в быстро развивающихся и отсталых отраслях промышленности, мы находим, что в первых безработица меньше, чем в последних.

Число безработных в горном деле, среди механических рабочих и металлистов меньше, чем среди пекарей, мельников и шляпников. И это вполне понятно: расширение той или другой отрасли промышленности поглощает приток рабочих, специализировавшихся в этой отрасли.

Но если сравнивать количество безработных обученных и необученных, то мы увидим, что безработица среди обученных рабочих больше, чем среди необученных.

Так, среди рабочих в типографиях и литографиях число безработных среди постоянных обученных рабочих всегда значительно выше, чем среди необученных. Из приведенных таблиц мы видим, что среди необученных типографских рабочих количество безработных значительно ниже, чем среди обученных. Точно также в торговавдском деле число безработных за все годы самое низкое. Это объясняется не только тем, что торговавдское дело быстро расширяется, но и тем, что здесь требуется значительное количество необученных рабочих. На сто рабочих обученных в 1907 году в горном деле приходилось 119 необученных, между тем как в типографском деле только 38, в обработке металлов—28 чел.

В чем же дело? Почему среди обученных рабочих существует больший процент безработных, чем среди необученных?

Это явление объясняется тем, что обученный той или другой специальности рабочий неохотно меняет свою специальность и предпочитает оставаться некоторое время без работы, переждать, чем приниматься за другую работу, которой он не обучен, чем переходить на положение чернорабочего. Между тем как необученный рабочий, будучи в положении близком к положению чернорабочего в данной отрасли промышленности, легче переходит в другую отрасль, так как и там он одинаково будет находиться в положении чернорабочего.

Так как обученные рабочие получают более высокую заработную плату, то

естественно их нежелание бросать свою специальность и переходить в другую отрасль производства на положение необученного рабочего, получающего более низкую заработную плату.

Этим и объясняется также явление, что в земледелии, откуда рабочие постоянно выбрасываются, количество безработных может быть меньше, чем среди квалифицированных рабочих в быстро развивающейся отрасли промышленности: безработный в сельском хозяйстве, вследствие низкой оплаты сельскохозяйственного труда стремится сейчас же найти работу в других отраслях промышленности, так как, найдя там заработок, он ничего не теряет, а только выигрывает: его труд будет оплачиваться не хуже, а лучше чем в сельском хозяйстве. Напротив, обученный рабочий, например, наборщик предпочитает как нибудь пережить период безработицы, чем поступить чернорабочим в другую отрасль промышленности. Поэтому, процент безработных членов профессиональных союзов скульпторов, наборщиков и т. п. в среднем может быть выше, чем в профессиях не требующих специальной подготовки и допускающих переход к другим занятиям; поэтому в падающих отраслях промышленности, выбрасывающих рабочих, процент безработных может быть ниже, чем в развивающихся отраслях промышленности, поглощающих рабочих.

Как известно, в Германии постоянно раздаются жалобы землевладельцев на недостаток сельскохозяйственных рабочих.

Сельское хозяйство относительным понижением заработной платы отталкивает рабочих, выбрасывает их. Рабочие переходят в другие отрасли промышленности, не дожидаясь того времени, когда явится в них потребность со стороны сельских хозяев. Естественно, что создается своеобразное положение: в развивающихся отраслях промышленности, поглощающих рабочих, всегда имеется «запас» безработных, ожидающих места, между тем как в отрасли промышленности, выбрасывающей рабочих, такого «запаса» нет. Понятно благородное негодование юнкеров на легкомысленных рабочих «ищущих удовольствий» в виде лучшей оплаты труда в городе и не дожидающихся, когда они понадобятся для сельского хозяина!

4.

Статистика безработных по отдельным профессиям охватывает слишком короткий период, чтобы на основании ее можно было бы учесть влияние на безработицу периодов промышленного оживления и застоя. Тем не менее, приведенные выше данные указывают на то, что период оживления производства средств производства не совпадает с периодом оживления производства предмет непосредственного потребления.

На основании полученных нами данных, еще нельзя установить правильную закономерность периодов оживления и застоя в различных отраслях промышленности и проследить взаимную связь между ними.

Характерно, между прочим, то обстоятельство, что наибольшее количество рабочих организовано в тех отраслях промышленности, которые быстрее разви-

ваются, куда передвигаются общественные производительные силы, особенно в производствах средств производства. Развитие этих отраслей промышленности не только привлекает сюда рабочих, но и служит, очевидно, наиболее благоприятным условием для их организации в целях экономической борьбы.

5.

Вследствие недостаточности данных о безработице, трудно найти закономерность в этом явлении. Тем не менее, и имеющиеся данные указывают на периодичность колебаний числа безработных в связи с оживлением и депрессией в промышленности. Вследствие тесной взаимной экономической связи капиталистических стран, смена промышленного оживления кризисами охватывает в большей или меньшей степени все капиталистические страны. Поэтому и колебания числа безработных в различных странах более или менее совпадают. По имеющимся данным за 8 лет, в четырех передовых капиталистических странах Европы, процент безработных был следующий:

	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Бельгия	—	3,0	2,1	1,8	2,3	5,9	3,4	5,8
Великобритания	4,7	6,0	5,0	3,6	3,7	7,8	7,7	4,7
Германия	2,7	1,9	1,6	1,1	1,6	2,9	2,8	1,9
Франция	9,1	10,7	8,7	7,4	6,8	9,2	7,1	5,8

Мы видим, что во всех четырех странах безработица обострялась в течение восьмилетнего периода два раза. В 1903—4 годах безработица обостряется. В 1905—6 годах количество безработных падает также во всех четырех странах. В 1907 году оно начинает в некоторых странах увеличиваться, а в 1908 году достигает максимума, а в 1909—10 годах снова падает.

Эти периодические колебания тяжелее всего отзываются на положении рабочих, так как в период промышленной депрессии под давлением безработицы, рабочие рискуют потерять те экономические завоевания, которые сделаны ими в период промышленного оживления. Тем не менее, указанное выше несовпадение периодов промышленного оживления и депрессии в различных отраслях промышленности, дает рабочим возможность легче переносить периоды промышленного застоя.

Если мы сравним колебания общего количества безработных по Германии в периоды наибольшего оживления и застоя промышленности с колебаниями в те же годы в отдельных ее отраслях, то увидим, что в первом случае колебания не всегда совпадают с колебаниями числа безработных по различным профессиям, а именно:

	maximum 1908 г.	minimum 1906 г.
Общее количество безработных	2,9	1,1
Металлисты	3,3	1,0
Мельники	2,2	3,2

Пекари	6,7	8,4
Пивовары	1,9	1,1
Горнорабочие	0,1	0,01
Типографские рабочие	5,0	1,8

и т. д.

Мы видим, что в некоторых отраслях колебание числа безработных совпадает с общим увеличением и уменьшением безработицы, не не везде; в одних отраслях число безработных в годы застоя увеличивается в несколько раз, в других отраслях напротив, оно даже сокращается.

Очевидно, взаимная поддержка в периоды безработицы вполне возможна со стороны организаций рабочих тех профессий, которые в данный период меньше страдают от промышленного застоя.

Такого же рода колебания наблюдаются и во Франции [1]). Наконец, колебания числа безработных в различные периоды года в зависимости от сезонности работы еще более не совпадают в различных отраслях промышленности. Почти во всех капиталистических странах в зимние месяцы среднее число безработных увеличивается и, напротив, в летние месяцы оно сокращается до минимума. Тем не менее, по временам года между отдельными отраслями промышленности проявляется еще меньше совпадения периодов расширения и сокращения производства, чем в периоды промышленного оживления и кризисов: некоторые отрасли промышленности всегда сокращают количество занятых рабочих в зимний период (сельское хозяйство, строительные работы и т. д.), в других отраслях, напротив, производство расширяется как раз в тот сезон, когда оно сокращается в другой отрасли. Например, в Германии число безработных плотников в последнюю четверть каждого года значительно увеличивается,—на 4-4,8 безработных из ста занятых, между тем как число безработных типографщиков в те же периоды, напротив, сокращается, приблизительно, в такой же пропорции, в какой увеличивается число безработных плотников. В последнюю четверть 1903 г. против предшествовавшей четверти число безработных типографщиков сократилось на 4,3 из 20, в 1904 г. на 2,7 из 17, в 1905 г. на 4 16,4, в 1906 г. на 3,9 и т. д. Таким образом, тесная связь организации рабочих различных отраслей промышленности может ослабить влияние безработицы, вызываемой расширением или суженiем того или другого производства в зависимости от времени года.

---

[1]) По данным l'Office du Travail. См. также Daniel Bellet. Le chômage et son remède, 1912 В 1910 году безработные распределялись по отдельным отраслям следующим образом: в земледелии—8,9%, в производстве пищевых продуктов—8,6%, в печатном деле—1,8%, в машиностроительном—3,5%, в торговом—1,4%, в строительном—12,9%.

ГЛАВА XXXV.

Положение рабочих в связи с процессом развития и перераспределения производительных сил.

1.

Развитие и перераспределение производительных сил в процессе развития капитализма происходит в различные периоды неодинаково и с неодинаковыми последствиями для рабочего населения.

Выбрасывание земледельческого населения из земледелия начинается на самых первых ступенях развития капитализма и продолжается, не прекращаясь. Это выброшенное из земледелия население и является главным источником резервной рабочей армии. Но положение рабочих обусловливается не только количеством выбрасываемых из земледелия рабочих рук, но и количеством рабочих, привлекаемых развивающейся индустрией.

В первый период развития капитализма накопляющийся капитал направляется главным образом на процесс обмена. Так, в Германии в период 1851—1870 г.г. вложенный в различные предприятия акционерный капитал распределялся следующим образом:

Горное дело и горнозаводский промысел . . .	275, 4	милл. мар
Банки	94,65	„ „
Страховые общества	158,64	„ „
Железные дороги	1.122,44	„ „

Горнозаводское дело поглощало только 12% всего акционерного капитала. В 1883-88 г.г. эта отрасль промышленности поглощает одну треть, 33,3% из общей суммы акционерного капитала, вложенного в эти отрасли промышленности.

В девяностых годах, кроме горнозаводского дела, капитал «начинает направляться в другие отрасли промышленности, в которых царило ремесло» [1]).

В Англии до 50-х годов большая часть накопленных капиталов затрачивалась на банки и железные дороги. «В 1846 г. стоимость постройки железных дорог более, чем вдвое превышала весь свободный капитал Великобритании» [2]).

В России также до 90 х годов капитал направлялся, главным образом, на обмен. В конце 90 х г.г. несколько расширяется горнозаводское дело, но все еще капитализм не настолько развился, чтобы мог привлекать население к индустрии в таких-же размерах, как в Англии и Германии, уже переживших стадию развития обмена на счет производства.

В связи с этими стадиями развития капитализма находятся размеры «избыточного» населения, выбрасываемого земледелием. Пока капитал идет, главным образом, в область обмена и в относительно меньших размерах втягивается в производство, до тех пор выбрасываемое из земледелия население, не на-

---

[1]) Зомбарт. Современный капитализм. Т. II. Стр. 20 русск. пер.

[2]) Туган-Барановский. Промышленные кризисы. СПБ. 1894 г. ст. 128.

ходя места в индустрии, эмигрирует в другие страны, или в редко населенные районы. Этот процесс образования «избыточного» населения, не находящего места в индустрии, обостряется еще тем, что в период развития обмена происходит в наибольших размерах относительное сокращение земледельческого населения.

Эмиграция европейского населения так же, как и положение рабочих, находится в тесной связи с указанными процессами. В Соединенные Штаты до 80 годов прошлого столетия в наибольшем количестве эмигрировали англичане, ирландцы, шотландцы и французы. С 1880 по 1890 год сокращается эмиграция из Великобритании и Франции, а с 1890 года сокращается эмиграция из Германии. Сокращение происходит настолько значительное, что количество подданных этих стран, живущих в Соединен. Штатах с 1890 по 1900 г., уменьшилось [1]):

Из Англии	на 7,5% [2]
„ Франции	„ 7,9%
„ Германии	„ 4.4%
„ Ирландии	„ 13,7%
„ Шотландии	„ 3,6%

Напротив, в колоссальных размерах увеличивается эмиграция из стран, позднее выступивших на путь капиталистического развития. Наибольший процент прироста эмигрантов в Соединен. Штаты с 1880 по 1890 г. был из следующих стран:

	1880—1890	1890—1900 г.
Из Австрии . . . . . на	218,8%	128,8%
„ Венгрии . . . . . „	441,7%	133,4%
„ Италии . . . . . „	31[illegible],8%	165 %
„ Польши . . . . . „	203,6%	100 %
„ России . . . . . „	411,3%	132 %
„ Швеции . . . . . „	146,0%	19 %

Наконец, в конце 1-го десятилетия этого века (1908-9 г.) наибольший процент прироста иммигрантов в Соедин. Штаты дает Россия[3]).

Мы видим из этих таблиц, что чем раньше страна выступила на путь капиталистического развития, тем раньше относительно сокращается эмиграция и обратно, чем позже началось в стране развитие капитализма, тем в больших размерах в последние годы происходит эмиграция. В Германии, Франции и Англии земледельческое население начинает сокращаться, уходить из земледе-

---

[1]) Statistical abstract of the Un. St. 1908 74.

[2]) Заработная плата рабочих в Англии в период 1870 -1890 гг. повысилась на 10—20%. См. Туган-Барановский, Промышленные кризисы, а также С. Вебб, Положение труда в Англии за последние 60 лет.

[3]) См. С. Патканов, Иммиграция из России в Соед. Штаты в «Ежегоднике России» за 1910 г.

лия,—но раньше более значительная его часть принуждена была эмигрировать, так как не находила места в обрабатывающей промышленности. Теперь это земледельческое население, образуя резервную рабочую армию, эмигрирует в меньших размерах так как находит больше места в развивающейся индустрии.

Такое положение в передовых капиталистических странах разумеется более благоприятно для рабочего класса. Ибо та огромная резервная рабочая армия, которая в отсталых странах в конце концов принуждена эмигрировать, представляет собой постоянный резервуар запасных рабочих, готовых охотнее за дешевую плату работать на месте, чем переселяться. Кроме постоянной армии безработных, имеется еще эта армия, давящая на уровень заработной платы и готовая заменить занятых рабочих в случае их попытки повысить заработную плату. Поэтому в странах, где эмиграция ослабевает, заработная плата должна быть значительно выше, чем в странах, выбрасывающих рабочие руки за океан, так как ослабление эмиграции является признаком расширения емкости внутреннего рабочего рынка.

Когда период первоначального развития капитализма переживала Англия, т. е. когда в первой половине 19-го столетия выбрасываемое земледелием население не поглощалось индустрией, положение рабочих было наихудшее, заработная плата опустилась до минимума. Только с 50-х годов положение английских рабочих несколько улучшается. В странах, позднее вступивших на путь капиталистического развития, в России, Австрии, Италии индустрия поглощает лишь небольшую часть выбрасываемого земледелием населения. Поэтому «избыточное» население не только эмигрирует, но и давит на заработную плату уже занятых в индустрии рабочих. Здесь заработная плата рабочих сравнительно с заработной платой в передовых странах значительно ниже и условия борьбы за ее повышение менее благоприятны.

2.

Перераспределение производительных сил между различными отраслями промышленности в процессе ее развития происходит с известной закономерностью. Поскольку от этого зависит положение рабочего класса, размеры резервной рабочей армии, высота заработной платы и т. д., постольку закономерность перераспределения производительных сил отражается и на заработной плате, на количестве безработных и т. д. До тех пор, пока большая часть накопляющегося в стране капитала направляется на орудия и средства обмена и передвижения товаров, выбрасываемое из земледелия население находится в безвыходном положении, заработная плата стоит на наиболее низком уровне, рабочие принуждены эмигрировать в другие страны и т. д. Этот период, наиболее тяжелый для населения, сопровождающийся наибольшим развитием пауперизма, переживали или переживают все капиталистические страны: Англия до 50-х годов прошлого столетия, Германия до 70-80 годов, причем наиболее острый период нужды в Англии население переживало, повидимому, в начале 19-го столетия, а в Германии до 60-х годов. По мере развития в Германии индустрии число эмигрантов сокращается, так как уходящее из земледелия население поглощается и

также, как видно из приведенных выше цифр (см. главу Перераспределение производ. сил в земледелии и заработная плата), поглощаются рабочие пришлые из соседних стран. Количество эмигрантов из Германии с 220 тыс. душ в 1881 году сократилось до 110 тыс. в 1885 г., до 28 тыс. в 1905 и до 25 тыс. в 1910 г.

Усиленная эмиграция из Австрии и Италии, а в последние десятилетия и из России показывает, что переживаемый в этих странах период развития капитализма является наиболее тяжелым, так как только крайняя нужда и безвыходность положения гонит рабочих за океан в поиски за средствами для существования.

Причиной этого являются не только объективные условия развития капитализма,—перемещение капитала главным образом в область обмена, но и меньшая сопротивляемость эксплуатации со стороны рабочего класса, мало организованного и недостаточно развитого для планомерной борьбы.

3.

Наконец, последний период, который можно назвать периодом организованной борьбы труда и капитала и в который вступают капиталистические страны в настоящее время, характеризуется не только обширной организованной борьбой предпринимателей против повышения заработной платы, сокращения рабочего времени и т. д., но и организацией предпринимателей для повышения цен на продукты и изделия.

Эта организация стремится повысить норму прибыли на счет потребителей и в том числе на счет рабочих, путем искусственного повышения цен продуктов, установления монопольных цен и понижения реальной заработной платы, если даже она и повысилась в предыдущий период.

Более благоприятные условия для рабочего класса, которые создаются благодаря быстрому расширению индустрии, особенно производства средств производства, ухудшаются благодаря силе и организованности предпринимателей, поскольку им удается повысить цены предметов потребления рабочих организацией трестов, синдикатов и поскольку удается своей организацией оказывать сопротивление требованиям рабочих.

Таким образом, в последнем периоде развития капитализма в отношениях труда и капитала организованность того и другого приобретают наибольшее значение.

Другим моментом, осложняющим экономическую борьбу труда и капитала в последней стадии развития капитализма является перемещение капитала из передовых капиталистических стран в отсталые.

В отсталых капиталистических странах разрушение мелкого хозяйства создает очаги «избыточного» земледельческого населения выбрасывающие большое количество наиболее дешевых рабочих рук. Капитал, эксплоатируя мелкое хозяйство и имея дешевые рабочие руки, получает высокую прибыль и находит более выгодной организацию предприятий в новых капиталистических странах, чем у себя на родине. Такое перемещение капиталов задерживает капита-

листическое развитие передовых стран и, относительно, сокращает спрос на рабочие руки.

Так как на всех стадиях развития капитализма поставщиком рабочих рук является мелкое хозяйство, главным образом земледелие и так как положение индустриальных рабочих с развитием индустрии может улучшаться лишь постольку, поскольку индустрия поглощает «избыточное» население, то в конце концов на всех стадиях развития капитализма решающее влияние на высоту заработной платы имеет положение населения в земледелии.

Поэтому в новых капиталистических, реже населенных странах, как Австралия, Канада, Соединенные Штаты заработная плата выше, чем в старых капиталистических странах, а рабочий день короче.

Мы уже приводили данные о высоте заработной платы в различных странах. Длина рабочего дня находится в прямом соответствии с высотой заработной платы, в прямом соответствии с уменьшением доступности профессии для деревенских рабочих и с развитием данной отрасли промышленности. Т. е. рабочий день короче в странах с меньшим количеством выбрасываемого земледелием населения, в профессиях менее доступных для деревенского рабочего и в отраслях промышленности быстрее развивающихся. Продолжительность рабочего дня по отдельным странам следующая:

Австралия	8 час.
Англия	9¾ „
С. Штаты	9¾ „
Франция	10½ „
Германия	10½ „
Италия и Австрия	11 „
Россия	11½ „

По отдельным отраслям промышленности длина рабочего дня в России не одинакова. Наиболее длинный рабочий день у кустарей где он продолжается до 20 и более часов. У булочников—19 час. и больше, у сапожников—14 час. 18 мин. (по данным киевской анкеты 1913 г.), у прачек—13 час. 42 мин., у портных—11 ч. 42 мин. у печатников—8 ч. 50 мин.

Значительное влияние на длину рабочего дня имеет и высота техники производства; как известно, быстрая работа машин требует усиленного напряжения. Поэтому продолжительная работа при машинах ведет к падению производительности труда в течение последних рабочих часов. Тем не менее сокращение рабочего времени встречает наиболее упорное сопротивление со стороны предпринимателей и происходит только после упорной борьбы.

ГЛАВА XXXVI.
Значение роста заработной платы.

1.

Заработная плата рабочих в каждом отдельном предприятии входит в издержки производства этих предприятий. Очевидно что каждый предприниматель стремится сократить издержки производства своего предприятия, в том числе и заработную плату, чтобы получить более высокую прибыль. Очевидно также, что заработная плата в отдельном предприятии может повыситься очень немного сравнительно с другими такого же рода предприятиями в том же производстве, так как значительное повышение заработной платы в отдельном предприятии без повышения цены продукта может значительно сократить прибыль этого предприятия и заставить этого предпринимателя остановить производство, ибо он окажется поставленным в худшие условия, сравнительно с другими предпринимателями.

Гораздо значительнее заработная плата может быть повышена во всех предприятиях данной отрасли производства. Общее повышение заработной платы в целой отрасли промышленности ставит предпринимателей в одинаковые условия при их взаимной конкурренции. При общем повышении заработной платы в той или другой отрасли производства предприниматели даже имеют возможность повысить цены производимых продуктов и таким образом, несмотря на повышение заработной платы получат в данной отрасли такую же норму прибыли, как и раньше, до повышения заработной платы.

Кроме того, предприниматели могут путем технических усовершенствований при повышении заработной платы увеличить производительность труда.

Обыкновенно так и происходит: при повышении заработной платы технически отсталые предприятия или погибают, или реорганизуются в более усовершенствованные.

Тем не менее и в целой отрасли промышленности возможность повышения заработной платы ограничена известными пределами. Если бы предприниматели всегда могли повысить цены продуктов при повышении заработной платы, то как бы ни повышалась заработная плата в отдельной отрасли производства, прибыль предпринимателей не сокращалась бы: повысивши цену продуктов данного производства, предприниматели уравняли бы прибыль с другими отраслями промышленности. Таким образом, если бы не было иностранной конкурренции, рабочие, повышая свою заработную плату последовательно в различных производствах, в конце концов, могли бы увеличить свою долю из суммы производимых в стране продуктов. Но в большинстве случаев как раз в передовых капиталистических странах, где заработная плата относительно выше, значительное повышение цены продуктов невозможно вследствие конкурренции стран с более дешевым трудом. Следовательно значительное повышение заработной платы в каждой отрасли промышленности, без риска перенести ее в другие страны возможно только путем международного соглашения рабочих отдельных отраслей промышленности и путем пропорционального повышения заработной платы во всех странах, производящих данный продукт на мировой рынок.

Борьба рабочих за улучшение своего положения еще стоит на первых ступенях своего развития. Тем не менее, все более и более в сознание масс проникает мысль, что эта борьба связывает интересы рабочих всего мира. По мере того, как будут развиваться международный обмен и взаимная экономическая зависимость отдельных стран от других, необходимость совместного выступления рабочих всех капиталистических стран в различных формах классовой борьбы будет все более и более сознаваться. В такого рода соглашениях более всего заинтересованы рабочие старых капиталистических стран с большим количеством накопленного капитала. Ибо оттуда в поисках более дешевого труда и более высоких прибылей капитал эмигрирует в другие страны, где есть новый рынок и неорганизованные рабочие силы. Естественно, что рабочие стран, вывозящих капиталы, заинтересованы в повышении заработной платы в более отсталых странах.

Норма прибыли предпринимателей в отдельных отраслях промышленности тесно связана с высотой цен на изготовленные продукты. Добиться повышения заработной платы легче при повышении нормы прибыли в этих отраслях производства. Поэтому рабочие непосредственно заинтересованы в том, чтобы следить за колебаниями цен на изготовляемые ими продукты. Такого рода наблюдение за колебаниями рынка, наблюдение за благоприятной или неблагоприятной конъюнктурой требует широкой профессиональной организации, больших средств и большой дисциплины со стороны рабочих. Рабочий класс ощупью, на основании опыта приходит к пониманию важности всех этих сторон экономической борьбы. Потому, что чем больше знания и сознательности вносится в эту борьбу, тем больше гарантий ее успеха.

С другой стороны и предприниматели стремятся расширять и укреплять свои организации в целях повышения своей прибыли. Для этого употребляется два пути: или повышение прибыли на счет понижения заработной платы рабочих, или повышение цен продуктов, т. е. на счет потребителей. Значение организации предпринимателей относится к следующей части этой работы,—к отделу о прибыли и здесь мы не будем останавливаться на этом.

2.

Повышение денежной заработной платы не всегда сопровождается соответственным повышением реальной заработной платы.

Может ли повыситься путем повышения заработной платы доля рабочего класса в общей сумме производимых продуктов?

Многие экономисты, а также анархисты, утверждают, что борьба рабочих за улучшение их положения не может дать никаких результатов, потому что повышение денежной заработной платы поведет к повышению цен на продукты. Следовательно, рабочие на большую сумму денег, которую они будут получать в виде заработной платы будут покупать такое же количество продуктов, но только по более высокой цене.

В другом месте я уже приводил соображения о неправильности такого вывода. Этот вывод основан на том предположении, что все продукты, производи-

мые рабочим классом, потребляются рабочими же. Разумеется, это предположение неправильно, так как при таком предположении рабочие получали бы все продукты своего труда. В действительности рабочие получают не более ¼ части всех производимых ими продуктов.

Предположим, что рабочие производят ежегодно продуктов на 400 милл. рублей, из которых получают заработную плату 100 милл. рублей. При этом условии рабочие могут потреблять четвертую часть производимых ими продуктов. Остальные три четверти потребляются в большей своей части капиталистами (отчасти непосредственно, а главным образом, в виде средств производства) и средними классами.

Допустим, что заработная плата поднялась вдвое, до 200 милл. рублей. Если предположить, что цена продуктов повысится на всю сумму повышения заработной платы, т. е. на 100 милл. рублей, то общая цена годового производства с 400 милл. руб. поднимется до 500 милл. руб. Из этой суммы годового продукта теперь рабочие могут потребить на 200 милл. руб., т. е. две пятых, между тем, как раньше они потребляли только одну четвертую часть. Таким образом, **поскольку** повышение цен продуктов происходит благодаря повышению заработной платы, предприниматели не могут переложить это повышение исключительно на рабочих и таким путем понизить реальную заработную плату до прежнего уровня.

Если мы и наблюдаем понижение реальной заработной платы вследствие повышения цен на предметы потребления рабочих, то именно **потому**, что денежная заработная плата отстает в своем повышении от повышения цен на продукты, т. е. потому, что рост цен на продукты вызывается не повышением заработной платы, а исключительно повышением прибыли капиталистов и землевладельцев, повышением, вызванным более сильной организацией предпринимателей, благоприятной для них экономической конъюнктурой и т. д. Компенсировать такого рода понижение реальной заработной платы рабочие могут только путем повышения денежной заработной платы, не опасаясь повышения цен на продукты.

Наконец, реальная заработная плата понижается путем государственных и муниципальных косвенных налогов на предметы потребления рабочих. Это относится уже к области государственной и муниципальной политики и выходит за пределы чисто экономических отношений современного капиталистического общества, хотя экономическую борьбу различных классов только в теории искусственно возможно отделить от политики. Борьба предпринимателей за повышение прибыли путем таможенного покровительства, влияние пошлин, налогов и т. д. так тесно переплетаются с экономическими отношениями, что в **жизни** экономика и политика составляют лишь две стороны социальных отношений, слагающихся на почве развития капитализма.

ГЛАВА XXXVII.

Стоимость рабочей силы и заработная плата.

1.

Вследствие недостаточной разработанности теории необходимых средств существования, теоретики, придерживающиеся ее, принуждены все разнообразие заработных плат объяснять различием стоимости рабочей силы, что, разумеется, неверно. Конечно, если американский рабочий получает 25 долларов в неделю, то все таки он потребляет весь свой заработок и удовлетворяет необходимые потребности. Но было бы ошибочно думать, что американскому предпринимателю выгоднее выплачивать такую высокую заработную плату, сравнительно, например, с русским предпринимателем. Для первого ничуть не выгоднее лучшее удовлетворение потребностей рабочего. Американские предприниматели охотно нанимают рабочих, эмигрирующих из России, из Италии и даже Китая, находя более выгодным их дешевый труд. Как известно, этот более дешевый труд является одним из сильнейших препятствий к повышению заработной платы американских рабочих. Следовательно, если американский рабочий получает более высокую заработную плату, то не потому, что она определяется стоимостью содержания рабочего, а потому, что более благоприятные экономические условия дали возможность рабочим, благодаря относительно высокой заработной плате поддерживать удовлетворение своих потребностей на более высоком уровне, чем в Европе или Азии. Если в Южной России сельскохозяйственный рабочий получает вдвое более высокую заработную плату, чем в центральной России то, разумеется, уровень его потребностей вдвое выше, чем в центральной России. Но и в этом случае нужно признать, что уровень потребностей определяется высотой заработной платы, а не обратно.

Мы имеем всегда известную скалу различных заработных плат. В таблице высоты заработной платы, например, в Соединенных Штатах, имеем заработную плату ниже 3 долл., от 3 до 4, от 4 до 5, до 6 и т. д. вплоть до 25 долл. и выше в неделю. Утверждать, что эти разнообразные заработные платы определяются стоимостью содержания рабочего, значит ничего не сказать и уклониться от объяснения явления. Разумеется, рабочему, получающему 3 доллара в неделю его рабочая сила «стоит» 3 доллара, потому, что он только их и получает, так же как получающему 25 долл. рабочая сила «стоит» 25 долларов. Но ясно, что и в том, и в другом случае не высота заработной платы определяется «стоимостью» содержания рабочего, а напротив, «стоимость» содержания рабочего определяется высотой заработной платы. Если бы эти различные нормы заработных плат обусловливались случайными или временными колебаниями под влиянием спроса и предложения, то можно было бы рассматривать это различие высоты заработной платы, как случайное, временное отклонение от какой то средней нормы. Но это различие заработных плат не является временным колебанием, а постоянное явление, тесно связанное с основами капиталистического строя. Спрос и предложение на труд постоянно колеблются,

а различие оплаты труда в различных профессиях, в различных районах остается более или менее постоянным.

2.

Роджерс приводит один факт из истории английского народного хозяйства, о котором упоминают многие экономисты, но на значении которого мало останавливаются. Вследствие чумы 1348 года заработная плата рабочих, после того, как многие из них вымерли, значительно повысилась.

Это повышение, разумеется, нельзя объяснить тем, что благодаря чуме повысились их потребности. Повышение заработной платы произошло просто потому, что рабочих рук стало меньше, потому, что на некоторый период, довольно значительный, вследствие вымирания населения во время чумы, земледелие не выбрасывало такого количества рабочих, которые могли бы понижать заработную плату своим избытком. Процесс перераспределения производительных сил из земледелия в индустрию приостановился, ибо в самом земледелии оказалась потребность в большем количестве рабочих рук, чем осталось после чумы. Как известно, для того, чтобы бороться с повышением заработной платы, парламент издал закон, запрещавший отказываться от сельскохозяйственной работы и брать за труд вознаграждение выше нормы, бывшей до чумы. В течение последующего десятилетия, по данным Роджерса, заработная плата в сельском хозяйстве в Англии поднялась на 50—70 проц., несмотря на изданный парламентом статут. В соответствующей пропорции поднялась и плата за труд ремесленников. Благодаря этому, цены различных изделий повысились, но цены на жизненные предметы не повысились. Таким образом, от повышения заработной платы рабочие значительно выиграли.

Происшедшая «универсальная и внезапная», по выражению Роджерса, перемена в положении рабочих произошла благодаря чуме, уничтожившей не менее трети взрослого населения. Такой дорогой ценой в Европе покупалось улучшение положения рабочих.

В колониях и редко населенных странах за относительно лучшее положение рабочим не приходится платить такой ценой; поглощение земледелием рабочих рук спасает индустриальное население от прилива местных дешевых рабочих и заработная плата может стоять выше.

Приведенный нами факт требует объяснения. Он не может объясняться повышением стоимости рабочей силы, как не объясняется повышением ее стоимости высокая плата в колониях, в Соединенных Штатах, в развивающихся отраслях промышленности и т. д.

Не объясняются эти факты и спросом—предложением труда, ибо спрос и предложение, как мы выяснили в другом месте, являются лишь отражением отношений, создающихся в производстве. Спрос и предложение могут влиять лишь на временные колебания заработной платы, но не могут определять постоянное различие заработных плат. Спрос на тот или другой вид труда—как и его предложение в различные моменты, в различное время года—могут колебаться, но они не столько влияют на высоту заработной платы, сколько, являясь

результатом условий производства, оказывают влияние на количество безработных. Мы видим, всегда, что оплата труда в различных профессиях различна, независимо от спроса и предложения: спрос на труд металлистов в тот или другой момент может сократиться, а спрос на труд сельскохозяйственных рабочих может повыситься, но заработная плата металлистов все таки всегда выше, чем у сельскохозяйственных рабочих.

3.

Из бюджетов рабочих семей различного состава и из данных германской переписи мы видим, что заработная плата большинства рабочих настолько ниже суммы средств, необходимых для содержания семьи соответственно установившемуся культурному уровню, что огромная часть рабочих принуждена жить без семьи, и эту часть именно составляют те рабочие, которые получают более низкую заработную плату. Следовательно, если под «стоимостью рабочей силы» понимать стимость содержания рабочего и его семьи при данном уровне культурных потребностей, то заработная плата большинства рабочих ниже этой нормы стоимости и достигает ее только у наиболее привилегированных рабочих.

Если же под стоимостью рабочей силы понимать уровень средств, необходимых для существования, то заработная плата большинства рабочих стоит выше этого уровня. Если minimum заработной платы, например, в Германии получают сельскохозяйственные рабочие (500—600 марок), то почти все индустриальные рабочие получают выше этого minimum'а. Если же нормой считать заработную плату, например, 900 марок, то огромная масса сельскохозяйственных рабочих получает заработную плату ниже minimum'а, а большинство индустриальных рабочих выше этого minimum'а. И вообще нельзя считать minimum'ом заработной платы такой ее уровень, ниже которого ее имеет огромное количество рабочих. Ясно, что minimum'ом и нужно считать минимальную заработную плату. Но если при минимуме заработной платы могут поддерживать свое существование рабочие, получающие этот минимум, то остальные рабочие получают заработную плату выше этого минимума средств, необходимых для физического существования, но вместе с тем, как мы показали, ниже нормы, которая необходима для удовлетворения установившихся культурных потребностей рабочего и его семьи.

Между тем, стремление рабочих к культурному человеческому существованию настолько сильно, что несмотря на все усилия предпринимателей и на всю их экономическую и политическую силу, они не могут сломить этого стремления, постоянно наталкиваются на упорную борьбу рабочих за завоеванный ими культурный уровень и за дальнейшие завоевания. И вот, в борьбе с этим стремлением рабочих предприниматели находят более дешевый труд женщин и детей, рабочих из районов, выбрасывающих земледельческое население и т. д.

Усиленная эксплуатация женского и детского труда, а также привлечение менее культурного деревенского населения показывает, что если предприниматели и платят взрослым рабочим мужчинам более высокую заработную плату,

то только потому, что к этому побуждает более сильное сопротивление мужчин дальнейшему понижению их заработной платы и более слабое сопротивление женщин и детей. Заработная плата этих категорий рабочих так же, как и кустарей опускается значительно ниже суммы средств, необходимых для существования, потому что часть этих средств женщины и дети получают из заработка мужчин.

Итак, мы не можем сказать, что заработная плата определяется только стоимостью средств существования рабочего, так как у различных категорий труда, в различных отраслях промышленности в различных районах и т. д. она различна и ее высота определяется другими условиями, на которые мы указывали. Но стоимость труда в большинстве случаев определяется заработной платой. Т. е. каждая категория рабочих принуждена затрачивать всю свою заработную плату на поддержание своей рабочей силы, не имея возможности даже содержать семью.

Мы не можем согласиться с тем, что относительно более высокая заработная плата одних категорий рабочих создается более высокой стоимостью рабочей силы, а более низкая заработная плата других категорий более низкой стоимостью рабочей силы рабочих этих категорий; что «стоимость» рабочей силы русского кустаря, зарабатывающего в день 10 коп., в сорок раз ниже стоимости рабочей силы американского рабочего, получающего два доллара в день или в 80 раз ниже стоимости рабочей силы рабочего получающего 4 доллара [1]). Было бы явно нелепым утверждение, что в развивающихся отраслях промышленности стоимость рабочей силы выше стоимости ее в падающих отраслях, что в странах с быстро развивающейся индустрией (Соединенных Штатах, Англии, Германии) стоимость рабочей силы выше, чем в отсталых странах, или в районах интенсивно выбрасывающих земледельческое население. Все данные о высоте заработной платы в различных районах, странах, отраслях промышленности, профессиях, показывают, что объяснение высоты заработной платы, ее стоимостью совершенно неудовлетворительно.

Сравнение высоты заработной платы различных категорий рабочих показывает, что оплата труда не находится в зависимости от его напряженности и даже от его опасности. Труд может требовать большого напряжения и изнашивания рабочей силы и, тем не менее, оплачиваться ниже других категорий труда, требующих меньше напряжения, но больше искусства. Точно также, более опасный труд может оплачиваться ниже, чем более безопасный. Сравнивая смертность от несчастных случаев при работе, мы находим следующие относительные цифры несчастных случаев: садовники 244; портные 289; переплетчики 144; производство машин 418; сельско-хозяйственные рабочие 588; чернорабочие 1322; углекопы 1366; матросы 2855 [2]).

Если мы сравним высоту заработной платы у перечисленных категорий рабочих, то не найдем никакой связи между ее высотой и опасностью работы.

---

[1]) Если даже допустить, что цены предметов потребления рабочих в Америке вдвое дороже, чем в России, то и в таком случае отношение заработных плат будет 20 : 1 и 40 : 1.

[2]) См. Н. А. Вигдорчик. Опасность промышленного труда. СПБ. 1913 г.

Жизнь и здоровье рабочего так мало ценятся, что, повидимому, не оказывают влияния на высоту заработка. В профессии наиболее опасные для жизни и здоровья рабочих всегда находится много кандидатов, если только эти профессии доступны для массы рабочих.

4.

Теория стоимости рабочей силы не может еще дать объяснения различной высоты заработной платы, но как уже замечено, имеет большое теоретическое значение при анализе образования прибыли и прибавочной ценности; именно с помощью анализа ценности товара и ценности рабочей силы, К. Маркс дал блестящий анализ теории прибавочной ценности.

К сожалению, Маркс не дал законченной теории заработной платы и его анализ ценности рабочей силы, необходимый для выяснения теории прибавочной ценности и прибыли, был принят многими марксистами за теорию заработной платы.

При более детальном анализе заработной платы приходится признать, что благодаря воспитанию подрастающих рабочих сил в мелком хозяйстве, труд рабочих продается, в **общем** и **среднем**, ниже «стоимости» его производства, так как воспитание подрастающей рабочей силы падает не столько на рабочих, сколько на мелкое хозяйство. Для воспитания детей, заработная плата рабочих, в среднем, слишком низка. Но при анализе образования прибавочной ценности, можно игнорировать это отклонение и допустить, что рабочие все выкармливаются в рабочей семье и что они получают в заработной плате полную стоимость рабочей силы.

Разница между стоимостью рабочей силы и стоимостью произведенных ею продуктов и составляет прибавочную ценность. Для теоретического анализа образования прибавочной ценности и возможно только принять заработную плату, как среднюю определенную величину, как долю продукта, произведенного рабочим, не вдаваясь в анализ отклонения ее в ту или другую сторону у различных категорий рабочих. Но принимать такое определение заработной платы за теорию заработной платы и исходить из него, было бы крайне ошибочно. Пришлось бы, как это делают многие, делать натяжки и подгонять факты под формулу, под которую эти факты никак не укладываются, пришлось бы игнорировать постоянное различие высоты заработной платы различных категорий рабочих, в разных странах и районах, объяснение которого и может только составлять содержание теории заработной платы.

Все приведенные в предыдущих главах факты не могут быть объяснены одной теорией средств существования. Как объяснить вдвое более высокую заработную плату сельскохозяйственных рабочих в районах экстенсивного хозяйства сравнительно с заработной платой центральных районов России? Разницей стоимости рабочей силы? Как объяснить более низкую заработную плату в падающих отраслях промышленности, в кустарных промыслах, в мелких предприятиях и т. д.? Как объяснить более высокую заработную плату в развивающихся отраслях промышленности, в профессиях требующих обучения, но не требую-

ших большого напряжения труда сравнительно с чернорабочими и т. д. и т. д? Сравним заработную плату, например, следующих трех категорий рабочих в Манчестере:

кочегаров	24,5	марок в неделю
маляров	43	„ „ „
их помощников	25	„ „ „
наборщиков	43½	„ „ „
рабочих в железнодорожных мастерских	18½	„ „ „

Разумеется, маляр получает почти вдвое более высокую заработную плату против помощников или против кочегаров не потому, что стоимость его рабочей силы вдвое выше, чем у последних, или, что напряженность его труда больше. Маляр получает более высокую заработную плату против помощника потому, что только работая несколько лет в качестве помощника и получая заработную плату приблизительно равную заработной плате средняго обычного чернорабочего, он в конце концов переходит из помощников в маляры. Предварительное обучение делает недоступной профессию маляра для каждого рабочего и таким образом дает возможность малярам добиться относительно более высокой заработной платы. Между тем, потребность в малярах постоянно расширяется. Это и является благоприятным условием для установления более высокой заработной платы сравнительно с чернорабочими или помощниками и вообще профессиями, доступными каждому рабочему. Едва ли кто-нибудь решится утверждать, что стоимость поддержания часовой рабочей силы маляра вдвое выше, чем стоимость рабочей силы его помощника или кочегара. При напряженности труда, последний затрачивает энергии гораздо больше, чем маляр или наборщик. Но профессия кочегара доступна почти каждому рабочему и это служит причиной низкой оплаты.

Вульгарный экономист разницу, которую получает, например, маляр или наборщик сравнительно с заработной платой чернорабочего назовет «рентой», ибо он смотрит на все экономические явления сквозь очки капиталиста. В действительности, заработная плата маляра или наборщика «рантье», как мы показали, недостаточна даже для содержания семьи и «рантье» быстро изнашивается, часто не имея средств оставить даже потомство, состоящее из таких же «рантье». Тем не менее разница в оплате труда несомненно существует и, как мы старались показать, определяется изложенными выше экономическими законами.

Благодаря постоянно выбрасываемой из мелкого хозяйства резервной рабочей армии, заработная плата имеет тенденцию падать ниже уровня средств необходимых для существования и только то сопротивление, которое оказывается рабочими, а также сопротивление, которое создается социальными условиями быстрому и свободному переходу чернорабочих из одной отрасли производства в другую, из одного района в другой и в другие профессии, дает возможность представителям различных профессий поддерживать свою заработную плату сообразно установившемуся культурному уровню, хотя и жертвуя часто для этого семьей.

Когда рабочие не обладают достаточной силой сопротивления, вследствие своей неорганизованности и взаимной конкурренции, капитал производит систематическое их убийство, совершенно не опасаясь, что окажется недостаток рабочих. Мы приведем лишь одну иллюстрацию этого убийства, так как в литературе о положении наемного труда приводилось уже достаточно данных о положении рабочих. На заводах французской Астурийской компании пришлых законтрактованных в России рабочих ставят в самое вредное отделение завода, в котором приходится работать в страшном жару, среди паров серной кислоты. Обычная температура подвальных помещений, в которых они остаются 11 часов в день— 40-45 град. и работать приходится окутанными испарениями руды и химических реактивов. Труда в подобных нечеловеческих условиях не выдерживает никто, кроме русских башкир и татар. Незнание языка, неорганизованность, привычка к пассивному подчинению.—все эти особенности темной массы русской рабочей эмиграции привели к тому, что администрация бельгийских и французских заводов, пользующаяся этой массой, как удобным материалом для хищнической эксплуатации, фактически уничтожила по отношению к ней все местное рабочее законодательство о вознаграждении за увечья, о болезнях и т. д., возвела штрафы в систему и довела эту систему до ужасающих размеров (больных рабочих, например, заставляют работать: если же больные не выходят на работу, их штрафуют). Смертность 30%, так что **фактически из сотни вывезенных рабочих через два года остается в живых несколько рабочих, да и то больных и ни к чему непригодных** и т. д. и т. д.

Такого рода фактов, более или менее ярких, можно было бы привести много и все они доказывают, что капитал ставит рабочих в такое положение, в котором не только невозможно их размножение, но даже и поддержание жизни. Если тем не менее некоторые категории рабочих живут лучше и даже размножаются, то не потому, что предприниматель оплачивает «стоимость рабочей силы», а потому что экономические условия (на которые мы указывали), а также социальные условия (сила сопротивления рабочих) препятствуют понижению уровня заработной платы до минимума, препятствуют такому быстрому убийству рабочего ради накопления прибыли, какое отмечено в Астурийской кампании. Из этого естественно следует вывод, что в тех районах, профессиях, отраслях промышленности, где экономические и социальные условия не благоприятствуют относительному повышению заработной платы, она стоит на низком уровне,—там, где эти условия благоприятствуют, заработная плата должна быть выше. Но из этого следует вывод, что нужно выяснить эти условия, найти законы, регулирующие заработную плату, а не ограничиваться общим положением, что заработная плата соответствует стоимости труда, положением, которое достаточно для выяснения процесса образования прибавочной ценности, но совершенно недостаточно для теории заработной платы.

Между тем это общее положение служило основанием для продолжительного периода отрицательного отношения теоретиков социализма к экономической борьбе. Теперь социалисты придают большое значение экономической борьбе. Успехи этой борьбы среди английских рабочих в течение второй половины прошлого

столетия даже привели английских рабочих к совершенно ложному выводу, что сама по себе экономическая борьба может привести к коренному улучшению положения не только отдельных групп, но и всего рабочего класса в рамках капиталистического строя. Этот вывод делался потому, что стечение экономических и социальных условий благоприятствовало некоторому улучшению положения значительной части рабочих. Выброшенная раньше масса земледельческого населения и поставленная в самые худшие условия до 50-60 годов прошлого столетия, к концу этого столетия, благодаря быстрому развитию индустрии, резервная армия рассасывалась и поглощалась ею. При таких условиях организация рабочих могла сделать некоторые завоевания для крупных категорий рабочего класса. Но это стечение благоприятных условий, значение которых выяснено нами в предыдущих главах, не могло долго продолжаться. Конкурренция других стран, вывоз капиталов в молодые капиталистические страны и проч. стали задерживать быстрый рост английской индустрии, не знавшей раньше соперников, между тем как выбрасывание земледельческого населения продолжается и до настоящего времени.

С другой стороны, многие теоретики социализма склонны смотреть на экономическую борьбу, как на борьбу с ветряными мельницами, как на безнадежное дело, так как по теории полагается, что рабочая сила продается по ее стоимости. Правда, ни один теоретик не осмеливался утверждать, что экономическая борьба рабочих не нужна,—слишком очевидно, что она не может исчезнуть от пренебрежительного отношения к ней теоретиков. Тем не менее, многие из них склонны думать, что экономическая борьба рабочих является бесплодной, так как заработная плата определяется стоимостью рабочей силы.

Из анализа источника образования резервной рабочей армии мы должны заключить, что этот вывод имеет довольно прочные основания, но не потому, что высота заработной платы различных категорий рабочих соответствует стоимости рабочей силы, а потому что заработная плата высших категорий рабочих определяется высотой заработной платы в отраслях промышленности и в районах, выбрасывающих рабочих,—главным образом в земледелии. Между тем этот процесс выбрасывания рабочих делает почти невозможным повышение там заработной платы, так как ставит рабочих в самые неблагоприятные условия экономической борьбы. Поэтому, например, американские рабочие при быстром экономическом развитии страны не могут улучшить своего положения: выбрасываемые из земледелия рабочие других стран понижают и в Америке заработную плату. Кабальные отношения в сельском хозяйстве России косвенно отражаются на положении рабочих в Америке. Возможность передвижения капиталов в страны, где эксплуатация труда более выгодна, ставит границы повышению заработной платы, пока не произойдет повышение ее в более отсталых странах. Поэтому рабочий класс всех стран не только идеально, но и материально очень заинтересован в улучшении политического и экономического строя всех других стран.

ГЛАВА XXXVIII.

Заработная плата и размножение населения.

1.

Выяснение источника образования резервной рабочей армии бросает яркий свет на многие явления экономической жизни, которые до сих пор объяснялись неправильно и толкали рабочих на ложный путь. Одним из таких ложных путей является неомальтузианство, пропагандируемое среди рабочих, как средство общего улучшения положения рабочего класса.

Неомальтузианство исходит из общего с марксизмом положения, что рабочая армия восстановляется и увеличивается путем рождаемости и размножения рабочих поколений. Исходя из этого, Маркс и предполагал, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью содержания рабочего и его семьи, что заработная плата покрывает издержки содержания семьи рабочего, так как только при таком условии предложение труда рабочих не будет ослабевать, и индустрия может иметь всегда достаточную рабочую армию.

Мальтузианцы исходят из этой же посылки и приходят к выводу, что если рабочие будут воздерживаться от размножения, то предложение труда сократится и заработная плата повысится, так как уменьшение размножения рабочих ослабит предложение труда, а спрос на труд не сократится. Рабочие таким образом могут теперь же улучшить свое положение, не дожидаясь социального переворота.

Обычные возражения социалистов-марксистов, в сущности, не опровергают доводов неомальтузианцев и бьют мимо цели. Эти возражения сводятся к тому, что причиной тяжелого положения рабочих является капиталистический строй, с устранением которого только и возможно коренное изменение положения рабочего, так как будет уничтожена в корне эксплуатация его труда. Это возражение справедливо, но бьет мимо цели, так как неомальтузианство ищет и—по мнению его сторонников—находит путь к немедленному улучшению положения рабочих. Для современного рабочего, страдающего от нужды и безработицы, недостаточно утешения в том, что когда-нибудь—в более или менее отдаленном будущем исчезнет эксплуатация труда рабочих. От этого сознания эксплуатация непосредственно его труда не ослабевает. Рабочий ищет, пытается найти средства для улучшения своего положения в настоящее время. Между тем, против доводов мальтузианцев относительно того, что конкурренция и безработица создаются на почве слишком быстрого размножения рабочих, веских возражений не приводится, так как марксисты исходили из положения, что рабочие **получают полную стоимость содержания рабочего вместе с его семьей**, что капитализм оплачивает стоимость содержания семьи в таких размерах, чтобы размножение рабочих не отставало от спроса на их труд. Предположение Маркса, что капитализм оплачивает стоимость содержания семьи,—исходит из мысли, что если бы капитализм не оплачивал стоимости содержания семьи, то промышленность не имела бы достаточного прилива свежих рабочих сил. Этот постоянный прилив понижает заработную плату до уровня необходимых средств для существования; для капи-

тализма этот прилив необходим, чтобы было достаточно необходимых для индустрии рабочих и чтобы конкурренция подрастающего поколения держала заработную плату на данном низком уровне. Правда, Маркс указывает в другом месте на другие источники образования рабочей армии, но в вопросе о стоимости рабочей силы он не придавал им значения и на них не останавливался. Если же капитализм оплачивает стоимость содержания семьи, как утверждают все экономисты, если для капитализма это необходимо, чтобы иметь достаточное количество рабочих, то доводы мальтузианцев, что сокращение размножения повысит заработную плату, покажутся правильными.

Между тем, если принять во внимание, что главным источником, откуда образуется рабочая армия, является мелкое хозяйство и главным образом земледелие, что рабочие силы вскармливаются в мелком земледельческом хозяйстве, которое вместе с взрослыми лошадьми, овощами и хлебом поставляет и свежие рабочие силы, то станет ясным, что все мальтузианские выводы построены на неправильных основаниях. Я уже упоминал, что предприниматели могут спокойно смотреть на проституцию, детоубийства, на неомальтузианство среди рабочих и даже рекомендовать им эти занятия, так как мелкое хозяйство доставляет достаточно рабочих рук. Рабочий может лишить себя семьи, но он не может лишить капитализм прилива свежих, молодых рабочих сил. Так как в земледелии и мелком хозяйстве происходит не только относительное, но и абсолютное сокращение занятых рабочих, то если бы даже и среди крестьян и мелких промышленных хозяев развилось мальтузианство и сократился бы прирост населения, все-таки прилив рабочих сил из земледелия и мелкого хозяйства вообще, продолжался бы, благодаря перераспределению производительных сил. Только массовые убийства рабочих, выбрасываемых процессом перераспределения производительных сил, могли бы ослабить их приток в индустрию, но до такого рецепта неомальтузианцы не решались и не решатся дойти.

2.

Констатированный нами факт воспитания рабочих сил в мелком хозяйстве, имеет для процесса накопления капитала огромное значение. Капитал, оплачивая труд ниже стоимости его воспроизводства, перелагает стоимость содержания подрастающих рабочих сил на мелкое хозяйство и таким образом, косвенно его эксплуатирует. Разность между стоимостью рабочей силы и суммой производимых рабочими продуктов (прибавочная ценность) увеличивается за счет мелкого хозяйства. Рабочий (средний) не получает заработной платы, достаточной для содержания семьи, именно потому, что свежие рабочие силы поставляются в индустрию мелким хозяйством без всякой оплаты со стороны капитала стоимости содержания этих свежих рабочих сил. Зачем предприниматель будет оплачивать стоимость воспитания явившегося из деревни молодого рабочего. Последний «сам» явился на рынок продавать свой труд! Его отец «сам» наплодил столько детей и выкормил их, чтобы поставить на рабочий рынок!

Выгода, получаемая крупным капиталом от такого добровольного содей-

ствия его накоплению со стороны мелкого хозяйства, не может быть учтена. Она учитывается, в конце концов, только в виде постепенного разорения мелких хозяйств; да в виде безнадежной борьбы за существование родителей, выбивающихся из сил, чтобы воспитать своих детей в своем хозяйстве и потом поставить их на рынок к услугам капитала.

Неомальтузианство не может улучшить общего положения рабочего класса, потому что приток рабочих из деревни парализует попытки искусственно сократить конкурренцию среди рабочих уменьшением рождаемости. Тем не менее, сокращение рождаемости, неомальтузианство, развивается и процветает в различных странах, как средство каждого индивидуального рабочего и работницы не ухудшить свое положение благодаря семье. Мы указывали, что низкая заработная плата ведет к проституции, распространению выкидышей и к предупреждению зачатий, которые проповедует неомальтузианство. Но стихийное распространение этих явлений не вызывается стремлением улучшить положение рабочего класса и не ведет к такому улучшению, а вызывается трудностью, иногда и невозможностью для отдельного рабочего или работницы содержать семью, т. е. вызывается тем, что капиталист не оплачивает содержания семьи: ее сокращение является пассивным отступлением рабочих перед капиталом, понижающим заработную плату ниже стоимости содержания семьи. Пропаганда мальтузианства является именно пропагандой такого же пассивного отступления перед напором капитала, пропагандою дешевой стоимости рабочей силы.

Не столько такая пропаганда, сколько нужда ведут к распространению практики неомальтузианства; это можно видеть из следующего. В Англии, после процесса Энни Безант [1]) в 1877 г. и после введения в 1891 году Women and Childrens act'a произошло сокращение рождаемости; от 100 замужних женщин было следующее число рождений [2]).

В	1877 г.	1891 г.	1905 г.
York	22	20	15
Hudhersfild	22	15	13
Bradford	23	15	11
Leeds	24	21	13
Manchester	24	22	18
Boston	25	22	15

Повидимому, законодательная (после 1891 года) защита детей против эксплуатации капиталом, лишающая родителей возможности содержать детей детским же трудом, явилась сильным толчком к сокращению деторождаемости; недостаток собственного заработка для содержания семьи и затруднительность использовать детский труд для пополнения бюджета, усилили неомальтузианскую практику.

Таким образом, наряду с активным сопротивлением напору капитала, сопроти-

[1]) За пропаганду неомальтузианства

[2]) Fortpflanzung. Vererbung. Rassenhygiene. Prof. M. von Gruber.

влением путем забастовок и политической борьбы, которыми рабочие стремятся повысить заработную плату и бороться против ее понижения, рабочий класс прибегает к пассивному сопротивлению путем самоубийства, выражающегося в сокращении деторождаемости, путем наиболее выгодным для капитала. Ибо выкармливание подрастающих рабочих поколений земледельческим населением, главным образом, на счет мелкого земледельческого хозяйства, сокращает «издержки» капитала на содержание «рабочей силы», перелагая их на крестьянское хозяйство. При таких условиях даже улучшение положения рабочих не увеличивает «издержек» предпринимателей, так как это улучшение происходит за счет размножения рабочего класса сокращением семьи и рождаемости детей.

3

Поэтому Мальтус, цинично предлагавший рабочим воздерживаться от семейной жизни и вызывавший смущение у более стыдливых апологетов капитализма, по существу был прав в том отношении, что он правильно понимал и отражал интересы капитала: для капитала семья рабочего не нужна, пока земледельческое хозяйство вскармливает и поставляет рабочие силы. Сущность капитализма наиболее ярко сказывается именно в этом вопросе о размножении рабочего класса. Наиболее выгодная комбинация для капитала была бы следующая: в городе не должно быть ни жеребят, ни телят, ни поросят, ни ребят рабочих. Молодые поколения животных и людей должны воспитываться мелким земледельческим хозяйством за его счет, а капитал должен эксплуатировать уже готовые рабочие силы.

И нужно признать, что в этом направлении идет современное капиталистическое развитие: жеребята и телята уже исчезли из города, а дети рабочих постепенно начинают исчезать, благодаря тому, что рабочие вынуждены все в больших и больших размерах прибегать к мальтузианству; недостаточная заработная плата для содержания семьи служит наиболее убедительным аргументом для распространения мальтузианства в виде ли проституции, или в виде искусственного сокращения семьи.

Некоторым противовесом такой пропаганде служит стачечная борьба рабочих за повышение заработной платы, но эта борьба не настолько успешна, чтобы быть в состоянии парализовать конкурренцию деревни. Процесс перераспределения производительных сил из земледелия в индустрию происходит с такой стремительностью, что в значительной степени парализует экономическую борьбу рабочих. А политическое господство аграриев и крупного капитала путем таможенных пошлин и налогов еще более ослабляет результаты экономической борьбы рабочего класса. Таким образом, неомальтузианство имеет корни в самих основах современного капиталистического строя и может исчезнуть только вместе с ним.

Очевидно также, что неомальтузианство должно распространяться успешнее всего там, где развитие индустрии происходит медленнее, где нарождающимся поколениям рабочих труднее найти заработок, где уровень потребностей рабочего класса настолько велик, что рабочие предпочитают прибегать к неомальтузианству, чтобы не сокращать свои потребности. Такой страной является Франция, где

при достаточно развитом капитализме его дальнейшее развитие происходит медленно, где индустрия недостаточно быстро расширяется. В свою очередь, практика неомальтузианства во Франции, сокращение рождаемости населения ослабляет расширение внутреннего рынка, которое при капиталистическом строе происходит неизбежно благодаря приросту населения. Медленное же расширение внутреннего рынка в свою очередь задерживает поглощение индустрией накопляющихся капиталов, задерживает ее развитие, а следовательно сокращает спрос на рабочие руки. Таким образом, неомальтузианство в борьбе со злом, присущим капиталистическому строю, в борьбе с «избытком» рабочих рук, в некоторой степени увеличивает это зло, задерживая развитие внутреннего рынка и развитие индустрии. Накопляющийся в стране капитал перемещается в производство в других странах, так как ослабление прироста населения задерживает развитие производства в стране. Развитие массового крупного машинного производства тесно связано с размерами внутреннего рынка и с количеством населения в стране [1]).

Рабочие могут искусственно задержать естественный прирост населения, но они не могут задержать отлив капитала в другие страны, отчасти вызванный именно слабым приростом населения и медленным развитием внутреннего рынка.

Нельзя, разумеется, утверждать, что и при других социальных отношениях не будет регулирования рождаемости. Можно все таки полагать, что наиболее гнусные формы современных половых отношений—торговля любовью, детоубийства и проч.—могут исчезнуть лишь с уничтожением эксплуатации наемного труда и «нравственное» право иметь семью не будет исключительной привилегией вырождающихся от излишеств магнатов капитала и деревенских пауперов—крестьян.

Апологеты капитализма с изумительным цинизмом стараются обвинить рабочих в их тяжелом положении и в этом отношении не останавливаются ни перед чем. Так, известный ученый профессор Шенберг в своей статье «Arbeitslohn» (в Handwörterbuch der Staatswissensch. Conrad. 1-е изд.), т. е. в справочной книге пишет следующее: „Социалисты говорят неправду утверждая, что тяжелое положение рабочего класса обусловливается эгоизмом предпринимателей, эксплуатирующих и угнетающих рабочих, и недостатками хозяйственного строя; главной причиной этого (тяжелого положения) является поведение (das Verhalten) самих рабочих, вредное для их экономических интересов, аморальное (!) и непристойное (unsittliche), заключающееся в существовании среди них браков и в воспитании детей [2]). Предоставляем судить читателю, насколько «моральны» и «пристойны» рассуждения профессора Шенберга. Приведенные выше данные о проценте холостых среди рабочих и хозяев ясно показывают, что рабочие воздерживаются от размножения, а данные о размерах семьи рабочего в связи с бюджетами показывают, что это воздержание обусловливается размерами заработной платы.

---

[1]) См. об этом гл. XVI—XVIII кн. «Теория развития народного хозяйства».

[2]) Handwörterb. der Staatswiss., 3 Aufl. Можно только приветствовать то, что в последнем издании словаря статья о заработной плате написана уже другим автором, у которого совершенно нет цинизма г. Шенберга.

Левассер 1) об'ясняет меньшую рождаемость во Франции среди рабочих больших городов преобладанием там внебрачного сожительства, увеличивающего, якобы, смертность, благодаря худшему воспитанию. Как будто, характер воспитания улучшится от церковного брака, несмотря на то, что рабочему не на что хорошо воспитывать детей.

4.

Неправильные выводы, основанные на том, что рабочие непременно должны получать стоимость своего содержания и своей семьи, среди социалистических писателей нередки. Так в статье A.Mai в статье „Wehrvorlage und Volkswirtschaft" в «Neue Zeit» 2) доказывает, что заработная плата не может отклониться от суммы средств, необходимых для существования, и что никакие налоги и финансовое искусство, в сущности, не могут изменить нормы реальной заработной платы.

Все эти соображения могли и могут относиться лишь к периоду рабства, когда личность раба и его потомство представляли ценность для рабовладельца. Тогда господин, облагая крепостных оброками, или имея рабов в своем поместьи, должен был оставлять рабам средства, необходимые для существования не только раба, но и его потомства, так как потомство рабов являлось источником дальнейшего существования рабского хозяйства. Только в древнем Риме, куда постоянно из завоеванных провинций привозились массы здоровых, взрослых рабов, их потомство почти не имело никакой ценности для рабовладельца. Современные условия размножения рабочего класса аналогичны условиям, существовавшим в древнем Риме.

При капиталистическом строе деревня поставляет такое количество свежих рабочих сил, что воспитание потомства рабочих не является для предпринимателей экономической необходимостью. В результате этого—сокращение размножения индустриального населения в тем больших размерах, чем больше развивается индустрия.

В Германии вызывает тревогу значительное сокращение числа рождений за последние годы. В 1885 году на тысячу населения приходилось 37,1 рождений, а в 1907 году только 32,2. В Англии, как указано нами в другом месте, сокращение числа рождений тесно связано с экономическим развитием; с 32,8 рождений на 1000 жителей в 1885 году в Англии произошло сокращение до 26,3 в 1907 году. Во Франции население абсолютно сокращается. В 1913 году там насчитывалось 1.350.000 холостых, 1.800.000 бездетных семей, 2,400,000 семей с одним ребенком и 2,650,000 с двумя детьми, т. е. огромный процент семей имеет меньше 3 детей, не только не дает размножения населения, но даже не заменяет двоих родителей двумя детьми. Число рождений с 24,2 в 1885 году сократилось до 19,7 в 1907 году. Объективные условия капиталистического строя, вызывающие сокращение рождаемости, могут быть за-

1) Levasseur. Questions ouvrières et industrielles en France. 1907 P. 281.

2) N. Z. XXXI 2, стр. 807 и сл.

мечены только при наблюдении всего народного хозяйства в целом, при массовом статистическом учете и т. д.

При наблюдении отдельных явлений кажется, что сокращение размножения является результатом случайности или свободной воли каждого отдельного лица. Между тем, не трудно заметить, что если у рабочего, получающего низкую заработную плату, и родятся дети, то больший процент их вымирает. Так, по анкете о детской смертности среди рабочих Петербурга констатируется, что чем ниже заработок рабочего, тем больше количество жен, вынужденных заниматься наемным трудом. При заработке выше 50 руб. работают только 7 процентов женщин, при заработке ниже 20 руб.—60 проц. Нужда гонит женщин из дома и заставляет бросать без присмотра ребят; 75% женщин вынуждены работать до момента родов. 24% матерей начинают прикармливать детей на первом месяце. Дети рождаются хилые, маловесные, с третьей недели остаются без надзора матери, вынужденной идти на работу. Поэтому у петербургских рабочих умирает до 1 года 23% детей. Эта смертность детей петербургских рабочих то повышается, то понижается в зависимости от заработка. По анкете 1912 г. в С.-Петербурге в семьях, где жена работает дома, остается живых детей до 1 года из 100:

у рабочих с жалованьем до	20 руб.	56,9
» » » » от	20—30 руб.	60,6
» » » » »	30—50 руб.	66,6
» » » » »	свыше 50 руб.	75,8

Мы видим прямую зависимость смертности детей от высоты жалованья рабочих. Характерно, между прочим, то, что в семьях грамотных рабочих число выкидышей вдвое больше (12,5%), чем у неграмотных рабочих (6,6%), т. е. грамотный, более культурный рабочий, очевидно, чаще прибегает к искусственному сокращению своей семьи во избежание понижения своих потребностей, благодаря увеличению семьи. Но вообще рождаемость у русских рабочих значительно выше, чем у западно-европейских; поэтому в России они, благодаря более высокой смертности, в большем количестве убиваются болезнями уже после рождения. Детская смертность

во Франции равняется		13,9
в Италии	„	16,7
» Германии	„	19,9
» Австрии	„	21,3
» России	„	26,3

В больших городах, где преобладает рабочее население, эта разница еще ярче. В Лондоне детская смертность равняется 10,3, в Берлине —15,7, в Петербурге—26,9 и в Москве—29,6.

Работница в России еще не знает, что капиталистический город находит невыгодным вскармливать рабочих детей, так как деревня поставляет взрослых работников. Работница не хочет отказаться от семейных радостей и ро-

жает детей, а капитализм убивает их, «сберегая» издержки на их воспитание. Поневоле «вываренные» в котле капитализма европейские рабочие и работницы, получая заработок ниже среднего, предпочитают не давать потомства, пассивно уступить под напором капитала, чем родить детей для медленного их убийства и вырождения, понижая уровень своих потребностей.

Если, несмотря на указанные нами условия, рабочие оставляют после себя потомство и даже,—хотя не во всех странах,—размножаются, то не потому, что они в заработной плате получают стоимость содержания своей семьи. Подавляющее большинство детей воспитываются дополнительным заработком жены рабочего и заработком подрастающих братьев и сестер.

Для размножения рабочих путем рождаемости семья рабочего должна состоять минимум из трех детей. Если на содержание двух детей обычно необходим дополнительный заработок матери, то на содержание третьего и четвертого в большинстве случаев необходим заработок и старших детей. Мы не ошибемся, если скажем, что при современном строе почти без исключения размножение рабочих, т. е. воспитание третьего и четвертого ребенка происходит на счет эксплуатации детей и подростков, а не заработной платы рабочих.

В приведенной выше таблице о смертности детей в больших городах характерно, между прочим, то, что средняя смертность правильно повышается при приближении города к земледельческим районам, выбрасывающим рабочих и с пониженной средней заработной платы. Из крупных городов Москва ближе всего стоит к центральному земледельческому району, в ней заработная плата наиболее низкая и смертность детей до 1 года в ней достигает колоссальной цифры 29,6%. За Москвой следует Петербург, где детская смертность равняется 26,9, затем Берлин,—смертность—15,7 и наконец Лондон с детской смертностью 10,3. Разумеется, имеют большое значение гигиенические условия города, но правильное увеличение смертности в связи с дешевизной рабочего труда не является случайностью. Увеличение смертности с уменьшением заработка рабочих показывает, что наиболее сильным и важным фактором, вызывающим детскую смертность является низкая оплата труда. В одном и том же городе (в Петербурге) смертность детей с 33,1% у рабочих, получающих до 20 рублей в месяц, падает до 24,2% у рабочих, получающих жалованье свыше 50 рублей.

ГЛАВА XXXIX.

Спрос и предложение труда.

В изложенных выше главах мы показали, что высота заработной платы регулируется, главным образом, процессом перераспределения производительных сил. Поверхностному взгляду может показаться, что это влияние сводится к спросу и предложению своеобразного товара рабочей силы, что законы регулирования условий найма относятся к сфере обмена, а не производства.

В большинстве случаев экономисты так и трактуют вопросы о цене товаров и, в частности, о цене рабочей силы. Если не углубляться в основные

причины, регулирующие самый спрос и предложение, то такое понимание явлений покажется правильным. Но задача политической экономии заключается в том, чтобы найти причинную связь явлений экономической жизни. И если мы станем анализировать экономические законы, регулирующие спрос и предложение товаров, то найдем, что эти явления (спрос и предложение) являются лишь отражением тех процессов, которые совершаются в производстве, что путем спроса и предложения в капиталистическом обществе проявляются производственные отношения.

И в земледелии и в индустрии предложение рабочих рук, обыкновенно, превышает спрос. Конечно, предложение рабочих рук в земледелии может быть больше, чем в индустрии, хотя, как видно из фактов, временами оно может быть и меньше. Но ведь ссылкой на спрос и предложение ничуть не выясняется вопрос, почему именно в земледелии спрос на рабочих сокращается, а в индустрии увеличивается, почему не происходит обратного явления,—увеличения спроса на рабочие руки в земледелии и повышения там заработной платы до высшей нормы, чем в индустрии и почему, обратно, в индустрии заработная плата не опускается ниже, чем в земледелии.

Спрос и предложение являются лишь формой, в которой проявляются изменения в условиях производства, и никак не могут уяснить причинной связи явлений.

Точно также на рынке обыкновенных товаров обмен ими происходит путем спроса и предложения. Но и спрос и предложение являются лишь механизмом, отражающим условия производства. Предложение товаров, как и спрос на них регулируется условиями производства и распределения производительных сил. Спрос на хлопок определяется условиями производства изделий из хлопка, а не фантазией покупателей. В свою очередь, производство хлопчатобумажных изделий определяется распределением производительных сил между различными отраслями промышленности. С другой стороны предложение товара также регулируется условиями производства, а не фантазией и прихотью продавцов.

Точно также покупка рабочей силы определяется условиями производства, хотя проявляется в виде спроса на наемный труд. Но высота заработной платы ничуть не объясняется спросом и предложением. В Соединенных Штатах обыкновенно, также как и в России, предложение рабочих рук превышает спрос, и тем не менее во всех отраслях промышленности там заработная плата в несколько раз выше, чем в России.

Обыкновенно, при выяснении влияния спроса и предложения на цену товаров, экономисты исходят из следующих предположений: если продавец товаров ценит свой товар в такую то цену, а покупатель в другую, то происходит такого рода торг. При этом детально выясняется механика торга и определяется та цена, по которой может быть продан товар.

Но первое условие, во что ценят товар продавец и покупатель, является неизвестным, которое и нужно определить. Почему в Соединенных Штатах рабочая сила ценится и продавцом и покупателем ее выше, чем в России? Этот

вопрос ничуть не об'ясняется законами спроса и предложения, ибо теория спроса и предложения уже **предполагает,** что в Соединенных Штатах и продавцы и покупатели рабочей силы оценивают ее выше, чем в России.

Экономисты при анализе цен товаров и, в том числе, такого «товара», как рабочая сила, останавливаются там, откуда только должен начаться анализ законов, регулирующих цены. Нужно как раз начинать с выяснения того, почему продавцы и покупатели рабочей силы ценят ее по определенному уровню в том или другом производстве, в той или другой стране.

Мы старались показать, что такие явления, как спрос и предложение рабочих рук регулируются условиями производства; главным образом—процессом перераспределения производительных сил страны между различными отраслями промышленности. Как проявление этого процесса является при капиталистических отношениях увеличение спроса на рабочие руки в отраслях, куда передвигаются производительные силы страны (средства производства, а за ними и рабочие руки) и относительное или абсолютное сокращение спроса на них в отраслях, откуда производительные силы передвигаются. Таким образом, законы, регулирующие высоту заработной платы, нужно искать не в условиях обмена, а в условиях производства.

Мы показали, что в отраслях промышленности, куда передвигаются производительные силы общества, предприниматели, т. е. покупатели рабочей силы принуждены оценивать рабочую силу выше, чем предприниматели отстающих отраслей промышленности. Точно также в профессиях, требующих предварительного обучения, труд оплачивается выше, чем в профессиях, не требующих подготовки.

Процент безработных наборщиков и сельскохозяйственных рабочих может быть одинаков, т. е. предложение труда и в той и другой профессии может быть одинаково, точно также, как и спрос, тем не менее, заработная плата сельскохозяйственных рабочих в районах с относительным сокращением земледельческого населения в среднем всегда стоит ниже, чем заработная плата наборщиков, металлистов и т. д.

Основным условием, определяющим заработную плату, является ее минимум, который сводится к сумме средств, необходимых для существования.

Переводя это на язык вульгарной политической экономии, можно было бы сказать, что при понижении заработной платы ниже минимума необходимых средств существования самих рабочих предложение исчезло бы, так как вымирали бы не только семьи рабочих—что, как мы показали, допускается капиталистическим строем,—но вымирали бы и сами рабочие. Т. е. при таком понижении заработной платы большинства рабочих предложение труда сократилось бы. Но ясно, что объяснение образования минимума заработной платы спросом и предложением лишь затушевало бы истинную причину этого явления. В действительности спрос и предложение являются механизмом, путем которого проявляются социальные отношения, не допускающие заработную плату опускаться до такой нормы, при которой не только семьи рабочих, но и сами рабочие не могут существовать. Таким образом, минимум заработной платы

образуется также через посредство механизма спроса и предложения, но было бы ошибочно объяснять его образование спросом и предложением.

Точно также отклонения заработной платы у различных категорий рабочих выше минимума вплоть до самых привилегированных категорий обусловливается не спросом и предложением, а производственными условиями, влияющими на увеличение или уменьшение спроса и предложения в области найма труда.

Так как спрос и предложение являются заметными для каждого механизмом, через который отражается влияние производственных условий на заработную плату, то наиболее поверхностные экономисты и приняли спрос и предложение за первопричину, определяющую уровень заработной платы различных категорий рабочих.

ГЛАВА XI.

Заработная плата, как проблема распределения национального дохода.

Сделанное нами выше исследование образования заработной платы у различных категорий рабочих является необходимым для того, чтобы избежать ошибок чисто схоластического рассмотрения вопроса о заработной плате с точки зрения распределения национального дохода.

С этой точки зрения заработная плата всех наемных рабочих составляет определенную часть общей суммы продуктов, производимых в стране и вместе с тем, часть «чистого» дохода, получаемого в народном хозяйстве, т. е. заработную плату рабочего класса можно рассматривать или как часть из той общей суммы продуктов, которые производятся в стране, или как часть той суммы, которая остается за вычетом орудий и материалов, затрачиваемых на производство.

При рассмотрении национального хозяйства с точки зрения распределения национального дохода, будет наиболее правильным следующее его разделение: производимый национальным хозяйством продукт распадается на три части—1) **орудия и средства производства,** которые идут на дальнейшее производство, 2) **заработную плату,** получаемую участвующими в производстве рабочими и 3) **прибавочную ценность,** получаемую предпринимателями и землевладельцами, в виде земельной ренты и прибыли.

Но без анализа условий образования заработной платы, абстрактное разделение национального дохода дает основание для существования таких ошибочных теорий, как теория фонда заработной платы, вытекающая из рассмотрения перечисленных выше частей национального валового дохода не как абстракций, существующих в голове экономиста, а как конкретных явлений экономической жизни. Если, действительно, национальным хозяйством продукты производятся сообразно указанному абстрактному делению, то каждая часть может представлять из себя только определенную пропорцию по отношению к другим частям и не может изменяться на счет других, ибо рабочий не может употреблять, например, машин, угля и проч.,—также, как и капиталист.

С другой стороны, если средства производства потребляются в самом производстве, то они не входят в «чистый доход» национального хозяйства. Следовательно, «чистый доход» делится между капиталистами и рабочими. Следовательно, заработную плату, как категорию национального дохода, можно рассматривать как часть «чистого дохода».

Эти соображения являются логическими и правильными, но приведенное выше абстрактное деление национального дохода еще не дает никаких данных для выяснения законов, определяющих высоту заработной платы. Попытки найти законы, определяющие высоту заработной платы, исходя из абстрактного деления национального дохода, естественно, будут бесплодными, так как такого рода деление игнорирует конкретные экономические условия, влияющие на высоту заработной платы различных категорий рабочих. Поэтому, глубокую ошибку делают те экономисты, которые, исходя из такого деления национального дохода, пытаются определить высоту заработной платы.

Так, Туган-Барановский пытается определить высоту заработной платы, исходя из анализа распределения национального дохода между классами. «Заработная плата, как доход рабочего класса, есть часть общественного дохода. Отсюда следует, что заработная плата определяется общей суммой общественного дохода и долей рабочего класса в этой сумме. Общая же сумма общественного дохода определяется в свою очередь уровнем производительности общественного труда. Чем выше производительность труда, тем выше должна быть, при прочих равных условиях, реальная заработная плата» [1]).

«Зависимость между производительностью труда и высотой заработной платы наблюдается, по мнению Туган-Барановского, даже в «деталях», в отдельных отраслях промышленности.

Изложенная Туган-Барановским «социальная теория заработной платы» в общей формулировке бесплодна; при освещении же конкретных явлений экономической жизни—неверна. Конечно, Туган-Барановский прав, полагая, что, если рассматривать заработную плату как часть общественного дохода, то она будет выше, если целое больше,—т. е. чем выше сумма общественного дохода и чем большую долю этого дохода составляет заработная плата, тем большую сумму она составит,—вывод настолько же правильный, насколько правилен вывод, что часть меньше целого и что дважды два—четыре. Но дальше этого глубокого вывода «теория» заработной платы, исходящая из таких абстрактных посылок, не идет. А попытка объяснить высоту заработной платы производительностью труда бесплодна и ошибочна—прежде всего потому, что производительность труда различных его видов несравнима. В самом деле, как сравнить между собой производительность труда, например, машиниста с производительностью труда маляра, ткача, сапожника, кондуктора, кузнеца и т. д.? Машинист получает более высокую заработную плату, чем ткач, но разве потому, что его труд производительнее? Как можно сравнить производительность труда сапожника с производительностью труда кузнеца или кондуктора? Если труд

[1]) М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. Стр. 450.

машиниста оплачивается выше, чем труд сапожника или ткача, то из этого еще нельзя заключить, что труд первого производительнее. Сравнима производительность только **одного вида труда при различных технических условиях**, но и в этом случае часто технические условия, т. е. производительность труда зависит от высоты заработной платы, а не обратно. Так, в сельском хозяйстве при высокой плате за жнитву применяются машины, и благодаря этому, труд делается производительнее. Когда заработная плата понижается, жнейки складываются и рабочих заставляют жать серпом, т. е. их труд делается менее производительным.

В конфекционном промысле в Америке, многие машины вытеснены благодаря наплыву дешевых рабочих рук евреев эмигрантов. Низкая оплата труда кустарей мешает, как известно, введению машин и т. д. и т. д. Следовательно, с неменьшим основанием можно сделать обратный вывод,—что не производительностью труда обусловливается высота заработной платы, а обратно: высота заработной платы влияет на производительность труда.

В попытках объяснения законов образования заработной платы из рассмотрения ее, как доли национального дохода, мы не найдем ничего, кроме общего места, что, как часть национального дохода заработная плата может увеличиваться с увеличением всего дохода и с увеличением ее доли. К сожалению, в политической экономии очень часто замена одного слова другим и тавтология представляются, как открытие «законов» политической экономии.

Безплодность попытки дать «социальную теорию заработной платы» объясняется тем, что экономисты обыкновенно смешивают две проблемы: проблему распределения **долей наемного труда и капитала** из национального дохода с проблемой определения законов образования и нормы **заработной платы** различных категорий рабочих. Насколько неправильно было бы смешивать законы, регулирующие земельную ренту на различных участках с проблемой распределения долей национального дохода между наемным трудом и капиталом, настолько неправильно смешение с этой проблемой и законов, регулирующих заработную плату.

Напротив, пользуясь этими законами, мы можем подойти уже с готовым материалом к анализу распределения национального дохода и наметить общие перспективы процесса распределения и участие каждого общественного класса в этом процессе.

Экономическое положение рабочего класса обусловливается высотой заработной платы, между тем как социальное его положение и отношение к другим классам общества определяется относительной долей, получаемой наемным трудом из национального дохода. Важно не только выяснение законов, благодаря которым заработная плата держится определенного уровня и благодаря которым она изменяется, но важно также знать и то, как и в какой пропорции под влиянием этих законов продукт общественного производства распределяется между общественными классами. С этой точки зрения нужно, прежде всего, выяснить, какие части произведенных в народном хозяйстве продуктов подлежат разделу.

2.

Распределение национального дохода на первый взгляд кажется чрезвычайно простым: во всех отраслях промышленности национального хозяйства производятся три части продукта: средства производства, предметы потребления рабочих, получаемые в виде заработной платы и прибавочная ценность (прибыль и рента). Средства производства не подлежат «разделу» между рабочими и капиталистами, так как они потребляются снова в производстве. Следовательно, потребление рабочих может увеличиться только на счет сокращения потребления капиталистов и обратно, потребление капиталистов (доля их) может увеличиться только на счет потребления рабочих.

В действительности, в процессе распределения национального дохода между рабочими и капиталистами входит и часть средств производства. Это положение на первый взгляд покажется парадоксальным, но сделанный нами выше анализ образования заработной платы показывает, что именно оно соответствует реальным экономическим отношениям.

Выше мы показали, что большая часть новых молодых рабочих сил воспитывается в сельском хозяйстве и в мелком падающем производстве. Отсюда крупный капитал получает свежие рабочие силы, не оплачивая стоимости их воспитания. Т. е. часть стоимости содержания и воспитания рабочих сил падает на мелкое хозяйство.

Процесс концентрации капитала, процесс разорения мелких хозяйств и относительного их сокращения, т. е. более медленного увеличения их числа по отношению к растущему населению, происходит путем сокращения средств производства—в некоторых предприятиях абсолютного, в других относительного. Это сокращение средств производства происходит вследствие того, что они постепенно идут на личное потребление «проедаются». Разумеется, не нужно предполагать, что орудия производства или сырье непосредственно поедаются их собственниками. Процесс потребления средств производства в падающих предприятиях происходит путем сокращения воспроизводства средств производства и относительного увеличения доли личного потребления из валового дохода каждого падающего предприятия. Таким образом, например, в крестьянском хозяйстве средства производства сокращаются по отношению к растущему земледельческому населению и часть этого населения, воспитанная в деревне, двигается в город для найма в крупные предприятия. Этот процесс потребления средств производства в мелких предприятиях и создает перераспределение производительных сил из мелких предприятий в крупные.

Производительные силы—это живой труд и средства производства. Живые рабочие силы передвигаются непосредственно. Средства производства передвигается другим путем: их потребляют постепенно живые рабочие силы. Таким образом удешевляется стоимость рабочих рук для капитала. Т. е. крупный капитал поглощает мелкий через процесс личного потребления средств производства мелких предприятий, эксплуатируемыми им рабочими силами в период их воспитания. Иногда этот процесс потребления средств производства

происходит особенно интенсивно, как было в России в период 1890—1904 г.г. в крестьянском хозяйстве [1]), как было в Германии в 50—60 годах во Франции в конце 18 стол. и т. д. Тогда происходят голодовки и расцветает пышным цветом пауперизм. Иногда тот же процесс происходит медленно, постепенно и рассматривается, как естественное явление, а экономистами даже не замечается и, во всяком случае, игнорируется, как явление не подлежащее рассмотрению. Между тем, он нарушает вышеприведенное теоретическое построение о распределении национального дохода. Оказывается, что часть средств производства потребляется рабочими, входит в их «доход». С другой стороны, как известно, часть чистого дохода предпринимателей реализуется в виде средств производства. На этом и основано расширенное воспроизводство, развитие промышленности. Следовательно, если национальное хозяйство разделить на две части, в одной из которых находятся мелкие хозяйства с относительно или абсолютно сокращающимися средствами производства, а в другой—хозяйства с расширенным воспроизводством, то в первой части народного хозяйства потребление самостоятельных хозяев и вместе с тем рабочих в своем хозяйстве происходит отчасти на счет относительного сокращения средств производства: часть этих средств производства потребляется производителями. Во второй части народного хозяйства, те рабочие, которые выброшены из мелкого хозяйства, поскольку они воспитывались в мелком хозяйстве, потребляли его средства производства. Заработная плата покрывает лишь текущие потребности рабочего, не покрывая издержек по всему приросту рабочего населения, расходов на его воспитание. В предыдущих главах мы показали, что этот прирост наемных рабочих происходит на счет прироста населения в мелком, главным образом, земледельческом хозяйстве.

Таким образом, первая доля, заработная плата, составляющая часть «чистого дохода» второй группы хозяйств сокращается благодаря тому, что она пополняется из «дохода» первой группы хозяйств. Это пополнение часто происходит на счет сокращения в них средств производства.

Благодаря сокращению стоимости содержания рабочей силы, увеличивается вторая доля «дохода» второй группы хозяйств: увеличивается прибавочная ценность, прибыль предпринимателей. Взаимная конкурренция побуждает их часть прибыли реализовать в виде средств производства, увеличивая их, ведя расширенное воспроизводство. Происходит перераспределение производительных сил в виде передвижения рабочих и средств производства в руки «удачливых» предпринимателей. Рабочие руки передвигаются непосредственно туда, где расширяется спрос на них, между тем как передвижение средств производства происходит окольным путем: часть из них постепенно в падающих хозяйствах превращается в предметы непосредственного потребления. Разумеется это происходит не так, что плуг или борона превращаются в хлеб. Потребление их происходит в другой форме: они не воспроизводятся для падающего хозяйства; оно все меньшую и меньшую долю из своего «дохода» превращает в средства производства и все большую и большую долю превра-

[1]) См. П. Маслов. Аграрный вопрос. Т. II.

щает в предметы непосредственного потребления, или, несмотря на увеличение числа членов хозяйства, не увеличивает средств производства, т. е. **сокращает их по отношению к приросту рабочих сил.** Следовательно, в одной части народного хозяйства средства производства частью потребляются рабочими силами, в другой части—средства производства увеличиваются путем капитализации прибыли предпринимателей. Все три доли национального валового дохода: средства производства, заработная плата и прибыль не представляют собою совершенно отдельные фиксированные части. Каждая из них в какой нибудь части увеличивается на счет другой. В конечном счете, доля капиталистов увеличивается даже за счет средств производства мелких хозяйств путем перенесения стоимости содержания рабочей силы на счет мелких хозяйств. Если, с одной стороны, в средства производства превращается часть прибавочной стоимости, получаемой капиталистами от рабочих, то с другой стороны—часть средств производства в мелких хозяйствах потребляется рабочими или в период их воспитания, или в период отхода домой, если рабочий не порывает окончательно с мелким хозяйством. В одном случае средства производства входят в «чистый доход», в заработную плату, как ее часть, в другом случае часть «чистого дохода» предпринимателя превращается в средства производства. Таким образом, распределение национального дохода на три части: на средства производства, заработную плату и прибавочную ценность (прибыль и ренту) не так просто, как кажется с первого взгляда. Через потребление в заработной плате средств производства мелкого хозяйства и, благодаря этому, через понижение заработной платы, уплачиваемой предпринимателями, часть «дохода» последних получается на счет сокращения средств производства мелких хозяйств. Мы видим, что совершенно неправильно утверждение, например, г. Солнцева, что средства производства «не являются предметами общественного раздела между классами», что средства производства хотя и издерживаются полностью в процессе производства, но в «конце хозяйственного периода восстанавливаются в своем прежнем виде и ценности» [1]), что они (средства производства) не являются предметом борьбы «за долю между общественными классами» [2]). Напротив, при выяснении законов, регулирующих заработную плату, необходимо принимать во внимание процесс перераспределения производительных сил, влияющий, как на норму заработной платы, так и на норму прибыли. Если эта сторона экономических отношений между классами не замечалась, то это происходило потому, что процесс перераспределения производительных сил, как я не раз уже указывал [3]), политической экономией не подвергался анализу.

Но г. Солнцев постольку прав, поскольку он рассматривает не законы, регулирующие высоту заработной платы, а распределение продукта национального хозяйства между наемным трудом и капиталом, т. е. общие социальные отношения класса капиталистов и рабочих. Поскольку мы рассматриваем не

---

[1]) С. П. Солнцев. Заработная плата, как проблема распределения. Стр. 41—42.
[2]) Ibid. Стр. 43.
[3]) См. „Теория разв. нар. хозяйства".

законы, регулирующие высоту заработной платы или ренты, а отношение между долями двух крупных общественных категорий представителей труда и капитала, мы можем констатировать и проследить общие тенденции раздела продукта общественного производства между этими классами.

Но и здесь, рассматривая заработную плату, получаемую рабочим классом, как долю общественного чистого дохода, мы можем сделать надлежащие поправки и избежать ошибок, лишь руководствуясь сделанным выше анализом законов, регулирующих высоту заработной платы.

Туган-Барановский, например, сделал поспешный вывод, совпадающий с выводами крайних индивидуалистов английско-американской школы Marchall'a, Smarta'a и др., что заработная плата определяется производительностью труда. Выше при изложении теории заработной платы мы дали объяснение тем фактам, которые, повидимому, подтверждают вывод о решающем влиянии производительности труда на высоту заработной платы.

Производительность сравнима только у работников одного вида труда, т. е. производительность труда сапожника в одном предприятии сравнима с производительностью труда сапожника в другом предприятии. Так же можно сравнивать производительность труда ткачей, токарей, машинистов и т. д. Главной причиной различия производительности труда являются технические и социальные условия. Где выше производительность труда, туда передвигаются и производительные силы общества.

Например в крупных предприятиях труд производительнее, чем в мелких. Производительные силы передвигаются в крупные предприятия, рабочие постепенно выбрасываются из мелких. Естественно, что заработная плата в первых должна быть выше, чем в последних, т. к. путем относительного понижения и повышения заработной платы рабочие и перебрасываются из одних предприятий, из одних отраслей промышленности в другие.

Если повышение производительности труда не сопровождается перераспределением производительных сил, то и повышения заработной платы не происходит, в каком бы колоссальном отношении не увеличивалась производительность труда рабочих. Благодаря техническому прогрессу, производительность труда ткачей за столетие увеличилась в колоссальных размерах. С другой стороны, производительность труда строительных рабочих осталась почти неизменной, так как техника кладки стен, печей, техника мостовщиков и т. д. почти не изменилась. Но из этого не следует, что заработная плата ткачей относительно повысилась, а заработная плата строительных рабочих, землекопов и т. д. соответственно понизилась. Повышение и понижение заработной платы происходит в зависимости от перераспределения производительных сил, а не от увеличения производительности труда. При машинном и ручном способе добывания пшеницы отношение производительности ручного труда к машинному в Соединенных Штатах выражается цифрами 7,43:160,63 [1]), но это не значит еще, что сельско-хозяйственные рабочие при машинах получают там пропорционально более высокую заработную плату.

[1]) Эд. Зелигман. Основы политической экономии. Русск. пер., стр. 271.

Ткач, работающий на самом усовершенствованном ткацком станке с колоссальной производительностью труда, получает заработную плату более низкую, чем гравер, работающий только резцом. Производительность этих различных видов труда просто несравнима и, следовательно, не может служить объяснением различной нормы заработной платы. Изменение же оплаты одного и того же вида труда, как мы показали, зависит не от различия его производительности, а от процесса перераспределения производительных сил.

Избежавши ошибок тех экономистов, которые объясняют высоту заработной платы производительностью труда, мы, пользуясь анализом перераспределения производительных сил, можем объяснить такого рода явление, как относительное повышение суммы прибыли в тех отраслях промышленности, где заработная плата выше. Вместе с тем, исходя из этой точки зрения, мы получаем возможность дать анализ процесса распределения между классами рабочих и капиталистов, не запутываясь в частностях, а имея в виду отношения рабочих и капиталистов, как общественных категорий.

3.

Мы нашли, что в каждой стране заработная плата регулируется ее минимумом в районах избыточного населения и главным образом, в земледелии. Остальные категории рабочих получают относительно более высокую заработную плату, сообразно тем прибавкам, к минимуму, которые необходимы для того, чтобы привлечь надлежащее число рабочих. Очевидно, что чем ниже этот минимум, тем должна быть ниже общая норма заработной платы у всех категорий рабочих страны, какие бы прибавки к этому минимуму та или другая группа рабочих не получала.

Между тем, несмотря на постепенное перераспределение производительных сил из земледелия в индустрию и из мелкого производства в крупное, земледелие (и мелкое производство) продолжает быть источником резервной рабочей армии, продолжает поставлять избыток рабочих рук, продолжает их выбрасывать и сохраняет установившиеся минимумы заработной платы потому, что избыток рабочих рук и отсутствие организации рабочих, получающих наиболее низкую заработную плату, мешает ее повышению. Даже в Англии, где отлив земледельческого населения уже замедлился, все таки, по словам С. Вебба, самый низкий уровень заработной платы теперь не выше, чем в 1837 году, когда положение рабочих было особенно тяжело.

Таким образом, при капиталистическом строе, где существует постоянная резервная рабочая армия, создаваемая процессом перераспределения производительных сил, минимум реальной заработной платы остается более или менее неизменным, несмотря на быстрое развитие производительных сил, на колоссальное увеличение богатства и на огромный рост производства.

Технический прогресс требует все большего и большего числа квалифицированных рабочих; работа при помощи машин требует ловких и более интеллигентных работников. Благодаря этому увеличивается количество рабочих, получающих прибавку к установившемуся минимуму заработной платы. Тем не

менее, даже несмотря на постоянную борьбу организованных рабочих за улучшение своего положения, доля рабочего класса в произведенных народным хозяйством продуктах относительно должна падать. При неизменности минимума заработной платы и при колоссальном увеличении производительности труда, доля рабочих должна относительно уменьшаться, несмотря на увеличение количества рабочих, получающих заработную плату выше установившегося минимума.

Это общее положение не исключает возможности временных колебаний в положении рабочего класса в ту или другую сторону. В периоды обостренного процесса выбрасывания земледельческого населения из деревни в город и увеличения резервной рабочей армии положение рабочего класса ухудшается в еще большей степени. Напротив, при ослаблении давления деревенского населения, относительно увеличивается число рабочих, получающих прибавку к существующему минимуму заработной платы. Организация дает возможность организованным категориям рабочих улучшить свое положение и т. д. Но общая тенденция относительного уменьшения доли рабочего класса из национального дохода остается, так как самые условия капиталистического строя ставят едва-ли устранимые препятствия к повышению минимума заработной платы.

К сожалению, вследствие недостатка статистических данных, чрезвычайно трудно учесть долю наемного труда в общей сумме национального дохода.

Дело в том, что для выяснения процесса распределения дохода между трудом и капиталом нужно брать не отдельные отрасли промышленности, а все производство в целом. Ибо в отдельных отраслях промышленности, доля наемного труда в производимых продуктах может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от строения капитала в данной отрасли промышленности, от изменения заработной платы в данной профессии и т. д. Только определивши долю наемного труда во всех отраслях промышленности, можно выяснить тенденции распределения национального дохода между трудом и капиталом.

Между тем, более или менее точных данных такого рода имеется очень мало. Наиболее точные данные дает американская промышленная перепись. Пользуясь ею, мы можем анализировать процесс распределения общественного дохода между трудом и капиталом. По этим данным, ценность производимых в стране продуктов промышленности и сумма заработных плат составляли следующие суммы [1]).

Годы:	Ценность продуктов. в милл. дол.	Сумма зараб. платы, в милл. дол.	Доля рабоч в цени. продукт.
1890	9.372,4	1.891,2	20.2%
1900	13.004,4	2.322,3	17,9%
1905	16.866,7	3.016,7	17,9%

Из таблицы мы видим, что доля, получаемая рабочими из производимых народным хозяйством продуктов, имеет тенденцию падать, а не повышаться. Это особенно заметно в последние десятилетия, когда Соединенные Штаты вы-

[1]) Manufactures Secial reports of the Census office 1905 part, I.

ступили на путь мирового производства, когда страна сделала колоссальные успехи по пути технического прогресса. Этот процесс шел не на пользу рабочего класса, а повел к относительному уменьшению его доли в национальном доходе.

Огромная доля дохода народного хозяйства достается классу капиталистов, который, разумеется, не может потребить весь достающейся ему доход, уже потому, что для получения этого дохода—при взаимной конкурренции предпринимателей, необходимо увеличивать основной капитал для увеличения производительности труда. Поэтому быстрее, чем рост валового дохода страны увеличивается сумма обращенного на производство основного капитала, который увеличивается в руках магнатов капитала с головокружительной быстротой. Это видно из следующего сопоставления:

Годы.	В миллионах долларов: капиталы	заработ. плата	ценность прод.
1890	6,525	1,891	9,392
1900	9,817	2,322	13,004
1905	13,872	3,016	16.867

С 1890 по 1905 год капитал увеличился на 110%, сумма заработной платы на 60% и ценность продукта на 80%.

Между тем в Соединенных Штатах имеются наиболее благоприятные условия для относительно более высокой заработной платы, сравнительно с европейскими странами. Выше мы указали, что минимум заработной платы в Соединенных Штатах определяется в Европе; благодаря этому, в Америке заработная плата всегда выше этого минимума.

4.

Исследование заработной платы, как **доли** национального дохода, приводит к выводу, что эта доля с развитием капиталистического хозяйства, с развитием производительных сил падает, несмотря на то, что категории рабочих, получающих относительно более высокую заработную плату, численно увеличиваются.

Но задача экономической науки заключается не только в том, чтобы констатировать то или иное явление, но и об'яснить его. Об'яснение же констатированного нами факта может быть дано только анализом тех причин, которые препятствуют повышению минимума заработной платы и таким образом, задерживают общее повышение доли рабочего класса в производимых рабочими продуктах.

Объяснение распределения национального дохода между классом капиталистов и рабочих возможно, следовательно, только после выяснения законов образования заработной платы и законов, регулирующих ее высоту у различных категорий рабочих в связи с перераспределением производительных сил.

Процесс перераспределения производительных сил, главным образом, из земледелия в индустрию, при капиталистическом строе, создавая резервную ра-

бочую армию, ставит препятствия повышению минимума заработка у категории рабочих простого неквалифицированного труда.

Доли рабочего класса и капиталистов в общественном доходе отражают производственные отношения этих двух классов. Но эти отношения, так же как и доли классов в национальном доходе, вытекают из условий капиталистического производства, создающих в определенных формах процесс перераспределения производительных сил, резервную рабочую армию и т. д. Т. е. условия капиталистического производства, создавая определенный уровень заработной платы, вместе с тем определяют и классовые отношения, доли рабочих и капиталистов в национальном доходе.

Таким образом, рассматривая заработную плату, как абсолютную величину, создаваемую условиями капиталистического производства, мы вместе с тем выясняем и классовые отношения, создаваемые этим производством, выясняем величину доли наемного труда, как части национального дохода. Классовые отношения рабочих и капиталистов не стоят вне производственных отношений, а, напротив, вытекают из них. Очевидно, наиболее правильным является метод рассмотрения законов, определяющих высоту заработной платы и законов распределения национального дохода, как двух сторон одного и того же процесса.

Большинство экономистов рассматривает заработную плату исключительно с точки зрения цены своеобразного товара—рабочей силы и совершенно игнорирует социальные отношения, которые скрываются в купле-продаже рабочей силы, игнорирует классовые отношения, отношения долей наемного труда и капитала,—другими словами, игнорируется проблема распределения национального дохода, поскольку она может быть выяснена из анализа законов, регулирующих заработную плату.

С другой стороны, некоторые экономисты—Родбертус, Stolzmann, Туган-Барановский, рассматривают заработную плату исключительно, как проблему распределения, как результат социальных отношений двух классов капиталистического общества, совершенно игнорируя производственные отношения, которыми регулируются как отношения этих двух классов капиталистического общества, так и реальная заработная плата.

Такое абстрактное исследование вопроса не дает никаких результатов, кроме вывода, что если одна из двух частей целого относительно увеличивается, то другая часть относительно уменьшается, что если доля капиталистов увеличивается в большей пропорции, чем доля рабочих, то доля последних относительно уменьшается.

Между тем, К. Маркс дал уже блестящее методологическое решение вопроса, рассматривая с одной стороны законы регулирующие высоту зар. платы, с другой стороны те классовые отношения, которые создаются на почве условий капиталистического производства и которыми определяется доля капиталистов и рабочих в продукте общественного производства.

Правда, К. Маркс специально не останавливался на теории заработной платы, но попутно, при анализе капиталистического производства, сделал весьма ценные в методологическом отношении указания на значение как закона, ре-

гулирующего заработную плату, так и на принцип распределения национального дохода между классами капиталистов и рабочих при условиях капиталистического производства.

В отделе VI I-го тома «Капитала», К. Маркс рассматривает условия, при которых ценность рабочей силы превращается в заработную плату, т. е рассматривает закон, регулирующий высоту заработной платы.

Общая формулировка законов, регулирующих заработную плату, данная Марксом, сводится к следующему. Рабочий принужден продавать свой труд по стоимости своей рабочей силы. «Предположим, что обычный рабочий день составляет 12 часов, а дневная ценность рабочей силы 3 шиллинга, т. е. денежное выражение ценности 6 рабочих часов. Если рабочий получает 3 шиллинга, то он получает стоимость своей рабочей силы, функционирующей в продолжение 12 часов». «Ценность рабочей силы, функционирующей 12 часов, составляет 3 шиллинга, ценность, для воспроизведения которой нужно 6 часов. Продукт же ее имеет ценность в 6 шиллингов, так как в действительности она функционирует 12 часов» [1]).

Маркс не останавливался на детальном анализе стоимости рабочей силы и влияния на нее различных условий современного капиталистического производства, хотя и дал некоторые указания и в этом направлении.

Сделанный нами выше анализ процесса перераспределения производительных сил, дает возможность более точно установить те условия, которыми регулируется цена рабочей силы различных категорий рабочих и причины, которые препятствуют повышению минимума заработной платы. Но Маркс не ограничивается констатированием общего принципа, регулирующего высоту заработной платы. Он анализирует процесс распределения национального дохода между классами, как результат борьбы этих классов на почве экономических отношений и приходит к выводу, что **доля рабочих в национальном доходе в процессе развития капитализма относительно уменьшается.**

Этот вывод вполне подтверждается приведенными выше данными промышленной переписи С. А. Соединенных Штатов и обстоятельным исследованием этой стороны вопроса С. Солнцевым [2]). Причины такой тенденции распределения дохода народного хозяйства при капиталистическом строе нужно искать в условиях производства капиталистического строя, в процессе перераспределения его производительных сил. Между тем, на эту сторону народного хозяйства обращалось слишком мало внимания. Поэтому даже социалисты ограничивались только констатированием факта уменьшения доли рабочих в национальном доходе, без достаточного анализа его причин, скрытых в законах, регулирующих высоту заработной платы.

Сам по себе факт более быстрого возрастания ценности средств производства против ценности предметов потребления рабочих, мыслим и в социалистическом обществе, в котором для увеличения производительности может затрачиваться колоссальное количество труда на средства производства.

---

[1]) К. Маркс, Капитал, I. Русск. пер. под ред. П. Струве, стр. 381.

[2]) Заработная плата как проблема распределения.

Но во 1-х, целью такого увеличения суммы средств производства может явиться только увеличение абсолютной суммы предметов потребления производителями же, а не предпринимателями, которые не работают; во 2-х, добавочный труд на увеличение средств производства может затрачиваться лишь по мере удовлетворения всех культурных потребностей производителей, а не путем сокращения этих потребностей, как происходит при наемном труде. В натуральном хозяйстве, по мере увеличения в нем производительности труда, доля его, затрачиваемая на средства производства, увеличивается. Но это увеличение имеет целью увеличение производства предметов личного потребления самих трудящихся и ведет к этому. Т. е. трудящиеся члены хозяйства только выигрывают от относительного увеличения суммы средств производства, которыми они располагают. При капиталистическом строе, напротив, интересы владельцев средств производства, предпринимателей—с одной стороны и рабочих—с другой, прямо противоположны: средством накопления для предпринимателей является сокращение заработной платы, т. е. суммы предметов, потребляемых рабочими, целью ведения хозяйства является увеличение своего предпринимательского потребления и только борьба рабочих против понижения заработной платы или за ее повышение препятствует, и не всегда успешно, абсолютному сокращению заработной платы.

Хотя в натуральном хозяйстве по мере развития его производительных сил, доля, затрачиваемая на средства производства, относительно также увеличивается, как и при капиталистическом строе, но это увеличение имеет совершенно различное значение для участников производства. В первом случае от такого увеличения выигрывают производители, так как они же являются владельцами средств производства. При капиталистическом строе, от этого выигрывают предприниматели и теряют производители—рабочие, так как доля предпринимателей увеличивается на счет доли рабочих.

На основании изложенных нами законов, регулирующих заработную плату, мы можем уже объяснить следующее противоречие капиталистического строя. Заработная плата повышается там, куда передвигаются производительные силы общества: в индустрии она выше, чем в земледелии, в развивающихся отраслях промышленности выше, чем в отстающих и т. д. Между тем доля, получаемая рабочими из общей ценности производимых ими продуктов, падает. Чем объяснить это противоречие, чем объяснить падение доли рабочих в общественном доходе с развитием производства?

Это противоречие объясняется тем, что перераспределение рабочих рук происходит вслед за перераспределением капитала. Увеличение спроса на рабочие руки в развивающейся отрасли промышленности отстает от увеличения в ней затрачиваемого капитала. Предприниматель для увеличения своей прибыли старается относительно увеличивать часть постоянного капитала, составляющую средства производства, против переменного капитала, затрачиваемого на заработную плату. Поэтому, хотя заработная плата в развивающихся отраслях промышленности относительно повышается против минимума, получаемого рабочими в земледелии, но в гораздо большей степени увеличивается та доля, которую получают предприниматели на свой увеличенный капитал. А прибыль на

капитал, как известно, распределяется пропорционально его величине. Увеличение затрачиваемого капитала ведет к увеличению количества производимых продуктов против предыдущего периода. Таким образом, например, в Соединенных Штатах, несмотря на относительно более высокую заработную плату, чем в других странах, доля капиталистов растет еще в больших размерах. Рост этой доли не прекращается, между тем как заработная плата держится приблизительно одного уровня, более высокого, чем в Европе, но **не повышающегося** благодаря постоянному приливу более дешевых рабочих рук из Европы.

5.

В главе о норме заработной платы и норме прибыли, мы показали, что в отдельных отраслях промышленности заработная плата может быть выше и — вместе с тем — сумма прибыли, получаемая предпринимателями в этих отраслях будет выше, чем в других, с более низкой заработной платой. Это происходит благодаря тому, что предприниматели с высоким строением капитала в своих предприятиях получают часть прибавочной ценности от предприятий с более низким строением капитала, продавая продукты выше их ценности, благодаря тому, что прибыль распределяется между предпринимателями пропорционально величине затрачиваемого капитала. Таким образом относительное повышение заработной платы в одних отраслях промышленности, поскольку оно сопровождается относительным понижением ее в других, не ведет к увеличению доли рабочих в национальном доходе. Заработная плата, повышаясь в развивающихся отраслях промышленности, **обыкновенно** не сопровождается повышением реальной заработной платы в других отстающих отраслях. Между тем, общая сумма производимых национальным хозяйством продуктов увеличивается. Поэтому, несмотря на повышение заработной платы некоторых категорий рабочих, доля рабочего класса в увеличивающейся сумме производимых продуктов не повышается, а падает.

Возможность повышения заработной платы отдельных категорий рабочих вместе с увеличением суммы прибыли предпринимателей соответствующих отраслей промышленности часто вводит в заблуждение рабочих, которым кажется, что существует некоторая гармония интересов капитала и труда. Такого рода заблуждение довольно прочно держалось в Англии, пока более высокое строение капитала в промышленности Англии давало возможность высшим категориям рабочих добиваться более высокой заработной платы при сохранении достаточно высокой прибыли предпринимателей.

Развитие крупной капиталистической промышленности в других странах кладет конец этим иллюзиям.

Но даже в период монопольного положения английской промышленности, по мере ее развития, доля всех рабочих в общем национальном доходе падала, несмотря на относительное повышение заработной платы некоторых категорий рабочих.

Приведенными выше соображениями достаточно выясняется, что как абстрактный анализ распределения национального дохода без рассмотрения реаль-

ных отношений между трудом и капиталом является довольно бесплодным, так и рассмотрение индивидуальных отношений капиталистов и рабочих без анализа распределения национального дохода приводит к ошибочным выводам. Проблема распределения национального дохода получает правильное освещение только при рассмотрении его в конкретных условиях капиталистического производства в связи с анализом процесса перераспределения производительных сил между различными отраслями промышленности.

ГЛАВА XLI.

Рабочее движение и заработная плата в России.

Развитие капитализма в России в общих чертах сходно с развитием его в других европейских странах. Россия прошла те же ступени первоначального развития капитализма, развившегося из крепостнических отношений, какие позже раньше были пройдены и западно-европейскими государствами. Поэтому и отношения между трудом и капиталом, в общих чертах развивались одинаково.

В Западной Европе после уничтожения крепостного права, на первых ступенях капиталистического развития положение рабочего класса было наиболее тяжелое. Это констатируют все более или менее объективные экономисты. В России также положение рабочих после отмены крепостного права стало ухудшаться. Следует признать, что после освобождения крестьян заработная плата фабричных рабочих изменилась в другом направлении чем раньше. В крепостную эпоху заработная плата росла,—после освобождения падала [1]). Это падение заработной платы вызывалось быстрым выбрасыванием земледельческого населения в индустрию, где оно принуждено было искать заработков, вследствие недостаточности таковых в земледелии. Вынужденный переход к денежному хозяйству для уплаты налогов, выкупных платежей и проч. и развитие индустрии вызывали быстрое передвижение рабочих рук из земледелия в обрабатывающую промышленность.

Между тем на первых ступенях капиталистического развития, как мы указали уже, капитал большей частью затрачивается на орудия и средства обмена и поглощение рабочих индустрией происходит медленно. Таким образом объективные условия на первых ступенях развития капитализма в России, как и в других странах, были наиболее неблагоприятны для рабочего класса.

Условия для экономической борьбы рабочих если не за улучшение своего положения, то хотя бы против ухудшения, были в России даже менее благоприятны, чем в Западной Европе.

Благодаря особенностям предыдущего периода хозяйственного развития России, заключавшимся в том, что в период районного докапиталистического хозяйства города не были такими центрами ремесленного производства, какими они являлись в Западной Европе, в русских городах не создалось и такого, как в Западной Европе тонкого слоя рабочих из бывших подмастерьев, которые

[1]) М. П. Туган-Барановский. Русская фабрика 2 изд. стр. 437.

имели более навыка к борьбе против ухудшения своего положения. Рабочая армия в России не имела никакого опыта, чтобы с некоторым успехом бороться против ухудшения своего положения.

После кризиса 80-х годов, когда положение рабочих было наиболее тяжелым, в период промышленного оживления во 2-й половине 90-х годов заработная плата несколько повысилась при относительном понижении товарных цен в эти годы. Но это незначительное улучшение положения рабочих было кратковременным.

С конца 90-х годов, и с первого же года текущего столетия цены на предметы потребления рабочих начинают быстро повышаться и, благодаря этому, реальная заработная плата падать.

Ухудшение положения рабочих и мелких служащих вследствие вздорожания жизни было, повидимому, главной **экономической** причиной колоссального забастовочного движения, которое прокатилось по всей России в бурные 1905—1906 годы.

Если принять средние цены 70 главнейших товаров за десятилетие 1890-99 г.г. за 100, то повышение их произошло в следующих размерах:

1896 г.	91,5
1898 г.	102,3
1900 г.	112,1
1902 г.	109,7
1904 г.	110,4
1905 г.	115,1

Мы видим, что за короткий период цены на продукты поднялись более, чем на 20%; и, следовательно упала реальная заработная плата.

Это падение реальной заработной платы стало вызывать все более и более сильное забастовочное движение, которое закончилось колоссальным подъемом рабочего движения в 1905-6 годах.

Движение рабочих этого периода отличалось тем, что при отсутствии экономических организаций рабочих оно, тем не менее, повело к некоторому повышению денежной заработной платы (на 15—20%). Это об'ясняется тем, что стихийное рабочее движение, вызванное ухудшением положения рабочих, не встречало организованного сопротивления со стороны капитала. И. Бэр [1]) правильно указывает на характерную особенность русского рабочего движения этого периода: русские рабочие до 1905 года в общем бастовали чаще рабочих тех европейских стран, где существует большая или меньшая свобода коалиций и где рабочие организованы в союзы. За десятилетие до 1905 года у нас в среднем участвовало в стачках около 3% рабочих, между тем как в Англии за тот же период бастовало 2%, во Франции 1,5%, а в Германии 1%. «Это странное обстоятельство, говорит Бэр, становится, однако, понятным при ближайшем рассмотрении. Западно-европейские стачки происходили более или менее организованно. В большинстве случаев на Западе к стачке рабочие долго готовятся и

[1]) Стачки прежде и теперь. „Нов. раб. газ.“, № 31.

начинают ее после долгого обсуждения, взвесив все шансы за и против забастовки. Ничего подобного не было у нас. Как общее правило, никакого предварительного обсуждения, по крайней мере в широких массах, никакой предварительной подготовки не было и не могло быть. Вот почему русские рабочие, легко возбуждаясь, легко подымаясь на борьбу, скорее, чем западно-европейские рабочие, прекращали борьбу». На ту же слабость экономических организаций в следующие годы, как увидим далее, указывали все рабочие органы («Просвещение», «Наша Заря» и т. д.).

Среднее количество потерянных рабочих дней на каждого бастовавшего было:

в Англии	34,2	раб. дня
» С. Америке	25,4	„ „
» Франции	14,3	„ „
» Австрии	12,1	„ „
» России	4,8	„ „

Забастовочное движение 1905—6 г.г. повело к повышению заработной платы и несколько ослабило понижение реальной заработной платы—благодаря вздорожанию. Если бы не происходило дальнейшего повышения цен на главнейшие продукты, то можно было бы заключить, что положение рабочих после 1905 года не ухудшилось. Но в то время как рабочее движение после 1905 6 годов было подавлено и затихло, в то время как завоевания рабочих, сделанные в 1905-6 годах, в последующие годы не только не увеличились, но, частью, были ими потеряны, цены на продукты продолжали повышаться. Средние цены главнейших товаров были следующия:

в 1905 г.	115,1
„ 1906 г.	124,2
„ 1907 г.	130,8

Принимая цену на мясо в десятилетие 1890—99 г.г. за 100, можно заметить, что за пятилетие 1900—1904 г.г. она достигла до 119,7, а в 1907 году до 148, 4.

В последующие годы цены продуктов продолжали повышаться. Таким образом, после 1905 года реальная заработная плата безостановочно падала. Между тем, условия борьбы рабочих за улучшение своего положения значительно изменились. Правда, промышленная депрессия бывшая в начале и в середине истекшего десятилетия, к его концу сменилась промышленным подъемом, продолжавшимся и до времени, когда написана была эта глава (1913 г.), но промышленный под'ем застал рабочую массу неподготовленной и дезорганизованной, а промышленники за годы промышленного застоя и общественной реакции успели укрепить и развить свои организации: «Начавшийся ранее процесс так называемой горизонтальной концентрации производства (образование синдикатов) с особенной интенсивностью происходит в последние 5—6 лет и в настоящее

[1]) См. М. Билимович, Подъем товарных цен в России, стр. 5.

время трудно назвать какую-нибудь отрасль промышленности, которая не была бы синдицирована». Насколько полно использовали для себя промышленники—в особенности металлурги—наступивший подъем, видно из колоссальных прибылей, которыми закончился операционный 1910—11 г.

Из многочисленных сообщений приведем лишь два. Чистая прибыль за 1911 год по сравнению с предыдущим повысилась для Южно-Днепровского Металлического О-ва на 1 милл. слишком рублей или на 40%; для О-ва вагоностроительных и механических заводов «Феникс»—даже на 60,6%.

А. Михайлов, давая краткую характеристику предпринимательских организаций, вполне правильно оценивает их значение и причины возникновения: «Наряду с синдикатами, направленными против потребителя, достигли огромной силы и влияния боевые предпринимательские организации, объединяющие всю крупную промышленность целого района и ставящие своей главной задачей—борьбу с рабочим движением и законодательной охраной труда. Во главе стоят: общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района и Петербургское общество фабрикантов и заводчиков. Вызванные к жизни под ударами бурного движения 1905—6 г.г., эти организации, как только движение схлынуло... шаг за шагом отнимают у рабочих завоеванные ими позиции... И они «использовали» затишье: черные списки, предпринимательские бюро найма, специальные стачечные фонды,—таков далеко не полный перечень средств борьбы со стачками. При возникновении забастовки дается лозунг «никаких уступок».

Таким образом в России отношения труда и капитала **с одной стороны**, со стороны организации капитала **находились на последней ступени развития, до которой они дошли в самых передовых капиталистических странах.** В этом отношении Россия и, если не обогнала Западную Европу, то, во всяком случае от нея не отстала.

С другой стороны, со стороны рабочих **почти полное отсутствие организации**, при наличности организации промышленников, чрезвычайно затрудняло не только улучшение положения рабочих, но даже борьбу против его ухудшения, вызвавшего вздорожанием жизни. К этому присоединяются, кроме социально-политических условий, еще неблагоприятные условия, создававшиеся процессом перераспределения производительных сил между земледелием и индустрией.

Процесс передвижения земледельческого населения из земледелия в индустрию, как мы уже указали, происходит во всех капиталистических странах. Но особенно острые формы и, в особенности в начале второго десятилетия нашего века, он принимает в России под влиянием аграрного законодательства. Насильственное разрушение общины, продажа земельных участков, выделившихся из общины крестьян и ликвидация ими земледельческого хозяйства ведет к выбрасыванию из земледелия огромного количества рабочих рук, [1]), вынужденных искать заработка в индустрии.

[1]) Действительную цифру избыточных земледельцев автор статьи в «Вестнике Европы» (1913, кн. IX) определяет в 700—800 тыс. душ. «В ближайшем будущем количество сельского населения, поглощаемого *(только)* городами, составит от 400 до 500 тыс душ ежегодно» (стр. 298).

Благодаря более сильному приливу деревенского населения, чем в Западной Европе, и благодаря тому, что в городах образовался лишь тонкий слой рабочих, испытанных в классовой борьбе, главная масса рабочих является крайне неопытной, не оценивающей значение организации в экономической борьбе. Опыт предыдущих лет, накопившийся в одном слое рабочих стушевывается благодаря постоянному приливу свежих рабочих сил из деревни. Если принять во внимание, что и администрация и предприниматели стремятся насильственно удалить «беспокойные» элементы из рабочего класса, то естественно, что значение пришлых элементов, из которых формируется рабочий класс, благодаря этому, еще более усиливается. Опыт предыдущих лет стирается, не используется и организованному капиталу противостоит неорганизованная масса.

У могучих предпринимательских организаций имеются специальные капиталы для поддержки предприятий, в которых бастуют рабочие. Такие капиталы имелись у петербургского общества заводчиков и фабрикантов, у общества заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, у общества типо-литографов в Москве, у московского общества парфюмерного производства, кондитерского и некоторых других обществ («Промышленность и Торговля» № 17, 1913 г.).

Этой организации предпринимателей, имеющих за собой опыт двух десятилетней экономической борьбы, распыленная рабочая масса не могла противопоставить организованного союзами забастовочного движения, вызванного падением реальной заработной платы.

Промышленный подъем с начала второго десятилетия текущего столетия представляет наиболее благоприятную **экономическую** кон'юнктуру для улучшения положения рабочих. Поэтому, несмотря на неблагоприятные социальные условия забастовочного движения, с 1911 года оно начинает быстро расти. Благоприятная экономическая кон'юнктура и ухудшение положения рабочих вследствие дороговизны придали наступательный характер забастовкам, но успешность их с самого же начала обусловливалась степенью организованности рабочего движения.

Характерно то, что из числа стачек, окончившихся поражением рабочих, наибольший процент дают стачки в единичных предприятиях и в групповых, а наименьший процент поражений был при забастовках, охватывающих целые профессии. Так, по данным Михайлова, в 1911 году было стачек [1]):

	с полным или частным успехом.	с поражением.
Единичных	24	18
Групповых	2	2
В целой профессии	24	3

Таким образом, поскольку в начале стачечного периода этого времени

[1]) А. Михайлов. Там же стр. 49.

стачки охватывали широкую массу рабочих данной профессии, т. е. поскольку эти стачки были, хотя бы стихийно, организованы, они большею частью заканчивались успехом. Но это забастовочное движение побудило лучше организоваться предпринимателей и, как мы упоминали, создать специальные капиталы для борьбы с забастовочным движением, между тем как рабочие совершенно не использовали первоначальные успехи движения; профессиональные организации рабочих развивались крайне медленно и чахли от равнодушия к ним рабочих. В руководящих органах рабочего движения постоянно указывалось на значение профессиональных организаций в экономической борьбе. А. Чужой, перечисляя поражения рабочих в экономических забастовках 1913 года, указывает на то, что «одним напором трудно взять, нужна организованность, сплоченность; особенно эти слова применимы к металлистам, терпевшим в большинстве случаев поражения». («Просвещение» № 5, 1913 года). Другой автор, обозреватель рабочего движения А. Алексеев констатирует, что «только немногие союзы прямо или косвенно принимали участие в стачечной борьбе... Союзам оставалось напрячь все усилия собрать, хотя бы к будущему, необходимые силы. Отсюда понятно, что союзы усиленно занимаются агитацией за вступление широких масс в союз, выработкой в своих членах широкого понимания задач профессионального движения» («Просвещение» № 6, 1913 года). На то же указывали журнал «Наша Заря», все органы профессиональных союзов и т. д. Эта слабость профессиональной организации рабочих отразились и на дальнейших успехах экономического движения.

В московском промышленном районе в первой половине 1913 года преобладающее место среди экономических стачек занимают стачки за повышение заработной платы. Промышленный подъем в металлургической отрасли производства дал возможность путем стачек бороться против понижения реальной заработной платы, вызванного вздорожанием жизни. Так как в московском промышленном районе главное место занимает текстильная промышленность и так как она является более доступной для крестьянского населения, выбрасываемого деревней, то несмотря на относительно более низкую заработную плату и на падение реальной заработной платы, успешность забастовок текстильщиков была меньшей, чем в металлообрабатывающей промышленности. А именно [1]):

	Число бастов. рабочих.	
	Металлообраб. промышл.	Текстильная промышл.
Поражение	2,981	18,057
Удовлетворение полное или частичное	3,188	1,614
Невыясненный результат	5,028	5,681

Таким образом, в низко оплачивающей труд текстильной промышленности, при промышленном оживлении и при вздорожании жизни, вызвавшем понижение реальной заработной платы, подавляющее число забастовщиков потерпели поражение.

---

[1]) Известия общества заводч. и фабр. моск. пром. района, № 23, 1913 г.

Совершенно другие результаты получились в металлообрабатывающей промышленности, хотя здесь заработная плата была значительно выше, чем в текстильной. Это объясняется, повидимому, не только большой доступностью текстильной промышленности для деревенского населения, но и большей организованностью московских предпринимателей в текстильной промышленности.

Наиболее сильное стачечное движение в Петербурге—металлистов—из 20 стачек второй половины 1913 г да закончилось в 12 случаях полной или частичной победой и в 10—поражением. Но из 12 успешных стачек 10 протекали в мелких предприятиях и только две в крупных. «Таким образом, победы удавалось одержать лишь над мелкими предпринимателями, не организованными в Общество фабрикантов и заводчиков и слабо сопротивлявшимися... Совсем иную картину представляют стачки проигранные. Все они протекали в крупнейших металлургических заводах, владельцы которых входят в хозяйский союз. Здесь рабочие имели дело с врагом сильным, организованным, упорно сопротивляющимся» [1]) и потерпели поражение. То же самое происходило в Москве, где во второй половине лета 1913 г. бастовало не менее 25 т. чел., но положительные приобретения получили рабочие только 2—3 фабрик.

Быстрое образование резервной армии рабочих из деревни и переход их в индустрию является не только причиной сохранения низкой заработной платы в России, но и косвенной причиной малой успешности борьбы рабочих за улучшение своего положения. Новые контингенты «молодых» рабочих, поставляемых деревней, не могли использовать опыт экономической борьбы предшествовавшего периода и достаточно оценить значение профессиональных союзов рабочих, хотя, как замечено, руководящие круги рабочих, расходясь между собою во многом, все признают огромное значение профессиональных организаций.

Из приведенных выше цифр о забастовочном движении 1911 года видно, что забастовки, охватывавшие целые профессии были наиболее успешны. Но такого рода забастовки требуют не только широкой организации, но и больших денежных фондов в рабочих организациях.

В некоторых случаях поражение рабочих неизбежно, если забастовка одновременно не охватывает рабочих данной профессии во всех других пунктах страны. Так, например, при забастовке грузчиков в Николаеве главным препятствием к удовлетворению их требований со стороны предпринимателей была конкуррения других портов, где нагрузка обходилась бы дешевле. Таким образом, для николаевских портовых рабочих облегчилась бы возможность добиться уступок, если бы и в других портах были выставлены грузчиками аналогичные требования. Забастовка нефтяных рабочих в Баку и Грозном обязана своим успехом, главным образом, тому, что движение охватило всех рабочих данной отрасли промышленности. Между тем, по указанным выше причинам, если такого рода забастовки и появляются, то не благодаря организованности и подготовленности стачек профессиональными союзами, а исключительно вследствие того, что благоприятная экономическая конъюнктура и по-

[1]) А. Алексеев. Рабочее движение. «Просвещение», № 7—8, 1913 г.

нижение реальной заработной платы вследствие вздорожания жизни побуждают рабочие массы бастовать по примеру других бастующих в той же отрасли промышленности и только в процессе забастовки, за отсутствием своих денежных фондов, прибегать к помощи добровольных пожертвований со стороны других небастующих рабочих.

Другим фактором, влияющим на появление массовых стачек и на их продолжительность, является организованность не рабочих, а предпринимателей. Рабочие, «вследствие понижения реальной заработной платы, вынуждены во что бы то ни стало добиться улучшения своего положения. Между тем, организация предпринимателей даст им возможность оказывать более сильное сопротивление требованиям рабочих. «Неизбежно, вследствие **организованного выступления предпринимателей**, должны были принять общепрофессиональный характер грандиозные портовые забастовки 1911 года в Петербурге и Одессе. По той же причине неизбежно далее в 1911 году должны были принять в Северо-Западном крае такой же характер забастовки щетинщиков, заготовщиков, рабочих механической обуви и др. Неизбежно должны были принять массовый характер летние забастовки 1912 г. в Петербурге вследствие организованного выступления петербургского общества фабрикантов и заводчиков, после Ленско-майского движения. Неизбежен был в 1913 году общепрофессиональный характер стачек золотосеребряников, портных, литографов и др.: у петербургских металлистов забастовка должна была перекинуться с завода на завод, когда Общество петербургских фабрикантов стало переводить на другие заводы леснеровские заказы и т. д. и т. д.» [1]). На то же указывает А. Чужой, констатируя, что стачки, последовавшие в ответ на локауты предпринимателей, благодаря малой организованности, потерпели поражение («Просвещение» № 2).

Отсутствие в России сильных профессиональных организаций и приливе новых рабочих, недостаточно оценивающих значение коалиции, при самых благоприятных для рабочих экономических условиях не дало возможности рабочему классу использовать эти условия и улучшить свое положение. Правда, за годы 1911—1913, заработная плата повысилась около 20%, но за эти годы цены предметов потребления рабочих повысились в такой же пропорции (20—22%), т. е. реальная заработная плата против предыдущих лет не повысилась. А в предыдущие годы, как мы упоминали, реальная заработная плата, благодаря вздорожанию жизни, упала.

Краткий очерк рабочего движения и заработной платы в России является лишь иллюстрацией к изложенным выше экономическим законам, регулирующим заработную плату. Все факты экономической жизни говорят за то, что отношения труда и капитала при капиталистическом строе не являются раз навсегда данными, что они изменяются под влиянием экономического развития страны; что нет «железного закона заработной платы», что в процессе

[1]) И. Бэр. Стачки прежде и теперь «Нов. раб газ.» № 32.

экономического развития отношения труда и капитала изменяются то в пользу рабочих, то в пользу предпринимателей под влиянием процесса перераспределения производительных сил, а при развитых капиталистических отношениях— и под влиянием организаций предпринимателей и рабочих; что экономическая борьба рабочих при капитализме не безнадежна и может повести к повышению заработной платы, разумеется, в очень ограниченных пределах. Но препятствиями на этом пути являются не только организации предпринимателей, а и самый экономический процесс движения производительных сил из земледелия в индустрию в капиталистических странах. Положение рабочих, таким образом, тесно связано с положением земледельческого населения.

Среди русских марксистов является довольно распространенным взгляд, что аграрный вопрос непосредственно не касается рабочих, что для них аграрная программа не нужна. Это мнение, главным образом, основывается на том, что у германской рабочей партии до настоящего времени не было аграрной программы.

Такого рода основания, разумеется, мало убедительны, так как отсутствие программы является не достоинством партии, а ее недостатком.

Изучение процесса передвижения производительных сил из земледелия в индустрию убедительно доказывает, что положение рабочего класса тесно связано с положением земледельческого населения и с земельными отношениями, существующими в деревне.

Выводы.

Резюмируя общие выводы, вытекающие из нашего анализа отношений труда и капитала, мы можем формулировать их в следующих положениях:

1) В капиталистическом обществе рабочая сила, как и всякий товар, производится (воспитывается) в местах наиболее дешевого ее производства, в мелком хозяйстве и в тех рабочих семьях, которые имеют более высокий бюджет. Рабочие, получающие меньший заработок в массе или не имеют семьи, или, во всяком случае воспроизводят потомство, недостаточное даже для замещения родителей.

2) Воспитание подростающих рабочих сил в деревне обусловливается особенностями бюджета мелкого крестьянского хозяйства. Капитал не заинтересован в размножении рабочих.

3) Из мелкого хозяйства, главным образом из земледелия, рабочая сила, как и всякий другой товар, передвигается туда, где она лучше оплачивается, т. е. в развивающиеся отрасли промышленности, привлекающие рабочие силы относительно более высокой заработной платой. На этой почве происходит передвижение рабочих, так же как и товаров, из одной страны в другую и из одного района в другой.

4) Средняя заработная плата недостаточна для поддержания существования детей у большинства рабочих сообразно установившемуся культурному

уровню. Предпринимателям выгоднее, чтобы подрастающие рабочие силы воспитывались в деревне, а не в рабочей семье.

5) Минимум заработной платы создается в падающих отраслях промышленности, главным образом, в земледелии, т. е. в тех отраслях, в которых количество занятых рабочих относительно сокращается.

6) Минимальный бюджет мелкого хозяйства ставит границы значительному повышению заработной платы в индустрии, так как мелкое хозяйство может выбросить добавочное количество рабочих при значительном повышении заработной платы в индустрии.

7) Заработная плата рабочих в развивающихся отраслях промышленности тем относительно выше, чем менее доступны эти отрасли для рабочих, выбрасываемых земледелием. Поэтому в районах, отдаленных от очагов земледельческого «перенаселения» заработная плата так же относительно высока, как заработная плата обученных рабочих в районах, близких к очагам «перенаселения». Т. е. заработная плата относительно повышается в зависимости от препятствий, которые стоят на пути деревенским рабочим, проявляются ли эти препятствия в виде расстояния (далекий переезд через океан или по железной дороге), или в виде необходимости предварительного обучения, навыка и т. п.

8) Хотя кадры безработных вербуются из падающих отраслей промышленности и главным образом, из земледелия, количество регистрируемых безработных больше в профессиях, требующих обучения и лучше оплачиваемых, вследствие быстрого перехода к другой профессии ниже оплачиваемых категорий труда.

9) В процессе хозяйственного развития на первой стадии развития капитализма положение рабочего класса наихудшее вследствие быстрого разложения мелкого земледельческого хозяйства, под влиянием развития капитализма и медленного поглощения рабочих малоразвитой индустрии.

10) По мере развития капиталистического производства все большее и большее значение приобретает организация с одной стороны предпринимателей, с другой стороны рабочих.

11) При рассмотрении доли национального дохода, получаемого предпринимателями и рабочими, мы находим, что доля предпринимателей увеличивается не только на счет рабочих, но и на счет мелкого хозяйства, поскольку на него падают издержки по воспитанию подрастающей рабочей силы. Это сопровождается относительным сокращением средств производства мелкого хозяйства.

Главы XX—XLI, входящие в заканчиваемый здесь отдел, написаны в 1913 году и приводятся (за исключением некоторых пропусков и незначительных исправлений) в том виде, в каком помещены они в книге моей, вышедшей в 1914 г. в СПБ («Капитализм». Ч. I. Наемный труд и заработная плата).

Отдел шестой.

Отдел этот состоит из глав, написанных (и частично появившихся в периодической печати Иркутска) в 1919—1920 г., преимущественно в первую половину 1920 г.

В изложении более полном, чем здесь, они вошли в книгу «Мировая социальная проблема», выпущенную в 1921 г. в Чите.

Заключительная глава отдела— «Кооперация и народное хозяйство»,—воспроизводит,—также со значительными сокращениями,—брошюру под тем же названием (вышла в Омске в 1919 г.).

ПРИБЫЛЬ и СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА.

ГЛАВА XLII.

Источники прибыли.

1.

Из анализа образования и развития меновой ценности мы видели, что до развития капиталистического строя торговец экзотическими продуктами получал прибыль путем эксплуатации потребителя. Покупая товары по одной цене в одном районе он продавал их в другом по значительно более высокой цене так же как и товары из второго района в первом. Таким образом первой формой прибыли, как нетрудового дохода, получаемого от обладания предметами произведенными трудом человека, является торговая прибыль.

По мере превращения ремесла, изготовлявшего предметы для сбыта непосредственно потребителю, в кустарное производство, когда ремесленник работает на неопределенный рынок, а не на потребителя, когда он принужден сбывать свои изделия скупщику, источником прибыли делается эксплуатация самого производителя. Вынужденный продавать скупщику дешевле, кустарь теряет часть своего дохода в пользу скупщика. Таким образом, торговый капитал постепенно переходит к эксплуатации производителя. Вместе с увеличением числа кустарей, работающих на хозяина сдельно, а потом с накоплением капитала в виде мантии, на фабриках увеличивается число наемных рабочих, работающих орудиями производства предпринимателя; предпринимательская прибыль начинает играть первую роль, между тем как торговая прибыль является только частью предпринимательской прибыли. Но и тот и другой вид прибыли получается из права обладания продуктами человеческого труда в виде товаров, орудий и средств производства. Таким образом, продукты труда, поскольку они делаются источником прибыли, эксплуатации чужого труда, накопляясь в руках предпринимателя, превращаются в капитал.

Уже из изложенных соображений ясно, что источником прибыли может быть не только труд наемного рабочего, продающего непосредственно свой труд предпринимателю, но и труд мелкого самостоятельного производителя, сбывающего продукты своего труда на рынок через торговца.

И тот и другой вид прибыли, как замечено, в различных стадиях хозяйственного развития общества играет не одинаковую роль.

Источник прибыли, получаемой предпринимателем от эксплуатации наемного труда, гораздо труднее вскрыть, чем источник торговой прибыли.

Рабочий, продавая свой труд на определенное время производит в течение этого времени больше ценностей, чем получает сам в виде заработной платы. Поэтому предприниматель, уплативши рабочему заработную плату, не только покрывает все издержки производства, но и получает некоторую долю продукта сверх издержек производства, в которые входит и заработная плата. Эта доля, остающаяся в пользу капиталиста, и составляет прибыль.

Так как предпринимателю дает прибыль, с его точки зрения, затрачиваемый им капитал в виде заработной платы, средств и орудий производства, то прибыль считается по отношению к единице затрачиваемого капитала (выражаясь в денежной сумме, напр., на каждые 100 р.). Затраты капитала делаются предпринимателем только в такое предприятие, которое дает на каждую единицу капитала не ниже определенного процента прибыли.

Хотя продукты производства создаются трудом, следовательно трудом создается и та их часть, которая остается предпринимателю в качестве прибыли, но для него источником прибыли представляется капитал, потому, что каждым отдельным предпринимателем прибыль получается пропорционально величине затраченного им капитала. Поэтому, как указывалось выше, продукты при капиталистическом строе обмениваются (продаются) не пропорционально затратам труда на производство каждого продукта, а выше и ниже их трудовой ценности в зависимости от затрат капитала на производство продукта.

Хотя вся сумма прибыли, получаемая всеми капиталистами является результатом эксплуатируемого труда, но эта прибыль распределяясь пропорционально величине капитала каждого предпринимателя, теряет непосредственную связь с непосредственно эксплуатируемым трудом. Если в одном предприятии одного производства работает тысяча человек при затрате одного миллиона рублей, то предприниматели будут получать прибыль пропорционально затраченному ими капиталу, а не пропорционально занятому у них числу рабочих.

Весь национальный доход, как выше замечено, распадается на три доли: на заработную плату, ренту и прибыль. Естественно, что при данной сумме национального дохода доля прибыли тем больше, чем меньше доля заработной платы и ренты. Поэтому происходит постоянная борьба между предпринимателями и рабочими из за высоты заработной платы, которая уменьшает долю прибыли. Но общая сумма национального дохода зависит от состояния и развития производительных сил страны, между тем, как в отдельном частном хозяйстве сумма дохода зависит от производительности труда. Чем больше общая абсолютная сумма получаемого продукта, тем больше может быть и доля в виде заработной платы и прибыли.

В отдельном частном хозяйстве сумма дохода увеличивается не от общего развития производительных сил страны, а от производительности труда в этом хозяйстве. В отделе о потреблении мы уже указывали, что отдельное хозяйство

может быть занято производством, сокращающим производительные силы страны, например, изготовлением оружия и тем не менее получать прибыль в зависимости от производительности в нем труда. Поэтому интересы частных предпринимателей могут встать в противоречие с интересами экономического развития страны, так как они преследуют свои частно хозяйственные интересы, получение прибыли в своем хозяйстве. Во время войны, вызванной этими частно хозяйственными интересами, предприниматели, изготовлявшие оружие, получали высокую прибыль, хотя тем самым сокращали производительные силы страны, сокращали общую сумму национального дохода, а следовательно сокращали все три доли национального дохода и общую сумму заработной платы, и общую сумму прибыли, и общую сумму ренты.

Следовательно, увеличение производительности труда не всегда увеличивает общую сумму национального дохода и прибыли. Во время войны производительность труда в изготовлении оружия могла очень сильно возрасти и тем не менее от этого национальный доход только сокращался, так как возрастало непроизводительное потребление сырья, материалов и проч. Таким образом, каждому отдельному предпринимателю кажется, что сумма заработной платы и сумма прибыли, как частей национального дохода определяется производительностью труда. Это представление, разделяемое и многими экономистами, правильно лишь по отношению к сумме заработной платы и прибыли, получаемой в отдельных предприятиях сравнительно с другими предприятиями. В данном случае, как и во многих других, частно хозяйственная точка зрения не только не совпадает, но иногда противоречит народнохозяйственной. Точно также повышение земельной ренты вследствие перехода к менее производительным затратам с точки зрения землевладельца дает больший доход в виде ренты и увеличивает «производительность» их хозяйств, между тем как с народнохозяйственной точки зрения этот переход является результатом падения производительности труда в земледелии.

2.

Со стороны потребления прибыль в свою очередь распадается на две части: одна часть идет на удовлетворение личных потребностей класса капиталистов, другая часть затрачивается на производство и, по мере накопления капитала, на расширенное производство. При капиталистическом строе организатором предприятия является предприниматель капиталист, так как у него имеются орудия и средства производства. Хотя предприятие организуется капиталистом для получения дохода ради удовлетворения своих личных потребностей, но конкурренция других капиталистов предпринимателей побуждает каждого из них накоплять капитал и затрачивать его в производство, так как величина дохода предпринимателя зависит от величины затрачиваемого в производство капитала.

Эта положительная сторона капитализма делается его отрицательной стороной, когда капитал во имя частнохозяйственных интересов начинает разрушать производительные силы общества. Не раз приводимый нами ниже пример мировой войны и непроизводительных затрат на орудия разрушения явился результатом обращения накопленного капитала на производство предметов разрушения, хотя

это производство давало высокие прибыли отдельным капиталистам, сокращая вместе с тем национальный доход.

Так как каждый отдельный капиталист заинтересован только в получении для себя прибыли, то непроизводительные затраты национального дохода не только не затрагивают его интересов, но представляются даже выгодными (например, производство оружия); капиталистическое хозяйство может разрушать производительные силы общества, совершенно не подозревая этого, хотя результатом разрушения производительных сил страны является сокращение капитала, находящегося в руках капиталистов и сокращение общей суммы их дохода. Этот процесс начинает замечаться лишь по косвенным признакам: по расстройству государственных финансов, по вздорожанию жизни и т. д.

Политическая экономия, игнорируя законы потребления, тем самым не могла вскрыть противоречия между интересами отдельных хозяйствующих субъектов и интересами развития всего народного хозяйства в целом. Увеличение прибыли отдельных капиталистов она рассматривает как увеличение всего национального дохода, а накопление у них капитала как увеличение всего национального капитала. Поэтому для современного общества явилось совершенною неожиданностью сокращение национального капитала и национального дохода в некоторых воюющих странах при повышении частно предпринимательских военных прибылей. Несмотря на это повышение прибылей, как известно, капитал и производительные силы воюющих стран сократились.

Из приведенных примеров ясно, что общая сумма, сумма прибыли и заработной платы зависит от состояния и развития производительных сил страны, а не от производительности труда в отдельных хозяйствах. Напротив, распределение национального дохода между отдельными предприятиями, распределение между ними суммы заработной платы и прибыли зависит от производительности труда в каждом из них.

Если у предпринимателя **A**, благодаря лучшей технике, производительность труда рабочих выше, чем у предпринимателя **B**, то и прибыль и заработная плата в предприятии **A** будет выше, чем в предприятии **B**. А так как производительность труда определяется, главным образом, орудиями и средствами производства, то экономисты, стоящие на частно хозяйственной точке зрения, и объясняют высоту прибыли производительностью капитала (орудий и средств производства), а высоту заработной платы, производительностью труда. Это распределение дохода в каждом отдельном предприятии происходит путем борьбы за высоту заработной платы между предпринимателем и рабочим и регулируется изложенными выше законами заработной платы.

Норма прибыли определяется отношением всей суммы прибыли к сумме капитала, находящегося в руках капиталистов. Поэтому благодаря сокращению капитала в воюющих странах норма прибыли предпринимателей во время войны не понижалась, несмотря на падение производительных сил.

3.

Кроме предпринимательской прибыли, источником которой является эксплу-

апация наемного труда, имеется еще торговая прибыль, получаемая от эксплуатации производителя. Эта торговая прибыль получается, главным образом, в результате обмена продуктов капиталистического производства на продукты мелкого хозяйства.

При рассмотрении законов, регулирующих высоту заработной платы, мы уже указали, что стоимость воспитания рабочих падает на мелкое крестьянское хозяйство. Таким образом, уже при найме рабочих, крупный капитал перелагает часть стоимости содержания и воспитания рабочей силы на мелкое хозяйство. и таким образом, повышает долю прибыли. Но кроме того, в процессе товарообмена продуктов производства мелкого хозяйства на продукты производства крупной индустрии, мелкий самостоятельный производитель теряет, благодаря низкому строению своего «капитала», благодаря незначительной ценности средств производства. Поэтому несмотря на свою «самостоятельность», мелкий товаропроизводитель часто получает доход не выше заработной платы наемного рабочего в крупных предприятиях, а иногда и ниже. Эксплуатация мелкого самостоятельного производителя в процессе обмена достигает иногда таких размеров, что его средства производства постепенно сокращаются, происходит пролетаризация крестьянства и мелких ремесленников, хотя непосредственной эксплуатации их труда и не происходит. Это перемещение дохода и средств производства мелких хозяйств в руки крупного капитала в виде прибыли происходит в процессе обмена и особенно сильно проявляется в экономически отсталых странах, вовлеченных в обмен с развитыми капиталистическими странами. Таким путем «передовые» капиталистические страны эксплуатируют население не только своих колоний, но и независимых государств, в которых преобладает мелкое хозяйство. Колониальные войны, так же как и минувшая мировая война являются результатом стремления капиталистических стран монопольно эксплуатировать мелкое хозяйство отсталых стран.

Из этих соображений видно, что прибыль, получаемая капиталом, является не только в результате дележа национального дохода между трудом и капиталом, но и между капиталом и мелким хозяйством: последнее отдает часть своего дохода крупному капиталу в процессе обмена своих продуктов на продукты крупного производства, причем заработная плата фабричного рабочего, иногда значительно превышает доход «самостоятельного» мелкого производителя; заработок английского рабочего в несколько раз превышает доход индийского или русского крестьянина или ремесленника, сибирского охотника и т. д.

Эти потери мелкого хозяйства происходят благодаря относительно низким ценам продуктов мелкого хозяйства и относительно более высоким ценам предметов обрабатывающей промышленности, в которые входит и прибыль на затраченный предпринимателем капитал. Мелкое хозяйство поставляет крупному производству относительно дешевые рабочие руки и относительно более дешевые продукты своего производства.

Таким образом, проблема распределения национального дохода заключается не только в распределении его между рабочими и капиталистами, но между ра-

бочими, капиталистами и мелкими собственниками и не только в национальном, но и международном масштабе.

ГЛАВА XLIII.

Прибыль и социальная проблема.

1.

До сих пор социальная проблема ставилась экономистами, в особенности социалистами, как проблема распределения даже не национального дохода, а дохода предприятия между рабочими и предпринимателем, ибо предполагалось, что прибыль предпринимателя получается от эксплуатируемых в его предприятии рабочих. Такой постановкой вопроса он очень упрощается, потому что распределение дохода предприятия между лицами, участвующими в нем, задача довольно простая. Если же принять во внимание, что доход, получаемый каждым отдельным предприятием, получается в зависимости не столько от количества занятых в нем рабочих рук, сколько от размеров капитала, орудий и средств производства, затраченных в нем, то проблема становится сложнее, так как доход в одном предприятии на каждого рабочего может превышать в несколько раз доход на каждого рабочего в другом предприятии. В отделе «Заработная плата» мы уже указывали, что, например, в казенных винных складах «производительность» рабочего, (главным образом, судомоек), в среднем достигает суммы 8256 руб. в год, а в текстильной промышленности —578 р., т. е. в 15 раз ниже, в электрических станциях —3666 р., т. е. в 6 раз выше, чем в текстильной и т. д. Следовательно, если рабочий будет получать «продукты своего труда», то судомойка должна получать 8 тыс. рублей, а ткач 500 руб. и т. д.

Проблема еще более усложняется, если мы примем во внимание, что высокий доход крупных капиталистических предприятий с большим основным капиталом является результатом не только распределения национального дохода между различными по величине капитала капиталистическими предприятиями, но и между крупным капиталистическим производством с одной стороны и мелким некапиталистическим производством с другой,—и не только в рамках национального хозяйства, но в мировом масштабе. При этом за счет сокращения дохода, напр., индийского земледельца повышается не только прибыль англ. предпринимателя, но в известной части, может быть, и заработная плата английского рабочего. Естественно, что иное распределение дохода между рабочими и капиталистом, например, социализация предприятия ничуть еще не разрешает проблемы распределения, так как индийский земледелец ничего не выиграет от того, что будет иначе распределяться тот доход, который получается в фабричном предприятии Англии; [illegible] ниваться на продукты труда мелкого производителя по прежнему в такой пропорции, что последний будет продолжать находиться на границе голода и удовлетворять только примитивные потребности.

Социальная проблема, т. е. проблема коренного улучшения положения малоимущих классов и, в частности, проблема распределения национального дохода

тесно связана с проблемой потребления, законы которого изложены нами в первой части. Сокращение непроизводительного потребления дает возможность за его счет увеличивать производительные силы населения и уже при увеличении производительных сил является возможным абсолютное увеличение потребления всех общественных групп, которые принимают участие в производстве, т. е. мелких хозяев-производителей и рабочих. Только на почве развития производительных сил может быть поставлена и решена проблема распределения национального дохода между этими двумя крупнейшими группами современного общества, исключая ту долю этого дохода, которая должна запрачиваться на орудия и средства производства. До сих пор эта проблема ставилась как вопрос о распределении дохода между капиталистом и рабочим. Поэтому вся социальная проблема в целом носила утопический характер, так как было неясно, на счет какой доли национального дохода должно улучшиться положение рабочего класса и крестьян мелких собственников.

Сделанные до сих пор попытки решения указанной нами социальной проблемы происходили в виде относительного увеличения доли личного потребления крестьян и рабочих за счет накопления орудий и средств производства, за счет развития производительных сил, т. е. за счет будущего хозяйственного развития страны.

Это происходит потому, что в социальной проблеме ставился вопрос только о распределении национального дохода, но не потребления. На последнем вопросе социальные реформаторы не останавливали своего внимания, между тем как он имеет важнейшее значение.

Внимание социальных реформаторов останавливалось исключительно на том, кто потребляет больше национального дохода, а не на том, как потребляется и должен потребляться этот доход.

ГЛАВА XLIV.

Потребление национального дохода.

Чтобы выяснить значение характера потребления национального дохода, посмотрим, какое изменение в народном хозяйстве воюющих стран произошло за время войны.

Прибыли капиталистов за время войны не только не сократились, но даже увеличились, заработная плата рабочих, во всяком случае, не понизилась. По-видимому, никаких изменений в экономических отношениях не произошло. Между тем, воюющие страны разорились. В чем же дело?

Благодаря сложности современной хозяйственной жизни, последствия войны не были заметны,—по крайней мере, в первое время—не только предпринимателям и рабочим, но даже и экономистам. Это подтверждается также тем, что до сих пор и в Западной Европе, и в России производительные силы воевавших стран продолжают разрушаться и в настоящее время капиталистический мир не находит выхода из создавшегося положения.

Мы заметили уже, что и для отдельных хозяйствующих субъектов и для об-

щественных классов и для экономистов, наблюдающих народное хозяйство по отношениям между отдельными хозяйствующими субъектами, не заметно никаких изменений в народном хозяйстве во время войны. Повидимому, нет никакой разницы между тем, производят ли предприниматели плуги и машины, как было до войны, или они производят пушки, ружья и гранаты. Прибыль получается не меньшая, заработная плата также остается прежней. Изменился лишь характер производимых продуктов.

Допустим, что вместо плуга во время войны стали производиться пушки. И плуг и пушки не потребляются непосредственно, ни то, ни другое не удовлетворяет личных потребностей представителей какого-либо класса. Так что и с этой стороны, повидимому, не происходит никаких изменений. Однако, если мы посмотрим, на характер потребления плуга и пушки, то увидим существенную разницу. Плуг служит **средством производства**, орудием для производства хлеба, т. е. получает производительное потребление, между тем, пушка служит средством уничтожения других произведенных продуктов—снарядов,—не говоря уже о том, что она уничтожает своим действием людей, здания и т. д. В одном случае (плуг) продукт труда увеличивает количество производимых продуктов, в другом случае продукт труда (пушка) в лучшем случае—при бездействии,—является непроизводительной затратой труда, не увеличивающей богатства нации.

Но как предприниматель, сбывающий пушки, так и рабочий, их изготовляющий, получают свои доли, один—прибыль, другой—заработную плату—одинаково, как и раньше, когда они изготовляли плуги. Откуда же берется их доля, если производимые ими продукты—пушки, ружья и т. д. не только не прибавляют ни одной единицы к национальному доходу, но, очевидно, производятся в ущерб национальному богатству, так как материал, из которого изготовлена пушка, так же, как машины, заработная плата, прибыль предпринимателя и т. д. потреблены без всякой пользы с точки зрения национального хозяйства? И заработная плата и прибыль, и материалы для изготовления пушки взяты из общего национального дохода страны. Поэтому сокращение национального богатства, благодаря производству пушек, для отдельных хозяйствующих субъектов, не заметно. Только статистическим учетом можно установить, что количество плугов сократилось, что сократилось, благодаря этому, общее производство хлеба, но какого-либо изменения хозяйственных отношений и обеднения страны не будет заметно. Прибыли предпринимателей, изготовляющих пушки, могут даже повыситься, потому и связь между обеднением страны и усиленным производством пушек установить очень трудно. Когда в Англии стали замечать, что предметов потребления становится недостаточно, что страна начинает все больше и больше нуждаться в предметах, необходимых для существования, то буржуазия стала обвинять рабочих в невоздержанности, в том, что они слишком много потребляют; рабочие же ставили в вину буржуазии, что предприниматели получают слишком большие прибыли. В действительности же, потребление рабочих не увеличилось, а сократилось, [1]) у предпринимателей же, несмотря на повышенные

[1]) Так, средняя **реальная** заработная плата американских рабочих (на 58% превы-

прибыли, общая сумма реального капитала сократилась и Англия, несомненно, обеднела. Ни рабочий класс, ни буржуазия, ни экономисты не замечали тех хозяйственных процессов которые происходили за спинами производителей: процессов общего сокращения производительных сил страны и ее капитала, благодаря изменению характера потребления производимых продуктов.

Каждый общественный класс предполагает, что увеличение его дохода зависит от уменьшения доли другого класса, которая получается из национального дохода. Поэтому рабочий класс полагает, что его заработная плата уменьшилась во время войны благодаря высоким прибылям предпринимателей, между тем как последние, в свою очередь, объясняют уменьшение национального капитала, который находится в их руках, излишним потреблением рабочих и их высокой заработной платой. Заблуждение и тех и других происходит благодаря тому, что общественные классы, занятые борьбой из за величины своей доли в национальном доходе за счет доли другого класса, так же, как и экономисты, не обращают внимания на то, **как потребляется** национальный доход.

Чтобы составить правильное представление о характере потребления национального дохода, нужно рассматривать не только его распределение между различными классами, как делают и социалисты и их антагонисты, но и распределение между производительным и непроизводительным потреблением. А эта сторона народнс-хозяйственной жизни не привлекала внимания ни той, ни другой из борющихся групп. Пока они борются между собой из за увеличения своей доли за счет другой, производительные силы продолжают падать.

С точки зрения народнс-хозяйственной, а не с точки зрения того или другого класса, производимые народным хозяйством ценности по характеру потребления делятся на три части. Одну часть составляет заработная плата рабочих и предметы личного потребления мелких производителей,—крестьян, ремесленников и т. д. Другую часть составляют орудия и средства производства и транспорта в крупных и мелких предприятиях, как в земледелии, так и в индустрии. Наконец, третья часть национального дохода идет или на личное потребление группы населения, получающих высокий доход или на потребление таких групп населения, которые не имеют никакого отношения к сохранению и увеличению народнс-хозяйственной продукции: личная прислуга, армия и т. д.

Первая часть национального дохода составляет **необходимое** потребление, без которого невозможно существование производительных классов—крестьян, рабочих, ремесленников, служащих. Эта часть национального дохода существовала и будет существовать на всех стадиях хозяйственного развития, так как ею обеспечивается существование и производства и, вообще, человечества.

Вторая часть национального дохода определяет состояние и рост производительных сил народного хозяйства, так как от размеров затрат на орудия и средства производства зависят и размеры продукции и производительность труда в народном хозяйстве.

шавшая по анкете Board of Trade—сред реал. зар плату рабочих в Англии) за 1914—1919 сократилась настолько, что в 1917 составляла лишь 74% довоенной (1913 г.).
(«Материалы по статистике труда» В. 11).

Эта часть национального дохода в мелких крестьянских и ремесленных хозяйствах поступает в распоряжение самих мелких хозяев, которые и делят получаемую ими всю сумму дохода между своим личным потреблением и производительным потреблением на орудия и средства производства.

В крупных капиталистических предприятиях эта часть национального дохода поступает в полное распоряжение капиталистов, которые, затрачивая ее в производство, в зависимости от размеров затраты расширяют его или сокращают.

Очевидно, что если бы существовал и социалистический строй, то эта доля национального дохода поступала бы **на продолжение и расширение производства**, а не на личное потребление производительных классов. Очевидно также, что чем эта доля больше, тем быстрее должно происходить увеличение продукции и развитие хозяйства.

Наконец, третья часть национального дохода идет на **непроизводительное потребление** или непосредственно — класса капиталистов, или — через государственную власть, поскольку она затрачивает свой доход на расходы, не увеличивающие продукцию народного хозяйства. Эта доля национального дохода может быть уменьшена, но только не в ущерб развитию производительных сил, но как раз в пользу их развития, поскольку ее уменьшение будет содействовать увеличению производительного потребления. Едва ли кто либо может оспаривать, что по характеру потребления национальный доход делится именно на три указанные нами части.

Каждая из трех частей, на которые распадается национальный доход, может быть увеличена—или на счет остальных двух частей, или на счет общего увеличения продукции страны, на счет общего увеличения ее производительных сил.

До сих пор все напряжение классовой борьбы на решение социальной проблемы направлялось первым путем и со стороны рабочих и со стороны капиталистов по следующим основаниям.

При капиталистическом строе вторая и третья доли национального дохода, т. е. и та часть, которая идет на производство, и та часть, которая идет на непроизводительное потребление, получаются капиталистом, причем от его усмотрения зависит употребить ли полученный им доход на личное потребление, или в производство. Таким образом, от рабочего ускользает разделение дохода, получаемого капиталистом на две части, имеющие совершенно противоположное народно-хозяйственное значение, ибо затрата одной части ведет к развитию народного хозяйства (орудий и средств производства), между тем, как затрата другой части ведет к совершенно противоположным результатам.

Итак, рабочий не интересуется назначением дохода, полученного капиталистом; между тем он может увеличить свой заработок только за счет дохода капиталиста и обратно—капиталист может увеличить свой доход за счет доли рабочего.

Так как предприниматель получает две части национального дохода в виде прибыли и затрачивает их по своему усмотрению, то на первый взгляд кажется, что другие классы не могут повлиять на характер потребления этого дохода и,

таким образом, представляется невозможным вести борьбу за увеличение своей доли другим путем—путем увеличения народно-хозяйственной продукции, т. е. сокращения непроизводительного потребления и увеличения потребления производительного.

С другой стороны, предприниматель, располагая двумя частями национального дохода и затрачивая их по своему усмотрению, не может, исходя из интересов развития народного хозяйства, урезывать свое личное непроизводительное потребление, ибо целью его хозяйственной деятельности являются не интересы хозяйственного развития страны, а как раз удовлетворение своих личных потребностей. Поэтому предприниматели заинтересованы в том, чтобы ни государство, ни общество не влияли на характер потребления получаемого предпринимателем дохода; затрачивает он его непроизводительно или затрачивает в производство—это, по его мнению, его право, так как он получает доход в свою пользу. Правда, все производство страны, все ее производительные силы слабеют от непроизводительного потребления, следовательно, обогащение класса капиталистов задерживается. Но,—как я заметил,—это с одной стороны не замечается, с другой стороны для предпринимателя целью его хозяйственной деятельности является именно непроизводительное потребление, роскошная жизнь.

Внимание общественных классов и экономистов [1]) не останавливается на характере потребления национального дохода еще и потому, что недостаточно и неправильно оценивается значение процесса накопления, т. е. увеличения той доли национального дохода, которая идет на производительное потребление. Эта неправильная оценка процесса накопления создается потому, что накопление средств и орудий производства происходит в замаскированной форме.

ГЛАВА XLV.

Современное понимание социальной проблемы.

В современном капиталистическом строе цель хозяйственной деятельности такова же, как и при других экономических отношениях, например, в натуральном хозяйстве или в идеальном социалистическом: удовлетворение потребностей. Это удовлетворение может быть достигнуто при наличности материальных благ, производство которых зависит не только от текущей затраты труда, но и от накопленных в стране орудий и средств производства. В натуральном хозяйстве эта зависимость для каждого очевидна. Для того, чтобы получить хлеб, крестьянин

[1]) Непонимание самой проблемы продукции сказывается, например, у Н. Бухарина в книге («Экономика переходного периода»), где автор как раз пытается решить социальную проблему. Автор, давая определение производительных сил общества, «поправляет» меня, указывая, что под «производительными силами» общества нужно подразумевать не **сумму труда и средств производства**, а «совокупность рабочих сил» и средств производства. В этой «поправке» и сказывается непонимание проблемы, ибо сумма наличных рабочих сил в обществе и до войны и во время войны, до промышленного кризиса и во время промышленного кризиса будет одинакова, но сумма **прилагаемого** труда в производстве во время войны и во время кризиса сокращается и потому производительные силы падают. Как видим, после 6 лет войны и 4 лет революции, автор все-таки не понимает, что продукция зависит не от суммы рабочих сил в обществе, а от суммы **производительного** труда.

янин должен иметь не только рабочие силы, но и семена для посева, лошадь, орудия производства и т. д. Если в хозяйстве за зиму будут съедены семена и не будет корма для скота и он погибнет, или не будет орудий, то невозможен будет и посев, невозможно будет и существование хозяйства. То же самое очевидно и для социалистического общества, которое можно рассматривать как сложное и огромное натуральное хозяйство, охватывающее целые государства. Очевидно, часть продуктов труда не может непосредственно потребляться—например, семена, орудия и так далее, т. е. часть труда в натуральном хозяйстве должна затрачиваться на производство средств производства. Чем большая доля труда затрачивается на производство средств производства, тем труд производительнее, тем больше можно получить и предметов непосредственного потребления. Эта, повидимому, азбучная, очевидная для всякого истина при современных капиталистических отношениях далеко не так очевидна, а, напротив, даже не видна не только хозяйствующим субъектам, но, как увидим, и экономистам. Если бы в натуральном хозяйстве вместо того, чтобы сделать плуг для пахоты, хозяин занялся бы изготовлением фейерверков для увеселения себя и детей, а вместо лошади, завел бы забавную обезьяну или комнатных собак, то через некоторый период такого хозяйничанья он вместе с обезьяной и собаками умер бы с голоду.

При капиталистическом строе каждый хозяйствующий субъект при производстве продуктов руководствуется не своими потребностями в этих продуктах, а спросом их на рынке.

Например, объявлена война; вместо плугов требуются пушки, ружья и снаряды. Предприниматель, производивший плуги, переходит к производству ружей и снарядов и его хозяйство от этого не терпит никакого ущерба— так же, как и его рабочий. Первый продолжает получать нормальную и даже сверхнормальную прибыль, рабочий продолжает получать заработную плату. То же самое произойдет и с другими хозяйствами, которые вместо обработки лошадьми земли для посева, займутся перевозкой на этих лошадях военных грузов и так далее. Они также получат соответствующее вознаграждение и не понесут никакого ущерба, а может быть, напротив, получат большую прибыль. Не только сам предприниматель, но и ученый экономист скажет, что эта перемена выгодна для хозяйства, а так как сумма доходов отдельных хозяйств составляет национальный доход, то народное хозяйство выигрывает от этой перемены.

Теперь, после войны, экономист, пожалуй, даст более осторожный ответ и поэтому мы возмем «не военный» пример. Допустим, что появились среди богатой буржуазии любители фейерверков, обезьян или собак как в приведенном выше пример. Производители плугов занялись производством фейерверков, а вместо лошадей стали разводиться «выгодные» собаки и обезьяны. Картина получается та же. Если непроизводительное потребление фейерверков, а обезьянами и собаками—пищи достигнет таких же размеров, каких достигло непроизводительное потребление во время войны, то такие же результаты получатся и для народного хозяйства, хотя производители фейерверков будут получать «военную» прибыль. Что приведенный нами пример не фантастический, может слу-

жить доказательством потребление в народном хозяйстве Франции до Великой Французской Революции; только там вместо обезьян крестьянские хлеба уничтожались дичью, жившей в парках французской знати. Такого рода хозяйничанье начинает отчасти происходить и в капиталистических странах мирного времени, когда магнаты крупного капитала начинают в роскоши подражать старой французской знати.

Экономисты в своих трактатах по политической экономии не считают нужным остановиться на этой стороне народно-хозяйственной жизни, так как во время войны и в мирное время все обстоит благополучно: ведь, производители пушек, так же, как и производители фейерверков, получают надлежащую прибыль; следовательно, народное хозяйство процветает. Только быстрое разрешение во время войны показало с очевидностью, что не все благополучно, но в этом случае,— нарушающем научное самодовольство, будут выискиваться какие нибудь второстепенные причины. Точно также неудачи социалистических опытов будут объясняться различными помехами правильному осуществлению проектируемого строя, а не основной ошибкой в самых основах опыта.

Как мы уже заметили, социальная проблема, теперь особенно остро поставленная жизнью, заключается в следующем: производительные силы капиталистических стран развивались очень быстро и интенсивно. Происходило быстрое обогащение класса капиталистов, увеличивалась роскошь и непроизводительное потребление; между тем, благосостояние широких народных масс или не улучшалось, или, если и улучшалось в некоторых странах, то очень медленно. Это противоречие,—нищета трудящихся и роскошь бездельников—естественно, вызывало недовольство рабочих масс, а война, сократившая еще более потребление беднейших слоев населения, повела к революции—сначала в России, а потом и в других странах. Перед капиталистическими странами стоит задача улучшить положение народных масс и произвести соответствующие изменения социальных отношений.

Но пока стоит у власти буржуазия, она в этих притязаниях видит не только покушение на ее право получать доходы в желательных размерах, но и покушение на самую культуру, на развитие хозяйства, если увеличение потребления народных масс будет поглощать и тот капитал (орудия и средства производства), которым обладает буржуазия. Таким образом, стремления рабочих наталкиваются на стремления буржуазии, которая, естественно, не хочет поступаться своим положением.

Рабочий класс со своей стороны вел экономическую борьбу путем организации и стачек и сделал кое какие завоевания.

Но сила сопротивления предпринимателей, опирающихся на государство, была так велика, что, как замечено, противоречия капитализма, роскоши и нищеты стали увеличиваться.

Создалась теория, что только социалистический строй, уничтожение капиталистических отношений может улучшить положение рабочих, что только захват власти рабочими, радикально изменивши общественный строй, может

устранить указанные противоречия. Формулировку социалистического решения социальной проблемы дал К. Маркс. На ней мы и остановимся.

Критика капиталистического строя, сделанная Марксом и другими социалистами, настолько сильна и соответствует действительности, что все попытки многочисленных ученых экономистов бороться и опровергнуть эту критику никаких результатов не дали.

Нельзя того же сказать про положительную часть социальной проблемы, поставленной социалистами. Ни Маркс, ни другие социалисты даже не поставили вопроса о том, какие же изменения должны произойти, по их мнению, в народном хозяйстве, чтобы положение народных масс действительно улучшилось, чтобы производительные силы страны не падали, а развивались? Ведь, ответ, что орудия и средства производства должны из частных рук перейти в общественную собственность не освещает вопроса о том, какая часть произведенных продуктов должна доставаться на долю рабочих, какая часть должна пойти на орудия и средства производства, т. е. на производительное потребление, и, наконец, какую часть должны получить те общественные группы, которые не заняты непосредственно производством.

Вопрос решается Марксом, как и другими социалистами весьма просто. Продукт, производимый рабочим, разделяется на две части; одну часть получает рабочий, другую капиталист. Первая часть составляет заработную плату, вторая—прибавочную ценность. Капиталист, имея в своих руках средства производства, эксплуатирует рабочего, у которого есть рабочие руки, но нет орудий и средств производства. Пока существует капиталистический строй, рабочий стремится увеличить свою долю, составляющую заработную плату, и, таким образом уменьшить долю капиталиста, прибавочную ценность, получаемую от эксплуатации рабочего. Капиталист со своей стороны стремится сократить долю рабочего—удлинить рабочий день, увеличить интенсивность труда, чтобы увеличить прибавочную ценность. Избавление от эксплуатации труда капиталом рабочий получит лишь тогда, когда орудия и средства производства сделаются общественной собственностью, т. е. когда рабочие будут сами распоряжаться продуктами своего труда.

Анализируя процесс эксплуатации труда, Маркс дает обстоятельную картину процесса накопления капитала. Конкурренция капиталистов побуждает их расширять производство, увеличивать производительность труда путем накопления капитала, превращения части получаемой ими прибавочной ценности в орудия и средства производства.

Таким образом, когда Маркс анализировал социальные отношения, разделение продуктов труда между классами капиталистов и рабочих, он разделял продукт на две части и борьбу между классами ставил в плоскость борьбы за эти доли. Рассматривая же процесс развития капитализма, он указывает, что накопляющийся капитал идет на развитие производства. Но этот процесс накопления он рассматривал лишь с той точки зрения, что накопляющийся капитал идет на усиление эксплуатации рабочего. Маркс рассматривает субъективные цели капиталиста в процессе накопления,—стремление получать еще большую при-

бавочную ценность и оценивает это правильно констатированное явление также с субъективной точки зрения, как создание рабочим своего собственного ярма. И Маркса и других социалистов совершенно не интересовал характер потребления получаемой капиталистом прибавочной ценности. Из этого вытекал логический ответ при решении социальной проблемы: получаемая капиталистом прибавочная ценность должна оставаться в руках рабочего. Этим и будет уничтожена эксплуатация труда.

В этом социально-экономическом построении трудно увидать роковую ошибку, тем более, что она целиком унаследована у классической политической экономии и, целиком разделяется теперь всеми экономистами. Для того, чтобы увидеть ошибку в постановке социальной проблемы, нужно вспомнить о значении производительного и непроизводительного потребления, на которое мы указывали в первом отделе (Законы потребления).

2.

Насколько неправильное представление о значении процесса накопления имеет большинство социалистов, можно заключить из работ, наприм. Каутского, который является комментатором и редактором посмертных сочинений Карла Маркса и редактором научного социалистического журнала.

В своей работе «На другой день после социального переворота» К. Каутский, принимая необходимость производства и после революции, пишет следующее [1]):

„Существуют различные средства быстро увеличивать размеры производства. Важнейшие из них два, которые получили теперь большое значение. Оба они с успехом применяются американскими трестами, у которых мы вообще многому можем научиться по части методов социальной революции. Тресты показывают нам, каким образом можно повысить сразу производительность труда. Достигается это просто тем, что все производство сосредоточивается в наилучше обставленных в техническом отношении предприятиях, а все остальные, стоящие не на высоте современной техники, совсем закрываются. Например, несколько лет тому назад сахарный трест эксплуатировал из всех заведений, которыми он располагал, только четвертую часть и в этой четверти своих заведений он производил такое же количество продукта, которое раньше производилось во всех.

Водочный трест приобрел 80 крупных винокуренных заводов и из этих 80 заводов сейчас же прекратил производство на 68; он пустил в ход только 12 винокуренных заводов и на этих 12 заводах стал через короткое время изготовлять виски больше, чем вырабатывалось прежде на 80 заводах. Вот, точно таким же образом будет поступать и пролетарский режим, и ему тем легче так действовать, что ему не будет мешать частная собственность. Когда отдельные предприятия составляют частную собственность, браковка более неудовлетворительных из них может совершаться лишь медленно, путем свободной конкурренции. Тресты могли немедленно устранить стоящие на низкой ступени предприятия, благодаря тому, что они уничтожали частную собственность на них и сосредоточивали все предприятия в одних руках. Метод, который тресты в состоянии применять лишь в сравнительно небольшой области производства, пролетарский режим имеет возможность распространить на всю область общественного производства, так как он уничтожает всю частную капиталистическую собственность“...

---

[1]) К. Каутский. „На другой день...“ (Русск. пер. изд. 1909 г. стр. 30).

Приходится поражаться наивности представления о мерах к повышению производительности труда, которое высказывается Каутским. Из цитированных строк можно заключить, что быстрый рост производительных сил в Соединенных Штатах происходит не благодаря процессу накопления капитала, не благодаря тому, что все большая и большая доля национального дохода, т. е. в конечном счете труда, затрачивается на производство средств производства—машин, огромных фабрик и т. д., а благодаря уничтожению мелких предприятий. В действительности, к сожалению, дело обстоит не так просто. Когда накоплен достаточный капитал, в виде огромных фабрик, на них можно производить с большей производительностью труда те продукты, которые производились в мелких предприятиях. То же количество изделий может производиться меньшим количеством рабочих. Но чтобы выброшенные, излишние теперь, рабочие были заняты, для них нужны также орудия и средства производства, т. е. дальнейшее накопление. Если бы можно было при том же капитале произвести втрое, вчетверо больше продуктов, то предприниматели, разумеется, раньше Каутского догадались бы это сделать, чтобы сократить издержки производства и увеличить свою прибыль.

По Каутскому выходит, что только благодаря социальному перевороту,— просто по щучьему веленью—производительность труда при тех же средствах производства, увеличится в два раза. Курьезное предположение, что в крупных предприятиях производительность труда увеличится благодаря закрытию мелких предприятий, основано просто на отсутствии представления о значении накопления капитала—или правильнее дохода. Если бы можно было увеличить продукцию крупных предприятий, без дальнейшего накопления, то для чего дожидаться закрытия мелких предприятий.

Сделавши свой вывод, Каутский продолжает:

> „Таким образом общая сумма производства увеличится вдвое против нынешнего; соответственно этому могут и заработные платы увеличиться вдвое,—даже оставляя в стороне всякую конфискацию капитала,—при одновременном сокращении рабочего времени наполовину. Мало того, в некоторых случаях возвышение заработных плат на основании приводимых здесь цифр может быть даже еще больше. Предположим, что из нынешнего годового продукта текстильной промышленности, который мы определили в три миллиарда марок, один миллиард приходится на заработные платы, другой миллиард на возмещение сырья, машин и т. д. и третий на прибыль с капитала. При новом режиме производится в год 6 миллиардов марок. Из них два миллиарда идет на сырье, машины и т. д., один миллиард на вознаграждение экспроприируемых капиталистов и на отправление общественных функций, исполнявшихся до сих пор ими. Остается три миллиарда на заработную плату. Следовательно, заработную плату можно увеличить втрое,— все это без всяких новых заведений, новых машин,—единственно благодаря закрытию фабрик и мастерских и переводу из них рабочих на крупные фабрики".

В другой своей работе, «Аграрный вопрос», Каутский фантазирует таким образом («Социализм и мелкое производство»): «Социальная демократия, вместо того, чтобы экспроприировать крестьянина, представит в его распоряжение самые усовершенствованные средства производства, совершенно недоступные ему при современных капиталистических условиях».

Нужно полагать, что усовершенствованные средства производства или будут падать с неба, или на их производство будет затрачиваться дополнительный труд, т. е. из национального дохода значительная часть будет затрачиваться на эти средства производства. Но увеличение средств производства, орудий производства приведет ко временному (на значительный период) сокращению предметов непосредственного потребления, ибо производительные силы общества ограничены. Чудес в народно-хозяйственной жизни не бывает и увеличение доли национального дохода, затрачиваемой на производство средств производства, может произойти только за счет сокращения какого нибудь другого вида потребления.

Те же взгляды, что и Каутский, высказывает в одной из своих брошюр Бебель. Итак, один из самых видных теоретиков социализма и другой—наиболее выдающийся вождь рабочего движения—оба чрезвычайно просто представляют себе процесс развития производительных сил. Стоит только произвести социальную революцию и явится возможность заменить ручной труд машинным.

3.

Во время русской революции большинство социалистов также полагало рационализировать производство, технически повысить его путем административных распоряжений, путем разрушения мелких малопроизводительных предприятий и организации взамен их крупного машинного производства. Все эти утопические воззрения проистекали из неправильной оценки процесса накопления и значения потребления национального дохода. Технический процесс, замена ручного труда машинным, не является только результатом изобретательности человеческого ума. С точки зрения народно-хозяйственной, всякая машина заменяющая ручной труд, является результатом накопления национального капитала, т. е. результатом труда, продукты которого не потребляются непосредственно. Т. е. появление всякой машины предполагает, что вместо производства предметов личного потребления, требующего определенного количества труда, этот труд затрачен на производство машин; так как на производство машин, в свою очередь, требуются машины и средства производства, то технический прогресс требует большого и постоянного накопления национального капитала. Это значит, что в народном хозяйстве должно соответственно сокращаться личное потребление для того, чтобы путем этого временного сокращения увеличить производство и, таким образом, в результате увеличить и личное потребление. Чтобы, например, увеличить количество производимых машин, нужно увеличить количество добываемой руды и каменного угля. Самая постройка металлургических заводов требует от 3 до 5 лет. И только, имея сырой материал в виде металла и угля, возможно приступить к организации заводов для производства машин. У каких групп населения должно быть сокращено личное потребление,—это и составляет сущность социальной проблемы. Таким образом, требуются годы сокращения личного потребления, чтобы возможно было постепенно заменять ручной труд машинным, чтобы мелкое производство заменить крупным, более производительным; нужны целые десятилетия про-

цесса накопления орудий и средств производства,—безразлично, будет ли это производство организовано общественно или оно организуется частными предпринимателями. Крупное производство Соединенных Штатов или Германии было результатом не изобретательности, а процесса накопления капитала в течение десятилетий. Это необходимо было бы, если бы существовал и социалистический строй. Если бы решение социальной проблемы—иное распределение национального дохода—сократило процесс накопления орудий и средств производства, если бы увеличение потребления рабочих и сокращение рабочего дня повели бы к остановке процесса накопления, т. е. если бы личное потребление поглощало ту долю национального дохода, которая теперь капиталистами накопляется в виде капитала для расширения производства,—то наступил бы экономический застой или даже регресс и разрушение производительных сил. Таким образом, разрешение социальной проблемы не так просто, как это представляется большинству социалистов, предполагающих сразу организовать крупное машинное производство, уничтожить мелкое производство, значительно сократить рабочий день, значительно повысить норму потребления широких масс и т. д. Все эти предположения неосуществимы за счет сокращения той доли, которая накопляется капиталистами, т. е. идет на расширение производства. Если даже эта доля сохранится и перейдет в руки общества, то темп технического развития останется прежним, потому что он зависит от процесса накопления.

Между тем,—как упомянуто,—социальная проблема ставилась только как проблема распределения, причем предполагалось, что прибыль капиталистов, —безразлично, идет ли она на накопление или на непроизводительное потребление, должна пойти на потребление неимущих классов, т. е. расширение потребления предполагалось за счет накопления капитала,—ибо к таким выводам приводит деление национального дохода на две части, на заработную плату и прибавочную ценность.

Опыт социализации на практике показал, что изложенные соображения правильны.

С первого взгляда кажется непонятной необычайная устойчивость капиталистического строя. Ведь, страны с мелким крестьянским хозяйством в демократических государствах, как в Швейцарии XVIII столетия или Соединенных Штатах той же эпохи, повидимому не должны бы превращаться в капиталистические страны с эксплуатацией большинства населения, с классовой борьбой и т. д. Почему даже Советская Россия, испытавшая все отрицательные стороны капитализма с отсталым политическим строем, после того, как образовалось рабоче-крестьянское правительство, в конце концов принуждена была заимствовать его отрицательные стороны, давящие большинство населения? Почему это неизбежно, хотя осуществилась попытка уничтожения капитализма? Единственным объяснением является то, что из существовавших до сих пор систем организации хозяйства, хотя бы с идеальным распределением дохода, капиталистическая система наиболее интенсивно исполняла основное условие, необходимое для развития хозяйства—накопление орудий и средств производства для рас-

направленного в производства за счет личного потребления. Эту задачу не может осуществить мелкое хозяйство при самом идеальном демократическом строе, эта задача не может осуществиться и после социальной революции, если она не будет осознана широкими массами населения. Между тем, большинством социалистов разрешение социальной проблемы мыслится только как проблема распределения.

У наиболее глубокого теоретика социализма, К. Маркса, есть некоторые теоретические предпосылки, которые давали бы возможность правильной постановки проблемы. К сожалению, эти предпосылки находятся во II томе «Капитала», т. е. в посмертном издании, напечатанном после того, как основные программные положения социалистических школ были уже выработаны и внедрились в головы большинства социалистов, как непререкаемые положения. Поэтому интересный материал, даваемый вторым и третьим томами Маркса, не имел никакого влияния на социалистическое учение, тем более, что **там все-таки не было анализа производительного и непроизводительного потребления, между тем как без этого невозможна и правильная постановка проблемы.**

Наиболее ярким доказательством полного отсутствия представления о значении характера потребления для развития народного хозяйства у всех течений социально-политической мысли, начиная от крайних консерваторов и до крайних социалистов, служит отсутствие постановки этого вопроса во всех социально-экономических и финансовых программах всех политических партий. Если правые крайние партии не заинтересованы в постановке этой проблемы, то левые партии в своих программах не ставят ее, очевидно, потому, что недостаточно оценивают ее значение.

Выше мы рассматривали отношение к вопросу о производительном и непроизводительном потреблении со стороны партий марксистского направления. Что касается народнического течения социализма, существующего в России, то глубина его незнакомства с этим вопросом не уступает высоте того идеализма, который выявляли представители народнических партий в различные моменты русской истории.

Мы указали, что социалистические партии смотрели на социальную проблему исключительно как на проблему распределения, что необходимость процесса накопления национального капитала не сознавалась, точно так же, как не сознавалось значение различного характера потребления. Яркой иллюстрацией этого являются социально-экономические и финансовые программы политических партий. В этих программах со стороны рабочих партий, вполне естественно, выставляются требования, ведущие к улучшению положения рабочего класса, но нет и намека на то, из какой доли национального дохода должно покрываться это улучшение положения большинства или значительной массы населения. Между тем, решение этого вопроса и составляет существо социальной проблемы.

В довоенное время в передовых капиталистических странах, где процесс капиталистического накопления шел очень интенсивно, так как непроизводительное потребление не поглощало всю прибыль капиталистов, рабочим партиям и

не приходило в голову, что требования улучшения положения рабочих могут сократить потребление производительное, т. е. задерживать экономическое развитие страны, **если не сократить потребление непроизводительное.** Этим, по моему мнению, об'ясняется отсутствие в рабочих программах даже упоминания о том, что улучшение положения рабочих может происходить за счет сокращения потребления непроизводительного.

Сокращение непроизводительного потребления при капиталистическом строе возможно только путем государственных мероприятий, потому что значительную часть национального дохода тратит непроизводительно государство—главным образом, на военные потребности, а также и потому, что только государство, путем государственных мероприятий, может заставить частных предпринимателей тратить свой доход более производительно. Поэтому, стремление к сокращению непроизводительного потребления, чтобы за его счет увеличить потребление производительное, а также и заработную плату, могло бы выразиться, главным образом, в программах политических партий, относящихся к области экономической и финансовой политики.

Но ни финансовая наука, ни политические партии к вопросу об организации финансов страны с этой стороны совершенно не подходят. Что касается финансовой науки, то она сводится к искусству взимания налогов и совершенно не ставит вопроса о развитии народного хозяйства в зависимости от расширения или сокращения непроизводительного потребления, как при обложении, так и при расходовании национального дохода. Хотя война, наприм. в Англии, поставила эти вопросы практически в виде временных мер против роскоши, но эти меры диктовались не финансовой наукой,—они были продиктованы экономической необходимостью. Наука в проведении этих мероприятий была невинна.

Несмотря на заключение «всеобщего мира», страны-победительницы продолжают сохранять огромные армии, и дальше, повидимому намерены вооружаться. Финансисты, изыскивая меры к улучшению финансов, мало обращают внимания на основную причину экономической разрухи и недостатка предметов потребления,—причину, заключающуюся в колоссальном росте непроизводительного потребления, благодаря огромным армиям и вооружениям. После мировой войны человечеству приходится расплачиваться за то, что приготовлялось целыми десятилетиями современного экономического строя, погоней его за внешними рынками при сокращении внутренних.

Переходя ко взглядам на экономическую и финансовую политику политических партий левого лагеря, поскольку они выражаются в программах, мы видим тот же кругозор, как и в противоположном лагере,—только защищаются противоположные классовые интересы.

Если имущие классы стараются переложить финансовую тяжесть на классы малоимущие, то партии, представляющие последних, выдвигают противоположные требования. Принципиального различия нет. Наиболее популярная финансовая реформа в демократических кругах—единый прогрессивный подоходный налог. К этой реформе сводятся все пожелания демократии в области финансовой

политики. В этой «программе», конечно, не найти даже намека на стремление повлиять на характер потребления национального дохода, на сокращение непроизводительного личного потребления. Между тем, с точки зрения развития народного хозяйства возможности улучшения положения трудящихся масс,—которое, как мы указывали должно происходить за счет сокращения непроизводительного потребления,—имеют первостепенное значение.

Если мы возьмем три хозяйства, получающих дохода каждое по 50 тысяч рублей—модного адвоката, фабриканта и землевладельца, то с точки зрения прогрессивного обложения они являются одинаковыми его объектами, так как получают одинаковые суммы дохода.

Допустим, что адвокат, получая свой гонорар, проживает его целиком, то-же делает землевладелец, получая ренту, а предприниматель лично потребляет 10 тысяч рублей, а 40 снова затрачивает в производство. С точки зрения развития народного хозяйства адвокат и землевладелец потребляют непроизводительно по 50 тысяч, а фабрикант только 10 тысяч, хотя адвокат зарабатывает свой гонорар личным трудом, а фабрикант имеет рабочих. Прогрессивный подоходный налог не улавливает непроизводительного потребления и только налоги на роскошь, запрещение ввоза предметов роскоши или высокое их обложение могут уловить указанную нами разницу. Эта сторона экономической политики в социалистических программах, как замечено, совершенно отсутствует.

То-же самое можно сказать и о других отделах программы социалистических партий. Правда, в программах выставляется требование уничтожения постоянных армий—и это можно было бы объяснить стремлением к сокращению наиболее крупного непроизводительного потребления, если бы взамен постоянных армий не выставлялось требование всеобщего вооружения народа, которое потребует не меньшего,—а может быть и большего—непроизводительного расхода.

Требование национализации тех или иных отраслей промышленности,— рудников, верфей, железных дорог и т. д. точно также связано с основным экономическим принципом, который должен ставиться для обеспечения развития народного хозяйства.

Требования национализации важнейших отраслей промышленности вытекают из правильного предположения, что доход от национализированных предприятий не пойдет на личное непроизводительное потребление предпринимателей. Но и национализация предприятий не гарантирует производительного потребления получаемого от них дохода. Железные дороги, почта, телеграф, водочно-очистительные заводы в России еще при самодержавном правительстве составляли национальную собственность, но едва ли кто либо решится утверждать, что доходы от этих предприятий получали производительное назначение.

Если эти предприятия перейдут в распоряжение рабочих этих предприятий, то и в таком случае еще нет гарантий, что доход от них не будет потреблен целиком рабочими и служащими, если они будут иметь возможность весь чистый доход затрачивать на заработную плату. А этот соблазн так же неизбежен, как стремление у членов кооперации по возможности покупать дешевле продукты в

своем кооперативе, хотя бы это повело к крушению кооперации, сокращая, и, во всяком случае, не увеличивая ее оборотный капитал. В Америке и Англии, в вопросе о национализации некоторых отраслей промышленности еще не стоит проблема сокращения непроизводительного потребления. Рабочие просто, чувствуя тяжесть своего положения, хотят облегчить его между прочим и национализацией тех или других отраслей промышленности. Но если проблема сокращения непроизводительного потребления не будет решена, то сама по себе национализация предприятий, давши временное повышение заработной платы в этих предприятиях за счет сокращения прибылей, поведет к остановке накопления национального капитала, т. е. средств производства и к еще большему ухудшению положения рабочих.

Национализация предприятий только тогда может иметь прогрессивное значение, когда она не остановит и не замедлит процесса накопления национального дохода, когда доход от предприятий будет получать производительное назначение и когда заработная плата рабочих этих предприятий в первые годы будет повышаться лишь за счет непроизводительного потребления национального дохода.

Доказательством того, что эта проблема не ясна ни экономистам, ни рабочим, видно из того, что борьба против ухудшения положения народных масс и теми другими направляется против дороговизны и спекуляции непосредственно, а не против основной причины, вызывающей и ухудшение положения народных масс, и дороговизну и спекуляцию.

5.

Выше мы характеризовали понимание проблемы продукции Каутским и другими социалистами. В настоящее время (конец 1920 г.) мы имеем по этому вопросу теоретические соображения Н. Бухарина в его книге «Экономика переходного периода», в которой все решение проблемы изложено в следующих строках (стр. 102—103) [1]):

« ...Совершенно ясно поэтому, что когда пролетариат приступает к восстановлению процесса воспроизводства, он должен начинать с мобилизации выпавших из производственного процесса сил. Но он не может ограничиваться этим. На первых ступенях развития, когда пролетариату достается в наследство жестоко пострадавший материально-машинный технический остов, особое значение приобретает живая рабочая сила. Поэтому переход к системе **всеобщей трудовой повинности**, т. е. вдвигание в пролет.-государственный трудовой процесс широких **непролетарских** масс, в первую очередь масс крестьянства, является повелительной необходимостью. Создание коллективно действующей живой массовой

---

[1]) Я целиком процитировал все, что пишет автор о средствах увеличения продукции, так как это самый важный вопрос при решении социальной проблемы. Из приведенной цитаты видно, что к сказанному Каутским **ничего** не прибавлено.

Что касается других социалистических фракций — соц.-демократов и с-ров, то по истечении шести лет войны и революции я все-таки напрасно у них искал хотя бы намека на проблему потребления и продукции.

производительной силы есть исходный пункт для дальнейшей работы. Наиболее важными сферами труда первоначально является транспорт, заготовка топлива, сырья и продовольствия. Отсюда начинается восходящая линия развития, которая будет сопровождаться мощным развитием техники. Отмена частной собственности на средства производства, отмена патентного «права» и коммерческой тайны, единство плана и т. д. делают возможным (!!) переход на электрическую энергию. Если при капитализме частная собственность на землю со всеми ее «дополнениями» (водопады, реки, залежи торфа и пр.) и монополия капиталистических клик страшно тормозили развитие производительных сил и даже в самых развитых капиталистических странах применение электрической энергии, постройка новых силовых станций и проч. натыкались на границы, указываемые частной собственностью, то при господстве пролетариата за периодом, «первоначального социалистического накопления», последует настоящий технический переворот, революция общественно-производственной техники. «Век пара—век буржуазии. Век электричества—век социализма», это совершенно правильная техническая характеристика начальных стадий развивающегося социализма.

«Электрификация промышленности, постройка громадных силовых станций, создание могучей транспортной сети в корне перевернет и соотношение между городом и деревней. Она не только будет способствовать превращению раздробленных мелких собственников в общественных работников, она рационализирует и перевернет в корне весь процесс сельско-хозяйственного производства. Примитивные, почти варварские орудия она заменит последним словом техники и тем уничтожит основную диспропорциональность между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства.»

Как видит читатель, решение вопроса чрезвычайно просто: «отмена частной собственности, патентного права и т. д.... делают возможным переход на электрическую энергию». В свою очередь «электрификация промышленности в корне перевернет и соотношения между городом и деревней», «примитивные, почти варварские орудия она заменит последним словом техники» и т. д. и т. д. Эта «вера в электричество», которое заменит процесс накопления, дает возможность значительно упростить, (конечно в теории, а не в жизни) социальную проблему и игнорировать проблему продукции в миллионах мелких хозяйств, пользующихся в производстве простой сохой, а не электрическими плугами.

В другой своей книжке Н .Бухарин очень пространно и убедительно доказывает преимущества применения машин в сельском хозяйстве, но к сожалению и там ни слова не говорится о том, откуда взять эти машины, чтобы заменить ими первобытные сохи, косы и серпы...

Это обывательское представление о том, что «примитивные, почти варварские орудия» заменяются электричеством без длительного процесса накопления, т. е. без сокращения в огромных размерах непроизводительного, а также без относительного сокращения необходимого личного потребления, является чрезвычайно распространенным, так как, повидимому, подтверждается всем опытом капиталистического строя.

Наивное представление о возможности заменить сохи электрическими плу-

гами путем отмены частной собственности, патентного права и т. д. объясняется тем, что с частно хозяйственной точки зрения, господствующей в политической экономии, технический прогресс так же доступен для всего народного хозяйства, как и для отдельного частного капиталистического хозяйства.

В капиталистической, даже отсталой стране возможно в любой отрасли промышленности оборудовать технически самое совершенное и самое производительное предприятие, стоит только произвести и собрать надлежащие орудия и средства производства. Отсюда делается вывод, что это возможно и для всей страны в целом. В России имелись отдельные предприятия технически самые совершенные с основным капиталом в несколько тысяч рублей (считая на деньги) на каждого рабочего и с оборотным в десятки и сотни тысяч рублей или по нескольку лет предварительной накопленной работы (считая накопленный труд) на каждого рабочего.

Но это было возможно только потому, что капитал был ими собран из других отраслей промышленности, или долго предварительно накоплялся в той же отрасли, при более отсталой технике. Если общая сумма накопленного капитала (орудий и средств производства) равняется в стране 10 миллиардам рублей (или ста миллионам рабочих годов) на 10 милл. рабочих, то на **каждого рабочего** приходится в среднем по 1000 рублей или по десять лет предварительно накопленного труда. Этот накопленный труд через посредство денег при капитализме может передвигаться из одной отрасли производства в другую и из одних предприятий в другие, но общая его сумма не увеличивается от передвижения.

Например, путем эксплуатации земледельцев капитал может накопляться у капиталиста для того, чтобы построить технически самую совершенную мануфактурную фабрику, или у землевладельца, чтобы ввести электрические плуги и электрическое освещение. Если весь накопляющийся капитал передвигается в эти технически совершенные предприятия, то в других отраслях промышленности других предприятиях, повышение производительности труда путем технического прогресса делается невозможным, так как сумма накопленного труда в них не увеличивается. Но так как в технически совершенных предприятиях приходится на **каждого рабочего** в несколько десятков раз больше накопленных орудий и средств производства, то количество таких предприятий и занятых в них рабочих в бедной стране будет ничтожно и может увеличиваться лишь по мере накопления капитала; главная же масса рабочих должна пользоваться примитивными орудиями, требующими меньшей затраты труда и менее производительными.

Если допустим, в Соединенных Штатах С. Америки на 10 милл. рабочих накопленного капитала имеется 100 миллиардов рублей, т. е. по 10 тыс. рублей на **каждого рабочего** или по 100 лет накопленного труда, то этот накопленный труд и является в виде путей сообщения, орудий и средств производства и т. д. Очевидно, производительность труда каждого рабочего там будет в несколько раз выше, чем в России и большее число рабочих будет занято в технически более совершенных предприятиях.

Здесь я не буду останавливаться на том, каким путем ускоряется и замедляется процесс накопления. Я лишь констатирую, что **технический прогресс на-**

ходится в зависимости от процесса производительного накопления. Монополии, патентное право и т. д., содействуя накоплению капитала в руках отдельных лиц, препятствуют вообще накоплению национального капитала, так как в известной степени мешают накопляющемуся капиталу реализоваться в наиболее выгодных для него условиях, потому что дают это преимущество только монополистам; но наивно было бы думать, что изменение формы собственности само по себе вызовет скачек в развитии техники. Дальше я покажу, при каких условиях происходил и может происходить процесс накопления, а, следовательно, и технический прогресс. Как увидим, определяющее значение имеет характер потребления национального дохода, его производительное потребление. Но законы потребления, распределения и перераспределения производительных сил не только для обывателя, но и для Бухарина terra incognita, поэтому им представляется, что замена первобытной сохи электрическими плугами может производиться очень легко, только путем отмены монополии и патентов.

Прямая зависимость технического прогресса и технического уровня от степени и процесса накопления ведет к тому, что буржуазная Швейцария или С. А. Соединенные Штаты применяют и будут применять электричество в больших размерах, чем социалистическая Россия до тех пор, пока накопление в ней не достигнет такого же уровня. Электрофикация может даже в некоторых случаях мешать развитию производительных сил, поскольку она отвлекает их от более производительного назначения. Это происходит, например, при введении электрического освещения в деревнях, когда незначительное количество имеющихся в России машин и оборудования от производительного их назначения отвлекаются на освещение деревень. Без ясного представления[1]) о значении различного характера потребления и распределения производительных сил можно с самыми благими намерениями, независимо от партийности, вместо развития производительных сил разрушать их, т. е. попасть не в ту дверь, в которую хотели войти. Во время революции с самого ее начала стремились, по рецепту Каутского, уничтожить мелкое производство и вместо него насадить крупное. Результаты получились обратные: вместо крупного производства насаждается мелкое,—попали не в ту дверь...

Неправильное представление о значении процесса накопления для технического прогресса создается отчасти, благодаря тому, что в некоторых случаях машину менее совершенную, благодаря изобретению, возможно **заменить** более совершенной без дополнительных затрат. Такого рода случаи, имеющие, сравнительно, ничтожное значение, вводят в заблуждение и заставляют предполагать, что вообще без дополнительных затрат, без процесса накопления возможен значительный технический прогресс.

Гораздо большее значение для увеличения продукции без процесса предварительного накопления имеет рационализация производства, т. е. применение новых методов работы, новых материалов и т. д., в особенности в сельском хозяйстве и в химических производствах. Отбор семян, новые методы обработки в зем

---

[1]) Зависимость технического прогресса от процесса накопления трудно усваивается даже кооператорами, так как **частно** хозяйственный опыт противоречит изложенным выше положениям и проекты заменять ручной труд машинным без соответственного накопления будут всегда популярными... среди невежд.

леделии, открытие новых химических процессов могут без дополнительных затрат накопленного капитала увеличить продукцию. Но и для рационализации хозяйства необходимы дополнительные затраты на повышение культурного уровня населения, на его образование, на научные работы и т. д.

Так как теперь особенно много говорят и пишут об электрификации, то не бесполезно остановиться на этом вопросе и рассеять связанные с нею утопии.

При использовании того или другого механического двигателя руководствуются не только его экономической выгодностью, но и возможностью сделать затраты на **основной и оборотный** капитал. Вообще «даровой» энергии, т. е. энергии, движущей машины и не требующей предварительной затраты труда, не бывает. Чтобы получить энергию, нужно сделать затрату капитала при капитализме, а при общественном производстве затрату труда, предварительно, в виде большой единовременной затраты (основной капитал), при водяном двигателе на турбину, на плотину, электрические машины, проводники и т. д.; при паровом двигателе— на паровую машину, здание и т. д. Кроме этих единовременных затрат требуются постоянные затраты во время процесса производства,—ремонт машин, наблюдение и т. д. при водяном двигателе, топливо, работа при машине,—при паровом. Паровой двигатель, обычно, требует больше затрат в самом процессе его эксплуатации, главным образом, на топливо, а при водяном двигателе требуется больше затрат на основной капитал.

Если электричество получается от парового двигателя, то пользование силой электричества требует предварительно больше затрат в основной капитал потому, что вместо непосредственного пользования двигательной силой пара, нужно **посредством дополнительных затрат** превратить ее в электрическую энергию. Таким образом, пользование силой пара требует предварительного накопления капитала, как для получения энергии, так и на машины для производства. **Применение электричества требует и большего накопления капитала, так как необходим больший основной капитал. А** накопление может происходить лишь за счет потребления. В отсталых странах в небольших размерах пользуются паровой силой и еще в более малых размерах электрической энергией, потому, что для получения каждой новой единицы энергии требуется большая предварительная затрата труда, чем при ручном труде, хотя, **сделавши** эту предварительную затрату, общество получает большую экономию в текущих затратах труда, в особенности при использовании «даровых» сил в виде водопадов ветров и т. д. Те «экономисты», которые рассуждают о преимуществах машинного производства над ручным, электрических двигателей над конными или паровыми гораздо проще и убедительнее могли бы только доказывать преимущества богатой страны над бедной, ибо это одно и то же. Повидимому, значения накопления многие не понимают, так как пропагандировать преимущества электричества, т. е. доказывать, что быть богатым лучше, чем бедным, занятие не особенно глубокомысленное.

6.

Социалисты до сих пор обращали внимание на проблему распределения потому, что при развитии капитализма ярче всего бросалось в глаза коренное противоречие между ростом производительных сил, ростом роскоши имущих клас-

сов и нищетой населения. При этом вытекающие из анархии капиталистического производства кризисы и перепроизводство товаров показывают, что производство иногда превышает потребление товаров и улучшение положения находящегося в нищете населения, повидимому, возможно не только за счет непроизводительного потребления, но и за счет накопления капитала, так как производится избыток товаров.

К. Маркс именно так и ставит вопрос, объясняя перепроизводство и кризисы относительным сокращением потребления рабочих, за счет которого происходит процесс накопления. «Накопляйте, накопляйте, в том Моисей и пророки»,—вот лозунг капиталистической буржуазии—«накопляйте за счет потребления рабочих». Из этого, повидимому, следует логический вывод, что уничтожение язв капитализма требует обратного лозунга: «Расширяйте личное потребление масс за счет накопления». Однако, не трудно увидеть, что развитие производительных сил в виде технического прогресса может быть только в виде **накопления** или в отдельных хозяйствах или в руках государства; следовательно, отрицательная сторона капитализма заключается не в процессе накопления; напротив капиталистический строй сравнительно с феодальным является крупным шагом вперед в процессе хозяйственного развития именно потому, что конкуренция побуждает капиталиста накоплять. Отрицательная сторона капитализма заключается в том, что накопление капитала происходит в руках частных лиц в конечном счете для удовлетворения их личных потребностей, т. е. для непроизводительного потребления.

Остановка процесса накопления явится вместе с тем и остановкой технического прогресса. Следовательно, улучшение положения народных масс может происходить не за счет накопления капитала, а за счет непроизводительного потребления. Читая проекты и планы различных социальных реформаторов, всегда наталкиваешься прежде всего на отсутствие правильного представления об экономических возможностях, хотя всем известно, что каждая новая машина есть продукт **накопленного** труда, отнятого от производства предметов непосредственного потребления. Когда проектируются «рациональные» хозяйства по последнему слову техники, снабжение крестьян машинами и т. д., то ясно видно, что процесс накопления, происходивший в течение десятилетий предполагают заменить выдумкой, которая не создает ни одной машины. Большинство социалистов упускает из виду, что каждая новая машина, каждое орудие производства могут быть созданы путем накопления, путем сокращения или необходимого или непроизводительного потребления.

Если же процесс накопления необходим и должен быть восстановлен, то расширение потребления народных масс может происходить лишь за счет непроизводительного потребления. Правда, расширение массового потребления даже может содействовать техническому прогрессу, так как требует и массового производства, но лишь при одном условии,—если это массовое потребление расширяется только за счет непроизводительного накопления. Это одинаково относится и к капиталистическому и социалистическому строю.

Обычно непроизводительное потребление понимается только как потребле-

ние предметов роскоши и потребление бездельников. Но как будет видно из дальнейшего, и при социалистическом строе может быть колоссальное непроизводительное потребление, хотя бы все работоспособные люди и были заняты трудом, следовательно, если будет непроизводительное потребление, хотя бы в других формах, но в таких же размерах, как при капитализме, то положение рабочих масс не улучшится. Ибо общая сумма продуктов может увеличиться лишь при соответственном увеличении производительного потребления. Как увидим, в Советской России и произошло лишь изменение форм непроизводительного потребления и оно не сократилось до сих пор. А при таких условиях и улучшение положения рабочих масс невозможно, пока не произойдет сокращение непроизводительного потребления и не начнется процесс накопления средств производства.

7.

Как результат огромного непроизводительного потребления национального дохода во время войны, требовавшего колоссальных затрат, явился недостаток продуктов и их вздорожание не только по отношению к бумажным деньгам, но и к золоту. Это вздорожание объясняется и социалистами и правящими классами, главным образом, спекуляцией. Например, в Англии представители рабочих объясняют дороговизну и плохое положение рабочих, связанное с нею, недостаточно энергичной борьбой правительства со спекуляцией. Это объяснение дороговизны опять таки указывает на непонимание значения непроизводительного потребления.

В действительности, благодаря огромным непроизводительным затратам труда и капитала на военные потребности, продолжающимся в Англии и в настоящее время, так же, как и во всем мире, производство сырья (каменного угля, сельских продуктов и т. д.) и орудий производства значительно сократилось. Каждый день оттяжки всеобщего разоружения сокращает мировое производство предметов непосредственного потребления и средств производства, и таким образом, обостряет мировой кризис. Предприниматели, имеющие в Англии или Соединенных Штатах оружейные заводы, разумеется, продолжают получать прибыль, как и рабочие заработную плату, но общая сумма продукции сокращается, благодаря непроизводительным затратам. Недостаток продуктов выражается в повышении цен. Рабочие, естественно, требуют повышения заработной платы, чтобы обеспечить свое существование, но так как общая сумма продукции не повышается, то цены скачут еще выше. Если раньше до войны на каждую душу производилось 20 пудов хлеба и 200 пудов угля, и если продукция сократилась до 10 пудов хлеба и 100 пудов угля, то как бы ни изменились цены, потребление должно сократиться, если не увеличится продукция. Конечно, заработная плата некоторых категорий рабочих может повыситься, но пока не увеличится продукция за счет непроизводительного потребления, до тех пор положение народных масс будет тяжко. Это, повидимому, еще не осознается рабочими массами, требование которых сводится только к повышению заработной платы.

С другой стороны, трудно решить, чем руководствовался тот представитель государственной власти в Англии, который высчитывал «убытки» нации от

забастовки углекопов, забывая, что несколько дней империалистической политики Англии стоют нацги дороже, чем самая продолжительная забастовка. С обывательской точки зрения, изготовление предметов вооружения «выгодно» для страны, так как дает предпринимателям прибыль, а рабочим заработную плату. Мы уже достаточно разъяснили, что в результате такой продукции сокращаются и средства производства и производство предметов и требления. Западная Европа вопиет о недостатке угля, сырья, пищи и продолжает делать непроизводительные затраты, ведущие к дальнейшему сокращению производства.

На первый взгляд кажется очень парадоксальным наш вывод, что развитие производства для непроизводительного потребления сокращает продукцию каждой страны и всего мира, но после анализа потребления, сделанного мною в предыдущих главах, он вполне понятен.

Итак, сокращение средств производства и продукции предметов массового потребления, вызванное войной, повело к их недостатку и вздорожанию. Естественно, что это вызвало спекуляцию и естественно также, что никакая борьба со спекуляцией не увеличит продукции и не устранит ни спекуляции, ни бедствий, связанных с недостатком продуктов.

Если же продуктов производства недостаточно, то как бы ни повышалась заработная плата, потребление их не может увеличиться—напротив, даже при неизменной заработной плате, но при сокращении непроизводительного потребления, реальная заработная плата, т. е. плата, выраженная в продуктах, повысится, так как это сокращение поведет к увеличению продукции и к удешевлению предметов потребления вследствие техническ. прогресса [1]). Война дала настолько наглядный урок в доказательство изложенных положений, что новых доказательств не требуется. Очевидно, не только разрешение социальной проблемы, но и разрешение современного кризиса, вызванного недостатком сырья, возможно не столько изменением распределения продуктов, хотя оно и имеет огромное значение, как средство устранения социальной несправедливости,—а сокращением непроизводительного потребления и расширением потребления производительного, т. е накопления орудий и средств производства.

Из изложенных нами соображений уже можно сделать целый ряд весьма важных выводов.

1) Было бы ошибкой регулирование потребления в смысле его демократизации, к которому стремятся социалистические партии, противопоставлять процессу накопления национального капитала и развитию производительных сил, но необходимо известное подчинение первой задачи последней, так как только развитие производительных сил общества может обеспечить его благосостояние в целом.

2) Таможенная, финансовая и вообще экономическая политика при капиталистическом строе должна толкаться в сторону максимального сокращения не-

[1]) Разумеется, если рабочие не будут отстаивать свое положение, то это поведет к понижению заработной платы.

производительного потребления национального дохода. Национализация той или другой отрасли промышленности может повести к развитию производительных сил, если государство будет ставить эту, а не фискальную цель.

3) Лучшей формой более производительного потребления национального дохода в условиях частно-хозяйственных является организация кооперативного обмена и производства, так как накопляющийся кооперативный капитал идет исключительно на производительное потребление.

Но накоплению кооперативного капитала имеются значительные препятствия в лице самих членов кооперации, препятствия, которые мы увидим в главе «Народное хозяйство и кооперация». Главное из этих препятствий заключается в стремлении членов кооперации получать продукты настолько дешевле рыночных цен, что может задержаться процесс накопления кооперативного капитала.

Так как социалисты недостаточно оценивали значение процесса накопления, т. е. производительного потребления, то и значение кооперации с этой стороны ими также недостаточно и неправильно оценивалось. На кооперацию смотрят исключительно как на средство получать более дешевые продукты, т. е. как на паллиатив к улучшению положения народных масс, а не как на средство наиболее рационального и радикального сокращения непроизводительного потребления, не как на средство накопления.

4) Программы социалистических партий неудовлетворительны в том отношении, что они предъявляют требования исключительно в области распределения национального дохода. Эти требования не достигнут цели, если их осуществление поведет к задержке процесса накопления национального капитала. Требования улучшения положения народных масс должны исходить из соответственного сокращения непроизводительного потребления национального дохода. В этом направлении должны быть изменены экономические и финансовые программы.

В более производительном потреблении национального дохода заинтересованы также крестьянские массы и с этой стороны интересы различных групп демократии тождественны.

ГЛАВА XLVI.

Значение проблемы потребления.

Мы указывали, что для экономической науки и для социалистов значение законов потребления, влияние их на состояние и развитие производительных сил было неясно и непонятно; поэтому теоретически было необъяснимо то противоречие, о котором я уже упоминал: во время войны прибыли предпринимателей повысились и тем не менее в воюющих странах буржуазия в целом разорялась, капитал в ее руках не только не увеличивался, но быстро сокращался. Сократились не только запасы товаров, но и орудия производства и средства передвижения, т. е. вообще весь реальный капитал, кроме денежных знаков.

Если мы будем искать разгадки этого явления в теоретическом анализе буржуазных или социалистических писателей, то мы там не найдем удовлетворительного объяснения этого явления.

Беру «Курс политической экономии» А. Богданова и И. Степанова, выпущенный после русской революции. Авторы приводят следующее определение К. Марксом производительного труда: «Капиталистическое производство есть не только производство товаров, но по самому существу своему есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость, или способствует самовозрастанию стоимости капитала. Так напр., школьный учитель, если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, является производительным рабочим, когда он обрабатывает не только детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения капиталиста. Вложит ли этот последний свой капитал в кожевенное или в колбасное производство, от этого рассматриваемое отношение нисколько не изменится. Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически—общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала».

Цитируя приведенные слова К. Маркса, авторы резюмируют: «В конечном итоге, разделение полезного общественного труда на «производительный» и «непроизводительный» следует отвергнуть, как бесплодное усложнение, способное только запутать анализ. Всякий труд, удовлетворяющий общественную потребность и, следовательно, объективно нужный для данной экономической системы, должен быть признан производительным, противопоставлять ему надо только социально-бездеятельное существование и разрушительный труд, общественный паразитизм и антисоциальную активность» (т. II, стр. 14—17).

Итак, непроизводительный труд,—это деятельность бездельников и разрушительная деятельность армии. Мы видим, что с изложенной точки зрения, все виды труда, кроме прямого разрушения, являются производительными. Подходя с такого рода анализом к народному хозяйству воюющих стран и вообще к народному хозяйству, в котором огромная доля труда затрачивается «производительно» для «непроизводительного» потребления, нельзя объяснить падение его производительных сил и сокращение капитала в руках капиталистов.

Рабочие, изготовляющие оружие и снаряжение для армии заняты «производительным» трудом. Рабочие, изготовляющие предметы роскоши и все лица, удовлетворяющие потребность в роскоши, также заняты производительным трудом.. Производство оружия и предметов военного снаряжения, также как и производство предметов роскоши, дает одинаковую прибыль, как и производство средств производства.

Очевидно, подходя к народному хозяйству с тем анализом, который мы

цитировали, нельзя объяснить процесса падения производительных сил в капиталистическом обществе. Получение прибыли отдельными предпринимателями и сумма их прибылей, выраженная в денежной форме, еще ничего не дает для выяснения процесса производительного накопления, которым определяется при капитализме не только развитие производительных сил, но и обогащение класса капиталистов. Отдельные предприниматели могут обогащаться от производства предметов непроизводительного потребления за счет других капиталистов или других групп населения, но общая сумма реального капитала в руках капиталистов от этого не увеличивается, а сокращается. Поэтому без анализа **потребления** национального дохода,—анализа, которого не делали ни социалисты, ни буржуазные экономисты,—нельзя вскрыть противоречия, ярко обнаружившего во время войны: повышение прибылей на ряду с обеднением класса капиталистов в целом, с сокращением в его руках реального капитала в виде орудий и средств производства.

«Производительным трудом—формулируют А. Богданов и И. Степанов—мы должны называть всякий труд, направленный к удовлетворению потребностей производственной системы» (цит. соч. стр. 9).

Если, благодаря войне или увеличению потребления предметов роскоши, все безработные будут привлечены к работе, то увеличится и количество прилагаемого «производительного» труда, а, следовательно, увеличатся и производительные силы страны,—таков логический вывод экономистов, не анализирующих законы потребления общества.

Еще 20 лет тому назад в книге «Аграрный вопрос» я противопоставлял такому упрощенному пониманию проблемы продукции следующую формулу: **«Состояние производительных сил данного населения определяется суммой продуктов, производимых в стране для дальнейшего производства, т. е. для производительного потребления. Развитие производительных сил выразится в увеличении этих продуктов».** («Апр. Вопр.», т. I, стр. 23). Т. е. рост производительных сил страны определяется характером потребления национального дохода.

Очевидно, обогащение класса предпринимателей, накопление капитала зависит не только от нормы денежной прибыли, которую получают предприниматели, а и от нормы производительного потребления в самом обществе.

Мы указали, что национальный доход по характеру потребления распадается на три доли: на необходимое, производительное и непроизводительное потребление. Если в национальном хозяйстве производительное потребление не увеличивается, то, несмотря на повышение нормы эксплуатации рабочих, т. е., несмотря на сокращение необходимого потребления на счет двух долей, сумма реального капитала, сумма орудий и средств производства в руках предпринимателей также не увеличится: при усиленной эксплуатации производительного труда производительные силы страны не будут развиваться.

Таким образом, проблему продукции нельзя решать и рассматривать без предварительного анализа проблемы потребления. Если продукты производительного труда потребляются непроизводительно, то, хотя труд и дает предпринимателю прибыль, но в народном хозяйстве сумма реального капитала от этого не увеличивается.

Некоторыми фразами в цитированной выше книге, где уже учтен опыт войны, повидимому, дается правильный подход к вопросу. Например, указывая на возрастание денежной прибыли в воюющих странах, авторы констатируют, что «реальное накопление не может получиться из процесса разрушения». Но, не имея правильного преставления о значении различных видов потребления, авторы видят потерю национального дохода и капитала не в характере потребления, а только в прямом разрушении да в потерях мобилизации и демобилизации промышленности и в невозможности использовать машины, орудия и сырье, приспособленные к войне, а основную причину дороговизны во время и после войны находят в области рынка (стр. 153), а не в увеличении непроизводительного потребления за счет потребления производительного, т. е. не в условиях производства, созданных характером потребления национального дохода.

Если теоретического анализа законов потребления нельзя найти в политической экономии, если благодаря этому в прежних экономических программах всех партий совершенно не затрагивали этого вопроса, то практически опыт войны и резкое падение производительных сил наглядно показали значение характера потребления для развития производительных сил. Правда, как мы только что показали, теоретиками еще не осознано все значение затраты «производительного» труда на непроизводительное потребление, но попытки сократить непроизводительное потребление в Советской России показывают, что эмпирически сделан подход к проблеме потребления. Как я покажу дальше, этот подход крайне неудовлетворителен, т. к. не затрагивает важнейших сторон экономической жизни, не является экономически освещенным и обобщенным. Тем не менее, уже сделан огромный шаг вперед, далеко обогнавший теоретическую мысль. Но отсутствие теоретического обобщения приводит к тому, что по замыслу правильные шаги экономической политики опрокидываются практическими мероприятиями, потому что значение их еще не осознано. Далее я укажу на формы непроизводительного потребления, здесь же упомяну лишь об одном противоречии, которое объясняется только отсутствием сознания значения различного характера потребления.

В настоящее время осознано, что для развития производительных сил нужен ввоз в Россию орудий и средств производства; но когда сообщаются сведения о предметах ввоза в Россию, то мы видим, что с особенно большим удовлетворением прессой констатируется ввоз или обещание ввоза из заграницы предметов непосредственного потребления. Если принять во внимание, что в мирное время, когда орудия и средства производства в значительном количестве производились и в России, ввоз машин достигал ежегодно суммы в 500 милл. руб., если принять во внимание, что из России теперь возможно вывозить в обмен на гораздо меньшую сумму, то будет ясно, какое понимание значения потребления обнаруживают те, кто приходит в восторг от ввоза предметов непосредственного потребления. Пока не будет твердо усвоено, не только руководителями экономической политики, но и массами населения, значение законов потребления, пока масса не будет знать характер и формы не-

производительного потребления, до тех пор трудно рассчитывать и на менее болезненное решение социальной проблемы.

Особенно трудно усвоение связи законов потребления с техническим прогрессом, который является результатом накопления орудий и средств производства. О значении накопления для технического прогресса мы уже упоминали, здесь же укажем лишь, что процесс накопления находится в прямой зависимости от характера потребления национального дохода. Падение производительных сил при увеличении «производительного» труда на производство предметов, потребляемых непроизводительно, объясняется исключительно ростом непроизводительного потребления. Ничуть не желая потрясать основ, я вынужден констатировать, что в выше приведенной цитате дается ошибочное определение производительного труда с точки зрения не частного предпринимателя, а общественной продукции: изготовлением оружия может быть занято огромное количество рабочих, но увеличение их количества и усиление эксплуатации ничуть не увеличивает долю, получаемую капиталистами из национального дохода страны, а уменьшает ее. Поэтому, не смотря на высокие «военные» прибыли поставщиков армии, капитал в руках капиталистов воюющих стран сокращался. Этого до самого последнего времени не понимали ни капиталисты, ни социалисты, пока не произошли резкое, бросающееся в глаза, сокращение реал. капитала в виде сокращения количества сырья, машин, вагонов и пр. видов реал. капитала, заменившегося деньгами. Из сделанного нами выше анализа видно, что с **народно хозяйственной** точки зрения **производительным трудом является общественно необходимый труд, затрачиваемый для необходимого и производительного потребления.** Поэтому труд инженера, бухгалтера, учителя, необходимый для удовлетворения необходимых потребностей, будет производительным, но с другой стороны труд рабочего, занятого производством предметов роскоши, или лишнего не необходимого для данной организации бухгалтера и служащего, будет непроизводительным. Так как экономисты не интересовались проблемой потребления, то и отмеченные выше ошибки вполне понятны и объяснимы.

ГЛАВА XLVII.

Проблема продукции в понимании предпринимателей.

Социальный вопрос, приводящий в движение рабочие массы, в глазах предпринимателей, является лишь вредной выдумкой, с которой нужно считаться постольку, поскольку приходится бороться с рабочим движением. Поэтому рассматривать отношение предпринимателей к социальной проблеме не приходится. Но проблема развития производительных сил должна интересовать предпринимателей потому, что они не менее рабочих должны бы, повидимому, быть заинтересованными в развитии производства. И, действительно, предприниматели чаще, чем представители других групп населения говорят о развитии производительных сил и считают исключительно себя той общественной группой, которая озабочена развитием хозяйства.

Однако, если проверить на деле, куда направляются стремления предпринимателей, то мы увидим, что они заботятся исключительно об изменении рас-

пределения национального дохода в свою пользу, очень мало думая о влиянии этого распределения на развитие производительных сил.

О программе промышленников я писал уже в 1916 г., накануне революции следующее:

«Точка зрения промышленников очень хорошо формулирована в выпущенном Советом Съездов представителей промышленности и торговли объемистом томе—докладе о мерах к развитию производительных сил России. Указавши в предисловии, что «свобода организации отдельных лиц в кооперативы и хозяйственные союзы и свобода организации промышленных предприятий в синдикаты должна составлять первую формальную задачу нового экономического строя», доклад переходит к обсуждению мероприятий для развития отдельных отраслей промышленности.

Для развития **сельского хозяйства** предлагается правительству и земству затратить значительные средства на агрономическую и просветительную деятельность. Если не принимать это предложение за пустую словесность, а вскрыть его содержание—чего не делает Совет Съездов,—то содержание предложения противоречит приведенной выше формуле об отношении к вопросам распределения. Ведь, для развития сельского хозяйства рекомендуется более производительное употребление государственных и земских доходов, возможное при сокращении непроизводительного их употребления.

Другая мера, рекомендуемая промышленниками,—интенсификация сельского хозяйства вместо расширения крестьянского землевладения, вытекает из непонимания авторами доклада условий, определяющих систему сельского хозяйства. Для интенсификации хозяйства прежде всего нужно развитие производительных сил страны, развитие потребностей крестьянского населения и повышение их экономического уровня. А для этого опять таки нужно иное распределение национального дохода и, прежде всего, чтобы крестьянство не разорялось, а обогащалось, чтобы то, что получается в виде налогов с земледельческого населения, возвращалось для удовлетворения потребностей того-же сельского населения, для развития его производительных сил. Рекомендовать же просто интенсификацию сельского хозяйства по меньшей мере странно.

Для развития **мукомольной** промышленности Совет Съездов в первую очередь рекомендует организацию синдиката мукомолов. «Без органа, объединяющего интересы всей мукомольной промышленности России, немыслимы какие либо мероприятия по борьбе с конкурренцией на иностранных рынках по усилению экспорта муки и вообще по завоеванию внешних рынков для русского мукомолья». Мукомолы и вместе с ними Совет Съездов не заботятся о расширении внутреннего рынка; они не упоминают о том, что их иностранные конкуренты окрепли на развитии внутреннего рынка. Напротив, при недостаточном производстве для внутреннего рынка, мукомолы заботятся только о завоевании внешнего. Поэтому вторым пунктом—после организации синдиката, Совет выставляет требование: «Установление вывозных премий за вывоз муки на иностранные рынки. Источником премий могут служить вывозные пошлины на отруби»,—а горожане, при недостатке муки, могут питаться и отрубями... Из этой программы видно, что Совет Съездов лукавит, отводя «вопросы распределения»,

«Накопление» Совет Съездов рекомендует усилить путем «распределения», путем субсидирования мукомолов за вывоз муки, за счет внутреннего потребления.

Тот же принцип «распределения» вводится Советом и в мерах содействия **винокуренной** промышленности. «Первою неотложною обязанностью Правительства является выработка способов и мер возмещения владельцам тех винокуренных заводов, которые при вновь создающихся условиях потребления спирта, должны будут закрыть свои заводы». «Эти меры должны быть причислены к расходам по ликвидации всего казенного винно-монопольного хозяйства». Далее, «все дело сбыта спирта для технических надобностей должно быть поручено организованным винокуренным заводчикам»... «Должна быть оказана финансовая поддержка для образования особого общества для изготовления спиртных приборов» и т. д. Совет Съездов не так наивен, чтобы считать средства казны неисчерпаемым источником, чтобы не понимать, что субсидии являются средством распределения национального дохода, что организации мукомолов, винокуренных заводчиков и т. д., прежде всего ставят целью усиление эксплуатации потребителей, т. е. распределение национального дохода в свою пользу.

Для **кожевенной** промышленности «единственная истинная помощь, которая может быть здесь оказана—это решительное таможенное покровительство, все остальное явится лишь полумерами». И здесь поход против потребителя...

Сахарная промышленность. Указывая на недостаток производства для внутреннего рынка, Совет Съездов приходит к неожиданному заключению: «перспективы будущего позволяют надеяться, что, если ближайшие затруднения,— именно, нарушение правильного железнодорожного движения и недостаток топлива—будут устранены, русская сахарная промышленность займет видное место на международном рынке». Результаты организации сахарозаводчиков и исключительного им покровительства, выразившиеся в сахарном голоде, не смущают промышленников и заботы их сводятся к тому, чтобы больше вывозить.

Для **лесного** хозяйства: 1) «создать условия благоприятные для развития крупных лесопромышленных предприятий; 2) должны быть отменены в Германии высокие пошлины на разработанный лес». Эти глубокомысленные требования для развития производительных сил России настолько остроумны, что не требуют комментарий.

Для развития **каменно-угольной** промышленности, по мнению Совета, необходимы следующие мероприятия (мы перечисляем только главные): 1) сохранение в силе существующих таможенных пошлин на уголь и кокс и повышение ставок на ввозимые к нам побочные продукты недр земли (2-й пункт) и то же расширение права горнопромышленников на недра в интересах предоставления большей свободы горной промышленности. 3) Вмешательство государственной власти в арендные отношения между собственниками земель и углепромышленными предприятиями в Донецком бассейне в целях принудительного регулирования этих отношений».

Если вдуматься в эти три первые пункта «программы для развития производительных сил России», то не трудно увидеть, что она сводится к распределению дохода между населением и горнопромышленниками в пользу последних.

А именно: обложение потребителей в пользу горнопромышленников (1-й пункт), путем таможенных пошлин, расширение права горнопромышленников на ренту от эксплуатации недр земли (2 й пункт) и то же расширение права горнопромышленников за счет землевладельцев Донецкого района.

Передача ренты за право собственности на недра земли местному самоуправлению или государству имела бы большое значение для развития производительных сил страны, если бы эта рента пошла на культурные потребности, но передача ренты от землевладельцев горнопромышленникам явится просто заменой одного рантье другим.

В **нефтяной** промышленности «один вопрос является назревшим и требующим незамедлительного рассмотрения. Вопрос этот земельный и сводится к задаче снабжения нефтяной промышленности имеющимися в распоряжении казны нефтяными землями для добычи нефти и подготовки, путем разведок того нефтяного земельного фонда, который должен обеспечить дальнейшее развитие промышленности». И здесь повторяется старый рецепт для «развития производительных сил», чтобы нефтепромышленникам было «дадено».

Для расширения **добычи меди** «основным, хотя и косвенным условием для успешного развития медной промышленности, следует признать достаточную таможенную защиту отраслей, для которых медь является главным сырым материалом».

Для **металлургической** промышленности необходимы следующие важнейшие меры:

1) «Строго покровительственная система и охрана соответствующими таможенными пошлинами как сырья, так и готового продукта».

2) «Геологические обследования за счет Государства месторождений руды и углей».

3) «Развитие рельсовых и водных путей» и т. д.

Для машиностроения, кроме указанных мер для развития металлургии, повышение таможенных ставок, основанных на принципе дифференциации пошлин по весу машин, поддержка правительством плановомерными заказами и кредитом, реорганизация технического образования, специализация производства заводов и установление типа машин для массового производства.

Для **льняной** и **хлопчатобумажной** промышленности, для **технической**, рекомендуется таможенная защита.

Для **писчебумажной** промышленности: 1) обложение вывозною пошлиною в большем размере, чем в настоящее время необработанного леса. 2) Улучшить условия пользования казенными лесами, увеличением срока аренды и **понижением таксы** на дерево. 3) Улучшить водные пути и т. д.

Мы не будем далее перечислять различные отрасли промышленности, так как всюду следует однообразное повторение мотива: взять что нибудь или от казны, но главным образом от потребителя путем повышения таможенных пошлин, субсидирования казной, казенными заказами и т. д., т. е., путем распределения национального дохода в пользу промышленников.

Чем же объясняется очевидное противоречие предисловия к докладу Со-

вета Съездов, где говорится, что вопросы накопления стоят впереди вопросов распределения народного богатства, с содержанием самого доклада, в котором только и говорится о распределении народного богатства в пользу промышленников.

Не трудно догадаться, что это противоречие объясняется нежеланием авторов доклада вскрыть истинную природу тех требований, которые предъявляются для развития производительных сил страны.

Несомненно, что для развития производительных сил страны требуется увеличение производительных расходов, увеличение затрат на производительное потребление, на заработную плату, на увеличение средств и орудий производства, перевозки продуктов и т. д. Но из данного наличного национального богатства, увеличение производительного потребления возможно только путем сокращения непроизводительного потребления, перераспределения национального дохода в этой области социальных отношений. Для промышленников этот путь неудобен не только потому, что он может затронуть значительную часть их доходов, затрачиваемых непроизводительно, но и потому, что он требует пересмотра существующих социально-политических отношений.

Гораздо легче, если не для развития производительных сил, то для повышения прибыли предпринимателей другой путь, путь перераспределения национального дохода в пользу предпринимателей, проводимого под чрезвычайно удобным предлогом развития производительных сил страны.

Так как обложение потребителя в пользу предпринимателей, лежащее в основе требований промышленников ведет к сокращению внутреннего рынка, так как этот испытанный путь уже привел к тому, что был поставлен особенно настойчиво вопрос о развитии производительных сил, так как не смотря на покровительство промышленности путем обложения потребителей, страна пришла к тупику, к опасности полной остановки ее развития, то призывы продолжать итти тем же путем, очевидно, не имеют целью содействовать экономическому развитию страны, а ставят другую цель—сохранить и даже повысить норму прибыли предпринимателей, итти старым путем и больше ничего. По крайней мере ничего не дает доклад Совета С'ездов, так как он не указывает, каким образом возможно увеличить производительное потребление за счет непроизводительного.

На этот старый путь призывает Совет С'ездов и своим утверждением, что государство русское призвано к мировым политическим задачам, поглощающим его деятельность, т. е. к тем завоевательным задачам, к которым призывает воинствующий национализм, к завоеваниям новых территорий и к расширению иностранных рынков. На расширении иностранного рынка настаивают «программы» почти каждой из перечисленных групп промышленников. Даже предъявляется требование, чтобы Германия понизила пошлины...

Это стремление к расширению внешнего, вместо огромного внутреннего рынка, неизбежно требует увеличения непроизводительных расходов, постоянной и напряженной агрессивной политики. «Великодержавность» в устах промышленников,—это милитаризм и связанные с ним расходы, ибо только таким пу-

тем промышленники могут «расширять» внешний рынок для продуктов отсталой промышленности, не базирующей на развитой внутренний рынок.

А о развитии внутреннего рынка промышленники и не упоминают, ибо это противоречило бы всей их программе, основанной на сокращении покупательной способности населения, на обложении его новыми данями ради повышения предпринимательской прибыли. И предприниматели, как таковые, не могли иначе ставить вопроса...

ГЛАВА XLVIII

Проблема производства и распределения [1]).

Выше я останавливался на одной стороне социальной проблемы, на проблеме потребления и указывал, что ни академическая политическая экономия, ни социалисты не останавливались на этой стороне экономической жизни и оказались захваченными в расплох и растерянными перед фактом превышения потребления над производством, приведшего к сокращению количества орудий и средств производства.

Анализ всех форм производства капиталистического, натурального и социалистического единодушно приводит к выводу, что без разрушения и без остановки развития производительных сил личное (необходимое) потребление может расширяться только на счет потребления непроизводительного (сокращения роскоши, непроизводительных расходов на армию и т. д.), что при капиталистическом строе заработная плата может увеличиваться также не за счет накопляемого или накопившегося капитала, а за счет непроизводительного его потребления.

Если в начале революции мои указания на необходимость рабочему классу озаботиться сохранением производительных сил страны вызывали резкие протесты со стороны различных социалистических фракций, то теперь, после сделанного опыта эти положения, пожалуй, можно считать бесспорными.

Я указывал, что до революции все социалисты смотрели на социальную проблему, исключительно, как на проблему распределения национального дохода, подчиняя в большей или меньшей степени ей проблему продукции.

Наиболее решительное подчинение проблемы продукции проблеме производства было у социалистов-революционеров, которые стремились ввести уравнительное землепользование в интересах равномерного распределения земледельческих продуктов и во имя этого готовы были уничтожить более производительные хозяйства. В такой же степени социалисты марксисты ставили в основу рабочей политики увеличение доли рабочих не за счет только непроизводительного потребления капиталистами и государством, а за счет вообще «прибавочной ценности», за счет накопления капитала, т. е. за счет увеличения орудий и средств производства.

Опыт управления экономической жизнью страны научил коммунистов несколько больше, чем другие социалистические фракции. В области обрабаты-

[1]) Быть может, нелишне отметить, что глава эта написана в половине 1920 г. Без такой оговорки некоторые места в ней, пожалуй, покажутся читателю не вполне ясными.

вающей промышленности они начинают подчинять проблему распределения проблеме продукции. Падение производительности труда и его интенсивности за время войны и революции побудило не только удлинять рабочий день, но и перейти на сдельную плату, т. е. подчинить принцип распределения принципу продукции. Ибо сдельная плата, а также различная оплата труда более квалифицированного и менее квалифицированного, исходит из стремления побудить рабочего сдельной платой производить больше, чтобы больше и получить. Очевидно, приходится признать, что рабочий, несмотря на его большее социалистическое сознание сравнительно с другими классами, ради увеличения своего личного заработка готов работать больше, чем ради общества. Непосредственная личная выгода является пока сильнейшим стимулом для увеличения интенсивности труда. Продукты труда делятся не по потребностям, а по затраченному труду даже среди рабочих. Насколько мне известно, это подчинение принципа распределения принципу продукции дало уже положительные результаты.

Но к этому выводу коммунисты пришли эмпирически и, как видно из дальнейшего, не сознали всего значения сделанного шага вперед. Еще менее сознают это другие социалистические фракции.

Большая часть населения России занята земледельческим трудом и, конечно, продукция девяти десятых всего населения России, занятых земледелием, определяет состояние и развитие производительных сил страны. Между тем по отношению к земледельческому населению, которое в подавляющем своем большинстве состоит из мелких собственников, ведется та политика подчинения продукции принципу распределения, которая обнаружила свое банкротство по отношению к рабочему классу.

Если рабочий во имя увеличения своего заработка увеличит свою продукцию при переходе на сдельную плату, то мелкий собственник тем менее склонен увеличивать производство не во имя своих личных интересов, а только во имя интересов всего народного хозяйства. Если же это так, то к каким последствиям повлечет современная (1920) политика распределения продуктов, получаемых деревней, в обмен на продукты земледелия?

Продукты сельского хозяйства в Советской России получаются из деревни непосредственно в обмен на продукты обрабатывающей промышленности. Сущность этого товарообмена сводится к следующему: «Мы требуем, чтобы сельское общество выполнило назначенную разверстку, заставляя при помощи бедноты сдавать излишки тех крестьян, которые ими располагают. При выполнении сельским коллективом своих обязанностей перед государством мы даем распоряжение об отпуске данному сельскому обществу товаров для равномерного распределения его всем коллективом и между всеми членами общества».

Здесь, в пределах принципу, отчасти принятому для индустрии, принцип распределения определяет и подчиняет себе продукцию. В индустрии рабочий, производящий больше продуктов, получает в обмен, в виде заработной платы, больше предметов потребления, между тем как в деревне крестьянин получит одинаково, поставляет ли он для города по разверстке один пуд или сто пудов.

Допустим, что крестьянин проникся бы такой гражданственностью, что все, что лично не потребляется в хозяйстве, он отдавал бы в развертку; или допустим, деревенской бедноте удастся обратить все излишки в развертку. Крестьянин, напрягавший все силы для засева 20 десятин, и сдающий в развертку 1000 пудов, получит за них то же, что крестьянин, производящий продукты только для собственного потребления и имеющий посев 2 десятины. Очевидно, крестьянин, засевавший 20 десятин, если он получит за них то же, что и при посеве 2 х десятин, сократит свой посев до этой нормы, до нормы собственного потребления. Эту психологию крестьян называют мелко буржуазной психологией. Как бы ни называлась психология рабочего, производящего больше при сдельной плате, но ее значение таково, что с ней приходится считаться и подчинять ей принцип равномерного распределения «сообразно потребностям» и остановиться на распределении сообразно затратам труда, точно так же, как и выше оплачивать квалифицированный труд.

Надежда заставить крестьянина вести хозяйство в прежних размерах является самой вредной утопией. «Деревенская беднота» может отобрать то или другое количество продукта, но заставить произвести определенное количество продуктов, да еще в мелком хозяйстве, совершенно невозможно. Если на фабрике путем урочной системы можно заставить производить определенное количество продуктов, то в мелком хозяйстве, если даже приставить к каждому крестьянину надсмотрщика, все таки, вынудить произвести больше, чем желает крестьянин, нельзя. Он не может воспрепятствовать реквизиции у него коровы или свиньи, но он может не воспитывать лишней лошади, коровы или свиньи, не затрачивать излишнего труда для повышения урожая и т. д.

Между тем этими излишками производства крестьян, не потребляемыми деревней, и существует город.

Каждый индивидуальный крестьянин, сокративши продукцию в своем хозяйстве (при полном проведении «коллективного» товарообмена), ничего не теряет, так как получит столько же продуктов. Если он теперь и получает больше при большем посеве, при большем количестве скота, птицы и т. д., то только потому, что может сбывать на сторону, т. е. «спекулировать». Без этого нет никакого расчета воспитывать лишнее животное, производить лишний пуд хлеба, масла и т. д. против потребностей своей семьи. Нельзя убедить крестьянина, что если все крестьяне будут производить только для себя, то ничего не получат из города. Невозможно это потому, что он фактически получает продукты из города не пропорционально количеству отчужденных у него продуктов, а пропорционально потребностям, наравне с теми, у кого ничего не отчуждается. Повторяю, если рабочие при коллективном труде производят больше, благодаря сдельной плате, то тем более мелкий собственник, как ни называть его действия,—не будет работать без получения известного эквивалента за свою работу.

К сожалению, это убийство города деревней и, что еще более опасно, разрушение всех производительных сил страны будет происходить так незаметно, таким окольным путем, что истинную причину этого большинство не заметит.

Всю массу продуктов для рынка из деревни поставляли те хозяйства, ко-

торые не все потребляли в своем собственном хозяйстве. Проекты соц.-революционеров об уравнительном землепользовании, преследуя принцип равномерного распределения, и были опасны тем, что могли привести все крестьянские хозяйства к типу самопотребительных. «Коллективный товарообмен» действует в этом направлении гораздо сильнее, ибо при уравнительном землепользовании все-таки крестьянин мог бы получить фабрикаты только за отчуждаемые продукты, теперь же для этого в них нет надобности.

Поскольку мне лично приходилось наблюдать этот процесс сокращения производства «излишних» продуктов в крестьянском хозяйстве, он происходит двоякым путем: увеличивается личное потребление внутри хозяйства—с одной стороны и сокращается производство—с другой. Съедается лишняя корова, поэтому сокращается количество корма, продается «лишняя» лошадь, сокращается посев, удобрение и т. д. Все это, выражаясь в мелочах в миллионах хозяйств, лишь постепенно приводит и приведет к тому, что земледельческая страна будет производить продукты только для потребления земледельческого населения. Это утверждение покажется настолько же парадоксальным, насколько парадоксальным казалось мое утверждение, что если рабочие не озаботятся увеличением своей продукции, то они останутся без работы.

Таким образом, крестьянское хозяйство в результате «коллективного товарообмена», если в конце концов не прекратит производства для города и вообще для вывоза из деревни, то только постольку, поскольку оно будет в состоянии продавать свои продукты, т. е. поскольку не удастся полностью провести «коллективный товарообмен».

Как я упомянул, для того, чтобы разобраться в экономике, приходится отвлечься от партийных и фракционных соображений и сделать анализ фактов экономической жизни. Из этого анализа уже каждый класс, каждая общественная группа делает свои выводы, сообразно своим интересам. Задача научного понимания явлений заключается в том, чтобы не насиловать эти факты, правильно их констатировать, чтобы избежать иллюзий, самообмана и ошибок. Трудность такого анализа заключается в том, что экономика задевает самые жизненные интересы различных классов и групп; поэтому даже констатирование факта обыкновенно рассматривается, как нарушение тех или других интересов. Например, указание на вредное влияние роскоши на развитие хозяйства рассматривается, как покушение на благополучие имущих классов, указание на вредное влияние дележа,—как враждебный неимущим классам взгляд и т. д. и т. д. Это и являлось причиной того, что факты хозяйственной жизни получают односторонее освещение, не отвечающее действительности.

Тем труднее определить направление экономической политики, всегда отражающей интересы того или другого класса, но не всегда отвечающей интересам хозяйственного развития.

До сих пор на политику классов имела гораздо большее влияние **вера** в правильность политики, диктуемая и подкрепляемая непосредственными текущими материальными интересами, чем анализ ее влияния на развитие народного хозяйства. Именно, эти текущие интересы момента заставляли игнориро-

ную проблему продукции и ставить на первое место интересы распределения— как буржуазию, так и рабочих.

Казалось бы, задача социальной справедливости должна подчинить себе все, в том числе и проблему продукции, но если сокращение производства грозит уничтожением эксплоатации, т. е. и уничтожением того класса, который добивается этой справедливости, то очевидно, и ее осуществление сделается невозможным.

Таким образом, даже с точки зрения осуществления социальной справедливости нельзя не подчинить проблему распределения задаче максимальной производительности.

Игнорирование проблемы продукции и выдвигание на первое место проблемы распределения как промышленными классами—рабочими и предпринимателями,—так и экономической наукой и, в частности, социалистами, объясняется условиями капиталистических отношений. Мне уже приходилось в другом месте указывать на то, что в капиталистических предприятиях доля каждого отдельного капиталиста, в виде его прибыли, зависит от величины доли рабочего и, обратно, доля рабочего зависит от того, какую долю получает предприниматель, т. е. чем большую долю, в виде заработной платы, сравнительно с рабочими в других предприятиях, получают рабочие, тем меньше прибыли остается предпринимателю. Из такого положения, естественно, вытекает стремление того и другого класса увеличить свою долю за счет другого и на этой проблеме распределения устанавливается внимание предпринимателей и рабочих. Естественно, что и экономисты, и, в частности, социалисты, стремясь к улучшению положения рабочих, обращали все свое внимание на проблему распределения, ставя ее впереди проблемы производства.

Другой особенностью капиталистического строя, заставлявшей обратить исключительное внимание на проблему распределения, являлся факт перепроизводства, благодаря которому неправильно определялось состояние производительных сил общества.

На первый взгляд кажется, что производительные силы современного мирового хозяйства необычайно велики. Капиталистический мир утопает от избытка товаров; ведутся войны для приобретения рынков, для сбыта этих товаров. Повидимому, и потребление широких народных масс может в огромной степени возрасти немедленно, как только будет организовано более справедливое распределение, так как при огромных непроизводительных расходах был и избыток товаров. Однако, если мы займемся проверкой этих, повидимому, незыблемых положений, то найдем, что состояние производительных сил не так блестяще, как представляется с первого взгляда.

Население стран, вовлеченных в мировое хозяйство, в международный обмен, нужно считать не менее 1½ миллиард в душ. Подавляющее число этого населения эксплуатируется путем обмена капиталистических стран со странами отсталыми. Это выражается в том, что за предметы обрабатывающей промышленности, требующие относительно меньшей затраты труда, благодаря высшей технике, благодаря накопленному в виде орудий производства капиталу,

получаются, главным образом от сельского населения продукты, требующие значительно больших затраты труда.

Поэтому, несмотря на незначительную продукцию каждого в отдельности работника отсталых земледельческих стран и на их бедность, передовые капиталистические страны получают огромное количество труда, в виде предметов обрабатывающей промышленности. Кофе, рис, чай, хлеб, кожи, мясо, хлопок, каучук, масло и т. д. и т. д., производимые миллиардным населением земного шара, перерабатываются и потребляются сравнительно небольшим промышленным населением капиталистических стран. Если бы в большинстве своем нищенское население отсталых стран имело возможность потребить по одному лишнему пуду тех продуктов, которые оно отчуждает, то сразу промышленное население передовых капиталистических стран стало бы перед опасностью голодной смерти: почти все, что вывозится из Африки, Азии, Восточной и Южной Европы, потреблялось бы на месте и тогда 3/4 населения Англии, половина населения Германии, Бельгии и др. капиталистических стран.— и капиталисты и рабочие оказались бы без хлеба и сырья. Это отчасти и случилось во время войны: благодаря привозу огромного количества крестьян и рабочих на войну в России, потребление этих крестьян и рабочих, сделавшихся солдатами, значительно повысилось, потому что раньше они недоедали. В результате, несмотря на то, что в первые годы войны посевы и корм для скота не сократились, все «избытки», которые раньше вывозились за границу, были потреблены внутри России. «Избытки» сельскохозяйственных продуктов при приближении населения к нормальному потреблению не оказались избытками. До войны продукты сельского хозяйства отчуждались из деревни отчасти насильственно, в виде налогов, отчасти в обмен на предметы обрабатывающей промышленности.

Допустим, что население России, Персии, Китая, Турции, Балканских государств и т. д. будет иметь возможность потреблять продуктов несколько больше. Тогда окажется, что во всех плотнее населенных землях никаких «избытков» сырья нет, а имеются они только в самых редко населенных колониях, как Канада, Сибирь, Аргентина и Австралия.

Для массы промышленного населения капиталистических стран будет не достаточно ни сырья, ни продовольствия. Кажущийся избыток товаров обусловливается недостаточным потреблением миллиардного населения экономически отсталых стран.

Накопляющиеся таким образом товары в некоторой части потребляются непроизводительно небольшой группой имущих классов и, таким образом, не только создают иллюзию необычайной производительности современного общества, но и резко бросающуюся в глаза социальную несправедливость недоедания и нищенского существования миллиардного населения и безудержной роскоши отдельных лиц.

При изложенных условиях постановка социальной проблемы, т. е. пути к улучшения положения широких масс гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. Ведь, только увеличение потребления полутора миллиардным населением всяких продуктов на один пуд на душу сократит его предло-

жение на рынке на полтора миллиарда пудов, т. е. оставит без продуктов и сырья все промышленное население капиталистических стран, не только предпринимателей, но и рабочих. Ибо не только предприниматели потребляют эти 1½ мд. пудов, но и рабочие. Замена кожаной обувью лаптей в России, деревянной обуви в Западной Европе и Китае, соломенной обуви в Японии и т. д. в несколько раз повысила бы потребление кожи в настоящее время. То же самое нужно сказать и о всех других предметах потребления. Из всех этих иллюстраций можно сделать заключение, что **мировые производительные силы пока не очень велики**, что без предварительного решения проблемы продукции,—без подчинении ей распределения,—сколько-нибудь значительное и длительное улучшение положения широких народных масс невозможно, что для решении этой проблемы нужно колоссальное и постоянное развитие и перераспределение производительных сил современного мирового хозяйства.

Кто то из основоположников социализма назвал практику дележа накопленных богатств «социализмом дураков», но, по существу, решение социальной проблемы без подчинения проблемы распределения проблеме производства и будет таким «социализмом». Разумеется, никто из более культурных социалистов не проповедует такого социализма, но, как мне приходилось указывать, теория и практика современного социализма ставит в подчинение производство распределению и по существу социальная проблема сводилась и свелась к проблеме распределения, так как без анализа производительного и непроизводительного потребления нельзя поставить самой проблемы производства.

3.

Постановка проблемы производства в основу социальной проблемы требует постановки вопроса о максимальном производительном потреблении и о сокращении потребления непроизводительного.

Наиболее резко бросающееся в глаза непроизводительное потребление при капиталистическом строе—это **роскошь имущих классов за счет необходимого потребления народных масс и за счет производительного потребления.** Но даже без расширения необходимого потребления предметов питания миллиардного населения, как мы предполагали выше, одна постановка народного образования на сколько нибудь надлежащую высоту—проглотит все непроизводительное потребление имущих классов. Правда, народное образование через несколько лет даст свои плоды, значительно увеличивши продукцию населения,—с этой стороны затраты на просвещение являются производительными затратами—но, чтобы эти затраты не повели к падению производительных сил, процесс накопления орудий и средств производства не должен сокращаться, т. е. они должны быть сделаны не за счет сокращения или расширения материальных потребностей, а только за счет непроизводительного потребления. Между тем народные массы привыкли смотреть на социальный переворот, как на средство непосредственного немедленного улучшения своего материального положения.

Далее, значительная доля национального дохода, гораздо большая, чем роскошь богачей, идет на **бюрократию и на армию.**

Опыт как первого периода революции в России эпохи Керенского, так и периода советской власти показал, что до сих пор бюрократический аппарат, т. е. аппарат

управления, ничуть не сократился, следовательно, не сократилось и непроизводительное потребление против периода самодержавия. От того, что бывшие чиновники того или другого класса табели о рангах заменялись двумя-тремя рабочими, производительные силы страны ни в коем случае еще не возрастают. Положение меняется только в том отношении, что рабочий от производительного труда перешел к труду непроизводительному. Повидимому, значительное увеличение административного аппарата произошло в деревне в волостных управлениях и на фабриках.

Уже в период власти Керенского на фабриках административный аппарат очень усложнился. Только обслуживание организаций рабочих в предприятиях поглощает 20% (на каждые 5 чел.—1).

Внимание социалистов и коммунистов, направленное в сторону демократизации, партийного и классового замещения бывших чиновников рабочими или партийными людьми, совершенно не остановилось на экономической стороне вопроса. Вопросы политики так поглотили внимание всех, что, несмотря на грозные симптомы падения продукции, экономическая сторона управления мало привлекает внимание. Это, как я покажу дальше, об'ясняется не только тем, что вопрос о производительном потреблении национального дохода серьезно не ставился ни экономистами, ни социалистами ни прежде, ни теперь, но и тем, что эмиссия бумажных денег создает иллюзию, будто средств для поддержания огромного бюрократического аппарата вполне достаточно Эмиссия бумажных денег затушевывает процесс проедания национального капитала до тех пор, пока не прекратится обмен на эти деньги.

То же самое нужно сказать и о содержании армии. Гражданская война требует содержания большой армии, которое ложится тяжелым бременем на разрушенное народное хозяйство; но, благодаря продолжающемуся выпуску бумажных денег, проедание национального капитала происходит незаметно.

Советская власть теперь энергично агитирует за увеличение продукции и принимает меры к усилению ее городским населением. Но главным производителем в России является сельско-хозяйственное население, а увеличение его продукции может встретить значительные препятствия.

Из брошюры «Организация коммунистических хозяйств в земледелии» я узнаю, что в Европейской России запашки уже сокращаются: «у крестьян в данный момент нет сильной тяги к земле, в особенности к пахотной, как производящей монополизированный государством хлеб». В этом факте автор брошюры видит положительную сторону, так как на заброшенных помещичьих землях является возможность организовать коммунистич. крупные хозяйства. Вместо хлеба, получавшегося не земледельческим населением от крестьян, ожидается получить необходимый для него хлеб из этих коммунистических хозяйств. Таким образом превращение крестьянского хозяйства в самопотребительное не угрожает городу голодовкой.

Не мне, конечно, оспаривать значение крупного хозяйства в земледелии, большей производительности в нем труда и т. д.,—на это я всегда указывал. Тем не менее, было бы самой опасной ошибкой переоценивать его значение, так как такая ошибка может привести к неисчислимым бедствиям.

В самом деле, допустим, что коммунистические хозяйства быстро организуются. Допустим, что в ближайшие года на них имеется уже два миллиона десятин пашни, из которых один миллион под продовольственными хлебами, ½ миллиона под

овсом и 1/2 миллиона под паром. Будем оптимистами и допустим, что урожай на этих землях выше среднего по России и достигает 50 пудов чистого сбора, кроме семян, т. е. даст валового около 60 пудов с десятины, т. е. в полтора раза выше нормального. Итак, с этих коммунистических полей соберут 50 миллионов продовольственного хлеба, 25 пудов миллионов овса.

Допустим далее, что производительность труда в этих хозяйствах максимальная и на одного работника приходится 10 десятин пашни, т. е. работает 200 тысяч рабочих и на едока (предполагая на одного работника одного неработника) 5 десятин. При всех этих самых благоприятных условиях советские хозяйства отдадут из 50 миллионов пудов продовольствия для потребления рабочих в самих хозяйствах— по 20 пудов на едока (ограничить потребление меньшим пайком нельзя)—всего 8 миллионов пудов. Останется для неземледельческого населения 42 миллиона пудов. Этого количества, собираемого со всех крупных хозяйств страны, едва ли будет достаточно для двух—трех промышленных губерний нечерноземной России. Между тем, промышленное население России не меньше 30 миллионов.

Почему же крупные хозяйства могут доставить ограниченное количество продовольственных хлебов, когда до войны Россия только за границу вывозила до 500 миллионов пудов и, на ряду с этим, снабжала продовольствием неземледельческое население всей страны?

Да потому, что полтораста миллионов земледельческого населения доставляло большую часть этих продуктов из мелкого хозяйства, выбрасывая их на рынок. Если полтораста миллионов земледельческого населения будет отчуждать по 1 пуду на душу, то на рынке окажется 150 миллионов пудов. Если же полумиллионное население крупных хозяйств доставит для города во сто раз больше—по 100 пудов на душу или по 200 пудов на работника, то, все таки, хлеба получится только 40 миллионов пудов. Этот результат «больших чисел» имеет огромное значение в народном хозяйстве, но его, к сожалению, не принимают во внимание в расчетах о будущем народного хозяйства. Производительность труда 400 тысяч рабочих может повыситься вдвое, но если при этом производительность 100 миллионного населения понизится на одну десятую, то, все таки, общая продукция страны упадет в огромной степени и ее падение можно точно учесть. Увеличение производительности 400 тысяч рабочих в два раза равняется приемке 400 тыс. новых рабочих, а падение производительности ста миллионов на одну десятую равняется убыли 10 миллионов рабочих. Поэтому то мобилизация и содержание большой армии даже в богатых странах ведет к падению производительных сил страны, несмотря на напряженный труд рабочих, поэтому даже увеличение производительности труда в коммунистических хозяйствах ничуть не может покрыть сокращения продукции в мелких крестьянских хозяйствах.

Если бы даже посев в крупных хозяйствах удвоился, утроился, то и тогда без крестьянского хлеба тридцати миллионное промышленное население городов и промышленных районов не могло бы прокормиться. Поэтому нет никаких оснований радоваться тому, что «у крестьян в данный момент нет сильной тяги к земле, в особенности, пахотной, как производящей монополизированный государством хлеб». Это означает, что крестьянин переходит к производству для личного потребления в своем хозяйстве и прекращает производство для рынка.

Не менее опасно сокращение мелкими крестьянскими хозяйствами производства других жизненных продуктов—мяса, масла и т. д.

В обмен на продукты сельского хозяйства страна могла получать из-за границы орудия производства для своей промышленности. Разумеется, иностранцы не будут и не могут отдавать эти орудия производства для России даром, а станут давать лишь в обмен на продукты сельского хозяйства, которых недостаточно становится для собственного пропитания.

Если крестьянское хозяйство не будет отчуждать своих продуктов, если оно превращается и превратится в самопотребительское хозяйство, то из России, в конце концов, нечего будет вывозить в обмен на изделия других стран. Поэтому и ожидать оттуда никаких благ нельзя, если продукция сельского хозяйства будет падать, а не повышаться. Никто дарить продуктов своего труда нам не будет.

Фактически происходит такого рода вмешательство в хозяйственную жизнь деревни, которое побуждает, по общему утверждению, сокращать продукцию мелких крестьянских хозяйств. Если же такое сокращение произойдет (а по всем данным это уже происходит в Европейской России, в особенности по отношению к животноводству), то рассчитывать не только на вывоз заграницу значительного количества сельско-хозяйственных продуктов, но и на пропитание города не приходится. Таким образом, сокращение сельско-хозяйственной продукции грозит как индустриальному населению города, так и товарообмену с заграницей, независимо от того, какие социальные отношения установятся в европейских государствах, потому что ни капиталисты, ни рабочие европейских стран ничего не дадут России без получения от нее эквивалента. Конечно, возможно привлечь иностранный капитал для эксплуатации естественных богатств, если заграницей сохранится капиталистический строй, так как из социалистического государства капитал не может передвинуться при мировом товарном голоде, особенно в железе и орудиях производства; частный капитал, не считаясь с потребностями своей страны и в ущерб ее интересам, может передвинуться в другие страны, в надежде на более высокую прибыль. Но и частный капитал передвинется в Россию лишь при прочных гарантиях жестокой эксплуатации. Таким образом, чтобы избежать жестокой кабалы иностранному капиталу, необходимо повышение продукции мелкого земледельческого хозяйства, а повышение продукции возможно лишь тогда, когда каждый крестьянин заинтересован не в том, чтобы получать больше из хозяйства своего соседа,—а из своего собственного хозяйства, из увеличения продукции своего труда. Как я уже упоминал, деревенская беднота может отнять у соседа «лишнюю» корову, но заставить этого соседа выкормить и вспоить лишнюю корову она не может. К сожалению, у нас в России вера в живительную силу указа, декрета, приказа и т. д. настолько велика, что эта сила представляется способной развивать производительные силы при повышении потребления над производством и при уничтожении мотивов к более напряженному труду.

Сделанный нами вывод является об'ективным, полученным на основании анализа личного и хозяйственного потребления в крестьянских бюджетах. Как видно из анализа этих бюджетов, размер продукции крестьянского хозяйства определяется соотношением доли личного и хозяйственного потребления: чем больший процент бюджета затрачивается на хозяйственное потребление и чем меньший на личное, тем

выше продукция хозяйства. Таким образом, для увеличения продукции в крестьянском хозяйстве хозяйственное потребление должно расширяться за счет личного и, обратно, расширение личного потребления ведет к сокращению продукции. Если крестьянин съест часть семян, то сокращение их хозяйственного потребления поведет и к сокращению продукции. Так как в мелком крестьянском хозяйстве распределение бюджета на личное и хозяйственное потребление зависит от хозяина, то невыгодность для него увеличения продукции поведет к расширению личного потребления за счет хозяйственного.

Этот вывод настолько очевиден при анализе личного и хозяйственного потребления в бюджетах крестьянского хозяйства, что можно только изумляться существовавшей довольно продолжительное время политике разверсток и «борьбы с кулачеством», под которым разумелось производство для рынка.

ГЛАВА XLIX.

Формы непроизводительного потребления.

Выше мы заметили, что наиболее резко бросается в глаза одна форма непроизводительного потребления—это роскошь и безделье имущих классов. В действительности, непроизводительное потребление национального дохода принимает самые разнообразные формы и ускользает от внимания, так как очень часто непроизводительное потребление кажется необходимым. Наиболее яркие формы бюрократического непроизводительного потребления дала Советская Россия. Это тем более характерно, что власть коммунистов имела в виду, путем введения социалистического строя, сократить до минимума непроизводительное потребление имущих классов и за счет этого сокращения улучшить положение трудовых масс и остановить падение производительных сил страны, вызванное усиленным непроизводительным потреблением во время войны.

Я приведу типичные примеры, которые лучше всего иллюстрируют положение, что уничтожение одной формы непроизводительного потребления ничуть не исключает замены ее другой формой непроизводительного потребления, которое может сделаться еще более гибельным для производительных сил страны. Нужно заметить, что советская власть сознает необходимость не только увеличения продукции, но и сокращения непроизводительных затрат. Увеличить продукцию она пытается путем сокращения числа бездельников, удлинением рабочего дня и др. мерами, а непроизводительное потребление сократить путем уничтожения роскоши, сокращением числа людей, не занятых трудом, и т. д. Тем не менее, все эти усилия приводят большей частью к обратным результатам, вследствие того, что одна форма непроизводительного потребления сменяется лишь другой формой.

1) Наиболее распространенной формой непроизводительной растраты рабочих сил народного хозяйства является растрата их, вытекающая из **политических соображений.** Опытные, но политически неблагонадежные работники-профессионалы в какой-либо области производства заменяются неопытными, иногда совершенно невежественными в данной области людьми, но политически благонадежными или кажу-

щимися благонадежными. Этот принцип, существовавший при самодержавии по отношению к бюрократии [1]) и в частных предприятиях по отношению к служащим и рабочим, при советской власти принял универсальный и в некоторых случаях весьма причудливый характер.

Оставляя в стороне моральную и политическую сторону вопроса, мы должны лишь указать, что в области хозяйственной при неумелых руководителях происходит колоссальная растрата производительных сил страны. К сожалению, теперь несвоевременно было бы приводить наиболее яркие факты и иллюстрации, так как это слишком злободневно, мы же пишем не памфлет, а научное исследование.

2) Другой формой непроизводительной затраты производительных сил является **переход от квалифицированного труда к простому**, вызванный, может быть, и правильными с точки зрения социальной справедливости, но экономически неправильными расценками труда. Так как мелкое производство, ремесло, кустарный промысел не поддаются такой регламентации и расценке, как фабричный труд, то такой труд ремесленника при советской власти оплачивается значительно выше, чем труд профессора, инженера, техника и т. д. Благодаря этому специалист техник, изготовлявший тонкие и очень ценные приборы и машины, из за заработка переходит к починке ведер, к лужению самоваров и т. д., профессор—к огородному хозяйству, рыболовству или какому нибудь ремеслу и т. д.—вовсе не потому, что тот и другой «саботажники», а потому, что поиски средств для существования побуждают искать лучше оплачиваемого труда. Например, можно не чувствовать больше призвания копаться на огороде, чем заниматься научной деятельностью, и быть вынужденным работать на огороде. Эта работа ничуть не является «саботажем» науки со стороны профессора, но огород дает с'едобную овощь, а научная работа дает нес'едобные бумажные деньги и в недостаточном количестве для питания. Превращение квалифицированных работников в цинциннатов при общем недостатке квалифицированного труда является непроизводительной его затратой, вследствие недостатка его организации, и действует разрушительно на народное хозяйство.

Разумеется, все явления, о которых идет речь, не результат злой воли. Я констатирую, а не оцениваю.

3) Третьей формой непроизводительной затраты являются затраты, вытекающие из **отсутствия плана организации производительных сил.** Эта формулировка покажется непонятной, так как над организацией производительных сил, в смысле их распределения, меньше всего задумываются.

При капиталистическом строе, при господстве свободной конкурренции, распределение производительных сил страны между производством средств производства и предметов непосредственного потребления происходит по общим законам спроса и предложения, влияющим на колебания цен, и через них—на увеличение или сокращение производства того или другого товара. При устранении свободного рынка и

[1]) Если при самодержавии для исполнения функций земских начальников считались наиболее пригодными лица дворянского происхождения, то теперь для роли администраторов считаются наиболее подходящими лица пролетарского происхождения. И в том и другом случае происхождение и политическая благонадежность предполагаются источником универсальных знаний, а фактически являются источниками хозяйственной разрухи...

национализации крупного производства указанный мною регулятор в значительной степени исчезает и потребность в том или другом продукте должны определяться какими то другими условиями. Если потребности в предметах непосредственного потребления можно еще относительно легко учесть по количеству населения и его потребительным бюджетам, то потребности в средствах производства не так легко поддаются учету, потому что затраты на производство орудий и средств производства, главным образом, определяются состоянием производительных сил, которое не так просто учесть и которое, пока, не учитывается.

Поясню примером. Производительные силы каждой страны ограничены. Она может производить в данный момент определенное количество предметов питания, железа, угля, машин, построек и т. д. Допустим, что она может произвести 100 миллионов пудов чугуна, 100 миллионов пудов угля, столько же леса, дать 1 миллион промышленных рабочих и т. д. Эти производительные силы должны распределяться в свою очередь на производство предметов непосредственного потребления, средств производства, перевозки и орудий производства.

Если эти сотни миллионов пойдут целиком или большею частью на электрификацию, на средства передвижения, на железные дороги, то мало останется на производство предметов непосредственного потребления и на орудия производства и нечего будет перевозить: может быть и обратное распределение.

Нужно, прежде всего, выяснить состояние производительных сил. Нужно определить, какая доля производительных сил должна затратиться на производство предметов непосредственного потребления и какая доля может затрачиваться на производство средств передвижения и перевозки. Существует определенное соотношение между этими долями, различное, в зависимости от состояния производительных сил. Нужно их определить как и соотношение между долями. Это, конечно, никем не делается, и страна может, напр., поставить электрические станции, но не иметь машин для того, чтобы использовать для производства полученную энергию, или не иметь достаточно сырья и т. д. Распределение производительных сил во время войны и благодаря войне было ненормально, а нового принципа распределения не выработано, хотя старые принципы (спрос и предложение) отпадают. Это приводит к тому, что, например, начинают строиться несколько зданий, но они не могут быть окончены, за отсутствием материалов: станут изготовляться материалы, но не будет перевозочных средств и т. д.

4) Гораздо меньшее хозяйственное значение имеет, но лишь больше бросается в глаза, как моральное явление, излишнее, приближающееся к роскоши **потребление бюрократии** [1]).

---

[1]) Железные дороги, почта, телеграф, гужевой транспорт, находясь в монопольном пользовании бюрократии, в огромных размерах используются непроизводительно. Десятки вагонов отправляются из Москвы с партийной литературой в то время, как необходимого хлеба и угля той же Москве недостает. Предметы роскоши, отбираемые от „буржуев“, потребляются с большим успехом „приспособившимися“. Такие формы потребления, разумеется, мало содействуют развитию производительных сил страны; „буржуазный“ лозунг „Накопляйте, накопляйте“, сменился лозунгом люмпенов: „Потребляйте, что можно, пока другие не отняли“. В буржуазно-демократической Швейцарии президента республики, вздумавшего прокатиться в карете, мальчишки закидали камнями и вынудили к более дешевому способу передвижения. Но это были буржуазные

С хозяйственной точки зрения безразлично, раз'езжает ли на автомобиле губернатор или комиссар, едет ли в отдельном поезде коммунист или министр,—хотя с политической точки зрения они являются противоположностями.

5) Пятой формой непроизводительного потребления является **стремление поддержать и сохранить мало производительные предприятия.** При частно-хозяйственной организации производства это стремление сохранить свое предприятие, хотя бы оно было мало производительно, ослабляется действием конкурренции, благодаря которой малопроизводительное предприятие делается убыточным и вытесняется более производительными предприятиями.

При национализации предприятий это стремление сохранить малопроизводительные предприятия может повести к колоссальным потерям. После национализации заводов производительность многих из них так упала, что себестоимость производства увеличилась в десять раз. На Ленских золотых приисках после национализации в 1920 г. сократилось производство:

		Количество рабочих.
январь	10 п. 28 ф. 87 з.)	3149 раб.
февраль	7 п. 21 ф. 17 з.)	
март	6 п. 31 ф. 17 з.	
апрель	7 п. 12 ф. 59 з.	4070
май	7 п. 38 ф. 51 з.	4359
июнь	6 п. 22 ф. 1 з.	3957
июль	2 п. 37 ф. 60 з.	3249
август	4 п. 36 ф. 39 з.	2968
сентябрь	3 п. 23 ф. 49 з.	2980
октябрь	— 15 ф. 52 з.	2799

Нужно заметить, что промывка золота производится, главным образом, в летние месяцы и, несмотря на это, после национализации, как раз к лету производительность приисков падает. Если бы это было частное предприятие, то оно, несомненно, закрылось бы по следующим соображениям. До революции производительность ленских приисков достигала в год до тысячи пудов, большая часть которых намывалась летом. В два летних месяца намывалось около 400 пудов и за эти месяцы получалось прибыли, будем считать максимум, 100%. Я преувеличиваю прибыль и все-таки добыча четырехсот пудов золота стоила 200 пудов золота же (400 п.—200 п.) в виде продуктов для рабочих, орудий производства и т. д. Если даже допустить, что

швейцарские мальчики. Мы употребляем термин „люмпен", как определение социальной группы, которая, выброшенная из хозяйственной деятельности, обычно может существовать лишь случайным заработком, грабежом, нищенством и т. п. В эту группу попадают представители различных классов, но общей чертой их является оторванность от хозяйственной организации общества. Во время гражданской войны и хозяйственного развала эта группа делается особенно многочисленной, вербуясь из армий, разоренного населения и т. д. и в настоящее время, в значительной степени окрашивает даже общественное настроение в виде стремления потреблять и не производить. Идеология различных видов анархизма ближе всего подходит к этой группе, хотя люмпены в виде защитной окраски принимают ярлык и окраску тех партий, которые находятся у власти. Эта способность люмпенов, не заинтересованных в сохранении хозяйства, принимать соответствующую окраску в зависимости от победы той или другой партии, делает их опасными для народного хозяйства при всяких политических и социальных формах государства и выражается в грабеже и насилиях и злоупотреблениях властью или под крайним революционным, или крайним реакционным лозунгом. 15

стоимость добычи сократилась вдвое, вследствие уменьшения числа рабочих (я преуменьшаю расходы: многие среди них не уменьшаются от сокращения добычи—машины, надзор и проч.), то стоимость добычи 7 п. 34 ф. золота в наиболее продуктивные месяцы—июль и август—была бы равна 100 пуд. (200:2). В действительности, вследствие падения цены на золото вдвое против предметов потребления рабочих и средств производства, добыча семи пудов тридцати четырех фунтов будет стоить тоже 200 пудов золота, как и до революции. Таким образом, если бы те продукты и средства производства, которые затрачены на добывание семи пудов тридцати четырех фунтов, были вывезены заграницу, то за них выручили бы 200 пуд. золота, а затраченные на добычу золота эти же средства дали круглым счетом 8 пудов, т. е. пуд добытого золота на богатейших приисках стоит правительству двадцать пять пудов золота же. Разумеется, частное предприятие и одного месяца не выдержит при таком хозяйстве, а национализированное предприятие продолжает добывать золото и при 15 фунтах добычи в октябре, когда пуд золота ему стоит уже не меньше 50—100 пудов.

Приведенный пример интересен тем, что в предприятии добывается золото, которое является орудием купли—продажи средств производства и предметов потребления рабочих. Поэтому каждому наглядно видна выгодность или убыточность предприятия. Золото добывается для купли средств производства и предметов потребления; они же затрачиваются и на добычу золота. И вот, мы видим, что затрачиваются средства производства стоимостью в 25 пудов для добычи одного пуда. Эта сторона вопроса так мало была освещена, что руководители хозяйственной жизни искренно думают, что при современном экономическом строе (это постоянно приходится слышать) себестоимость производства не имеет значения, и добытый пуд золота с затратой на его добывание 25 пудов золота же—большое приобретение для хозяйства страны. Этот самообман происходит только потому, что машины, посредством которых добывается золото, чай, сахар, мануфактура, которые потребляются рабочими, покупаются за границей не на тот пуд золота, который добыт в текущем году, а на 25 пудов золота, добытых в предшествовавшие годы. Аналогичные примеры можно было бы привести из других отраслей промышленности, но они не будут так наглядны.

Другой, довольно наглядной иллюстрацией такого рода непроизводительного потребления является реализация хлебных разверсток. Хлеб, сено и солома разверстываются между крестьянами и последние должны доставить эти продукты на указанные пункты. Повидимому, все равно, далеко или близко провозить продукты. Этому не придают особенного значения, так как за провоз не платится или платятся ничтожные суммы. И вот, солома гужом привозится с расстояния в 120 верст, а мясо в Сибири гужом провозилось за тысячи верст. Не считая потерянного времени, возчиков и лошадей, для провоза 12 п. соломы на одной лошади требовалось истратить почти столько же более ценного продукта, сена на корм этой лошади. Стоимость гужевого провоза мяса превышала его собственную стоимость, топливо заготовлялось так, что стоимость его провоза превышала стоимость заготовки, соль везется из Европ. России на Дальний Восток и т. д. и т. д. Гужевой транспорт разрушался, крестьяне разорялись подводной повинностью, потому что провоз «ничего не стоит» и можно было такой продукт, как солома и дрова, возить за десятки и сотни верст...

В результате, вместо повышения продукции происходит ее падение, но зато проведена уравнительная разверстка и крестьянская беднота численно увеличилась за счет «кулацких элементов».

Употребление на топливо деревянных зданий в Петрограде, Москве и других городах является яркой иллюстрацией непроизводительных затрат; колоссальные суммы накопленного труда уничтожаются только потому, что живой труд бестолково используется.

Я полагаю, что едва ли один из тысячи администраторов понимает, что непроизводительная растрата чужого труда является не менее преступной, чем роскошь, и более вредной.

6. Все перечисленные виды непроизводительного потребления имеют второстепенное значение перед шестой формой непроизводительного потребления, вытекающего из **развития бюрократизма.**

Процесс развала крупной промышленности и бюрократизации хозяйства отчасти иллюстрируется следующими данными, собранными организацией текущей промышленной статистики Центрального Статистического Управления (Московское Столичное Бюро), относительно московских предприятий **крупной и средней промышленности** (от 16 рабочих—при наличии механ. двигателя или 30 раб.—без двигателей). Не хватает данных о 38 заводах Москвы (большею частью—не действующих) [1].

	Число пром. заведений		Всего.	В них рабочих.		Всего.
	Дейст.	Не дейст.		На действ	На недейств.	
На 31 августа 1918 г.	973	219	1192	161680	4571	166251
„ 1 апреля 1919 г.	761	393	1154	88784	27032	115716
„ 1 мая „	700	385	1154 [2]	86450	21675	108125
„ 1 июня „	768	386	1154	90704	14506	105210

Среди 200 закрывшихся—наиболее крупные заводы и фабрики. Число действующих предприятий сократилось на 11%, занятых в них рабочих на 45%.

Общее число рабочих на фабриках и заводах Москвы упало на 30%.

В тех же 1154 предприятиях.

	Служащих		В среднем на 1 пром. заведение служ.			% отнош. числа служ. к числу рабочих.
	Всего.	В действ. завед.	В дейст.	В недейст.	В обоих груп.	
На 1 апреля 1919 г. . .	19307	15922	26,9	8,6	16,7	16,7
„ 1 мая „ . .	19204	15821	26,6	8,8	16,6	17,8
„ 1 июня „ . .	18973	16453	21,4	6,5	16,4	18,0

[1] См. «Бюллетень Центр. Статистич. Управления» № 14, 23—VI 1919 г.
[2] Вычисления подлинника сохранены.

Эти данные говорят о том, что в 1919 году процентное отношение числа служащих по отношению к числу рабочих росло в ужасающей прогрессии—почти на 1% ежемесячно и с первого апреля по 1-е июня, т. е. через два месяца, возросло с 16,7% до 18%. Но сюда не входит еще распределительный аппарат производимых на фабриках продуктов, а он, повидимому, огромен и, вероятно, растет. Если в крупных предприятиях происходит такая растрата на бюрократический аппарат, то, по приведенным выше расчетам, какой процент составит этот аппарат для мелких предприятий?!

При расчетах затрат на регламентацию распределения будет видно, какого огромного процента может достигнуть непроизводительное потребление при регламентации мелкого потребления и производства.

Государственная власть может искренно стремиться и употреблять огромные усилия на увеличение продукции страны; население,—и добровольно и под угрозой репрессий,—поголовно заниматься самым напряженным трудом и, тем не менее, благодаря различным формам его непроизводительной затраты, производительные силы страны будут падать.

Чтобы определить относительное увеличение непроизводительных затрат при регламентации мелкого производства и мелкого потребления, сравним относительную стоимость получения продукта в различных его количествах.

Допустим, что для добывания каждых 10 пудов угля и доставки их к месту потребления нужно затратить один час.

Для получения угля какому-либо предприятию требуется затрата времени на хождение по различным учреждениям, причем эта затрата одинакова, требуется-ли получить один пуд или тысячу пудов. Точно также и в канцеляриях затраты времени для регламентации, разрешений и т. д. одинаковы. Если на получение и разрешение получить требуется пять часов, то общая потеря времени на это будет равна десяти часам: пять часов затрачивает лицо, ищущее разрешения и пять часов проходит бумага по канцеляриям, занимая поочередно несколько, иногда более десятка лиц. В действительности потери времени измеряются иногда сутками.

Итак, в приведенном нами случае на получение угля затрачивается 10 часов. Если требуется получить 100 пудов, то затраты на получение как раз равны затратам на производство и доставку, так как мы предположили, что на 10 пудов затрачивается 1 час., а на сто пудов—10 часов.

Если требуется получить тысячу пудов, то уже затраты на получение составят только 10%, а 10.000 пуд.—всего 1%. Напротив, при уменьшении требования до 10 пудов, затраты на получение разрешения будут превышать затраты на производство в десять раз. Разумеется, при регламентации мелкого производства и потребления мелкие дозы потребления численно во много раз превышают крупные дозы. Поэтому регламентация мелкого производства и потребления повышает непроизводительное потребление в несколько раз и может далеко превысить производительные затраты труда.

В индивидуальном капиталистическом хозяйстве подобные расчеты не нужны, так как высокие непроизводительные затраты в каком либо частном хозяйстве ведут к разорению и ликвидации такого хозяйства. Напротив, в государственном хозяйстве непроизводительные затраты могут колоссально расти, сокращать производи-

тельные силы страны и учесть эти растраты оказывается почти невозможно, так как они покрываются из общенационального фонда.

Я беру на себя смелость утверждать, что **ни один** из организаторов современной хозяйственной жизни страны не может определить, какая доля национального дохода и национального труда теперь затрачивается непроизводительно, и ни один экономист не опровергнет, что эти растраты (помимо военных потребностей) превышают непроизводительные растраты национального дохода в капиталистических странах. Это происходит, главным образом, от регламентации мелкого производства и потребления. И в этом не виноваты коммунисты, **потому что проблема потребления вообще не ставилась социалистами и, в частности, Марксом.** Разумеется, ни в одной социалистической программе нет и намека на эту проблему, стоящую одинаково и перед капиталистическим и перед социалистическим строем. Даже опыт войны, революций и социалистического строительства еще не научил, что замена одной формы непроизводительного потребления другой формой ни на шаг не двигает вперед решение социальной проблемы.

Из приведенных соображений видно, что непроизводительные затраты труда при бюрократизации экономического строя ошибочно было бы сводить только к огромному бюрократическому аппарату, который стремится регламентировать всякую хозяйственную мелочь и охватить все хозяйственные отношения. Конечно, и сам по себе бюрократический аппарат может составлять такую огромную непроизводительную затрату, что будет содействовать превышению потребления над производством, в особенности, когда он регламентирует мелкое производство.

Мелкое производство иногда имеет дело с таким маленьким количеством материалов и ценностей, что содержание регламентирующего аппарата часто превышает стоимость производства тех материалов, с которыми приходится иметь дело. Например, самый процесс выдачи печнику кирпича для починки печки, разрешения его получить и привезти может стоить дороже, чем самая выделка кирпичей. Но главные непроизводительные расходы заключаются не столько в содержании бюрократического аппарата, сколько в волоките, связанной с регламентацией. Время, которое печник должен затратить на то, чтобы получить кирпичи, значительно превышает то время, которое необходимо для их производства.

Фунт гвоздей до войны стоил, приблизительно, 5 коп. или 1 час рабочего времени. Но для того, чтобы при современной регламентации ремесленник мог получить этот фунт гвоздей, он иногда затрачивает несколько дней и, в лучшем случае, несколько часов. Таким образом, **не считая** стоимости бюрократического аппарата, только на то, чтобы иметь с ним дело, требуется в несколько раз большая затрата, чем на самое производство необходимого предмета. Оценивая это время на деньги, **получим**, что стоимость производства фунта гвоздей равняется 5 коп., а его получение 15—20 коп., т. е. только одна четверть или одна пятая времени затраченного на гвозди является производительной, а три четверти или четыре пятых, не считая бюрократического аппарата, затрачиваются непроизводительно.

Можно было бы привести бесконечный ряд показательных примеров из самых различных областей народно-хозяйственной жизни, примеров, из которых видно, что, **во имя** «правильного» распределения продуктов делаются колоссальные непроизводительные затраты, жертвуется продукцией страны во имя принципов распределе-

ния. Самые необходимые и ценные работники огромное количество времени и главную массу нервных сил затрачивают на регламентацию и канцелярскую волокиту.

Такого рода «организация» хозяйственной жизни принимает опасный характер, в особенности тогда, когда указания на ее нецелесообразность рассматриваются как «потрясение основ» и вызывают репрессии.

Все формы непроизводительного потребления, как перечисленные, так и другие, вытекают из того, что эта сторона хозяйственной жизни не принималась во внимание ни социалистами, ни экономистами других направлений. Предполагалось, что если предприятие национализировано, или национализирован автомобиль, лошадь и т. д. от частного лица, то тем самым решен вопрос и о потреблении. Повидимому, эти соображения правильны. Ведь, лошадь составляла частную собственность, а при реквизиции, национализации она сделалась общественной собственностью.

Но если, составляя частную собственность, она получала производительное назначение, например, перевозила грузы, а при превращении в общественную собственность она служит для раз'ездов, хотя бы и видного служащего, комиссара и т. д., то частное ее «потребление» было производительно, а «общественное»— непроизводительно. Производительные силы страны будут падать, независимо от формы собственности, если непроизводительное потребление, как в приведенных случаях, будет не сокращаться, а увеличиваться.

При таких условиях огромный бюрократический аппарат может необычайно интенсивно работать, все население может быть привлечено к труду и быть занятым целые сутки, а продукция страны, тем не менее, будет падать. Некоторые учреждения принуждены иметь несколько людей исключительно для хождения по канцеляриям различных других учреждений, чтобы исполнять все требования регламентации. При этом всякое сокращение штатов канцелярий удлиняет хвосты просителей и увеличивает потери их времени, а увеличение штатов увеличивает непосредственный расход на бюрократию. Тысячи людей в каждом городе теряют тысячи часов на получение нескольких фунтов муки, бутылки молока, ложки касторки, фунта гвоздей и т. д. Благодаря таким непроизводительным затратам, продукция еще больше сокращается, а сокращение продукции ведет к еще большему бестоварию и нужде, нужда в свою очередь еще больше заставляет тратить время непроизводительно на каждую мелочь и т. д.

В области финансовой, как известно, взыскание некоторых налогов стоит дороже, чем сумма, подлежащая взысканию. Поэтому такие налоги и не вводятся. Регламентация мелкого личного потребления поглощает гораздо больше непроизводительных затрат и от бюрократии и от потребителей, чем регламентация производства. То же самое происходит при регламентировании мелкого производства, а также потребления таких продуктов, которые получаются каждым хозяйством в ничтожных количествах.

Значительная часть налогов Советской России не соответствует этому принципу, так как суммы, получаемые в виде налогов и взносов не окупают той бумаги и того времени, которое затрачивается на их взнос и взыскание, поэтому также являются непроизводительными затратами вдвойне: и для налогоплатящего и для государства. В настоящее время в городах Советской России—можно смело сказать—на регламентацию и на получение необходимых продуктов сырья и пр. затрачивается

больше единиц времени, чем на их производство: т. е., благодаря регламентации, производительность труда по крайней мере вдвое ниже. Сама по себе трудовая повинность при непроизводительных затратах труда не спасет.

Финансисты более или менее точно определяют, покрываются ли расходы по взысканию налогов доходами от этих налогов: между тем как в указанной нами области, повидимому, никто никаких расчетов не делал и только все недоумевают: буржуазия, дворянство, землевладельцы исчезли; за редкими исключениями все принуждены напряженно работать; потребление сократилось, и тем не менее, не видно развития производительных сил, а происходит дальнейший процесс сокращения национального капитала, особенно орудий производства и зданий. Почему это происходит? Опять таки потому, что распределение стоит впереди производства и последнее подчинено первому, потому что находят более важным планомернее распределить продукт, чем производить его в большем количестве. Продукция может сокращаться, непроизводительное потребление может расти именно потому, что задачи распределения подчиняют себе проблему увеличения продукции и мешают ей.

Дальнейшее логическое развитие такого решения социальной проблемы приводит к превращению городского населения в распределительный аппарат, который занят не производством, а распределением. Только что же, в конце концов, ему останется распределять?

Мы показали, что по отношению к массе трудящихся, в лице крестьянства, не только не проводится принцип максимальной продукции, но создаются условия для ее сокращения. Мы также привели, в виде иллюстрации, несколько форм непроизводительного потребления. Эти иллюстрации можно было бы продолжить и указать целый ряд других форм, отчасти унаследованных от царского режима. Но и перечисленных иллюстраций достаточно для того, чтобы видеть, что социальная проблема теоретически ставилась неправильно, а практическая ее постановка грозит падением производительных сил. Наибольшая опасность для их развития—падение продукции мелкого хозяйства, если для него создались условия, делающие невыгодною максимальную продукцию для продажи или обмена.

Из анализа постановки социальной проблемы социалистами и коммунистами ничуть не следует, что она не должна ставиться, что проблему распределения нужно игнорировать и что капиталистический строй не должен быть сменен другими социально-экономическими отношениями. Напротив, война, вызванная капиталистическим строем, и все бедствия, ею принесенные, показывают, что в капитализме и психологии, с ним связанной, существуют элементы, опасные для самого существования человечества; но решение самой проблемы гораздо сложнее, чем это представляется социальным реформаторам—революционерам или эволюционистам.

Положение,—что социалистами еще не осознана необходимость подчинения проблемы распределения проблеме продукции,—доказывается всего убедительнее тем, что ради более правильного распределения продуктов создается колоссальное непроизводительное потребление, которое мы выше охарактеризовали. Продукты распределяются более равномерно, но образовалась ради этого такая огромная бюрократическая машина (особенно,в мелких городах и даже в деревнях), что непроизводительное потребление в огромной степени возросло. Но с точки зрения хозяйственной безразлично, кто потребляет огромную часть национального дохода: бюрократ ли

с социалистическим ярлыком или бюрократ старого типа—и в том и в другом случае происходит сокращение производительных сил и потребления народных масс. Подчинение задачи продукции задаче более планомерного распределения и разрушение, благодаря этому, производительных сил страны проявляется ярче всего в политике по отношению к крестьянскому хозяйству, на которую мы уже указали. Эта политика делает безделье более выгодным, чем работу—не только в деревнях, но и в городах. Например, в городах в 1920 г. часть населения во избежание голода вскопала и засадила овощами огороды в надежде обеспечить себя достаточным количеством овощей. Когда они созрели, огороды взяли на учет и для того, чтобы получить для себя свои овощи с огорода, нужны были очень длительные хлопоты, после которых позволялось копать и привозить причитающееся количество. Разумеется, при таких условиях, на следующий год любителей работать до изнеможения окажется не много, и площадь огородов сократится. О крестьянах мы уже упоминали выше.

Интересы продукции подчинены интересам более равномерного распределения. Но будут ли через два-три года те продукты, которые пришлось бы «равномернее» распределять?

У многих еще сохранилась непоколебимой вера, что социальная революция сама по себе увеличивает производительные силы общества, независимо от того, как они потребляются.

Повидимому, такой взгляд на социальную революцию оправдывается историей. Ведь, французская революция явилась толчком для развития производительных сил капиталистического общества, хотя она много их разрушила в момент народного движения; почему же это не произойдет при социальной революции?

При этом возражении упускается из виду, что революция во Франции увеличила производительные силы ускорением процесса накопления, усилением производительного потребления, давши «свободный» более производительный труд вместо рабского, сокративши непроизводительное потребление дворянства, увеличивши, путем конкурренции, напряженность труда не столько рабочих, сколько мелких собственников, создавших главную массу ценностей, вследствие своего численного преобладания. Увеличение продукции мелкого производства являлось основой, на которой базировалось впоследствии крупное капиталистическое производство. Если социальная революция задержит этот процесс накопления, если мелкие собственники найдут невыгодным увеличить свою продукцию вследствие новых социальных отношений, если эти отношения побуждают мелких собственников к сокращению продукции, то и общество, в лице мелких собственников и рабочих, будет искать новых форм экономических отношений, обеспечивающих процесс накопления, или заставит вернуться к старым формам.

Игнорирование политическими партиями экономики мстит за себя тем, что политические победы, в конце концов, приводят к поражению, если не принимаются во внимание законы экономики.

И буржуазные экономисты и социалисты очень тонко и всесторонне исследовали капиталистический строй, посвящали толстые томы анализу какого нибудь экономического явления, но не заметили и не знали только «пустяков»,—законов потребления и их значения. Поэтому не удивительно, что весь мир разрушает свои производительные силы и ищет выхода из этого в дальнейшем их разрушении, путем непро-

изводительного потребления: в капиталистических странах—милитаризмом, а в России—другими формами потребления.

Для иллюстрации я привел ряд форм непроизводительного потребления в России. Но было бы ошибочно считать этот ряд исчерпывающим. Оно иногда принимает самые неожиданные для руководителей экономической жизни формы. Например, правительственные монополии, имеющие целью устранить эксплуатацию производителей торговым капиталом должны бы, повидимому, быть выгодными, если не для процесса накопления, то по крайней мере для производителей. Между тем монополии в большинстве случаев ведут к увеличению непроизводительного потребления и к падению продукции.

Возьмем монополию на пушной промысел. Если даже устранить такие моменты, как кражу и порчу пушнины, которые могут быть устранимы, монополия на пушнину требует огромного бюрократического аппарата, который даже **при наличности необходимых материальных средств** не может снабдить всех производителей необходимыми средствами для промысла и для существования,—так распылены и разбросаны добытчики пушнины. Поэтому они или принуждены прекратить добычу или сбывать ее тем, кто может им доставить все необходимое, но уже тайно, на невыгодных для себя условиях.

То-же самое происходит с другими видами сырья; если оно не может быть тайно вывезено (напр. золото), то его добыча сокращается, или это сырье потребляется в большем количестве самими производителями. Если к этим об'ективным условиям прибавить гибель монополизированных продуктов от неумения справиться с их массой и незаинтересованности в их сохранении со стороны служащих, то будет понятно, что большая часть монополий, введенных с благою целью борьбы с злоупотреблениями частного капитала, ведет к разрушению производительных сил. Очевидно, для устранения различных форм эксплуатации нужно искать различных путей, в зависимости от конкретных условий.

Приведенными иллюстрациями форм непроизводительного потребления, я имел в виду только показать, какой тонкий и хрупкий аппарат составляет народное хозяйство и с каким знанием и изучением нужно подходить к нему, чтобы не получились отрицательные результаты; что с одним знанием готовых формул, без глубокого знания конкретных условий, нельзя еще восстановить народное хозяйство. А между тем, на какое великолепное высокомерие приходится наталкиваться со стороны представителей различных политических течений, которые, кроме формул из своей партийной программы о народном хозяйстве, ничего не знают, а вышеизложенные замечания «заклеймят» слева—«оппортунизмом», а справа—«социализмом».

Любопытно, что формулированная в общей форме необходимость сокращения непроизводительного потребления признается почти всеми, но почти не встречается правильного понимания непроизводительного потребления, потому что нет правильного понимания законов потребления.

При рассмотрении законов потребления (вып. 1), мы приводили таблицу, иллюстрирующую характер потребления, как в частном, так и в национальном хозяйстве. Каждая потребность может быть удовлетворена различными предметами, имеющими не одинаковую трудовую или денежную стоимость. Напр. по Sloss'y и E. Waxwei-

ler'y, если 100 калорий хлеба стоят 1 коп., то 100 кал. рыбы стоят 4 коп., мяса—5 коп., сыра—6 коп., яиц—8 коп. и т. д. Допустим, что стоимость шоколада будет—15 коп., экзотических фруктов—20 коп. и т. д. Потребность в одежде также может быть удовлетворена хлопчатобумажной простой материей, стоимость которой определим в 5 единиц, овчиной—6, мехом белки—15, шелковой—20 и т. д. Потребность в мебели: простые столы и стулья—5 ед., фанерные—10 ед. и т. д., в табаке: в листовом—5, в лучших сортах—10, в сигарах—20 и т. д., в напитках: в квасе—1, пиве—10, заграничных винах—25 и т. д.

Получится следующая таблица:

I пища	II одежда	III мебель	IV табак	V напитки
1 хлеб	5 ситец	5	4	1
4 рыба	6 овчина	10	10	10
5 мясо	10 шерсть			
6 сыр	15 белка	20	15	25
8 яйца				
15 шокол.	20 шелк	и т. д.	20	и т. д.
20 экзот.	25 соболь			
фрукты	и т. д.		и т. д.	
и т. д.				

Так как потребление того или другого продукта в каждом хозяйстве определяется его бюджетом, то хозяйства, располагающие 20 единицами, могут удовлетворить все перечисленные потребности только самыми дешевыми продуктами, в данном случае хлебом (1) + рыбой (4) + ситцем (5) + простой меб. (5) + листовым табаком (4) + квасом (1). Хозяйство, располагающее 100 единицами, может уже разнообразить удовлетворение своих потребностей, затрачивая на каждую из них по 20 ед. Наконец, хозяйство, располагающее бюджетом свыше 100 ед., будет удовлетворять свои потребности предметами роскоши.

Если налоги и таможенные пошлины упадут на наиболее дешевые предметы потребления беднейшего хозяйства, то, очевидно, оно не в состоянии будет удовлетворять свои потребности. Если, напротив, обложение будет расти в такой же прогрессии, в какой растет стоимость предметов, удовлетворяющих одной и той же потребности (напр. в курении: табак, папиросы, сигары), то потребление этих более дорогих предметов сократится в тем большей прогрессии, чем выше будет их обложение, а запрещение ввоза или производства совсем уничтожит их потребление.

При рассмотрении законов потребления мы уже указали, что, по мере развития производительных сил, необходимое потребление должно расти и minimum потребностей должен повышаться от 20 ед. до 50, до 100 и т. д., т. е. количество предметов, удовлетворяющих необходимым потребностям, должно расти и то, что раньше было предметом роскоши, делается теперь предметом необходимого потребления. Поэтому жизненный минимум определяется состоянием производительных сил, а не представляет из себя величину постоянную: в России он ниже, чем во Франции, во Франции ниже, чем в Соед. Штатах и т. д. Очевидно также, что финансовая и таможенная политика не может быть одинаковой в странах с различным состоянием производительных сил.

Мы видим, что помимо запрещения, наиболее действительным средством для

сокращения непроизводительного потребления является повышение его стоимости, когда приходится выбирать между более или менее настоятельной потребностью.

В современной России, благодаря праву бюрократии пользоваться бесплатно подводами, жел. дорогой, телеграфом и т. д., целые поезда, вагоны даются в распоряжение одного «высокопоставленного» лица, когда «пролетарий» может ехать только в салон вагоне, а в кабинете сидеть в роскошном кресле за роскошным столом, когда стоимость поездки бюрократа, в особенности заграницу, исчисляется десятками тысяч рублей.

До сих пор многие еще не понимают, что для народного хозяйства не имеет значения, делает ли непроизводительные затраты лицо дворянского или пролетарского происхождения.

ГЛАВА 1.

Перераспределение производительных сил.

1.

Различные формы непроизводительного потребления ведут не только к уменьшению производительности труда каждого рабочего, но и к перераспределению производительных сил в сторону их непроизводительного потребления.

Мы уже упоминали о том, что при капиталистическом строе огромное количество национального труда затрачивается непроизводительно. Особенно сильное увеличение непроизводительных затрат происходит во время войны. Казалось бы, что при переходе от капитализма к планомерной организации производства не только должна была бы увеличиться производительность труда, но прежде всего должно было бы произойти перераспределение рабочих сил в сторону их производительного потребления в производстве. Тем не менее, если мы посмотрим, по имеющимся у нас отрывочным данным на процесс перераспределения производительных сил, поскольку он выражается в распределении рабочих по разным отраслям народного хозяйства в 1917—1920 г. г., то увидим, что произошло относительное увеличение непроизводительного потребления и колоссальное сокращение потребления производительного, несмотря на то, что в 1917 г. была огромная армия и существовал капиталистический строй. Это видно из следующих цифр: [1]).

Рабочие и служащие	в 1917 г. в тысячах	в 1920 г. в тысячах
Железнодорожники	560	900
Водный транспорт	280	180
Автогужевой транспорт	140	120
Строительное дело	200 [2])	200
Сельское хозяйство	1400	100
Индустриальные рабочие	2050	1000
Прочие	2700	2400
Всего	7330	4900

[1]) Ларин и Кричман. Очерк хоз жизни и организации нар хозяйства Сов. России. М 1920. Стр. 44—45.

[2]) Эта категория рабочих и в 1917 г. была меньше сравнительно с нормальным мирным временем.

Если рассмотреть приведенные ряды цифр по характеру затрат труда на различные отрасли народного хозяйства, то мы увидим, что в том и другом ряде цифр затраты труда на производство предметов потребления и средств производства вообще незначительны по сравнению с затратами труда на обмен (различные виды транспорта) и обслуживание потребностей городского населения (группа. «прочие», куда входят: почта, телеграф, телефон, искусство, пожарное дело, трамвай, водопровод, служащие фабрик, служащие обществен. и правит. учрежд. и т. д.).

Но если сравнивать количество индустриальных, сельско-хозяйственных и строительных рабочих в 1917 г. и в 1920 г., производивших продукты для сельского и для городского населения, то мы увидим, что за эти годы произошло огромное сокращение именно этих производительных рабочих.

Сельско-хозяйственных рабочих из 1400 тысяч осталось только 100 тыс., а 1300 тыс. превратилось в мелких земледельческих хозяев, имеющих посева менее 2-х десят. на хозяйство, т. е. производящих продукты только для собственного потребления, между тем как еще в 1917 году они производили для рынка, главным образом, для города.

Количество индустр. рабочих производивших и для города и для деревни с 2 милл. 50 тысяч чел. сократилось до 1 миллиона, т. е. сократилось более чем вдвое, хотя количество рабочих и служащих других категорий почти не сократилось. Непроизводящих продукты (т. е. без сельско-хоз., строительных и индустриальных рабочих) было занято в 1917 г. 3.680 тыс., а в 1920 г. 3.600 тыс., количество же рабочих, производящих продукты для других, сократилось с 3.650 тыс. до 1.300 тыс., т. е. почти в 3 раза. Следовательно, если даже производительность труда этих рабочих и не сократилась, то самое уменьшение почти в три раза количества рабочих, производящих для о-ва продукты, указывает на огромное перераспределение рабочих сил (производительных) в сторону их непроизводительного потребления.

Правда, некоторые факты показывают, что советская власть стремится направить часть рабочих сил на более производительную и более необходимую их затрату (переход резинового производства исключительно к производству средств производства, переход к производству одного сорта муки в мукомольи и т. д.), но эта экономия производительных сил является каплей в море колоссального относительного увеличения непроизводительного потребления, ибо при общем сокращении продукции, огромный аппарат транзитный (1200 тыс.), бюрократия (700 тыс.) и т. д. занят почти исключительно распределением и организацией потребления продуктов, которые производятся все в меньшем и меньшем количестве.

Итак, при существовании капитализма, когда непроизводительное личное потребление почти не было ограничено, **когда была мировая война и колоссальная армия, количество рабочих, занятых продукцией, составляло больший процент, чем в 1920 году.** Это перераспределение производительных сил в сторону их непроизводительного потребления нельзя об'яснить гражданской войной и мобилизацией населения, потому что количество рабочих и служащих, не занятых продукцией, почти не сократилось. Частичные меры не могут остановить сокращение производства в индустрии и особенно в главной отрасли промышленности, в земледелии, где, как я указывал выше, крестьянину выгоднее сокращать производство продуктов до нормы удовлетворения только собственных потребностей хозяйства. Статистические

данные о крестьянских посевах в России показывают, что в 1920 году произошло колоссальное сокращение посевов в многосеющих хозяйствах, т. е. как раз в тех хозяйствах, которые раньше производили большую часть продуктов для сбыта.

Мы видим, что и в индустрии и в земледелии постановка проблемы распределения впереди проблемы продукции повела к сокращению производства и продуктов земледелия и предметов обрабатывающей промышленности не только благодаря сокращению средств производства, но и благодаря перераспределению рабочих сил в сторону непроизводительного их потребления.

Благодаря сокращению продукции, чтобы получить от деревни предметы потребления, городское население принуждено отдавать в обмен на них все, что, оно имело: одежду, обувь, обстановку. Из этого делается вывод, что деревня эксплуатирует город, что «хозяйственные мужички» обижают горожан, что теперь крестьяне стали их эксплуатировать. Вывод совершенно неправильный, так как теперь эксплуатация деревни городом усилилась. Если раньше в обмен за продукты сельского хозяйства деревня получала, хотя и по высоким ценам, предметы индустрии, то теперь она почти ничего не получает, кроме старья и хлама, именно потому, что город занят распределением и непроизводительной работой и бестолковой растратой, а не производством.

Колоссальные производительные, (с военной точки зрения) расходы в армии, где на каждого бойца приходится слишком много надзирающих, обслуживающих или присвещающих, еще более обостряют безвыходное положение народного хозяйства.

К сожалению, социалисты и до сих пор не понимают, что для производительного населения при его голодовке представляет мало интереса сознавать, под какой партийной кличкой и с какими лозунгами потребляется непроизводительно национальный доход и в качестве членов какой партии оно голодает. Этим и об'ясняется все большее и большее равнодушие населения к различным политическим формам государства и к различным партиям: ни одна партия, кроме заведомо ложных обещаний, ничего не дает, так как не видит и не может устранить основных причин экономического кризиса.

К перечисленным в предшествующей главе видам непроизводительного потребления нужно еще причислить одну форму потребления, вытекающую из самых основ современного экономического строя в России.

При капиталистическом строе, каждый хозяйствующий суб'ект, имевший возможность путем накопления превратить накопленное в орудия и «средства производства», чтобы получить «доход», стремится «накоплять», не потреблять непосредственно весь доход, который он получал. Это относительное сокращение непосредственного личного потребления было свойственно не только буржуазии, но и крестьянству и даже, в известной степени, живущим жалованьем служащим и рабочим. С уничтожением частнопредпринимательского хозяйства, с открытием борьбы против «хозяйственных мужичков», мотивы к накоплению исчезли и не только буржуазия, но и крестьянство стремится потреблять все, что возможно. На ряду с голодовкой в тех районах, где уже все потреблено, те крестьяне, которые еще имеют возможность потреблять больше, по их же словам, никогда не питались и не потребляли так много, как теперь. Не вдаваясь в моральную оценку того, хорошо или дурно

накоплять, хорошо или дурно непосредственно потреблять все, что возможно, я только констатирую, что не только буржуазия, но все классы населения стремятся все превратить в потребительные ценности и все, что имеют, потребить, так как накопление не дает увеличения дохода [1]). Это служит одной из причин падения производительных сил страны, так как взамен частно-хозяйственного накопления не происходит накопления общественного. При параличе частно-хозяйственного накопления, должен быть очень высокий уровень развития производительных сил и очень умелое их распределение чтобы общественное накопление не только не остановилось, а подвинулось вперед. Между тем, при универсальном невежестве, которое существует в области экономики во всех странах, на это расчитывать, пока, не приходится.

Таким образом, наиболее трудной задачей при решении социальной проблемы при всех формах хозяйственной жизни является задача сокращения непроизводительного потребления. При капитализме, когда рабочий класс не может оказывать значительное влияние на характер потребления, огромная часть национального дохода тратится на армию и на безработицу вследствие анархии производства. Заинтересованные группы имущих классов будут оказывать сопротивление образованию общественных фондов для использования труда безработных на общественно необходимые нужды, так же как и ослаблению милитаризма. С другой стороны мы видим, что борьба с капитализмом сводилась к сокращению накопления и тоже к увеличению непроизводительного потребления, лишь в других формах.

Поэтому из приведенных выше цифр мы и видим, что в России распределение производительных сил происходит в крайне неблагоприятную сторону для их развития. Процесс перераспределения производительных сил, вследствие их ограниченности—чрезвычайно трудный и болезненный процесс. При превращении натурального хозяйства в капиталистическое, он происходил в течение веков и только на почве производительного накопления. При капитализме он проявляется в виде кризисов, так как только post factum на рынке выясняется неправильное распределение производительных сил. Всякое насильственное их перераспределение, как было во время войны, не исходящее из изложенных нами законов потребления, приводит к кризису или капиталистическому (в Западной Европе), или к продовольственному и производственному (в России). Голод, неурожаи и падение индустрии, которые явятся результатом указанных мною непроизводительных затрат и неправильного перераспределения производительных сил, для населения ничуть не будут легче капиталистических кризисов, а пожалуй, значительно тяжелее.

2.

Если далее анализировать распределение производительных сил в производящих отраслях промышленности, то мы увидим, что здесь производство предметов непосредственного потребления сократилось меньше, чем производство средств производства. К сожалению, хотя и теперь в России много говорится и пишется об общем

[1]) Аналогично такой форме непроизводительного потребления создается потребление, вызываемое запрещением выезда из городов голодающего района в районы обильные хлебом: непроизводительное население искусственно задерживается в качестве потребителей там, где недостает предметов потребления.

хозяйственном плане и правильном распределении производительных сил, но с этой точки зрения нет даже разработки статистических данных о процессе перераспределения производительных сил; об этом приходится заключать по отрывочным данным. По этим данным, сокращение производства предметов непосредственного потребления и средств производства в первой половине 1920 г. против годового производства 1913—14 г. произошло следующее:

	1913—14 г	Первая половина 1920 г.	% к полугод. производству мирн. времени.	
Производство предметов непосредственного потребления				
Мыло, свечи	20 867 т. п.	291 т. п.	2,8%	
Мука	1.000 000 » »	90.000 » »	18 »	
Растительное масло	23 000 » »	500 » »	4,5 »	
Льнян. фабр	3 240 » »	540 » »	32 »	
Сахар	150 000 » »	4 737 » »	4,5 »	
Крахмал	13 200 » »	1.042 » »	7,8 »	
Табак	4.300 » »	380 » »	17,7 »	
Спички	3.650 » ящ	310 » ящ.	16 »	
Стекло	440 » »	27 » »	13 »	
Бумага	13.800 » п.	1.030 » п.	15,2 »	
Производство средств производства				
Краски, лаки и проч.	3 м. п.	330 т. п.	22 %	
Уголь	1800 » »	225 м. »	25 »	
Нефть	600 » »	100 » »	33 »	Повидимому в 20 г. не добыто, а вывезено из Баку.
Медь	1330 т. »	мен. 330 т. »	—	
Марганец	17 м. п.	—	—	
Свинец	100 т. »	—	—	
Цинк	200 » »	—	—	
Платина	300 »	50 п.	33 »	
Железная руда	530 м. »	32 м. »	12 »	
Чугун	257 » »	30 » »	2,4 »	
Железо и сталь	220 » »	4500 т. »	4 »	
Серная кислота			11,4 »	
Смолокурение	6 м »	4500 » »	75 »	

Из этих, к сожалению, отрывочных данных видно, что менее всего сократилось производство (правильнее, добыча) тех средств производства, которые добываются в готовом виде, не требуя никакой обработки (уголь, нефть, платина, жел. руда), а также продуктов, добываемых в мелком крестьянском хозяйстве (смолокурение, технические растения). Из других же продуктов, составляющих средства производства, только добыча серной кислоты превышает 10% добычи мирного времени. Колоссальное сокращение и отчасти **полное прекращение** производства средств, необходимых для будущего производства, является признаком наиболее неблагоприятного распределения производительных сил для их будущего развития.

Прекращение производства цемента для строительной промышленности, минеральных удобрений для земледелия, сокращение до 2,4% чугуна для производства

орудий производства, должно отразиться на главнейших отраслях промышленности, в виде дальнейшего сокращения продукции. Не менее опасно небольшое, повидимому, сокращение посевной площади: по данным Ларина сокращение посевной площади к 1920 г. произошло на 30%, но нужно принять во внимание расширение посевной площади хозяйств, имеющих до 2-х десятин посева, организованных бывшими с-хоз. рабочими.

Таким образом площадь посева тех хозяйств, которые производили не столько для собственного потребления, сколько для сбыта, сократилась в огромных размерах. Между тем городское и промышленное население от хозяйств, имеющих посева менее 2-х десятин, ничего получить не может.

Это превращение крестьянского хозяйства в хозяйство, производящее только для собственного потребления, превращение по причинам, которые я указал выше, грозит дальнейшим сокращением индустриального населения, ибо если для промышленности нужны средства производства, то не менее нужны для нее и предметы потребления рабочих, не говоря уже о том, что они необходимы в огромном количестве и для административно—распределительного и перевозочного аппарата.

Уничтожение хозяйств, производящих избытки против собственных потребностей, которое ведется под флагом борьбы с кулачеством, является результатом полного подчинения задачи продукции принципу распределения; последствия этого не остановить никакими мерами внешнего принуждения, агитации и убеждения.

Только заинтересованность каждого производителя в увеличении продукции его хозяйства может снова ее повысить.

3.

Все рассмотренные нами формы непроизводительного потребления сводятся к двум основным формам: 1) **личного** и 2) **общественного** непроизводительного потребления.

Личное непроизводительное потребление при капиталистическом строе выражается, главным образом, в виде предметов роскоши: выездных лошадей, автомобилей, прислуги и т. д., а общественное, главным образом, в виде затрат на армию и бюрократию и в виде безработицы, созданной анархией производства.

При советском строе **личное** непроизводительное потребление сосредоточивается, главным образом, в бюрократической среде, в хищениях, а среди более широких слоев населения лишь в виде расхищения того, что осталось от старого: порча хороших зданий, обстановки и т. д. Зато общественное непроизводительное потребление принимает самые разнообразные и неожиданные формы, из которых наиболее опасными являются бесполезные затраты труда, порча продуктов, вследствие невежества руководящих агентов власти и анархия производства вследствие неправильного распределения производительных сил, ведущая к тем же последствиям, как и при капитализме,—к безработице и кризисам (вследствие отсутствия топлива, увлечения грандиозными планами, несоответствующими состоянию производительных сил и т. д.).

Наконец, захват власти какой бы то ни было малочисленной группой населения, независимо от форм хозяйства, неизбежно приводит к огромным непроизводи-

тельным затратам на армию для поддержания власти, расходам на сторонников власти и т. д. [1]).

Как построить государственную власть, опираясь на минимум военной силы и подкупа, это вопрос политики и его решение не входит в нашу задачу.

При наблюдении советского хозяйства в России, естественно, является вопрос, почему в Советской России, стремившейся сократить непроизводительное потребление капиталистического государства, это потребление не только не сократилось, а увеличилось и перераспределение производительных сил произошло в наиболее неблагоприятную сторону?

В капиталистической стране главная доля непроизводительного потребления, несмотря на роскошь имущих классов, падает на государство. Народное хозяйство в нормальных условиях в капиталистической стране через частные хозяйства накопляет, несмотря на непроизводительное потребление государственного хозяйства, т. е. производительное потребление во всем хозяйстве страны превышает непроизводительное. **Государственное** хозяйство может так много потреблять, что его потребление будет превышать его доходы и оно, пополняя бюджет выпуском бумажных денег, будет расстраивать не только свое финансовое хозяйство, но, в известной степени, **народное** хозяйство. Тем не менее и при этих условиях в **народном** хозяйстве через частные хозяйства может происходить процесс накопления и производительные силы страны, при расстройстве государственного (финансового) хозяйства могут развиваться.

В Советской России государственное хозяйство разрослось за счет частного хозяйства и поглотило крупные и средние предприятия, в которых процесс накопления происходил наиболее интенсивно. Но государственное хозяйство имеет тенденцию к увеличению непроизводительного потребления при всех формах хозяйства, т. к. его нехозяйственные потребности (стремление к укреплению власти и целый ряд других), а также все перечисленные выше виды непроизводительного потребления кажутся необходимыми для самой власти. Благодаря этому разбухание государственного хозяйства, вместо ожидаемого сокращения непроизводительного потребления, существовавшего при капиталистическом строе, ведет к увеличению потребления за счет производства. Разумеется, при устранении перечисленных уже и указываемых ниже условий, влияющих на понижение производительных сил страны, общественное хозяйство может развивать их более интенсивно, чем капиталистическое хозяйство, но для этого необходим целый ряд условий, на которые мы укажем ниже. Во всяком случае, когда даже агенты власти не имеют понятия о значении накопления [2]) и непроизводительного потребления, в государственном хозяйстве потребление будет превышать его доходы.

4.

Социальную проблему, в том ее понимании, которое существовало у социа-

[1]) Субсидии какой-либо группе, а также организация и содержание различных учреждений агентов для поддержания власти обычно являются своеобразной формою наиболее непроизводительного потребления.

[2]) Некоторые экономисты в Советской России **говорят** о «социалистическом накоплении», но совершенно не имеют понятия об источнике, откуда может происходить это накопление. Они и не подозревают, что накопление связано с сокращением непроизводи-

листов, очень ярко, сжато и правильно формулировал Ленин следующей формулой: «Социализм—это распределение и учет». Социалисты, не согласные с политикой Ленина, например, Каутский, стараются доказать, что марксизм Ленина не настоящий марксизм, а Ленин доказывает то же самое по отношению к Каутскому, т. е. полемика ведется в том же духе, в каком ведутся сектантские споры: цитатами и толкованием писания учителей. Как различные вероучения можно подтвердить толкованием различных мест Евангелия, точно также и различные толкования социалистических писателей ничуть не исключают принадлежности того или иного писателя к марксистскому толку, если они исходят из различного понимания вероучения.

Меня в данном случае не интересует—да и никогда не интересовала—степень правоверности того или другого марксистского писателя, но во всяком случае Ленин не меньше имеет основания считать себя марксистом, чем Каутский и др. Его формулировка социальной проблемы, приведенная выше, выражает общее ее понимание всеми социалистами. Этой формулировке, повидимому, противоречит не раз указанное мною стремление коммунистов, под влиянием опыта, подчинять проблему распределения проблеме продукции. Но, как я упоминал, это стремление еще не является осознанным, а вынужденное суровой практикой не получило ни теоретического, ни практического обоснования.

Для теоретического обоснования необходимо исходить из законов потребления и деления национального дохода на три части и при капитализме и при социализме: 1) на производительное, 2) необходимое и 3) непроизводительное потребление. Только анализ этих частей даст возможность решения проблемы продукции, а в связи с этим—и проблемы распределения (понимая под ней личное потребление).

Чтобы подойти практически к этой проблеме, необходимо анализ потребления произвести над конкретной действительностью, и не только анализировать, но и распределять производительные силы страны сообразно задачам продукции, т. е. распределять их между тремя указанными категориями потребления.

Пока не сделано такого анализа, до тех пор нельзя даже определить, развиваются ли производительные силы страны или падают. Если в настоящее время одни доказывают, что производительные силы страны падают, и в доказательство этого приводят сокращение продукции в одних отраслях промышленности, если другие, указывая на оживление той или другой отрасли промышленности и даже на увеличение успешности разверсток, доказывают этим развитие или по крайней мере остановку падения производительных сил, то и те и другие доказательства не выдерживают критики без анализа характера потребления национального дохода.

Так как с этой стороны совершенно нет даже подхода к вопросу ни со стороны экономистов, ни со стороны статистиков, то, разумеется, в настоящее время не имеется и материала, по которому можно было бы судить, в каком состоянии находятся производительные силы страны. Когда имеются данные за ряд лет о продукции страны, то, разумеется, из сравнения размеров этой продукции с предыду-

тельного потребления и что без его сокращения и без связанного с ним увеличения продукции остаются пустые разговоры о «накоплении». Смешно говорить о «накоплении», когда проедаются последние средства производства.

щими годами, можно определить увеличивается ли она или падает. Но и такие данные могут быть обманчивы. В начале мировой войны в воюющих странах продукция этих стран, в особенности в области производства вооружения и военного снаряжения, несомненно увеличилась. Но это увеличение происходило, главным образом, за счет сокращения орудий и средств производства и передвижения, которые потребляются в производстве не сразу, а в течение ряда лет. Поэтому, несмотря на увеличение продукции в целом ряде производств для непроизводительного потребления, производительные силы страны падали на ряду с увеличением прибылей и производства.

Таким образом, для экономического строительства и даже для выяснения состояния производительных сил важно знать не только назначение производимых предметов для непосредственного потребления (и какого именно), но и назначение орудий и средств производства. Электрические станции, предназначенные для освещения жилых домов и улиц, имеют другое значение, чем те же станции, предназначенные для приведения в движение машин и освещения фабрик и т. д.

Между тем, в современном советском хозяйстве не только нет учета того, что имеется для производства средств производства, предметов необходимого и предметов непроизводительного потребления, но эта проблема даже и не ставится. Ни один из организаторов хозяйства не может сказать, какая доля производительных сил должна (или будет) затрачиваться на каждый из указанных мною отделов потребления национального дохода: пока же нет таких данных, до тех пор нельзя и определить, будут ли производительные силы страны падать и с какой стремительностью или будут развиваться.

Потребление является обратной стороной производства и распределения производительных сил страны. **Увеличение производительного потребления выражается и перераспределением производительных сил в сторону увеличения количества орудий и средств производства.** Статистические данные в России, в настоящее время, не дают возможности произвести анализ состояния производительных сил, потому что правильной постановки проблемы еще нет; тем не менее кое какие косвенные данные говорят за то, что распределение производительных сил России крайне неблагоприятно для их развития.

Так, имеющиеся у меня под руками данные о населении Москвы и Петрограда, дают следующие цифры: процент советских служащих по отношению ко всему населению и к рабочему возрасту в Петрограде и Москве был:

	В ПЕТРОГРАДЕ:		В МОСКВЕ:	
	ко всему населению.	к рабоч. возрасту.	ко всему населению	к рабоч. возрасту.
В 1910—12 г.	9,7%	19%	9,5%	19 %
» 1918 г	14 %	28%	9,3%	19,5%
» 1920 г.	25 %	50%	22,7%	45 %

Из этой таблицы мы видим колоссальный рост бюрократии как по отношению ко всему населению, так и по отношению к рабочему возрасту. Распределение производительных сил в самых крупных и промышленных городах России создалось такое, что от 45 до 50% по отношению к населению рабочего возраста занято на со-

военной службе. Но из остального населения выделить количество рабочих, занятых непосредственно продукцией, мы не можем. Еще менее возможно выделить из этой группы ту часть производительных рабочих, которые заняты производством средств для дальнейшего производства. Вероятнее всего, что производительные рабочие заняты почти исключительно производством предметов непосредственного потребления и последнее существует за счет сокращения орудий и средств производства.

В отсутствии данных о распределении производительных сил, разумеется, виноваты не статистики, которые являются исполнителями заданий руководителей и организаторов экономической жизни. Последние еще не представляют себе ясно значение различного характера потребления, а в связи с этим, значения распределения производительных сил по характеру потребления производимых продуктов.

Подходя с таким же анализом к сельскому хозяйству, из общих неопределенных данных можно все-таки видеть, что произошло относительно большее сокращение производства средств производства, чем предметов непосредственного потребления. При некотором увеличении числа коров (на 1,7%) с 1917 г. по 1919 г., дающих молоко, молодняка рогатого скота старше 1 года сократилось на 57%, меньше 1 года на 34,7%, рабочих лошадей на 5,8%. При общем сокращении посева на 16%, площадь под овсом сократилась на 25,2%, а подо льном на 32%. Данных об уменьшении мертвого инвентаря у нас не имеется, но известно, что он почти не восстановляется. Таким образом, и в сельском хозяйстве перераспределение производительных сил происходит в сторону относительно большего сокращения производства орудий и средств производства (овес, лен, скотский молодняк), чем предметов непосредственного потребления.

О значении распределения и перераспределения производительных сил я писал подробнее в «Теории развития народного хозяйства» и в предшествующем отделе настоящего издания, но из приведенных выше соображений не трудно увидеть, что **эти вопросы на ряду с законами потребления, являются той основой, на которой строится народное хозяйство,** что без изучения этой основы невозможно ни правильное понимание народно-хозяйственной жизни, ни социальной проблемы, которая не может быть оторвана от народно-хозяйственной почвы. Примитивное понимание проблемы продукции [1]), которое проявляется как в предшествующей, так и в современной экономической литературе, и об'ясняется тем, что ни законы потребления, ни вопросы распределения и перераспределения производительных сил не привлекли на себя внимания.

В отделе о заработной плате я указывал, каким путем при капиталистическом строе перераспределяются (рабочие) производительные силы. Орудием перераспределения является заинтересованность рабочих—так-же как и капиталистов—в переходе к той или другой отрасли производства. При отсутствии капиталиста-предпринимателя, орудием перераспределения производительных сил, передвижения рабочих также может быть материальная выгода передвижения для рабочего, ибо только при этом условии его труд будет наиболее производительным. Впрочем, эта практическая сторона вопроса не входит в задачи моего исследования...

[1]) Любопытно, что прожектерство всяких грандиозных сооружений и предприятий появляется именно теперь, в период наибольшего обнищания страны, когда возможности для осуществления грандиозных проектов минимальные.

ГЛАВА LI.

Классовые интересы.

1.

Отсутствие научного анализа таких понятий, как «классовые интересы», «интересы развития хозяйства» приводит к невозможности ясно определить, что скрывается за этими понятиями. Благодаря этому часто противопоставляются, напр., «истинные» интересы рабочего класса, очевидно, каким то не истинным. Например, повышение заработной платы рабочего, **превышающей** его производительность, несомненно происходит в интересах рабочего, но оно ведет к сокращению продукции и к безработице, от которой, в конце концов, пострадает рабочий же. Если в интересы рабочего входит сохранение и развитие продукции при капитализме, то в том же заинтересованы и капиталисты. Из этого следует вывод, что интересы рабочих совпадают с интересами капиталистов. А между тем мы знаем, что интересы рабочих и капиталистов противоположны.

Чтобы избежать такой путаницы, нужно ясно и точно определить, что **классовые** интересы настоящего суть **интересы распределения.** Очевидно, что интересы различных классов, принимающих участие в **дележе** национального дохода, в распределении его, противоположны и в настоящем, и в прошлом, и в будущем.

Но на ряду с классовыми противоположными интересами можно иметь в виду интересы хозяйственного развития, которые один класс не всегда может противопоставлять интересам другого класса. При капиталистическом строе класс капиталистов также может быть заинтересован в развитии народного хозяйства, как и класс рабочих. Классовые интересы рабочих, т. е. интересы **распределения в их пользу**—больше связаны с интересами развития хозяйства только потому, что рабочие заинтересованы в сокращении и уничтожении непроизводительного потребления, ради которого, в конечном счете, ведется капиталистическое хозяйство. **Поскольку рабочий класс подчиняет интересы распределения интересам продукции, т. е. свои классовые интересы настоящего интересам хозяйственного развития, интересам будущего, постольку он может стать носителем экономического прогресса и нового социалького строя.**

Таким образом, крайне ошибочно отожествлять классовые интересы (интересы распределения) настоящего с интересами хозяйственного развития (будущего), потому, что при **распределении национального дохода интересы различных классов** (напр., рабочих и предпринимателей), **противоположны, а в хозяйственном развитии могут быть заинтересованы классы с противоположными классовыми интересами. Если это так,** то и классовые интересы настоящего рабочих и классовые интересы **буржуазии** и других классов должны быть подчинены интересам развития народного хозяйства и не может быть допущено, например, такое распределение национального дохода, чтобы какой нибудь класс потреблял больше, чем производится, так как от этого пострадают интересы развития хозяйства, т. е. будущего всего общества [1]).

---

[1]) Во имя классовых интересов, при войне с Германией «интернационалисты» объективно содействовали дележу России, как теперь многие, во имя других классовых

Это не значит, что рабочий класс должен отказаться от защиты своих интересов (настоящего). Напротив, как я заметил, если он, подчиняя свои интересы интересам хозяйственного развития, направит свою борьбу на сокращение непроизводительного потребления, то не только улучшит свое положение, но и даст толчок развитию хозяйства, развитию его производительных сил. В конечном счете, уничтожение непроизводительного потребления ведет к уничтожению капитализма, как организации производства, имеющей целью непроизводительное потребление.

Таким образом, защита классовых интересов рабочих и классовая борьба, поскольку она направлена против непроизводительного потребления, не только является необходимой при капитализме, но она будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет непроизводительное потребление, т. е. пока остается капиталистический строй, так как целью капиталистического предприятия является стремление получить прибыль для удовлетворения потребности в роскоши, т. е. непроизводительное потребление капиталиста. Естественно, у представителей каждого класса является вопрос, в указанных нами рамках, какую роль играет классовая борьба, какую роль играет в ней каждый общественный класс и к каким об'ективным результатам приводит борьба каждого класса? Роль капиталистической буржуазии в процессе экономического развития легко выясняется из вышеизложенного. Поскольку при капитализме происходит процесс производительного накопления, постольку и буржуазия играет прогрессивную роль. Но так как целью хозяйственной деятельности капиталиста является не развитие производительных сил, а непроизводительное потребление и так как оно может принять даже опасные для экономического развития и человечества формы, в виде завоевательных стремлений и безграничной эксплуатации труда для непроизводительного потребления, то борьба против таких тенденций, присущих капитализму, является необходимой.

Мелкие собственники,—главным образом крестьянство—на ряду с пролетариатом являются классом, который заинтересован в сокращении непроизводительного потребления, так как крупная буржуазия всегда стремится переложить на мелкую собственность или, правильнее, взять от мелких собственников ту долю национального дохода, которая идет на непроизводительное потребление. Но крестьяне и рабочие, эти два союзника против крупного капитала, являются между собою противниками по отношению к производительному накоплению, поскольку оно сосредоточивается в руках крупного капитала, который побивает мелкий. В этом отношении интересы рабочих и предпринимателей сближаются между собою против интересов мелких собственников, как это мы и наблюдаем в борьбе города с деревней, в борьбе из-за таможенной политики и т. д.

Наконец рабочий класс, поскольку его борьба за свои интересы подчинена интересам хозяйственного развития, т. е. поскольку он, стремясь улучшить свое положение, борется за сокращение непроизводительного потребления, постольку является не только носителем идеи освобождения трудящихся от эксплуатации, но и идет к осуществлению этой идеи.

интересов поддерживают интервенцию, т. е. тоже дележ России. Объективно слепое подчинение интересов хозяйственного развития страны групповым и классовым интересам, чьи бы они ни были, может привести страну на край гибели, хотя в субъективных стремлениях к этому, разумеется, нельзя обвинять целые общественные группы.

Борьба за сокращение непроизводительного потребления может происходить, главным образом, в форме **политической борьбы** [1]), так как только через посредство государственной власти возможно его ограничение. **Экономическая** борьба может происходить почти исключительно на почве отстаивания своих текущих классовых интересов для увеличения своей доли в национальном доходе. Но так как это увеличение может происходить без ущерба для дальнейшего развития народного хозяйства за счет непроизводительного потребления, то улучшение положения рабочего класса зависит, главным образом, от его успехов в политической борьбе, поскольку она ведет к сокращению непроизводительного потребления. Ибо если успехи его в экономической борьбе происходят за счет накопления, т. е. развития производительных сил, то и сделанные экономические завоевания исчезнут, как только развитие продукции остановится. Поэтому мы и видим в Советской России ухудшение положения рабочего класса, хотя в ней производство не находится в руках капиталистов. Ухудшение положения рабочих произошло и в европейских странах, где, благодаря войне, накопленный капитал сократился.

В отдельности в каждом частном предприятии рабочие не могут определить, поскольку получаемая от них прибыль идет на производительное или на непроизводительное потребление; в рамках капиталистического строя профессиональным союзам приходится руководствоваться лишь одним критерием: получается ли предпринимателем прибыль в таких размерах, что его предприятие не закроется, благодаря более низкой прибыли, чем в других отраслях промышленности.

Увеличение продукции, благодаря процессу накопления, и сокращение непроизводительного потребления в рамках капиталистического строя дают постоянную возможность рабочим бороться за улучшение своего положения. Эта возможность тем больше, чем более сокращается непроизводительное потребление и чем быстрее идет процесс накопления, от которого зависит производительность труда.

Таким образом, успех рабочих в политической борьбе измеряется не тем, поскольку представители буржуазии в бюрократии сменяются пролетариями,—последние сделавшись бюрократами уже перестают быть пролетариями, так как быть пролетарием,— не врожденное свойство. Опыт показал, что они делаются худшими бюрократами. Этот же опыт доказывает и то, что сама по себе диктатура пролетариата не решает социальной проблемы без процесса накопления, без превышения производства над непосредственным личным потреблением.

Между тем, при современном уровне понимания рабочими и социалистами социальной проблемы как средства **значительного и немедленного** улучшения положения рабочих **при сокращении труда**, при таком понимании диктатура их неизбежно приведет к сокращению продукции и к падению производительных сил, т. е. к обратным результатам.

Поэтому конфликт между пониманием целей государства рабочими и самим государством неизбежен. Вера в целительную силу социальной революции, независимо от характера постановки социальной проблемы, так сильна, что падение производительных сил в России в настоящее время социалистами различных толков об'ясняется или мировой войной, которая давно кончилась, или ошибками и недостатками коммунистической власти и коммунистов, экономической «недозрелостью» Рос-

[1]) Понимая под этим **влияние на экономическую политику.**

сии, а не ошибкой в самой постановке социальной проблемы, т. е. не ошибкой, которую разделяют и противники коммунистов.

Я считаю совершенно бесполезным оспаривать те или другие формулы и мотивы, когда с ними сжились представители различных течений общественной мысли. Важно конкретное жизненное содержание этих формул: важна не формула «классовая борьба», «классовые интересы», «диктатура пролетариата» и т. д., а какое содержание вкладывается в классовую борьбу, какое существует **понимание** классовых интересов и т. д. Классовая борьба, выразившаяся в ограблении у «буржуа» предметов роскоши и в потреблении их другим лицом, хотя бы и пролетарского происхождения, ничуть не подвигает вперед решение социальной проблемы. В настоящее время происходит не только потребление, т. е. расхищение накопленного, но и расхищение естественных богатств, являющихся фондом для будущих поколений. Все это происходит под флагом «классовой борьбы».

Точно также бесполезно было бы спорить о том, ошибочно или не ошибочно называть [1]) одни заблуждения «пролетарской точкою зрения», а другие заблуждения «буржуазной точкой зрения». Обыкновенно требование, чтобы рабочие, производящие продукты, получали все 100 процент. этих продуктов, т. е. требование, чтобы средства производства постепенно потреблялись, а другие группы работающих, но не производящих непосредственно продуктов, ничего не получали, называется «пролетарской точкой зрения» на хозяйство; требование, чтобы предприятие давало прибыль, которая должна идти на производительное потребление, т. е. накопляться для расширения производства, называется «буржуазной точкой зрения». Вероятно, и теперь еще не все понимают, что в данном случае может идти речь не о «пролетарской точке зрения», а об экономическом невежестве, прикрываемом модным словом, которое теперь в России играет роль защитного цвета для приспособляющихся. Это в порядке вещей, но значительно затрудняет понимание социальной проблемы, т. к. ее берутся решать и люди, меньше всего интересующиеся ею...

2.

Мы уже указывали на то, что при капиталистическом строе все внимание как отдельных рабочих и капиталистов, так и внимание класса капиталистов и рабочих сосредоточивается на увеличении своей доли путем сокращения доли в национальном доходе представителей другого класса. Так как распределение национального дохода происходит между классами и так как борьба происходила и происходит из за этого распределения, из за увеличения своей доли, то естественно, что классовые интересы понимались и понимаются, как интересы распределения в пользу того или другого класса. Этим об'ясняется, что проблема продукции, интересы развития народного хозяйства не входили в кругозор классов, занятых классовой борьбой, борьбой за распределение национального дохода.

Социалистам казалось, что рабочим нечего заботиться о производительном по-

[1]) Новое название для людей, не знающих истории хозяйства, кажется новым явлением. Так, введение монополий, концессий, также как и некоторые финансовые мероприятия, представляются не возвращением к XVII—XVIII столетиям, а шагом вперед в хозяйственном развитии страны. Новые слова и клички являются лучшим средством не только сохранять старое, но и восстановлять отжившее. Вследствие хозяйственного регресса, многое отжившее даже в идеологии возвращается под новой кличкой.

треблении национального дохода при капиталистическом строе, так как этот доход поступает в распоряжение капиталистов.

Теперь, уже после опыта, который показал, что производительные силы страны могут падать, что это падение наносит прежде всего удар рабочему классу, может быть поставлен вопрос, вполне ли соответствует интересам развития хозяйства, то понимание классовых интересов, которое создавалось борьбой исключительно из за распределения национального дохода.

Итак, если классовые интересы и в программах социалистических партий и в их агитации сводились к проблеме распределения, то опыт русской революции заставит принять иное понимание их. Этот опыт заставляет и заставит подчинить проблему распределения проблеме продукции или, говоря иначе, классовые интересы подчинить интересам развития народного хозяйства. Можно эти последние интересы назвать общенациональными интересами, интересами народного хозяйства или интересами рабочего класса, но поставленными и толкуемыми так, что распределение подчиняется проблеме продукции,—дело не в словах и не в названии. Сущность заключается в изменении постановки социальной проблемы. При капиталистическом, при социалистическом ли строе,—одинаково увеличение доли трудящихся из национального дохода должно происходить за счет сокращения потребления непроизводительного. Эта постановка социальной проблемы существенно изменит программу и тактику рабочего класса, будет ли это программа максимум или минимум: и в том и в другом случае главное внимание будет обращаться на все виды и способы сокращения непроизводительного потребления, чтобы за его счет улучшить положение трудящихся масс. Будет ли это называться классовой точкой зрения, классовыми интересами [1]) или как нибудь иначе, совершенно не важно: развитие хозяйства и содержание общественной борьбы определяются не названиями.

Из предыдущего анализа выясняется, что социальная проблема в целом и в частности—проблема распределения национального дохода должна исходить из этих положений, а не из частно-хозяйственных отношений, на которые опирается деление дохода на заработную плату и прибавочную ценность. Между тем, в агитации социалистических партий, в их программах, наконец, в представлении о социальном перевороте нет и намека на то, что доля рабочего может увеличиться на счет не-

[1]) Маркенстами принято „интересы развития народного хозяйства" отождествлять с „интересами рабочего класса". **Это отождествление имеет основание только тогда, когда рабочий класс проблему распределения подчиняет проблеме продукции,** так как развитие народного хозяйства есть вместе с тем и развитие продукции. Как видно из вышеизложенного и из последующего изложения, подчинения распределения задаче продукции до сих пор не было. Людей, которые ценят слова выше их содержания, может утешить отождествление классовых интересов рабочих с интересами хозяйственного развития и тогда словесная „формула прогресса" останется неизменной: классовые интересы рабочих (в таком понимании) всегда совпадают с интересами развития хозяйства, т. е. то, что мы отождествляем, есть тождественно. Усвоение идеи интересов народного хозяйства затрудняется тем, что **под названием** и флагом национальных интересов буржуазия всегда стремилась провести и проводила защиту своих классовых интересов. Эта подмена дискредитировала самое название; между тем, сокращение непроизводительного потребления в капиталистическом обществе, противореча интересам буржуазии, будет в интересах всего народного хозяйства.

производительного потребления, что задача распределения национального дохода должна быть подчинена задаче продукции.

Необходимость обеспечения развития производительных сил страны и ограничение доли рабочих таким образом, чтобы из национального дохода часть его шла на накопление, является самым уязвимым и слабым пунктом социализма. Ибо несознательная масса рабочих всегда склонна следовать за утопистами—демагогами, которые будут рекомендовать рабочим массам добиваться потребления всего национального дохода. Поэтому демагогия перед малосознательными массами будет увлекать их за собой до тех пор, пока не только теоретики, но и народные массы на опыте убедятся, что без процесса накопления не может прочно улучшиться их положение. А этот опыт слишком тяжел и может на некоторое время повести к разочарованию вообще в плодотворности социальных реформ.

3.

Пониманию социальной проблемы при капитализме мешает следующее социальное противоречие, правильное решение которого облегчает и правильное решение социальной проблемы. При капитализме, благодаря анархии производства, благодаря тому, что **предметов потребления создается больше, чем в состоянии купить рабочая масса,** на ряду с избытком товаров, которые не находят сбыта, существуют нужда и безработица и рабочие не находят себе ни работы, ни средств к существованию.

Это противоречие, неразрешимое при капитализме, тем не менее может быть ослаблено в интересах трудящихся лишь при условии сокращения непроизводительного потребления, связанного с кризисами и безработицей. Перед капиталистической страной, поставленной в острое противоречие избытка товаров с безработицей, стоит дилемма: или ликвидация капитализма и полное устранение анархии производства, или такое перераспределение производительных сил под давлением рабочих и всех, кто страдает от этой анархии, чтобы непроизводительные растраты, вызванные кризисами, превратить в производительные. Современные капиталистические государства даже при том бюджете, который имеется у правительства и общественного самоуправления, могли бы путем сокращения непроизводительного потребления (армии) значительно расширить удовлетворение наиболее настоятельных общественных потребностей и таким образом расширить необходимое потребление широких масс населения.

Путем высокого налогового обложения и на счет его—расширение общественных работ или расширение общественного производства для удовлетворения потребностей широких масс населения может и в рамках капиталистического строя повести к перераспределению производительных сил таким образом, что непроизводительное потребление национального дохода, в виде избытка и даже гибели товаров с одной стороны и безработицы,—с другой, может значительно сократиться. Тем не менее, капитализм не может избавиться от противоречий, присущих ему.

Было-бы наивно думать, что господствующие классы добровольно и без сопротивления пойдут на встречу такого рода ослаблению противоречий капитализма. Ограниченность кругозора предпринимателей, не заглядывающих дальше интересов своего кармана, всегда толкала рабочих на необходимость забастовок и революцион-

ных движений, чтобы вырвать самые необходимые уступки, т. е. толкала рабочих для получения этих уступок на меры, ведущие к сокращению продукции. Но задачей этого давления, поскольку оно относится не к отдельному предпринимателю, а к имущим классам в целом, всегда должно быть сокращение непроизводительного потребления, произойдет ли оно в виде полной ликвидации капиталистических отношений, или в рамках капиталистического строя.

При рассмотрении форм непроизводительного потребления мы видели, что ликвидация капиталистических отношений не всегда ведет к сокращению непроизводительного потребления и к увеличению продукции, следовательно не всегда ведет и к улучшению положения рабочего класса.

Поэтому и вопросы о национализации тех или других отраслей промышленности, торговли или всего производства определяются конкретными условиями данной страны, а не теоретической, выдуманной в кабинете формулой.

В натуральном хозяйстве каждый хозяйствующий суб'ект легко может определить, какая часть продуктов производства в этом хозяйстве должна пойти на производительное, какая часть на необходимое и какая—на непроизводительное потребление. В современном сложном народном хозяйстве ни отдельный предприниматель, ни рабочие в его предприятии не могут сделать этого учета. В капиталистическом предприятии путем повышения цены продукта предприниматель может получать прибыль даже при условии, если рабочие его предприятия будут получать вдвое больше трудовой ценности продуктов их труда, хотя бы этот труд был общественно непроизводителен. В С. А. Соединенных Штатах квалифицированный рабочий получает больший доход и живет лучше, чем в бедных странах мелкий предприниматель, эксплуатирующий наемных рабочих.

Следовательно повышение заработной платы отдельных групп часто происходит не только за счет производительного потребления, за счет производительного накопления, но и за счет необходимого потребления других категорий рабочих же. Только сокращение непроизводительного потребления, которое может сокращаться усилиями и борьбой трудящихся масс, и не только рабочих, но и других заинтересованных в этом общественных групп, обеспечивает улучшение положения рабочего класса в целом.

4

Критики социализма, например, Спенсер, представляли себе социалистический строй, как «грядущее рабство», где будет подневольный труд и казарма, где нет места индивидуальному развитию, где рабочий класс принизит все общество к тому уровню, на котором он стоит при капитализме, а не поднимется и поднимет других на высшую точку развития.

Это представление совершенно правильно толковалось как вульгарное, происходящее из неправильного понимания задач социализма.

Современный практический подход к социальной проблеме, показал, что такое представление о социальной проблеме является не только «измышлением буржуа», но разделяется многими социалистами и проводится в жизнь.

Основной принцип хозяйственной деятельности, как и вообще деятельности человека—экономия энергии, стремление получить наибольшие результаты с наи-

меньшей затратой энергии. Если большая или меньшая затрата не дает соответствующих результатов, то и самые мотивы к затрате энергии ослабевают и труд делается малопроизводительным. Поэтому рабский труд, труд каторжан, чрезвычайно малопроизводителен: хотя невольников наказаниями усиленно заставляют трудиться, но так как от большой затраты труда раб ничего не выигрывает, то и затрата труда, с его точки зрения, является бесцельной. Замечено, что каторжники, при урочной системе, когда они могут в награду получить хотя бы свободное от работы время, работают энергичнее, чтобы иметь это время. Капиталистический строй, между прочим, является шагом вперед, сравнительно с крепостным строем, именно потому, что «свободный» рабочий увеличивает свою продукцию, имея возможность получить больше от большей затраты труда. Конкурренция является могучим фактором развития производительных сил и индивидуальных сил каждого члена общества.

Но при капиталистическом строе конкурренция, основанная на частной собственности на орудия производства, является вместе с тем и могучим фактором эксплуатации одного человека другим. Из этого ничуть не следует, что соревнование, конкурренция является вредным принципом. Этот полезный и могучий фактор при известных условиях может сделаться орудием эксплуатации, при других условиях—лишь орудием высочайшего духовного и физического развития, так же как машина при капитализме является орудием эксплуатации, а при других условиях—орудием освобождения человека и его господства над природой. По существу конкурренция, соревнование существует при всяких условиях, но ее направление бывает различно, в зависимости от результатов, которые она дает. При рабском строе более ответственное, более почетное место занимается путем угодливости тому, кто может его дать: при современном строе—путем большей политической благонадежности. Поэтому и энергия каждой индивидуальности в данных случаях затрачивается не в том направлении, которое содействовало бы развитию максимальной продукции. Но если конкурренция определяется исключительно принципом: кто больше и лучше сделает, тот больше и получит,—то и энергия направляется в эту сторону. В спорте наградой победителю является большее удовлетворение честолюбия или тщеславия, в работе—большее вознаграждение, более ответственное место и т. д.

Разумеется, это ведет к различию вознаграждения, но оно ничуть не может служить орудием эксплуатации человека человеком, если не ведет к экономической зависимости одного от другого, если вознаграждение за труд не превращается в капитал. Когда проблема распределения господствует над проблемой продукции, например, при рассмотренной выше разверстке хлеба между крестьянами, тогда мотив к максимальной продукции среди них исчезает, так как излишняя затрата энергии мелкому собственнику ничего не дает и, по существу, труд принимает характер малопроизводительного рабского труда. При большой кооперации трудящихся на фабриках, заводах, на общественных работах при добровольном труде—к увеличению продуктивности толкают соревнование, воодушевление и проч., которые иногда возбуждают к труду больше, чем материальное вознаграждение.

Но для этого нужны соответствующие психологические условия и во всяком случае—не условия мелкого производства. Конечно, нужно стремиться к тому, чтобы общественный строй обеспечивал известный минимум средств для существования всякому трудящемуся человеку. Но подчинение принципа распределения задаче максимального развития продукции требует полного использования конкурренции, по-

сколько она не ведет к эксплуатации одного человека другим, требует подчинения политических соображений соображениям экономической целесообразности.

К сожалению, и социалисты и их противники заняты исключительно политической борьбой и политическими соображениями, а экономика представляет для тех и других интерес лишь постольку, поскольку в нее входят элементы распределения, т. е. поскольку тот или другой класс может урвать в свою пользу долю или часть доли другого. Проблема развития народного хозяйства, правда, на словах, ставится всеми, но подходят, к ней, как я уже упомянул, исключительно как к проблеме распределения. Этим и об'ясняется, что при всяких политических условиях непроизводительное потребление принимает лишь различные формы, но не сокращается.

В России вопрос о социальной проблеме вызывает разногласия со своеобразной стороны. Социалистические фракции спорят между собой о том, пришло время для социальной революции или не пришло, так же как и сектанты спорили, «наступило ли время второго пришествия Мессии» и «страшного суда», основываясь на толковании священного писания. У социалистов споры идут относительно «Коммунистического Манифеста» Маркса. Одни находят, что Западная Европа дозрела для революции, а Россия не дозрела, другие находят созревшей и Россию.

Из моей постановки вопроса видно, что этот схоластический вопрос совершенно отодвигается на второй план перед правильной постановкой самой социальной проблемы. Самая «зрелая» капиталистическая страна при социальной революции через несколько лет превратится в самую отсталую страну, если рабочие массы будут стремиться только к одному увеличению своей доли за счет капиталистического накопления.

После «подготовки рабочих масс» в этом направлении социальная революция и там создаст условия, при которых непроизводительное и личное потребление поглотят потребление производительное. Таким образом, в Западной Европе прежде всего «не созрели» социалисты, которые «должны сделать» социальный переворот и ввести социалистический строй, а следовательно, не подготовлены и рабочие массы. Но если понимать «зрелость» в смысле экономических возможностей обобществления тех или других отраслей промышленности, то, разумеется, в этом смысле передовые западно-европейские капиталистические страны стоят впереди. Нужно только различать экономические возможности от политических.

В России оказались политические возможности—даже обобществления мелкого производства. Но экономические результаты этого мы уже достаточно обсуждали.

Между тем, национализация крупного производства, железных дорог и т. д. могла и может быть проведена и в более отсталой стране, а тем более—в передовых капиталистических странах. Но национализация крупного производства не является еще социальной революцией и уничтожением капитализма, хотя бы эта реформа совершалась после резких социальных конфликтов.

Из изложенных соображений, естественно, вытекает следующий вывод: чтобы благосостояние широких народных масс повысилось не временно за счет накопленного капитала, чтобы устранение эксплуатации одного человека другим было не возвращением к первобытному состоянию, а повело к повышению экономического уровня населения, **необходимо максимальное сокращение непроизводительной растраты национального труда и обращение ее в производительное потребление.**

Сравнительно быстрое развитие хозяйства в Северо-Американских Соединенных Штатах происходило, главным образом, потому, что Соединенные Штаты затрачивали на армию сравнительно ничтожную часть национального дохода. А затраты на армию являются самой крупной непроизводительной затратой.

Такой постановкой вопроса самая проблема и вопрос о социальной революции ставится несколько в иную плоскость, чем тогда, когда в основе ее ставилась на первое место проблема распределения. Каким бы путем ни сократилось непроизводительное потребление, если оно свелось до минимума, то тем самым свелась до минимума и эксплуатация трудящихся масс, так как то, что не потребляют лично, пойдет на производительное потребление. Темп развития хозяйства, степень улучшения положения народных масс и близость момента устранения эксплуатации одного человека другим зависит от степени сокращения непроизводительного потребления и от роста доли национального дохода, которая идет на потребление производительное, орудия и средства производства. Вместе с тем, каждое сокращение непроизводительного потребления является шагом вперед к более справедливому распределению национального дохода, так как эксплуатация одного человека другим и выражается, главным образом, в том, что отдельные лица непроизводительно потребляют или чужой труд, или продукты чужого труда. Из приведенных выше иллюстраций видно, что непроизводительное потребление может быть и при социалистическом строе, который при таких условиях, вовсе не спасет трудящихся от бедствий нищеты и ее последствий.

Наконец, увеличение общественной продукции зависит и от продуктивности индивидуального труда. Поэтому полезны все средства, увеличивающие производительность труда не в целях эксплуатации одного человека другим, а в целях увеличения общей суммы производства, т. е. при сокращении непроизводительного потребления.

Хотя социальная проблема является прежде всего экономической проблемой, но социальные реформы—в особенности в крупном масштабе, вплоть до революции,—производились путем борьбы политической; естественно, что самый вопрос заслонялся политическими задачами и вопрос о продукции оттеснялся политическими вопросами о господстве той или другой партии.

ГЛАВА LII.

Продукция.

1.

Из предыдущего изложения достаточно ясно видно, что разумеется мною под производительными силами общества, от которых зависит продукция страны. Мы видели, что **продукция определяется двумя элементами: 1) средствами производства, и 2) затратами живого труда на дальнейшее производство.**

Величина этих слагаемых зависит от различных условий; так как для продукции необходимо каждое из этих слагаемых, то весьма важно выяснить, чем определяется каждая из слагаемых величин.

Средства производства, состоящие из орудий производства и всех необходимых для него материалов, являются результатом предыдущего, раньше затраченного,

«накопленного» труда. Если мы рассмотрим национальное хозяйство любой из современных капиталистических стран, то увидим, что средства производства и средства их передвижения являются результатом накопления в течение десятилетий и даже столетий, т. е. в течение предшествующих лет часть труда и средств производства в народном хозяйстве затрачивалась не на производство предметов непосредственного потребления, а на производство средств для будущего производства и передвижения. Очевидно, что одним из необходимых условий развития производительных сил является процесс накопления, т. е. относительное увеличение производства продуктов для дальнейшего производства и относительное сокращение производства и потребления предметов личного потребления.

Этот процесс накопления на различных ступенях хозяйственного развития принимает различные формы.

При натуральном хозяйстве, когда производитель является вместе с тем и собственником орудий и других средств производства, процесс накопления происходит только в узких, ограниченных пределах.

Каждый хозяйствующий субъект, например, крестьянин-земледелец при натуральном хозяйстве стремится увеличить количество скота и средств производства до такой нормы, чтобы возможно было производство и добывание продуктов в достаточных размерах для существования семьи. Дальше этого процесс накопления орудий и средств производства не идет просто потому, что с точки зрения хозяйствующего субъекта не имеет смысла их накоплять. Накопляются лишь предметы личного потребления или сокровища в виде драгоценных металлов. При капиталистическом строе накопление средств производства может происходить безгранично, так как им определяется, как мы увидели, доход каждого предприятия... Поэтому натуральное хозяйство является не только устойчивым, но и застойным, не поддающимся значительному прогрессу; поэтому оно и вытесняется хозяйством капиталистическим, стремящимся к накоплению средств производства, а следовательно, и к развитию производительных сил.

В мелком хозяйстве процесс накопления совершается путем «воздержания» от личного потребления продуктов труда в этом хозяйстве и путем затрат труда на орудия и средства производства. Очевидно, это «воздержание» имеет смысл только тогда, когда оно даст в конечном результате увеличение продуктов для личного потребления. Поэтому, как видно из законов потребления в натуральном хозяйстве, перераспределение в нем производительных сил в сторону увеличения производства средств производства останавливается очень скоро.

В капиталистическом хозяйстве точно также процесс накопления является необходимым и происходит путем воздержания от личного потребления.

Но этому «воздержанию» подвергается не капиталист,—как утверждали некоторые экономисты,—а рабочий. Получая низкую заработную плату, последний поневоле «воздерживается» от достаточного личного потребления, а результатом такого «воздержания» беднейших слоев населения и является капиталистическое накопление орудий и средств производства и передвижения, собственником которых является капиталист. Этот социально несправедливый процесс накопления является, тем не менее, необходимым для развития производительных сил в капиталистиче-

ском обществе. Более того, в той или другой форме процесс накопления существовал и должен существовать при всех формах хозяйства.

В натуральном хозяйстве, как мы видели, он происходит по воле самого трудящегося и вместе с тем хозяйствующего суб'екта. Если бы орудия и средства производства сделались общественной собственностью, то процесс накопления должен был бы происходить в общественных формах. Тем-не менее, и при этом условии часть национального дохода, которая идет на накопление или на восстановление орудий и средств производства, не идет на непосредственное личное потребление. Таким образом, и в этом случае «воздержание» уже всего общества от личного потребления некоторых продуктов труда является необходимым условием накопления, т. е. развития производительных сил.

Внешние формы процесса накопления при общественном производстве, конечно, будут иными, более сходными с накоплением в натуральном хозяйстве. Между тем как в капиталистическом хозяйстве хозяйствующие суб'екты, реализуя товары в деньги, накопляют их, потом на рынке покупают орудия и средства производства и таким косвенным путем, путем спроса на рынке вызывают увеличение производства орудий и средств производства,—в натуральном или социалистическом хозяйстве часть производительных сил частного хозяйства (в натуральном) и часть производительных сил общественного хозяйства (при социалистическом хозяйстве) отвлекается на производство орудий и средств производства.

Но уже из анализа потребления в натуральном хозяйстве мы видели, что производство орудий и средств производства подчинено определенным законам потребления и не зависит от воли хозяйствующего суб'екта. Если хозяйствующий суб'ект вздумает затратить много труда на какой либо предмет личного потребления или на орудия и средства производства, то другие потребности им будут не удовлетворены, и хозяйство может разрушиться. Допустим, что в натуральном хозяйстве затрачивается на корм для скота вместо одной четверти половина производительных сил хозяйства. Очевидно, что это хозяйство будет иметь возможность прокормить вдвое больше скота, чем раньше, но его производительных сил будет недостаточно для изготовления пищи, и скот будет с'еден, а корм для него останется неиспользованным.

В товарном хозяйстве этой закономерности не заметно, потому что предметы, не производимые в самом хозяйстве, покупаются в других хозяйствах. Очевидно, что в этом случае законы потребления остаются те же, но только по отношению не к отдельным хозяйствам, а ко всему национальному хозяйству. При рассмотрении производительного потребления в национальном хозяйстве мы видели, что, хотя продукты для непроизводительного потребления и покупаются, например, для войны, но это все равно ведет к сокращению производства других продуктов во всей стране и падению ее производительных сил. Поэтому ни натуральное, ни капиталистическое, ни социалистическое хозяйство не может увеличить своей продукции без накопления, а просто—путем перехода сразу к машинному производству. Ибо изготовление дорогих сложных машин требует или предварительного накопления в течение десятилетий или резкого сокращения личного потребления, которое поведет к голоду или к сокращению производства других, более необходимых орудий и средств производства.

Такая бедная страна, как Россия, может, конечно, ввести электрическое осве-

щение и электрические машины в деревнях, но это может произойти или за счет сокращения производства хлеба или других предметов непосредственного потребления или за счет сокращения других необходимых для производства орудий и средств, за счет производства плугов, кос и т. д. Введение одного электрического плуга без предварительного накопления равносильно уменьшению на тысячу обыкновенных плугов [1]), т. е. поведет не к увеличению, а к сокращению продукции, так как посредством тысячи простых плугов и сох вспашется земля в сто раз больше, чем «современным» электрическим плугом. Поэтому технический прогресс возможен только путем накопления продуктов труда, которые не идут на личное потребление.

При капиталистическом строе, как выше замечено, процесс накопления капиталистами происходит путем «воздержания» рабочего от потребления производимых им ценностей. Естественно, что в классовой борьбе из-за дележа национального дохода между классами рабочий стремится получить большую долю, т. е. больше потреблять; он стремится потреблять и ту долю, которая идет за его счет в накопление капиталистом орудий и средств производства, ибо это накопление, необходимое для развития производительных сил, идет за счет рабочего, за счет его воздержания.

Таким образом, естественное стремление рабочего улучшить свое положение в социальной борьбе должно выразиться в стремлении сократить накопление. Поэтому в социальной проблеме социалисты недостаточно учитывают значение накопления и вносят много элементов утопизма.

При рассмотрении проблемы потребления мы мимоходом уже указывали, что вопрос о развитии производительных сил, т. е. проблема продукции, если и ставится социалистами, то решение ее представлялось весьма простым и не заслуживающим более детального теоретического анализа.

Вопрос о продукции представлялся очень просто: путем увеличения числа рабочих рук будут в большом количестве производится те продукты, в которых чувствуется наибольшая потребность, а чтобы увеличить производительность труда, будут употребляться наиболее усовершенствованные машины. Повидимому, решение проблемы продукции чрезвычайно просто и легко, тем более, что политической экономией отмечены отрицательные стороны капиталистического строя, препятствующие максимальному развитию общественной продукции, и их возможно устранить при других социальных отношениях. Так, замечено, что машины иногда не употребляются благодаря низкой заработной плате, при которой употребление дорогих машин бывает невыгодно, промышленные кризисы задерживают производство и т. д.

Как и в других вопросах хозяйственной жизни, критика капиталистического строя много дала для понимания его отрицательных сторон, но еще мало дала для правильного представления о хозяйственной жизни, построенной на иных началах.

Непонимание всей сложности производственной проблемы было неизбежно, так как ее решение тесно и неразрывно связано с проблемой потребления. Как я не раз указывал, проблема производства и потребления—лишь две стороны одного и того же хозяйственного процесса.

[1]) Разумеется, эту тысячу плугов можно ввезти из-заграницы, но в обмен нужно вывезти что-нибудь.

2.

Вместе с орудиями и средствами производства другим элементом, определяющим продукцию страны и развитие ее производительных сил, является живой труд.

Не трудно установить, что продукция страны прежде всего зависит от общей суммы производительного труда, затрачиваемого в народном хозяйстве.

Огромное количество **непроизводительного труда,** затрачиваемого в современном капиталистическом обществе (прислуга, бюрократия и т. д.), огромные размеры **непроизводительного потребления,** следовательно, и соответственная сумма труда, затрачиваемого на производство предметов непроизводительного потребления,—все эти резко бросающиеся в глаза формы сокращения общей суммы производительного общественного труда давно отмечались критиками капиталистического строя.

Казалось бы, капиталистический строй, благодаря непроизводительным затратам труда, должен являться менее благоприятным для развития производительных сил, чем экономический строй предыдущих эпох, например, эпохи феодализма—с мелким ремесленным и крестьянским хозяйством.

На том же основании социалисты, начиная с Фурье, полагали и полагают, что социалистический строй, сокративши непроизводительное потребление, даст огромный толчок к развитию общественных производительных сил.

Между тем, мы видим, что капиталистический строй дал огромный толчок к развитию производительных сил после феодального строя. Точно также не трудно показать, что и социалистический строй не поведет к развитию производительных сил, если не использует тех могучих средств, которыми пользуется капитализм для увеличения продукции.

В чем же секрет быстрого развития производительных сил при капитализме?

Мы указали на два элемента, определяющих развитие производительных сил общества—на процесс накопления средств производства и на использование живого труда.

Значение процесса накопления мы уже охарактеризовали выше. Не меньшее значение имеет и использование в производстве живого труда.

Огромное увеличение продукции при смене крепостного феодального строя капиталистическим произошло благодаря замене «свободным» вольно-наемным трудом рабского труда крепостных [1]). Первоначальное же увеличение продукции произошло исключительно благодаря конкурренции и более целесообразному использованию живого труда. При переходе ремесла к кустарному производству, т. е. от работы на заказчика к работе на широкий рынок производительность ремесленников увеличилась в несколько раз. Специализация, работа без остановки, конкурренция сыграли в увеличении продукции такую роль, как впоследствии машины. Так же, как и машина при капитализме, интенсивное и более целесообразное использование живого труда послужило средством для усиления капиталистического накопления и для развития производительных сил. Насколько уничтожение машин не является рацио-

---

[1]) Первоначально никаких технических изменений при этом не произошло. Развитие техники явилось уже результатом накопления, которое увеличилось при „свободном" труде.

См. об этом главу „Районное хозяйство" в „Теории развития народного хозяйства".

нальной формой борьбы с эксплуатацией, настолько же не рациональным является и сокращение продукции живого труда,—например путем установления максимума производительности, борьбы против сдельной платы и т. д.—т. е. борьба со всеми формами увеличения продукции живого труда: как мы уже упоминали, улучшение положения рабочих масс может происходить лишь за счет сокращения непроизводительного потребления, а не за счет сокращения продукции.

Опыт социального переустройства в России показал, что сокращение количества бездельников и увеличение ими числа производительных рабочих ничуть ни компенсирует падения продукции,—благодаря понижению средней производительности труда каждого работника. В Советской России в интересах равномерного распределения труда и его продуктов был устранен элемент конкурренции или соревнования, потому что вознаграждение определялося исключительно рабочим временем, как и в докапиталистический период—при крепостном труде. Это послужило достаточной причиной резкого понижения продукции при общем увеличении количества работающих суб'ектов. Сказанное одинаково относится и к труду в мелких самостоятельных хозяйствах, если за отчуждаемые от них продукты получается в обмен непропорциональное последним количество других продуктов.

Таким образом, даже устранивши отрицательные стороны капитализма в виде непроизводительного потребления, но вместе с тем устранивши и те его стороны, благодаря которым он имеет преимущество над прежними хозяйственными формами,—огромное увеличение продукции каждого работающего суб'екта,—социализм может оказаться несостоятельным, если не сумеет использовать оба элемента, влияющих на развитие производительных сил,—процесс накопления и наиболее целесообразное использование живого труда. Трудность задачи заключается не в том, чтобы заставить всех трудоспособных работать, а в том, чтобы прилагаемый труд был наиболее производителен. Это достигается, разумеется не удлинением рабочего дня и не административными скорпионами, [1]) а рядом целесообразных мер, в числе которых соревнование или конкурренция занимает не последнее место, хотя и не совсем соответствует принципу равномерного распределения.

Техническая рационализация использования живого труда может производиться различными путями и в различных формах. Непосредственное увеличение продукции труда имеет такое же значение, как и применение машин, т. е. как и накопление, и также может служить средством—при одних условиях самой беззастенчивой эксплуатации труда,—при других условиях к освобождению человечества от рабства труда.

Понимая рационализацию использования живого труда в широком смысле, мы укажем только на наиболее важные ее формы.

1) **Уплотнение труда** путем устранения ненужных движений при работе. Этот вопрос технически хорошо разработан американским инженером Тэйлором, который путем наблюдения и анализа работы показал, что при различных видах труда делается много различных излишних движений, т. е. производится совсем ненужная затрата энергии при работе.

---

[1]) Современная бюрократия целиком сохранила веру старой бюрократии в чудодейственную силу административных скорпионов.

В своих наблюдениях над движениями, которые делает каменщик при нынешних условиях, М. Джильберт дошел до того, что сумел свести движения **с восемнадцати до пяти** для каждой штуки кирпича, а в одном случае—даже к двум движениям.

Устранение излишней затраты энергии при работе равносильно устранению соответственного количества непроизводительного труда [1]).

2) **Устранение излишних промежутков в работе,** вытекающих из общественно или технически нерациональной обстановки. Главным образом благодаря устранению этого недостатка в постановке работы, кустарь, работавший на широкий рынок через скупщика, производит больше чем ремесленник, работавший для сбыта на базар. У последнего один день в неделю теряется на продажу своих изделий и часть времени—на приобретение материалов [2]).

Технически нерациональная постановка, требующая промежутков, существует почти во всех ремеслах без разделения труда, когда работнику постоянно приходится переходить от одной работы к другой.

3) **Подбор работников,** физически приспособленных к данной работе, и подбор специалистов.

Первая из этих форм подробно рассматривается Тэйлором и, в особенности, Мюнстербергом. Из многочисленных опытов и наблюдений выясняется, что к различным видам труда различные индивидуальности приспособлены не одинаково. Между тем как для одних данный труд требует непосильного напряжения, для других тот же труд более легок и доступен.

Подбор специалистов имеет такое же значение. Навык и умение производить определенную работу, разумеется, в огромной степени увеличивает производительность труда.

4) **Интенсификация,** или напряженность труда имеет огромное положительное значение: чем с большей напряженностью производится работа, тем она продуктивнее. Но благодаря тому, что при напряженности труда больше затрачивается энергии,—напряженный труд одного и того же характера в течение продолжительного рабочего дня разрушает организм. Поэтому увеличение напряженности труда требует сокращения рабочего времени в течение дня и продолжительного отдыха или перехода в течение дня к другой работе совершенно иного характера.

5) Но наиболее могучим фактором увеличения продукции при современной психике людей является **личная заинтересованность** каждого работающего суб'екта в увеличении продукции, если не по **принуждению** он находит лично для себя выгодным производить максимум продуктов.

Отмена крепостного права послужила могучим толчком к развитию производительных сил именно потому, что крестьяне в своих хозяйствах и рабочие на фабриках могли увеличить свою продукцию в свою пользу без опасения, что при ее увеличении у них будут отниматься излишки.

---

[1]) Джильберт считает около половины всех движений в работе неправильными и излишними.

[2]) В Советской России потеря от промежутков благодаря нерациональной организации колоссальна. Стоит посмотреть на различные общественные работы, где ежедневно люди и лошади ждут часами работы, чтобы увидеть, насколько велики потери от этого.

3.

Мы рассмотрели необходимые условия решения социальной проблемы в капиталистическом обществе. Некоторые положения, например, необходимость подчинения проблемы распределения проблеме производства кажутся настолько очевидными, что повидимому не нуждаются не только в доказательствах, но и в упоминании. Между тем опыт всех социальных революций, бывших до сего времени, в том числе и опыт русской революции показал, что именно эта сторона социальной проблемы менее всего усваивается и социалистами и народными массами. Как я уже упоминал, ради более равномерного распределения жертвуется продукцией. Непроизводительные затраты уже на самый распределительный аппарат достигают таких колоссальных размеров, что не уступают непроизводительным затратам капиталистического строя.

Накопляющийся капитал кооперации не может затрачиваться на неопроизводительное личное потребление, потому что он не принадлежит отдельному лицу, которое может безгранично расширять свои потребности в ущерб общему благосостоянию населения. Но на пути накопления кооперативного капитала стоит целый ряд препятствий, на которых следует подробнее остановиться именно потому, что накопление кооперативного капитала имеет огромное значение, а также и потому, что препятствием к накоплению кооперативного капитала являются сами кооператоры. Не только рядовые члены кооперации, но и идейные руководители ее, преследуя цели доставки предметов потребления для потребителей по наиболее дешевым ценам, склонны ради обслуживания текущих потребностей членов кооперации пожертвовать накоплением кооперативного капитала. В этой области экономической жизни происходит то—же самое, что и в борьбе за долю национального дохода между предпринимателями и рабочими. Стремление непосредственно удовлетворить потребности ближайшего момента не дает возможности правильно оценить значение накопления капитала (в данном случае кооперативного капитала). Это отчасти еще об'ясняется и тем, что до сих пор кооперация занималась, главным образом, обменом, предоставляя область производства частному капиталу. А для обмена гораздо большее значение имеет увеличение числа членов кооперации, чем накопление капитала; поэтому кооператоры склонны об'яснять слабость кооперации недостатком кооперативного сознания среди народных масс, а не недостатком накопленного капитала.

Хотя кооператоры стоят ближе к реальной экономической жизни, чем политики социалисты, но сознание значения накопления капитала у них развито едва ли выше.

Из анализа социальной проблемы видно, что наибольшая трудность ее решения заключается в том, чтобы это решение не противоречило накоплению орудий и средств производства, имеющему первостепенное значение для развития производительных сил.

Между тем социальные реформаторы видят основную задачу социальной проблемы исключительно в проблеме распределения и в изменении социальной организации производства. Предполагается, что, например, передача предприятий в руки трудящихся уже решает социальную проблему, потому что трудящиеся при этих условиях никем не будут эксплуатироваться.

Опыт 1918—1920 годов в России показал, что такое решение вопроса привело

к сокращению орудий и средств производства и, в конечном счете, должно было привести к прекращению производства.

Конечно, всякие теоретические доказательства, которые могли быть приведены в пользу сокращения непроизводительного потребления—до этого опыта,—были бы бессильны, и социальные реформаторы в этих доказательствах усмотрели бы попытку защищать интересы капитализма против интересов рабочего класса.

Само по себе изменение социальной организации производства ничуть не решает проблемы накопления и увеличения продукции, а напротив делает его более затруднительным. При национализации предприятия даже при малопроизводительном труде, при «убыточности» этого предприятия, оно все таки может сохраниться, потому что будет поддерживаться на счет национального дохода. При конкурренции частных предпринимателей убыточное предприятие с малопроизводительным трудом или с большими непроизводительными затратами просто погибает, отмирает, закрывается и такого рода непроизводительные затраты и малопроизводительный труд при капитализме исчезают. В национализированном предприятии этого коррективa нет и непроизводительные затраты могут безгранично расти за счет государственного дохода. Мы достаточно привели иллюстраций этих непроизводительных затрат. Увеличение управляющего предприятиями административного и распределительного аппарата достигло таких размеров, что в мелких и даже средних городах этот аппарат по числу служащих значительно превышает число производительных рабочих, продолжает расти и разрушать производительные силы. Даже в кооперативных предприятиях, если они поставлены вне конкурренции с частно-хозяйственным аппаратом, замечается также тенденция к увеличению непроизводительных затрат и к поддержанию «убыточных» предприятий [1]). Таким образом, само по себе изменение социальной организации производства еще не решает социальной проблемы. Между тем у социальных реформаторов имеется лишь вера в изменение социальной организации, как в панацею от всех социальных бедствий: достаточно «экспроприировать экспроприаторов», национализировать орудия и средства производства,—и проблема будет решена.

Впрочем вера в формы и даже в формулы является вообще самой распространенной. Например, классовая борьба, независимо от ее форм, считается орудием прогресса и раздувается именно как такое орудие. Между тем, уничтожение машин является также классовой борьбой; гражданская война, сопровождающаяся уничтожением орудий и средств производства, также является классовой борьбой. Уничтожение культуры древнего Египта, Греции и Рима также является в результате классовой борьбы: очевидно, не всякая форма классовой борьбы является прогрессивной, содействующей развитию хозяйства и его производительных сил.

Точно также и изменение социальной организации—более равномерное распределение национального дохода, связанное с социализацией,—как мы видели, может повести к разрушению производительных сил.

Даже после опыта социалистического переустройства капиталистического строя критика этого опыта напр., Каутским, меньшевиками, эс-эрами сводилась, главным образом, к критике политических основ советского строя, а не самой постановки со-

[1]) Эта сторона деятельности кооперации является наиболее опасной для ее дальнейшего развития.

циальной проблемы. И это понятно, потому что, как мы заметили, социальная проблема всеми социалистическими школами, начиная с основоположников социализма, рассматривалась исключительно как проблема распределения, проблема же потребления и продукции казалось легко разрешимой вследствие обманчивого представления о необычайно высокой производительности современного хозяйства и необычайной легкости увеличить продукцию путем изменения организации производства путем трестирования промышленности и введения машинного производства (очевидно, декретами).

Но наиболее опасны для хозяйства страны такие мероприятия, в основе которых лежит посылка, чтобы не производить те продукты, которые равномерно не распределяются. Мы приводили уже иллюстрации «огородной» политики, при которой оказалось менее выгодным работать на своем огороде, так как эта дополнительная работа горожан не давала лично им абсолютно никаких результатов, а напротив, лишала их возможности получит готовые, доставленные в город овощи с чужих огородов.

И экономическая литература и социальные опыты до сего времени показали, что указанные выше стороны социальной проблемы не были надлежаще освещены ни теорией, ни практикой.

О значении накопления для технической рационализации производства мы уже упоминали.

Поверхностному взгляду кажется, что в наиболее богатых капиталистических странах национальный капитал накоплен даже с излишком и следовательно сокращение непроизводительного потребления вовсе не необходимо, что напротив, без такого непроизводительного потребления накопленному капиталу не было бы места. Однако, стоит только вдуматься в положение каждого народного хозяйства, чтобы увидеть, что такой вывод неправилен. Правда, из богатых стран капитал вывозится, англичане, французы, германцы до войны строили железные дороги в Африке и других странах, колоссальное количество национального труда затрачивали на армию,— но это не значит, что в стране был накоплен излишек капитала. Разве в самой богатой стране везде ручной труд заменен машинным, требующим накопления колоссального капитала? Разве во всех отраслях промышленности применяется последнее слово техники? Разумеется, нет. Если теперь капитал и вывозится из передовых стран, то потому, что вместо производительной, но менее выгодной затраты в этих странах, предприниматели находят более выгодным вывозить капитал в другую страну, заниматься изготовлением военного снаряжения, дающим колоссальные прибыли или просто удовлетворять личные потребности в предметах роскоши, так как целью накопления капиталист ставит удовлетворение своих личных потребностей.

Представим себе, что капитал накоплялся в руках кооперативов. Хотя бы он измерялся миллиардами фунтов стерлингов, для него нашлось бы место, чтобы увеличить производительность труда и тем увеличить благосостояние народных масс.

Если теперь кажется что накопляется избыток капитала в руках капиталистов, то только потому, что предприниматель руководствуется не интересами народного хозяйства, а лишь своими личными, затрачивая капитал не туда, где есть народно-хозяйственная потребность, а туда, где дается более высокая прибыль.

Если англичане эксплуатируют Индию, если европейские страны из за стремления эксплуатировать другие страны содержат огромные армии, то отсюда не следует будто нация от этого обогащается. Для накопляющегося капитала нашлось бы производительное назначение в каждой стране, но этим частный капитал не заинтересован. Наиболее же заинтересованные в производительном накоплении слои населения недостаточно оценивают его значение именно потому, что капитал накопляется в частных руках, потому что он при этом может быть затрачен и в значительной части затрачивается на непроизводительное потребление. Таким образом, форма собственности является одним из препятствий к пониманию народными массами значения накопления национального капитала.

Преступны не те бедняки, которые пытаются иногда губительным для себя путем расширить свое потребление, а те, кто, имея в своем распоряжении национальный капитал, расхищают его на непроизводительное потребление, причем государственная власть не только не обуздывает это расхищение национального дохода, а сама занимается тем же в милитаристических государствах. Так, голодный бедняк за фунт украденного хлеба попадает в тюрьму, а богатый хищник считается столпом отечества. Такие отношения, разумеется, не благоприятствуют правильному пониманию широкими массами значения накопления национального богатства страны.

Указывая на то, что при капиталистическом строе, в интересах развития народного хозяйства, нужно до минимума сокращать непроизводительное потребление, мы должны оговориться, что ничуть не питаем иллюзий по поводу возможностей этого сокращения до минимума при существовании капитализма. Если бы даже военные потребности были сокращены до минимума, если бы каждая квадратная сажень барской квартиры и особняков жестоко облагалась, если бы облагались жестоко лица, имеющие несколько прислуг, предметы роскоши и т. д., то все таки непроизводительное потребление останется, так как целью накопления для частного капиталиста является в конце концов не производительное, а личное потребление, даваемое богатством.

Но и при капитализме есть одна форма накопления капитала, при которой он идет исключительно на производительное потребление—это кооперативное накопление.

Пока проблема распределения не будет подчинена проблеме продукции, иными словами, пока классовые интересы трудящихся (т. е. проблема распределения в их пользу) не будут согласоваться с интересами развития производительных сил страны, до тех пор решение социальной проблемы невозможно.

Из этого логически вытекает вывод, что и классовая борьба и классовые программы имеют прогрессивное значение постольку, поскольку они исходят из этой общей предпосылки.

Пересмотр экономических программ в направлении борьбы за сокращение непроизводительного потребления, выяснение значения и возможности накопления при иных, более справедливых формах распределения с участием широких народных масс в экономическом строительстве являются первыми и ближайшими задачами для социальных реформаторов во всех капиталистических странах.

Оценка прогрессивности или реакционности их должна основываться не на ме-

тодах их борьбы за социальные реформы (революционный или эволюционный), а на том, поскольку эта борьба соответствует изложенным выше принципам и целям, ибо и методы общественной борьбы, как средство, должны подчиняться цели и определяться их целесообразностью.

4.

Постоянная опасность того, что при капитализме накопляющийся капитал может потребляться непроизводительно или самим предпринимателем или капиталистическим государством и трудность помешать такого рода потреблению (как мы видели, оно существует и при не капиталистическом строе), эта опасность побуждает признать наиболее целесообразной кооперативную форму накопления, охватывающую широкие массы. На ряду с этим, рабочая кооперация в России, где слишком мало опыта профессионального движения, может быть лучшей школой для выяснения рабочим значения производительного накопления.

В предприятиях рабочего кооператива, хозяевами и потребителями изделий являются рабочие, эксплуатирующие труд других рабочих, занятых в этих предприятиях. И для тех и для других это даст огромный хозяйственный опыт, который к сожалению, игнорировался социалистами как меркантилизм, «развращающий» рабочих, понижающий их «революционное самосознание» и ведущий к оппортунизму. Хозяйственный опыт даст понимание необходимости процесса производительного накопления, необходимости лично потреблять только часть производимых продуктов, оставлять часть прибавочной стоимости для развития производства и сокращать непроизводительное потребление.

Правда, до сих пор кооператоры смотрели на кооперативные организации исключительно как на средство получать более дешевые продукты за счет торговой прибыли, получаемой частными торговцами, а не как на средство более производительного накопления национального дохода, т. е. смотрели на кооперацию с частнохозяйственной точки зрения. Эта точка зрения до сих пор является господствующей и разделяется как социалистами, так и их противниками. Опыт войны и революции дал достаточные уроки для понимания законов потребления, изложенных выше, и для понимания значения процесса накопления. **Этот опыт научит и кооперацию смотреть на производительное накопление как на единственное средство успешной борьбы с частным капиталом в рамках капиталистического строя.** Утопический социализм, боявшийся реализма, «меркантильности», как элементов враждебных ему, сменится научным лишь на почве экономического опыта.

Выше мы видели, что утопические и неправильные воззрения проводились под ярлыком «научного» социализма, но этот ярлык служил лишь броней и защитой против научного анализа утопических воззрений и для укрепления в вере верующих прозелитов. Отделить элементы утопизма, имеющиеся в научном социализме и в прошлом рабочего движения, возможно только путем опыта, который дан, отчасти, войной и революцией,—отчасти будет дан практикой кооперативного строительства, но во всяком случае не практикой современной русской кооперации, в которой из за политических соображений, бесхозяйственности и отсутствия конкурренции непроизводительное потребление достигает колоссальных размеров при которых коопе-

рацию можно считать почти разрушенной; политическая возня, поднятая в ней, закончит разрушение.

5.

Благодаря тому, что законы потребления и связанные с ними законы распределения и перераспределения производительных сил не входили в кругозор экономистов, а «политическая экономия» сводилась к формулировке экономических отношений при капитализме, делался из этого логический вывод, что при устранении капитализма устраняются и экономические законы. То, что было экономически необходимым при капитализме, не будет необходимым при другом социальном строе и, таким образом общество «из царства необходимости перескочит в царство свободы». Только этим можно дать научное об'яснение фантастическим проектам «электрофикации» промышленности и земледелия при превышении непроизводительного потребления над производительным. Этим же только можно об'яснить веру в спасительную силу национализации и социализации, независимо от того, увеличивается ли при этом непроизводительное потребление. Создавалось мнение, что для социалистов «закон не писан» за пределами капиталистического строя. Это в известной степени правильно, поскольку можно опираться на политическую экономию, занимающуюся анализом междухозяйственных отношений при капитализме. Но мы видели, что есть законы потребления и распределения производительных сил, необходимые при всех формах хозяйства и не устранимые с устранением политического господства того или другого класса.

В «Теории развития народного хозяйства» я указал, каким образом происходит процесс накопления при капитализме: сначала производительные силы направляются в область обмена и средств передвижения товаров, потом постепенно переходят в область производства, руководствуясь принципом наибольшей экономии, т. е. наименьшей затраты для получения наибольших результатов.

Этот «закон» распределения и перераспределения производительных сил действителен и для капиталистического и для общественного хозяйства: к тем, кто не будет руководствоваться этими законами, применима и пословица, что для них вообще «закон не писан». Экономические законы сильнее всякого класса и всякой власти. Какой бы класс, какая бы власть ни увеличили непроизводительное потребление за счет производительного, результаты получатся одинаковые. А так как для всякой власти, как бы она ни называлась, и какой бы класс она ни представляла, ее непроизводительные расходы **представляются ей необходимыми,** то сокращение их обыкновенно происходит лишь под давлением общественных классов, заинтересованных в сокращении непроизводительного потребления. Поэтому усвоение и понимание изложенных выше положений среди всех классов общества и в особенности среди рабочих является необходимым предварительным условием для обеспечения экономического прогресса при всяких формах хозяйства.

ГЛАВА LIII.

Распределение как этическая проблема.

1.

Те экономические противоречия, которые присущи капиталистическому строю,— обогащение одних за счет разорения и эксплуатации других, избыток товаров на ряду с нищетой массы населения и т. д., беднейшим населением мыслятся и воспринимаются как социальная несправедливость, требующая коренного изменения социальных отношений во имя справедливости.

Идеальными экономическими отношениями кажутся такие, при которых отсутствует эксплуатация одного человека другим и каждый получает продукты общественного труда сообразно своим потребностям. Однако, если вдуматься в те отношения, которые создаются и могут создаться на почве изменения экономических отношений и уничтожения капитализма, то не трудно увидеть, что одна форма социальной несправедливости может смениться другой формой, при которой масса трудящегося населения может видеть и чувствовать, что эксплуатация одного человека другим приняла лишь иные формы. Возьмем приведенный выше пример «равномерного» распределения огородных овощей. Часть населения затрачивала добавочный труд на посадку овощей и уход за ними. Когда овощи созрели, их «равномерно» стали распределять между теми, кто не затрачивал дополнительного труда и собрал там, где не сеял. С точки зрения работавших—это несправедливо и те, кто не работал, представляются тунеядцами, хотя они нуждаются в овощах. Если у крестьянина, который посеял больше, сделав на это дополнительную затрату своего труда, отбирается большая часть для «деревенской бедноты» или для города, то такое распределение ему представляется несправедливым и он сократит запашку до такой нормы, чтобы «излишков» не было.

Если рабочий, работая 10 час. в сутки, получает нищенскую плату, а значительная часть продуктов его труда идет на содержание огромного бюрократического аппарата, то он также будет чувствовать себя эксплуатируемым, как и при капитализме. Но с другой стороны и тот, кто бегает по бюрократическим учреждениям или работает в них целые дни, хотя его работа сводится к порче бумаги на различные отписки, также будет чувствовать себя эксплуатируемым, хотя его работа при более целесообразной организации труда оказалась бы излишней.

Таким образом, «этический» вопрос о справедливом распределении, при его анализе сводится к экономическому вопросу о целесообразной затрате труда и о производительном, необходимом и непроизводительном потреблении, рассмотренном нами при анализе законов потребления.

Во всех приведенных нами случаях подчинение принципа распределения принципу продукции при неравномерности распределения все-таки гораздо больше удовлетворяло бы чувству социальной справедливости, существующему при данных экономических отношениях, чем при скрупулезно правильном равном распределении.

Рассмотрим первый случай. С точки зрения максимальной продукции при отсутствии капиталистической эксплуатации дополнительные затраты труда на ра-

боту в огороде являются целесообразными не только с точки зрения заинтересованного в этом хозяйствующего субъекта, но и с точки зрения развития народного хозяйства. Вместе с тем эти дополнительные затраты труда ведут к увеличению необходимого потребления, хотя и к неравномерности его распределения. То же можно сказать и о крестьянском хозяйстве, производящем избытки против потребностей в производимых продуктах собственного хозяйства.

Рабочий, получающий низкую заработную плату вследствие непроизводительного потребления продуктов его труда, именно потому и получает мало, что продукты его труда в огромной части потребляются непроизводительно.

Допустим далее, что во всех приведенных выше случаях, сообразно принципу максимальной продукции и наиболее производительного потребления, непроизводительное потребление сократилось до минимума. Постольку, поскольку та или другая доля дохода каждого хозяйствующего субъекта—мелкого ли собственника или рабочего, отчуждается на необходимое потребление в национальном хозяйстве, это отчуждение уже не будет мыслиться как социальная несправедливость именно потому, что для существования и благополучия каждого такое отчуждение доли дохода является необходимым.

Правда, массой населения это не всегда осознается, тем не менее население более или менее удачно ориентируется в непроизводительных затратах и в нарушении принципа наибольшей продукции. На равномерное распределение, в виде одинаковой заработной платы при различной продукции, рабочие отвечают общим сокращением производительности труда: служащие на бюрократическую неразбериху и нерациональную затрату—общей апатией и бездельем, крестьяне на равнение по крестьянской бедноте—сокращением запашек, скота и небрежной работой.

Конечно, у очень многих экономически угнетенных лиц социальная справедливость формулируется фразой: «мы на вас поработали, а теперь вы на нас поработайте», но было бы глубокой ошибкой приписывать такое понимание социальной справедливости как присущее трудящимся классам.

В момент обостренной социальной борьбы готтентотская мораль «когда я украл—это добро, когда у меня украли—это зло»—охватывает широкие слои населения. Достаточно указать на то, что убийства и жестокости одной из борющихся сторон вызывают моральное возмущение и негодование другой и обратно, не пробуждая чувства, что отвратительны жестокость и убийства со стороны и тех и других. Точно также и чувство социальной справедливости в такой момент выявляется в искаженных формах. Тем не менее, как я указал, в массах трудящегося населения непроизводительное потребление национального дохода, кем бы оно ни делалось—бездельником ли из деревенской бедноты, укрывшимся под флагом коммунизма, или «буржуем»,—одинаково вызывает сознание социальной несправедливости и ту или иную реакцию.

Поэтому предположение, что подчинение задачи продукции принципу равномерного распределения порождено стремлением к осуществлению социальной справедливости, является ошибочным: оно вызывается естественным стремлением каждого получить для себя больше при минимальной затрате своей энергии, пока это стремление не наталкивается на внутреннее противоречие, на невозможность потреблять больше, чем производится народным хозяйством.

На это внутреннее противоречие наталкивается и советская власть и оно заставляет постепенно, начиная с мелочей, подчинять принцип равномерного распределения задаче максимальной продукции, хотя проблема во всем ее об'еме не сразу осознана. Но уже такие факты, как стремление получать из за-границы в первую очередь орудия и средства производства, а не предметы непосредственного потребления показывают, что у руководителей современной экономической жизни проникает в сознание значение производительного накопления за счет непосредственного потребления.

К этому сознанию коммунистам приходится подходить эмпирически, путем тяжелого опыта, потому что до последнего времени социалисты теоретики не интересовались законами потребления [1]).

Выше мы дали следующую классификацию накопления и потребления:

1) **Необходимое потребление,** обеспечивающее существование трудящихся масс. Оно может расти только в связи с ростом:

2) **Производительного потребления** в виде орудий и средств производства.

3) **Непроизводительное потребление,** которое может существовать при всех формах организации хозяйства.

4) **Производительное накопление** в виде роста орудий и средств производства и

5) **Непроизводительное накопление,** присущее всем предшествующим, в особенности докапиталистическим экономическим отношениям.

С точки зрения социальной справедливости, противоречащими ей являлись и являются непроизводительное потребление и непроизводительное накопление. Правда, чувство социальной справедливости возмущалось и возмущается и производительным накоплением в руках капиталиста, потому что целью этого накопления, в конце концов, является его непроизводительное потребление, так как хозяйствующий суб'ект стремится увеличить свой доход не для общественного блага, а для личного непроизводительного потребления.

Из вышеизложенного ясно, что правильная постановка социальной проблемы как проблемы экономической и этической тесно связана с анализом законов потребления и распределения производительных сил в народном хозяйстве [2]).

Проблема распределения как этическая проблема подчиняется проблеме продукции и находится от нее в тесной зависимости. Из приведенных нами соображений видно, что основное противоречие высокого развития капитализма заключается вовсе не в том, как думал Маркс,—что рост производительных сил приведет к все большему и большему обострению кризисов вследствие перепроизводства. Мировая война показала, что потребление может превышать производство и создать недостаток продуктов, а трестирование промышленности может ослаблять ее анархию.

Мы видели, что по мере развития капитализма развивается непроизводительное

---

[1]) Практически рабочие союзы Англии и Германии считались с необходимостью ограничения своих требований в борьбе с предпринимателями, учитывая рыночную конъюнктуру и прибыли предпринимателей, но профессиональные союзы всегда были под подозрением теоретиков ортодоксальных социалистов как оппортунисты.

[2]) См. „Теорию развития народного хозяйства“ ч. III -„Распределение производительных сил“.

потребление и оно, угрожая экономическому прогрессу, вместе с тем является противоречием, развитие которого сделает капитализм изжитой формой производства, как в свое время было с крепостным правом.—Рост непроизводительного потребления не только вступает в противоречие с необходимостью развития производительных сил, но и с этическим пониманием массой населения проблемы распределения, т. е. ведет к отрицанию самой формы производства, вызывающей данные формы непроизводительного потребления.

2.

Характер потребления имеет не только этическую, но и эстетическую оценку.

Огромная доля национального дохода, поглощаемая непроизводительным потреблением в России, свойственна не только периоду войны и революции.

В последнее время она только увеличилась настолько, что потребление стало превышать производство, но тенденция к увеличению непроизводительного потребления и к сокращению накопления была и до мировой войны: в России она была пережитком эпохи натурального хозяйства и крепостного права.

Натуральное хозяйство, как я упомянул при анализе распределения его производительных сил, не может стремиться к постоянному накоплению и к техническому прогрессу, так как увеличение продукции дальше известных пределов для него излишне. Хозяйство помещика—крепостника, обеспеченное подневольным трудом от конкурренции и необходимости накопления, также могло существовать без накопления. Поэтому создались и соответствующие бытовые условия и даже этические представления, которыми производительное накопление осуждалось так же, как и скопидомство, т. е. так же, как непроизводительное накопление предметов потребления.

«Широкая русская натура»—продукт крепостного хозяйства точно также, как «мещанская мелочная натура» европейских общественных классов—продукт конкурренции и более развитого капитализма. Точно также «широкая натура» босяков М. Горького—остаток натурального хозяйства и «мещанская расчетливость» западно-европейских рабочих и крестьян результат «выварки в капиталистическом котле».

Одним нравится, этически оправдывается и эстетически высоко оценивается первое, другим нравится последнее,—это дело вкуса; экономист же принужден считаться не со вкусами и не с этическими преставлениями, а с законами экономики. Его задача не оправдывать, не осуждать, не восхвалять, а прежде всего об'яснить экономические явления.

Хорошо ли это или дурно, но законы потребления и распределения производительных сил заставляют и **заставят** все классы общества в России сократить непроизводительное потребление, **заставят** русского с «широкой натурой» заняться расчетом своего потребления, сделаться в этом смысле «мещанином» и «европеизироваться». С началом войны и революции умирает старое барство не только в виде утонченной роскоши последышей дворян, но и в виде нижегородских купцов, разбивавших под пьяную руку зеркала и окна, будет отмирать и симпатичное хлебосольство и бескорыстие широких народных масс. Эта перспектива покажется, конечно, некрасивой, но еще некрасивее голод и холод, которые заставят людей пожертвовать «поэзией и красотой» для сохранения своего существования, тем более, что и теперь

уже «широта натуры», может проявляться лишь у казнокрадов или грабителей, драпирующихся или не драпирующихся в идейный костюм, т. е. проявляется в самых некрасивых формах. Мещанский лозунг: «накопляйте, накопляйте»--по необходимости сделается всеобщим лозунгом, в какие бы формы ни вылилась экономическая жизнь страны, ибо законы потребления обязательны при всех формах хозяйства и им принуждены все подчиниться, нравится это или не нравится. К сожалению, этот период тщательного накопления закончится не скоро, так как он еще и не начинался. Лично мне как человеку отживающей эпохи он не нравится; но было бы ошибочно и крайне опасно отрицать какой нибудь факт только потому, что он не нравится и, как это свойственно большинству людей, ожидать от общественного развития в будущем **только** того, что нравится. Законы потребления в человеческой жизни сильнее законов, творимых самими людьми,—это та греческая а н а н к е, которой подчиняются и боги,—ненавистная поэтому и людям и богам...

ГЛАВА LIV.

Кооперация и народное хозяйство.

1.

Опыт войны и русской революции с наглядностью показал, что накопление капитала является необходимым условием для развития хозяйства страны, для развития ее производительных сил, что непроизводительное потребление национального дохода, происходит ли оно путем расходованья на войну, или путем растраты капиталов бесхозяйственной администрацией, рабочими и кем бы то ни было другим, одинаково ведет к падению производительных сил страны, к сокращению производства, к разорению и к закабалению страны иностранному капиталу.

Таким образом вопрос о накоплении национального капитала является вместе с тем и вопросом о развитии народного хозяйства.

Но накопление капитала при капиталистическом строе может быть только в двух формах: или в форме накопления частного капитала в руках капиталистов, или в форме общественного капитала в руках кооперации, так как в иной форме накопление производительного капитала в современном обществе крайне затруднительно.

Правда, мыслима и существует еще форма государственного накопления и накопления в руках органов общественного самоуправления. Но, благодаря тем общественным задачам, которые должны ставить упомянутые органы власти, накопление капитала путем хозяйственной производительной деятельности для этих общественных органов происходит в своеобразной форме.

Государство и органы самоуправления должны обслуживать целый ряд настоятельнейших общественных потребностей, требующих колоссальных расходов. Поэтому и государственная власть и органы общественного самоуправления принуждены для удовлетворения своих потребностей и потребностей общества не только затрачивать на них весь доход, получаемый от своих хозяйственных предприятий, но и облагать налогами население, т. е. затрачивать на это и часть накопляющегося капитала частных предпринимателей и даже кооперации. Государство и органы общественного самоуправления могут накоплять только путем обложения населения, т. е.

в известной степени задерживая накопление капитала частными лицами и кооперативами во имя обслуживания текущих потребностей и интересов населения.

Итак, если не считать накопления налоговым обложением, при капитализме есть только два пути для технического развития производительных сил страны: путь накопления капитала (орудий и средств производства) частными лицами и накопления капитала кооперативами..

Едва ли требуется доказывать, что последний путь—накопление капитала кооперативами—является наиболее полезным и желательным в интересах широких масс населения. Разумеется, наивно было бы ожидать, что даже при самом успешном накоплении капитала кооперативами произойдет какое либо коренное изменение социального строя, называемого капиталистическим. Но улучшение положения трудящихся становится возможным только вместе с накоплением национального капитала, которое сопровождается увеличением производительности труда. Когда рабочий, благодаря, технической отсталости производить в день ценность, равную 50 коп., то он не может получать заработную плату равную 1 рублю.

Если это так, если процесс накопления орудий и средств производства и обмена (пути сообщения) необходим, если наиболее желательно накопление не частно-предпринимательского капитала, а кооперативного, то весьма важно выяснить те условия, при которых оно происходит и должно происходить в современном обществе. Эта сторона народно-хозяйственной жизни и, в частности, кооперативной жизни очень мало обращала на себя внимание теоретиков, как будто развитие хозяйства, развитие его производительных сил происходит независимо от накопления. Только эмпирическим путем, путем опыта, опираясь на здравый практический разум, кооператоры вслед за частными предпринимателями идут по пути концентрации и накопления капитала,—единственному пути к укреплению кооперации и развитию производительных сил страны.

Здесь я попытаюсь вкратце дать теоретический анализ условий экономического развития кооперации и наметить тот путь, по которому должна итти кооперация, преследуя свою основную цель,—собственное развитие и экономическое развитие всей страны в интересах трудящихся. Ибо только при экономическом развитии, только в процессе накопления кооперативного капитала возможно осуществление и других задач, которые ставит кооперация, как общественное учреждение, для удовлетворения как материальных, так и высших потребностей трудящихся, членов своего общества...

Теоретики кооперации обыкновенно недостаточно обращали внимания на «экономику», на необходимость накопления орудий и средств производства и обмена в крупном масштабе и недостаточно оценивали значение крупных кооперативных об'единений, концентрации и накопления частно-предпринимательского и других видов капитала.

Теперь, я думаю, своевременно на эту сторону развития хозяйства обратить сугубое внимание.

Соглашение трудящихся для совместного достижения определенных хозяйственных целей такого же древнего происхождения, как и самое хозяйство. Во все известные нам периоды хозяйственного развития трудящиеся люди для достижения тех или других хозяйственных целей вступали в определенные кратковременные или

длительные соглашения для совместного достижения наибольших хозяйственных результатов. Но как характер такого соглашения, так и цели, для которых оно создавалось, определялись теми общими хозяйственными условиями, в которых находились вступавшие в соглашение лица.

Поэтому не только деятельность и направление различных видов кооперации современного типа, но и все виды соглашений трудящихся для достижения каких либо хозяйственных целей всегда определялись и определяются об'ективными хозяйственными условиями, в которых живут кооператоры.

Приспособление к этим внешним условиям происходило всегда ощупью, на опыте, без их научного изучения. Поэтому целый ряд кооперативных начинаний, огромные усилия человеческой энергии пропадали безплодно, тысячи людей разочаровывались в своих благих начинаниях, потому что без изучения условий, при которых может развиваться тот или другой тип кооперации, она разрушалась и не достигала задач, которые ставились ее организаторами.

Очевидно, что изучение этих внешних условий, изучение законов развития народного хозяйства и самых экономических законов является необходимым. Оно обеспечивает успех кооперативных предприятий и предохранит их от крушений при настоящих условиях ожесточенной экономической борьбы. Отсутствием такого рода знаний отчасти об'ясняется то, что различные виды современной кооперации, существующие уже довольно давно, слишком медленно укреплялись, и их экономическое могущество не соответствует количеству об'единенных членов кооперации.

До сих пор еще многие члены и организаторы кооперации смотрят на нее лишь как на временное средство для достижения других, нехозяйственных целей и поэтому недостаточно внимательно относятся к укреплению ее, как могучего фактора организации хозяйственной жизни страны. Еще большее количество членов кооперации смотрит на нее исключительно, как на средство удовлетворения своих частно-хозяйственных целей, мало заботясь об ее укреплении. Между тем, как увидим, далее, только укреплением кооперации и ее быстрым развитием достигается и лучшее удовлетворение тех эгоистических частно-хозяйственных целей, к которым стремятся члены кооперации, вступая в нее.

2.

Подходя к изучению как частного, так и всего народного хозяйства, мы прежде всего замечаем, что чем большая доля продуктов в частном хозяйстве—точно также, как и в общественном—производится не для личного непосредственного потребления членов хозяйства, а для его **хозяйственных** потребностей, тем хозяйство лучше и быстрее развивается, тем больше оно производит продуктов и, в конце концов, тем лучше начинает удовлетворять и личные потребности членов хозяйства. Выше было показано, что в различных крестьянских земледельческих хозяйствах, сравниваемых по бюджетам, т. е. по затратам на личные и хозяйственные потребности, рост хозяйства, рост производства в нем сопровождается ростом затрат на хозяйственные потребности и уменьшением доли затрат на личные потребности членов хозяйства [1]).

[1]) См. вып. I; гл X, стр. 96 и следующие.

Очевидно, для того, чтобы больше произвести продуктов, беднейшее хозяйство принуждено очень сильно сократить личные потребности, личное потребление, чтобы больше затратить на хозяйственные потребности, на увеличение производства.

Из сопоставления личного и хозяйственного потребления в каждом хозяйстве не трудно видеть, что личное, субъективное стремление удовлетворить свои человеческие потребности находится в противоречии с объективной, хозяйственной необходимостью затратить наибольшую долю бюджета на хозяйственные потребности. Например, чтобы лучше удовлетворить свои личные потребности, крестьянин может не только продать корм для своей лошади, но и самую лошадь. Но **удовлетворение своих потребностей в ущерб хозяйственным поведет к разрушению самого хозяйства**: продав корм для лошадей или самую лошадь и временно лучше удовлетворив свои потребности, хозяин уже не в состоянии будет вести хозяйство.

Поэтому хотя целью хозяйственной деятельности является удовлетворение личных потребностей, но именно для лучшего их удовлетворения в будущем приходится ограничивать его в настоящем ради удовлетворения хозяйственных потребностей.

Такое же противоречие между субъективным стремлением к удовлетворению своих личных потребностей и потребностей хозяйственных существует и у капиталиста, располагающего большим капиталом. Но здесь борьба между хозяйственной необходимостью и стремлением к удовлетворению личных потребностей не является такой острой, как у мелкого предпринимателя потому, что удовлетворение **наиболее настоятельных** личных потребностей у капиталиста не идет в ущерб хозяйственным потребностям. Капиталист если и отказывает себе в расширении личных потребностей за счет хозяйственных, то лишь в виде отказа от мотовства, так как он может накоплять капитал, удовлетворяя свои потребности лучше, чем большинство остального населения.

Между тем, конкуренция заставляет каждого капиталиста накоплять капитал, превращая его в орудия и средства производства, т. е. употреблять на хозяйственные потребности. Вызванное этим стремление к накоплению очень сильно и действует с неумолимостью физического принуждения. Ибо капиталист, который не увеличивает свой капитал, не накопляет, вытесняется с рынка конкуренцией других предпринимателей и выбрасывается из производства. Так происходило с русским дворянством; проживая больше, чем давали дохода его земли, дворянство понемногу распродавало их в руки других сословий, привыкших меньше тратить на свои личные потребности.

Поэтому мы видим, что в хозяйствах, которые развиваются, увеличивая производство, вначале, когда производство еще не достигло значительных размеров, личное потребление членов хозяйства или не расширяется, или расширяется в ничтожных размерах, а значительная доля дохода идет на накопление. Ибо только при таких условиях хозяйство может окрепнуть и развиться.

Дворянин типа Евгения Онегина, проживающего свое состояние благодаря высоким культурным потребностям, может быть симпатичнее, чем тип кулака Разуваева; но экономические законы не считаются с нашими мнениями: хозяйство переходило от культурных дворян к менее культурным купцам и крестьянам.

В кооперативных предприятиях современного типа, к какой бы категории коо-

ративы ни принадлежали, указанные нами законы развития хозяйства, так же действительны и обязательны, как и для частных предприятий. Но ведение хозяйства кооператорами благодаря некоторым условиям значительно труднее, чем для частных предприятий. Эта трудность укрепления кооперации обусловливается причинами, которые лежат в основе экономической жизни каждого отдельного хозяйства и поэтому требуют особенно усиленной борьбы с неблагоприятными условиями.

3.

Каждый кооператив современного типа состоит из союза нескольких отдельных хозяйств, об'единившихся для достижения каких-либо хозяйственных целей.

Эти хозяйства, например, хозяйства рабочих, служащих и т. д., могут быть только **потребительные**, так как рабочий и служащий может не иметь **своего производительного** хозяйства, работая только по найму. Об'единение его с другими рабочими и служащими может ставить своей задачей непосредственное улучшение потребления членов потребительного хозяйства, живущих заработком. Обыкновенно такие потребительские хозяйства об'единяются в потребительные кооперативы. Точно также в кооперативы об'единяются крестьяне и ремесленники, имеющие свое **производительное** земледельческое или ремесленное хозяйство. Но во всех этих случаях кооператоры своей задачей ставят чисто эгоистические цели улучшения своего частного индивидуального потребительного или производительно-потребительного хозяйства, а на кооперацию смотрят лишь, как на средство для этого; т. с. путем потребительной кооперации они стремятся улучшить и увеличить потребление в **своем** собственном хозяйстве, кредитной кооперацией—использовать кредит для **своего** хозяйства и т. д.

Когда мы рассматривали частное хозяйство, то в нем мы отметили борьбу двух начал: стремление хозяйствующего суб'екта к расширению личного потребления и вынуждающую его необходимость ограничить личное потребление для укрепления и развития своего хозяйства. Ограничивая свое и своей семьи личное потребление, хозяин делает это из предусмотрительности, для упрочения своего хозяйства.

Но процесс накопления в кооперации подчиняется тем же законам, как и в частном хозяйстве. Кооператив является конкуррентом частно-хозяйственным предприятиям. Например, потребительный кооператив продает предметы потребления членам кооперации—также, как и соседний лавочник. Кооператоры об'единяются в кооператив для того, чтобы избежать эксплуатации лавочника, который за свое посредничество берет с потребителей прибыль в свою пользу.

Очевидно, если кооператив будет продавать свои товары дороже, чем лавочник, то кооператоры, руководясь каждый интересами только своего собственного хозяйства, будут покупать товары не в кооперативе, а у лавочника, и кооператив погибнет. Но с другой стороны для кооператива так же, как и для всякого частного предприятия, необходимо накопление своих средств для конкурренции с лавочником, который,—по упомянутому мною закону,—должен накоплять.

Если кооператив будет отставать в накоплении от лавочника, то последний в конце-концов окажется в лучшем положении, чем кооператив, так как, располагая большими средствами, он может легче конкуррировать, поставив свое предприятие в лучшие условия.

В каком же соотношении должны находиться затраты кооператива на личные и хозяйственные потребности?

Кооператив предприятие коллективное. Как замечено, он организуется для лучшего удовлетворения личных и хозяйственных потребностей членов-кооператоров. Таким образом в кооперативе его хозяйственным потребностям, накоплению его капитала, противостоят потребности кооператоров или, правильнее, потребности хозяйств кооператоров. Например, продавая без прибыли продукты своим членам, кооператив лучше удовлетворяет личные и хозяйственные потребности кооператоров, но удовлетворение хозяйственных потребностей самого кооператива благодаря этому сократится: он не может накоплять средств, необходимых для расширения дела, и рискует погибнуть от конкурренции торгового капитала, который постоянно накопляет. Конечно, какой-нибудь кооператив в деревне может долго существовать без накопления. Район, обслуживаемый им, может быть так мал, что, действуя в нем кооператив может тянуть свое существование без накопления. Но так как вообще в стране капитал накопляется у частных предпринимателей, то, при таких условиях, кооперация будет играть, относительно, все меньшую и меньшую роль.

Итак, кооперация находится в таком же противоречивом положении, как и частное хозяйство: 1) стремление отдельных кооператоров увеличить свое личное потребление, потребление в **своем** хозяйстве, противоречит и мешает увеличению хозяйственного потребления в самом кооперативе; 2) чем больше сокращается личное потребление (в данном случае, чем меньше от кооператива получают отдельные кооператоры), и чем больше остается в пользу кооператива, тем больше шансов для его развития, и тем больше, в конце-концов, выиграют и кооператоры, потому что хозяйственное упрочение кооператива даст ему возможность лучше обслуживать и кооператоров. Это противоречие субъективных стремлений кооператоров—получить от кооператива для себя,—является главнейшим препятствием накоплению капитала в кооперативах.

4.

Указанные нами противоречия осложняются еще следующим обстоятельством. Мелкий лавочник обыкновенно сам торгует в своем предприятии, он может сокращать свои личные потребности, исходя из интересов своего хозяйства, в данном случае, своей торговли. При недостаточном количестве прибыли он сокращает свои личные расходы ради накопления, ради укрепления **своего** хозяйства, **своей** торговли.

В кооперации, как бы мало ни давала она дохода, работают наемные лица, для которых кооперация не является собственным хозяйством, собственным предприятием. Поэтому служащий кооперации непосредственно, хозяйственно, не заинтересован в укреплении кооперации, в накоплении капитала, а напротив, лично и непосредственно заинтересован в увеличении своего жалованья, т. е. в увеличении своего и своей семьи личного потребления. Поэтому, с точки зрения личной заинтересованности в укреплении и развитии предприятия, в сокращении «непроизводительного» личного потребления и расширения на его счет производительного, предприятие лавочника находится в лучшем положении, чем предприятие кооперативное. Нужно высокое идейное развитие, нужна известная степень самопожертвования со

стороны служащих кооперации, чтобы устранить преимущества частного предприятия в указанном отношении.

Несколько иное положение крупного частного предприятия и кооперации.

В частном предприятии, напр., в крупном магазине также употребляется наемный труд, но преимущества частного предпринимателя заключаются в том, что он руководствуясь своим личным интересом, стремится понизить оплату труда до наивозможного минимума. Между тем кооперативное предприятие как предприятие общественное, организованное трудящимися, не может ставить своей задачей максимальную эксплуатацию наемного труда и должно создавать сносные условия существования трудящихся в предприятии. Для кооперативного предприятия, таким образом, существует постоянная опасность слишком высоких расходов сравнительно с частным предприятием на оплату труда, расходов, которые могут не только замедлить накопление капитала, но и поглотить его.

Все перечисленные опасности и отрицательные стороны кооперации (с точки зрения накопления капитала и его развития) в значительной степени ослабляются кооперативными об'единениями, экономическое значение которых мы и постараемся выяснить.

5.

Рассматривая мелкое частное торговое предприятие (лавочку), или производительное предприятие (кустарное и ремесленное), мы находим, что препятствием его развитию является не только недостаток капитала, но и ограниченность района его действий, ограниченность района сбыта.

Правда, район сбыта определяется, главным образом, размерами капитала, которым располагает предприятие, так как увеличение и удешевление производства расширяет и район сбыта, точно также, как более дешевые оптовые закупки расширяют район торговли. Но и это может происходить не всегда. Мелкий лавочник в небольшой деревне не может значительно расширить своих торговых операций на месте, и если он обладает достаточными средствами для расширения своего торгового предприятия, он должен перенести его в более крупный торговый центр. В маленьком же районе может оставаться только мелкое предприятие. Если это предприятие торговое, то мелкий лавочник может накоплять капитал, но значительные его затраты на это предприятие безполезны и будут употреблены на что нибудь другое. Поэтому, например, крупные оптовые закупки таким мелким лавочником делаться не будут, и он принужден будет обращаться к посредничеству оптовиков, т. е. предоставить процесс накопления крупного капитала оптовику.

Благодаря связи размеров капитала с размерами района или рынка, который он обслуживает, накопляющийся частно-предпринимательский капитал распределяет сферу своего действия соответственно его размерам. В мелких торговых пунктах с незначительным районом сбыта действует мелкий капитал. В более крупных уездных пунктах существуют предприятия (промышленные и торговые), обслуживающие целый ряд мелких районов, снабжающие товаром мелких предпринимателей на местах.

Наконец, существуют крупные торговые и промышленные фирмы, обслуживающие огромные районы, снабжающие товаром сотни тысяч и миллионы жителей и кон-

центрирующие в своих руках огромные капиталы. Для снабжения товаром обширного района необходим огромный капитал, и обратно—для применения огромного капитала необходим и широкий рынок.

Очевидно, и мелкий торговец и мелкий предприниматель, обслуживающие мелкие районы, находятся в менее благоприятных условиях в смысле конкурренции, чем крупные предприниматели, обслуживающие огромные районы. Оптовый торговец может покупать товары непосредственно от крупных производителей в России или заграницей, не прибегая к посредничеству других торговцев. Крупный предприниматель может организовать крупное, технически совершенное предприятие, изготовляющее более дешевые изделия. Мелкий предприниматель, напротив, может организовать только технически слабо оборудованное предприятие, а мелкий торговец принужден покупать дороже у оптовиков, отдавая им значительную долю прибыли, и не может конкуррировать с ними. Таким образом, крупное промышленное предприятие, как и крупный оптовый торговец, доставляет товары для целого ряда мелких торговцев, продающих товары в мелких районах, и получает от каждого из них такую сумму прибыли, что, поддерживая крупное предприятие, накопляет огромные капиталы для дальнейшего расширения крупного производства.

6

Отдельные мелкие кооперативные организации находятся в таком же положении, как и мелкие частные предприятия. Так как размер обслуживаемого ими района ограничен небольшими пределами, то они так же, как и мелкий лавочник или мелкий предприниматель, вынуждены прибегать к посредничеству крупного капитала оптового торговца и содействовать накоплению им капитала, за счет кооператоров. Отдельные мелкие кооперативы, покупая товары у оптовиков, содействуют росту частного крупного капитала, который по существу является им враждебным и наиболее опасным конкуррентом.

Правда, крупный капитал, в большинстве случаев, предоставляет до поры до времени мелкому капиталу, как и кооперации, продавать свои товары на местах в мелких районах, но лишь до тех пор, пока сам не найдет возможным организовать свои мелкие отделения. В Париже, например, некоторые крупные фирмы организовали свои мелкие отделения в различных пунктах, чтобы на местах сбывать свои товары непосредственно потребителям. Точно также в России некоторые крупные фирмы имеют мелкие отделения или в различных городах, или даже в одном городе. Так, известная фирма Чичкина (по продаже молочных продуктов) имела десятки отделений в Москве для продажи непосредственно потребителям.

Очевидно, пока кооперация не создаст крупной оптовой торговли и крупного производства главнейших предметов своего сбыта, до тех пор она будет содействовать организации и накоплению крупного капитала и не будет иметь возможности накоплять капитал. А выше мы показали, что накопление капитала является необходимым условием развития кооперации, как и вообще развития производительных сил общества.

Но то, что делает мелкий торговый капитал поневоле, отдавая львиную долю прибыли крупному предпринимателю, то же может сделать кооперация сознательно,

организуя крупные об'единения отдельных кооперативов для покупки, производства и сбыта товаров.

На этот путь об'единения с указанными целями кооперация встала эмпирически, на основании опыта, находя более выгодной совместную закупку товаров. На основании опыта она переходит и к массовому производству и сбыту товаров. Но все значение такой организации для общего развития кооперации и народного хозяйства, для процесса накопления капитала едва ли и теперь достаточно ясно для широкой массы кооператоров. Между тем только вполне осознанная необходимость **накопления** капитала в наиболее крупных об'единениях может гарантировать упрочение и развитие кооперации, как крупного фактора общественно-экономической жизни.

7.

Процесс накопления капитала крупными предпринимателями происходит благодаря тому, что огромное количество производителей и потребителей или непосредственно, или через посредников—мелких торговцев—отдают долю своего дохода в виде прибыли на капитал крупного предпринимателя. Таким образом, накопление крупного капитала происходит благодаря тому, что мелкими частями, но от огромного количества потребителей и рабочих собираются большие суммы капиталистического дохода. Это накопление капитала является, как замечено, необходимым условием для развития хозяйства, для развития производительных сил страны. Если внутри страны капитал не накопляется, то она делается колонией другой капиталистической страны, которая будет накоплять капитал за ее счет.

Накопление крупного капитала возможно только при массовом сбыте товаров. Поэтому мелкие кооперативы, как и мелкие лавочники, не могут каждый в отдельности организовать предприятие в крупных размерах. Вот почему вопрос об образовании крупных кооперативных об'единений с быстро накопляющимся капиталом есть вопрос вообще о существовании кооперации, как сколько нибудь значительного фактора хозяйственной жизни страны.

Накопление капитала кооперативных об'единений возможно за счет мелких кооперативов. Мелкие кооперативы, делаясь пайщиками крупных об'единений, могут организовать крупное производство и товарообмен в крупных размерах. Этот путь является единственным, дающим возможность поставить кооперацию на твердую почву и выдержать борьбу и конкурренцию с крупным капиталом. Поэтому вопрос об укреплении и развитии кооперации, как крупного фактора развития народнохозяйственной жизни, сводится к вопросу о сосредоточении и накоплении капиталов в крупных об'единенных кооперативных организациях и к вопросу о наиболее производительном употреблении накопленных таким образом капиталов.

Последняя задача является наиболее трудной, не только потому, что кооперация стремится удовлетворить духовные потребности членов кооперации и таким образом подвергается опасности затратить и свой доход и даже свои капиталы, в хозяйственном смысле, непроизводительно, но и потому, что, обслуживая потребности мелких хозяев или потребителей, она стоит перед соблазном снова распылить свои капиталы исключительно на хозяйственные потребности отдельных кооператоров или кооперативов. А так как эти потребности очень настоятельны, и так как

хозяевами крупных об'единений являются, в конечном счете, мелкие кооперативы, то тенденция к распылению капитала и к организации местных мелких кооперативных предприятий может быть очень сильной и даже непреодолимой. Задача кооперативного воспитания и должна заключаться, между прочим, в укреплении сознания, что концентрация производительного и торгового капитала является лучшим средством для наибольшего удовлетворения и местных потребностей каждого кооператива и его членов.

8.

Выше, при анализе личного и хозяйственного или, выражаясь экономическими терминами, производительного и непроизводительного потребления, мы указывали, что крупное капиталистическое предприятие находится в лучшем положении, чем мелкое хозяйство, потому что первое получает большую сумму дохода и таким образом, большую долю своего дохода может затрачивать на развитие хозяйства, на хозяйственные, или производительные потребности. Благодаря этой особенности и является возможность быстрой концентрации и накопления крупного капитала. Этими же особенностями отличаются и крупные кооперативные об'единения, в которых крупные размеры оборотов дают возможность получать большую сумму валового и чистого дохода.

Но частное крупное предприятие обладает одним весьма важным хозяйственным преимуществом, которое облегчает ему борьбу в конкурренции капиталов.

Мы указывали, что частный предприниматель, если не прибегает к мотовству, может затрачивать непроизводительно небольшую часть своего дохода. Частный крупный предприниматель обладает максимальной возможностью накопления.

Кооперация, в виду существования целого ряда настоятельных потребностей своих членов,—в особенности, в виду необходимости удовлетворения культурных потребностей,—всегда имеет соблазн затрачивать свой доход на удовлетворение этих—с хозяйственной точки зрения—нехозяйственных потребностей. Но с **хозяйственной точки** зрения поглощение значительной доли чистого дохода кооперативного хозяйства на такого рода нехозяйственные потребности явится аналогичным частнохозяйственному мотовству.

Во избежание недоразумений я оговариваюсь, что рассматриваю явления с чисто экономической, хозяйственной точки зрения, т. е. поскольку та или другая затрата влияет на развитие данного хозяйства: затрата может быть чрезвычайно благодетельной для отдельных членов кооперации, но тем не менее с хозяйственной точки зрения может повести к разорению данного хозяйства, если она своими размерами мешает хозяйственному укреплению предприятия.

Для кооперативного предприятия, имеющего чистого дохода 100 тысяч рублей в год, годовая затрата в 10 тыс. руб. на удовлетворение культурных потребностей или даже на какую нибудь общегосударственную цель будет возможна и не поведет к ущербу для предприятия. Но для кооперации, имеющей чистого дохода 20 тыс. руб., затрата в 10 тыс. является уже настолько чувствительной, что может отразиться на прочности самого предприятия.

Не трудно видеть, что при такой зависимости непроизводительных (с хозяйственной точки зрения) затрат от размеров чистого дохода предприятий, эти затраты

должны расти пропорционально размерам и доходу предприятия и всякое нарушение такой пропорциональности опасно и может быть гибельно для кооперации. Ясно также, что чем «хозяйственнее» затрачивается капитал на первых ступенях его развития и накопления, тем скорее и в больших размерах он может затрачиваться на нехозяйственные потребности впоследствии, по мере его накопления.

Очевидно также, что об'единения кооперативов, представляя собою крупную организацию капитала, могут в значительно больших размерах делать «непроизводительные» затраты для удовлетворения высших потребностей своих членов.

Опасность для кооперации приостановки дальнейшего накопления капитала путем непроизводительных его затрат обусловливается тем, что эти затраты являются одной из высших целей кооперации. Например, поднятие культурного уровня своих членов является одной из высших и благородных целей кооперативного строительства. Естественно, что именно для тех деятелей кооперации, которые ставят эти высшие цели, постоянно является соблазн усилить затраты с этой целью до максимальной степени, а ограничение этих затрат со стороны кооперации может об'ясняться ее меркантилизмом, проникновением в нее «коммерческого» духа, «селедочничества».

Конечно, возможно увлечение кооператоров и в эту сторону, возможно, что накопление может сделаться для некоторых деятелей кооперации самоцелью. Тем не менее нельзя упускать из виду, что увеличение «непроизводительных» затрат может делаться кооперацией только при увеличении затрат производительных. В противном случае кооператоры будут подражать сказочному деду и бабе, которые убили курицу, несущую золотые яйца, чтобы сразу получить все яички...

Частный капитал не подвергается такой опасности самоуничтожения, потому что он и не ставит себе каких-либо культурных заданий и не имеет в виду улучшения положения трудящихся. Это дает ему огромные преимущества в экономической борьбе, преимущества, которым кооперация может противопоставить с одной стороны планомерность и осторожность в «непроизводительных» затратах, увеличивая их пропорционально увеличению «производительных» затрат, с другой стороны используя в полной мере те преимущества, которые имеет кооперация, и к рассмотрению которых мы переходим.

9.

Как мы заметили уже, организация крупно-капиталистического предприятия требует и широкого рынка. В большинстве случаев крупное промышленное или торговое частное предприятие в известной степени обеспечивает широту рынка уже наличностью крупного капитала. Он дает возможность торговли или производства в крупном масштабе, т.-е. с меньшими издержками, и сбыта более дешевых товаров. Тем не менее завоевание и удержание рынка для крупных предприятий требует значительных усилий и составляет для них важнейшую заботу. Потерять рынок для частного предприятия—значит потерять все. Крупные кооперативные об'единения в этом отношении находятся в привилегированном положении. У них рынок обеспечен теми местными кооперативами, которые входят в об'единение. Закупается ли об'единением какой-либо товар, организуется ли им какое-либо производство, рынок обеспечен совокупностью потребителей, входящих в об'единение и являющихся

его пайщиками. Благодаря этому крупное кооперативное предприятие не нуждается в поисках рынка, и требуется только рациональная постановка этого предприятия, чтобы обеспечить его успех. Но для широкой постановки торгового предприятия, а тем более для технически совершенной постановки промышленного предприятия требуется крупный накопленный капитал, т.-е. то предварительное условие, о значении которого мы выше писали.

Предполагая, что это условие имеется налицо, мы приходим к заключению, что по условиям сбыта товаров кооперативное об'единение находится в лучших условиях, чем частный предприниматель.

К сожалению, с деловой, чисто практической стороны кооперация обставлена значительно хуже, чем это необходимо для правильного ведения дела. Кооперация много посвящает внимания идеологической подготовке кооператоров, выяснению ее роли, истории и т. д., но слишком мало подготовляет деловых людей в хозяйственном отношении. Это обусловливается, вероятно, некоторым пренебрежением к чисто практическому торгово-промышленному делу как более прозаическому, «низменному», сравнительно с идеологическими задачами кооперативов. Но это «прозаическое» дело является фундаментом для тех идеологических цветов кооперативного дела, которые его украшают...

Возвращаясь к условиям укрепления крупных кооперативных торговых и производительных организаций, мы можем констатировать, что кооперативные об'единения в отличие от частно-хозяйственных сразу могут иметь точно установленный широкий рынок, требующий только правильного учета. Это дает огромное преимущество кооперативным предприятиям, если они сумеют его использовать и прежде всего вести учет, т.-е. вести кооперативную статистику, учет торговых операций, размеров потребления кооператорами каждой категории товаров и т. д. Это задача сравнительно легкая, требующая только внимательного отношения кооператоров к своим заданиям...

10.

Развитие народного хозяйства происходит с известной последовательностью и закономерностью. Этой закономерности подчиняются одинаково, как частные, так и кооперативные предприятия. Законы развития хозяйства одинаковы и для частного и для кооперативного капитала. Изучая развитие современного капиталистического хозяйства, мы находим, что крупный капитал затрачивается прежде всего в орудия и средства обмена.

Орудием обмена являются деньги, а средствами обмена являются прежде всего накопленные в руках крупного капитала товары и средства передвижения товаров: пути сообщения, пароходы, подвижной железнодорожный состав и т. д.

В распределении национального капитала, затрачиваемого в различные периоды развития хозяйства в те или другие отрасли промышленности, мы находим, что во всех странах последовательность развития промышленности одинакова.

В Англии крупный капитал до 60-х годов затрачивался в главной своей доле на средства передвижения (пароходы, железные дороги) и на банки. Затем он переходит к добыванию основных материалов для производства—в горнозаводскую промышленность.

В Германии в период с 1851 по 1870 г. из 2250 милл. марок акционерного капитала на горнозаводское дело было потрачено всего 12%, а остальное затрачивалось на железные дороги, банки и страховые общества.

В 70-х годах горнозаводское дело поглощало 19,3% акционерного капитала. В 80-х годах эта отрасль промышленности поглощает уже 33,3%—одну треть акционерного капитала, в 90-х годах капитал в больших размерах направляется, кроме горнозаводского дела, в отрасли обрабатывающей промышленности, где раньше царило ремесло [1]).

В России из общей суммы основного капитала в 1115 миллионов, затраченного в акционерных предприятиях с 1861 по 1873 год, было поглощено

железными дорогами и пароходными обществами	63,2%
банками и кредитными учреждениям	20%
горнозаводскими предприятиями	2,2%

Мы видим, что в России до 70-х годов горнозаводское дело, доставляющее главный материал для основного капитала в производстве, играет ничтожную роль. В 70-х годах горнозаводские предприятия в России поглощали только 5,3% общей суммы акционерного капитала.

Только в 90-х годах XIX столетия горнозаводское дело в России начинает быстро развиваться и поглощать громадные капиталы. В начале текущего столетия в горнозаводскую промышленность уже затрачивается более одной трети всего основного акционерного капитала—39%, т. е. более, чем в Германии 80-х годов.

Таким образом, мы видим известную закономерность и последовательность в развитии капитализма во всех странах, и должны принять это во внимание и при определении путей развития кооперации.

Последовательность, с которой крупный капитал захватывает одну отрасль народного хозяйства за другой, обыкновенно вводила в заблуждение экономистов, которые приходили к заключению, что капитал и может проникнуть **только** в ту область, в которой он уже господствует. Так, русские экономисты до начала 90-х годов прошлого столетия утверждали, что в русской промышленности капитал не имеет корней и не может развиваться, что оперируя только в области обмена, он способен лишь эксплуатировать труд мелких самостоятельных производителей и не может сам организовать производство. Эта «особенность» русского капитализма, как мы видели, была присуща до известного периода и германскому и английскому капитализму.

Выводы русских экономистов о неспособности капитализма в России захватить производство и о свойствах его действовать лишь в качестве торгового и ростовщического капитала опирались на существовавшее положение вещей, на то, что в первой стадии своего развития капитал везде, а не только в России стремится захватить и организовать товарный обмен. Только на дальнейшей ступени своего развития и накопления капитал переходит в огромном количестве к организации производства, но из этого ни в каком случае нельзя делать вывод, что капитализм, господствуя временно только в товарообмене, неспособен потом перейти к производству.

[1]) П. Маслов. Теория развития народн. хозяйства Стр. 310—314.

11.

Современная кооперация идет в своем развитии по пути, проложенному в народном хозяйстве частным капиталом, ибо она выступает, как экономический фактор, в качестве орудия борьбы с эксплуатацией частного капитала.

Поэтому и кооперативный капитал формируется и организуется в формах, соответствующих первоначальным ступеням развития капитализма, т. е. в форме торгового (потребительная кооперация) и в форме кредитного (кредитная кооперация) капитала. Та форма кооперации, которая называется обыкновенно производительной (маслодельные артели), по существу является также организацией торгового капитала, занятого оптовым сбытом и оптовыми закупками для мелких предприятий, т. е. теми функциями, которые захватывает торговый капитал.

Естественно, что и у теоретиков кооперации является мысль рассматривать те первичные формы, в которых начинает развиваться кооперация, как формы, в которых может, главным образом, реализоваться кооперативный капитал и развиваться кооперация.

Из предыдущего анализа развития крупного капитала ясно, что и торговая и кредитная кооперация, как первоначальные формы развития, действительно, в начале должны занимать первое место, и было бы ошибочно начинать организацию кооперации сразу с организации производства. Но не менее ошибочно было бы рассматривать преобладающие теперь формы кооперации, как единственные, которые могут и будут развиваться впоследствии, вместе с дальнейшим развитием и укреплением кооперативного капитала.

Кооперация шла и дальше должна итти по пути общего развития капитализма, ведя борьбу с частным капиталом на той арене хозяйственной жизни, которую он избирает.

Накопление торгового и кредитного капитала, являющееся необходимым условием укрепления и развития кооперации, неизбежно побудит ее искать применения в производстве.

Но и здесь развитие капитала подчиняется известной закономерности, которой должна подчиниться и кооперация, чтобы иметь успех.

Переход кооперации от торговли и кредита к производству будет вызываться теми же причинами, которыми вызывается и переход к производству частного капитала.

Частный капитал, накопляясь в обмене, стремится реализоваться в дающее доход предприятие, чтобы не погибнуть, превратившись в сокровище, не дающее дохода. Частное лицо, так же, как и отдельный кооператив, может, конечно, как это часто и бывает, накопивши достаточный капитал, иногда превратиться в рантье. Оно, удовольствовавшись накоплением, превращает капитал в какую, нибудь ценность, дающую ренту: покупает доходный дом, землю, процентные бумаги и т. д. и извлекает капитал из обращения. Но в данном случае происходит лишь перемена лица, так как капитал, находившийся в руках данного лица, перешел к другому лицу, продавшему дом, землю и т. д. и, все-таки, другим путем через другое лицо перейдет к производству. Если в рантье превращается кооператив, если он реализует накопившийся капитал в рентный доход, то это только значит, что из рук кооператива капитал перешел в частные руки и через них перейдет к производству.

Ибо торговый капитал, заполнив русло торговли, неизбежно перельется в производство.

12.

По мере развития капитализма, по мере развития хозяйства все большая и большая часть национального труда и капитала затрачивается не на предметы непосредственного потребления, а на орудия и средства производства: развитие хозяйства требует увеличения затрат на **хозяйственные** потребности, т.-е. на средства производства.

Передвижение капитала от производства предметов непосредственного потребления к производству орудий и средств производства выражается прежде всего в техническом прогрессе. О том-же можно заключить и по более быстрому росту основного капитала сравнительно с ростом суммы заработных плат: это указывает на увеличение суммы основного капитала по отношению к каждому наемному рабочему.

В этом с экономической стороны и выражается технический прогресс, так как лучшие орудия, лучшие машины, которыми работает каждый рабочий, представляют все большую и большую ценность сравнительно с примитивными орудиями. Вместе с увеличением общей суммы основного капитала возрастает и средний размер предприятий, занятых производством.

Все эти положения, уже установленные нами ранее, указывают путь, по которому может и должна развиваться кооперация.

Не трудно видеть, что мелкие кооперативы не в состоянии организовать производство, которое могло бы долго конкуррировать с капиталистическим в силу указанных нами тенденций развития народного хозяйства. Если крупный частный капитал будет организовывать крупное, технически совершенное предприятие, то, очевидно, с ним не может конкуррировать мелкое, технически отсталое предприятие, организованное мелкими кооперативами. Конкуррировать может только технически совершенное, крупное производительное предприятие, организованное крупным кооперативным об'единением для широкого массового сбыта.

Таким образом, рассматривая вопрос с этой стороны, со стороны экономического и технического развития народного хозяйства, мы подходим к тому же выводу, к которому подошли, исходя из анализа рыночных условий: крупные об'единения и организация ими крупного производства являются необходимой и неизбежной ступенью экономического развития кооперации. Без этого на определенной ступени экономического развития невозможно и дальнейшее развитие кооперации. Она должна будет или отступить перед напором крупного капитала или встать на путь организации крупного производства. Но вступивши на этот путь и принимая во внимание преимущества, которые она имеет, и те преимущества, которые имеет частный капитал, и на которые мы указывали, она может бороться с крупным частным капиталом на почве наиболее для нее благоприятной.

Как на главное преимущество кооперативных об'единений перед частным капиталом, мы указали на возможность для кооперации сразу иметь и упрочить за собой обширный рынок, создаваемый многочисленными членами об'единенных кооперативов.

Т.-е. кооперация будет стоять на твердой почве, если она будет организовать производство предметов массового потребления или обработку продуктов, которые добываются большой массой членов кооперации.

Разумеется, благодаря каким-нибудь случайным счастливым обстоятельствам, в руки кооперации может попасть какое-либо предприятие или производство, и не отвечающее поставленным выше условиям, но все-таки находящееся в благоприятных условиях. Но это будет исключение, а не общее правило, и оно ничуть не опровергает высказанных положений.

Организуя обработку продуктов, добываемых большим количеством членов кооперации, например, обработку молока или других продуктов сельского хозяйства, кооперация строится на широкой основе, опираясь на массу своих членов. Точно также, добывая и обрабатывая предметы массового потребления, она опирается на широкую массу потребителей, к которой она может легче частного предпринимателя подойти через мелкие кооперативы. И в том и в другом случае кооператив имеет огромные преимущества перед частным предпринимателем, так как аппарат собирания в мелких хозяйствах материала для обработки и сбыта на мелкорайонных рынках для частного предпринимателя стоит очень дорого. Готовая кооперативная организация в виде крупных кооперативных об'единений имеет на местах такой аппарат, и лишь требуется его подготовить в достаточной степени, чтобы он мог обслуживать задачи собирания сырья или сбыта готовых изделий. Во всяком случае, только умело использовав свои преимущества, кооперация может уравновесить ими свои слабые стороны, о которых мы выше упомянули, и успешно бороться с частным капиталом.

Эта борьба особенно опасна на почве организации промышленности. Крупный организованный капитал, захватывая некоторые отрасли промышленности, старается уничтожить более слабых конкуррентов, чтобы монопольно господствовать на рынке. Кооперация, приступив к организации производства, неизбежно столкнется с частно-предпринимательским капиталом. Она может выдержать с ним борьбу, встав на твердую почву, опираясь не только на массового организованного потребителя или на массового организованного поставщика сырья, т.-е. не только организуя производство в тесной связи с потребностями большого количества своих членов, но и организуя производство в крупном масштабе через крупные кооперативные союзы и об'единения. Трестированному и синдицированному частному капиталу кооперация может противопоставить массовую организацию производства и потребления и концентрацию капитала, способную организовать крупное производство.

Этой экономической необходимости концентрации капитала противостоит естественный «патриотизм» мелких об'единений, желающих иметь хотя бы и маленькое дело, но в своих руках. Поскольку такой «патриотизм» противоречит экономическим интересам кооперации в целом, с ним необходимо бороться. Выгоднее иметь одну огромную типографию, которая обслуживала бы потребности всех кооперативов, чем ряд мелких типографий, удорожающих производство, лучше иметь одно крупное издательство, чем целый ряд мелких. Интересы развития кооперации требуют такой концентрации производства; ею обеспечивается укрепление всего кооперативного дела, и необходимо жертвовать групповыми местными интересами, про-

тиворечащими общему развитию. Многие отрасли кооперативного дела могут быть таким путем об'единены в интересах всех кооперативных организаций.

13.

Рациональной постановкой обмена и производства кооперация не только укрепляет свое положение, но и содействует развитию всего национального хозяйства. Для такой экономически отсталой страны, как Россия, имеет особенно большое значение переработка на месте тех продуктов, которые из нее вывозятся. Вывоз дешевого необработанного сырья, стоимость перевозки которого поглощает иногда почти всю его ценность, настолько невыгодна, что население почти ничего не получает от громадного количества вывозимых богатств. Например, лесные богатства России представляют огромную ценность, какую трудно найти в какой-либо другой стране всего мира. Но вывоз его заграницу кругляком, в совершенно необработанном виде, даст стране ничтожную ценность, потому что стоимость перевозки необработанного леса ляжет слишком большим накладным расходом в пользу транспортеров-иностранцев. Такого рода эксплуатация естественных богатств обогатит иностранцев и ничего не даст населению России. То же можно сказать и о всех видах сырья, животных продуктах, минеральных богатствах и проч. Задача производительной кооперации сводится к тому, чтобы добываемое населением сырье не вывозилось в необработанном виде, и хотя бы часть этого сырья перерабатывалась средствами кооперации. По известному экономическому закону, чем меньшую ценность по отношению к весу имеет продукт, тем большую ценность он теряет благодаря отдаленности от рынка. Необработанный лес, при цене в Лондоне один рубль за пуд и при стоимости его провоза от места вырубки в Сибири в 90 коп., даст производителям на месте 10 коп., или 10% своей стоимости, а остальные 90% будут получать владельцы пароходов, которые привезут этот лес в Англию. Если с места лес будет отправлен в полуобработанном виде и стоит в Лондоне 2 руб., то на месте в пользу производителей останется 1 р. 10 коп., или в одиннадцать раз больше. Стоимость провоза наиболее дешевого сырья может даже превышать ценность продукта. Значение этого факта настолько очевидно, что не требуется особенных доказательств того, как невыгоден для страны вывоз необработанного сырья и в особенности сырья, не обладающего высокой ценностью по отношению к его весу. В приведенном выше примере обработанный лес в Лондоне повышается в ценности против ценности кругляка только вдвое, между тем как вывозящая страна при переработке получает за лес в одиннадцать раз больше, чем при продаже сырьем. Такое же отношение существует между полуфабрикатами и сырьем дешевых металлических руд и минералов.

Отсутствие накопленных значительных кооперативных капиталов побуждает организовать производство таким образом и такого рода, чтобы использовать наличные рессурсы, наличные естественные богатства и сырье, как главный капитал в производстве.

Поскольку кооперации приходится прибегать к облегчению передвижения товаров, ей сначала необходимо обращаться к тому же методу. Постройку желез. дорог, требующих больших затрат на самый путь, она должна предоставить казне и частному капиталу. Но использование данных природою водных путей—устройство

своего пароходства и т. п., если необходима валовая перевозка **своих** товаров, является уже целесообразным. При наличности перевозок своих товаров никакой синдикат пароходовладельцев не может уничтожить кооперативного транспорта.

14.

Крупный капитал, с которым придется бороться кооперации, интернационален. Капитал одной страны об'единяется с капиталами других стран, чтобы совместно организовать капиталистическое производство.

Кооперация уже в силу этого, вследствие необходимости бороться с крупным капиталом принуждена встать на тот же путь международного союза. Она должна для укрепления своих позиций, для дальнейшего своего развития вступить в тесные сношения с кооперативными организациями других стран. Этого требуют взаимные выгоды кооперации различных государств.

Прежде всего, необходимо взаимное ознакомление кооперации с положением кооперативного дела в других странах—не только с точки зрения организационной, но и с конкретным содержанием кооперативов разных стран для того, чтобы выяснить, какого рода взаимные экономические отношения могут между ними установиться. Для этого необходимо не только литературное ознакомление с иностранной кооперацией, но и командировки практиков для установления сношений и посылка практикантов на более или менее продолжительное время.

Гораздо важнее установление международных экономических отношений в виде товарного обмена и кредита, которые могут устранить посредничество торгового капитала, по крайней мере,—в области обмена между кооперативами.

Кооперативы различных стран могут поставлять друг другу не только предметы непосредственного потребления, но и средства и материалы для производства, поскольку она будет развиваться в кооперации.

Взаимная связь различных видов кооперации в каждой стране, т. е. связь кредитной, производительной и потребительной кооперации даст возможность путем взаимного международного содействия значительно усилить кооперацию в каждой стране.

Допустим, что западно-европейская кредитная кооперация обладает значительными денежными фондами, которые могут быть использованы русской кооперацией. С другой стороны, русская кооперация может, в свою очередь, снабжать европейскую потребительную кооперацию значительным количеством предметов непосредственного потребления (масло, хлеб и проч.). Очевидно, взаимный обмен услугами будет полезен и для русской и для западно-европейской кооперации. Но для этого необходимо не только взаимное ознакомление, которое может быть достаточно для первых шагов международного общения, но и постоянный международный орган, бюро, которое могло бы взять на себя установление постоянной связи, играть роль, своего рода, международной кооперативной биржи, центра экономических взаимоотношений между кооперативами.

Отдел седьмой.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА.

ГЛАВА LV.

Условия образования капиталистической земельной ренты.

Цели и средства, которыми руководствуются хозяйствующие субъекты, одинаковы как в земледелии, так и в индустрии: целью является стремление получить в своем хозяйстве наибольшее количество продуктов с наименьшими затратами; средством является развитие производительных сил. Но в земледелии новые траты труда и капитала на ту же землю менее производительны и менее выгодны. Поэтому земледельческое хозяйство, по мере увеличения потребностей в хлебе, благодаря возрастанию населения, должно стремиться к расширению посевов на большую площадь земли. Но такому расширению мешает ограниченность территории в руках каждого отдельного хозяина. При современном меновом хозяйстве увеличение потребности в хлебе выразится в росте цен на хлеб, а это делает выгодными новые, хотя и менее производительные затраты на ту же площадь земли или переход к худшим землям. В натуральном хозяйстве увеличение потребности в хлебе, благодаря росту населения, непосредственно побуждает увеличивать затрату труда, чтобы добыть, хотя бы с большим трудом, необходимое количество продукта. В капиталистическом хозяйстве последние затраты капитала на ту же землю или обработка худшей земли могут быть сделаны предпринимателем только тогда, когда они дают среднюю прибыль, поэтому первые, более производительные затраты должны давать некоторый излишек продуктов и прибыли.

Новые затраты капитала и труда могут быть употреблены и на обработку новой, менее производительной почвы или более отдаленного от рынка участка земли. И в том и в другом случае затраты труда и капитала будут менее производительны или вследствие меньшей производительности почвы, или вследствие необходимости затраты излишнего труда на доставку продукта на рынок. Следовательно, первые затраты капитала на ближайшем к рынку или на более плодородном участке будут давать излишки над нормальной прибылью.

Так как земля находится в частной собственности, то такое свойство земледельческой промышленности при капиталистическом производстве служит источником капиталистической земельной ренты. **Земельная рента является доходом, получаемым землевладельцем за право пользования находящейся в его владении землею; этот доход получается благодаря различию производительности труда, прилагаемого в земледелии на различных участках или на одном и том же участке.**

---

*) **В отдел этот включена почти без изменений глава VI первого тома «Аграрного Вопроса» (4 изд. СПБ. 1908).**

При производстве зерновых продуктов, при данных технических условиях, наиболее производительно труд прилагается в переложном хозяйстве; при скотоводстве — в кочевом хозяйстве и при лесоводстве — при пользовании естественными насаждениями. Очевидно, что с увеличением населения или просто с увеличением спроса на сельскохозяйственные продукты, количество их, получаемое экстенсивным хозяйством, становится недостаточным, цена повышается и сельские хозяева переходят к более интенсивной обработке земли, чтобы получить на той же площади земли большее количество хлеба. Следовательно, новые затраты капитала на ту же площадь земли дадут добавочное количество продукта в меньшем количестве, чем первые затраты, которые теперь, кроме прибыли, будут давать и ренту [1]).

Если в экстенсивном хозяйстве [2]) при издержках производства (считая в том числе прибыль)—в 9 руб. на десятину получается хлеба 30 пудов с десятины и если новая затрата в 9 руб. на десятину дает прибавочного продукта с этой десятины только 15 пудов хлеба, то затрата добавочного капитала в 9 руб. будет возможна и выгодна только тогда, когда цена хлеба повысится до 60 коп. за пуд. Этот расчет одинаково относится и к менее урожайным участкам земли, на которых затрата **первого** капитала дает только 15 пудов хлеба, и к отдаленным участкам, которые дают 30 пуд., но провоз хлеба с которых обходится 9 рублей.

Обыкновенно экстенсивное хозяйство, пользующееся такими же техническими усовершенствованиями как интенсивное, чрезвычайно производительно. «Недостаток (?) рабочих рук и дороговизна труда повышают производительность района, делая для крупных хозяев conditio sine qua non применение мертвых двигателей и машин. При крупности хозяйств, которая здесь представляет естественное следствие земельного простора, мертвые двигатели в сельском хозяйстве имеют то же значение, как и в обрабатывающей промышленности, т. е. они не только заменяют недостающую рабочую силу, но и повышают производительность труда, следовательно, уменьшают стоимость единицы продукта, увеличи-

---

[1]) С. Булгаков (в I т. книги своей „Капитализм и земледелие“) не видит различия производительности затрат первого и последнего капиталов, потому что анализирует не конкретные явления, а... цифры: „Нетрудно видеть,—говорит он—какой элемент произвола вносится этим понятием (последней наименее производительной затратой труда и капитала). Пусть на землю затрачивается 10 **а** капитала причем каждое последующее **а** отличается убывающею производительностью. Общий продукт почвы будет А. Очевидно, средняя производительность каждого **а** будет равна $\frac{A}{10}$ и, если (?) весь капитал рассматривать как одно целое, то (разумеется! *Д М*) цена будет определяться этой средней производительностью“. Конкретно существует не 10 **а**, а хозяйства различной интенсивности. Первый капитал употребляется при наиболее экстенсивной культуре, последним капиталом является капитал, употребленный на интенсификацию хозяйства. Каждый хозяин прекрасно разберется в том,—чего никак не может уловить Булгаков,—насколько производителен последний капитал, потому что интенсивное и экстенсивное хозяйства имеют достаточно различий.

[2]) Экстенсивное и интенсивное хозяйства различаются нами **по количеству издержек производства на единицу площади земли**; капитало-интенсивные и трудоинтенсивные—отношением затраты живого труда к общим **издержкам**.

вая, в то же время, интенсивность труда, что, как известно, ведет к повышению нормы прибавочной ценности, а в данном случае и ренты. При этом именно зерновое производство, в силу простоты приемов обработки и снятия урожаев, представляет вид культуры, особенно подходящей для применения машинного производства. Потому то в районах этого типа приобретают чрезвычайно важное значение паровые молотилки, жнеи, сноповязалки и вообще машины, нередко специально изобретенные для удовлетворения нужды подобных областей» [1]).

В хозяйстве г. Ярошко (Таврической губ.) обычно нанимается в Каховке 30 человек на срок с 9 мая по 1 сентября: из них 6—8 человек взрослых, а остальные полурабочие,—дивчата и хлопчики. «С этим числом людей мы производили все летние экономические работы, за исключением только косьбы сена; а работы эти заключались в следующем: вспашка и вторичная перепашка чернаго пара под озимую пшеницу, десятин около 200, уборка в скирды сена с 300 десятин степного сенокоса (в хороший год около 20 тысяч пудов), уборка всего хлеба 500 десятин, молотьба его и производство части озимого посева, который обыкновенно успевали сделать к Покрову ½ или ¾» [2]).

Техника производства в экстенсивном хозяйстве может быть даже выше, чем в интенсивном, а затраты труда на единицу продукта в первом бывают значительно ниже, чем в последнем. Интенсивное хозяйство, давая большое количество продуктов с данной площади земли, требует на их производство гораздо больше издержек [3]). Это различие производительности труда экстенсивного и интенсивного хозяйств и служит источником земельной ренты.

Рикардо считал земельную ренту платой земельному собственнику за естественное плодородие земли, причем высота земельной ренты определялась различием плодородия земельных участков [4]).

---

[1]) Скворцов. „Основы экономики земледелия страны", стр 174.

[2]) Доклад г. Ярошко 7 января 1894 г в Моск. О-ве С. Х. Цитировано из книги Хижнякова: „Полож рабочих в сел. хоз в санитарном отношении". 1899 г.

[3]) Обыкновенно экстенсивное хозяйство считают нерациональным потому, что оно, якобы, истощает землю, уменьшая естественное плодородие земли При этом упускается из виду, что экстенсивное хозяйство в России, на Дальнем Западе Америки истощает землю **интенсивной** эксплуатацией земли при экстенсивной культуре хозяйства. Сама по себе экстенсивная культура хозяйства вовсе не ведет к истощению земли при рациональной ее эксплуатации

[4]) Рикардо видел в различии плодородия участков земли не различие производительности **труда** на них, а различие естественной производительности почвы. Можно смотреть на всякое производство с двух и даже с трех сторон: видеть в производстве продуктов производительную деятельность человека, причем на удобной, плодородной земле труд будет производительнее; или производительную деятельность природы, причем на плодородной земле она будет производительнее; или—производительность орудий, которыми человек работает.

Рассматривая производство с точки зрения развития производительности труда человека, мы, разумеется, должны смотреть на естественное плодородие почвы лишь как на условие, при котором **труд** производительнее, точно также, как он производительнее благодаря улучшенным орудиям производства. С этой точки зрения теряется различие между плодородной почвой благодаря естественным условиям и благодаря, например, тому, что несколько десятков лет

Так как по мере улучшения земледельческой культуры, разница плодородия почвы на различных участках стала сглаживаться, а земельная рента тем не менее повышается, то образование земельной ренты стали объяснять не различием производительности труда при производстве одного и того же продукта в различных хозяйствах на различных участках земли, а чем либудь другим: различием строения земледельческого и промышленного капитала, якобы создающего в земледелии высшую норму прибыли против уровня прибыли в индустрии, полным правом землевладельца на землю, хотя всякий предприниматель владеет на таком же праве своим капиталом и т. п.

Действительно, теория ренты Рикардо в том виде, как он ее излагал, совершенно несостоятельна. Различие в плодородии различных участков земли хотя и бывает довольно значительно, но зависит в гораздо большей степени от интенсивности обработки, чем от природных условий. В России, например, высшие урожаи получаются в нечерноземных губерниях с более интенсивной обработкой земли. Почвенные и климатические условия главным образом влияют (при данных рыночных условиях) на выбор производства того или иного продукта: в одном месте выгоднее сеять один злак, в другом — другие; в одном месте выгоднее землю запустить под луг, под лес, в другом распахивать и т. д.

В гораздо большей степени на производительность труда влияет интенсивность обработки и отдаленность земли от рынка, потому что затраты на провоз продукта почти обратно пропорциональны расстоянию, а получение добавочного продукта с той же площади земли требует относительно менее производительных затрат, и новое количество издержек производства на ту же площадь земли дает все меньшее и меньшее количество продуктов. Очевидно, что для производства большого количества продуктов на той же площади земли или для того, чтобы продукты доставлялись с отдаленных земель, цена хлеба должна повыситься до такой нормы, при которой дополнительные затраты могут быть выгодны.

Такие условия земледелия нисколько не изменяются от того, что технический прогресс увеличивает производительность земледельческого труда, потому что она одинаково увеличивается и в интенсивном и в экстенсивном хозяйстве, даже в большей степени в последнем. Жатвенные машины, молотилки, плуги, рядовые сеялки и т. п., введенные вместо серпа и пр., одинаково производительны — как в интенсивном, так и в экстенсивном хозяйствах, между тем как новые затраты труда и капитала на ту же площадь земли в большинстве случаев являются менее производительными. Поэтому не только экстенсивное хозяйство Северо-Американских Соединенных Штатов с лучшими орудиями производства, но и русское хозяйство с плохими орудиями конкурируют с интенсивным хозяйством Англии, имеющим лучшие орудия производства: при меньшей затрате труда и капитала на единицу площади земли, труд настолько производителен, что даже при улучшенных орудиях, увеличивающих производительность труда, новые затраты капитала на ту же площадь земли в интенсивном хозяйстве менее производительны, чем в экономически отсталой стране экстенсивного хозяйства. Хотя, в сред-

---

тому назад она искусственно приведена в такое состояние, что сделалась плодородной.

нем земледельческий труд в Англии более производителен, чем в России [1]), тем не менее, при последовательной затрате капитала для интенсификации хозяйства и последние затраты, которыми определяются издержки производства хлеба и его цена, менее производительны, чем в России. Поэтому хлеб из стран с экстенсивным хозяйством все более и более вытесняет на английском рынке английский хлеб.

Очевидно, что если даже в Англии и России плодородие земли одинаково, то английское сельское хозяйство будет интенсивнее русского, потому что при доставке русского хлеба на английский рынок цена хлеба в Англии должна быть выше, чем в России, а при более высокой цене хлеба становится выгодной дополнительная затрата капитала на интенсификацию хозяйства.

Следовательно, наряду с техническим прогрессом, увеличивающим производительность земледельческого труда и понижающим ценность земледельческих продуктов, увеличение интенсивности хозяйства, вызванное ростом населения и увеличением потребления, действует в обратном направлении. Улучшение и удешевление транспорта облегчило конкурренцию стран экстенсивного сельского хозяйства, более производительного, чем интенсивное хозяйство густо населенных промышленных стран. Это, разумеется, повело к падению хлебных цен. «Главная причина падения хлебных цен общеизвестна: она заключается в том, что к производству зерновых продуктов приступили новые страны. Уже политико-экономы классики считали это обстоятельство первой причиной падения земельной ренты» [2]). Впрочем, очень многие, в том числе и цитируемый автор, объясняют совершенно ошибочно условия конкурренции экстенсивных и интенсивных стран высотой земельной ренты, а не обратно. Между тем, земельная рента даже в странах с интенсивным хозяйством в значительной степени определяется условиями производства и провоза хлеба из стран с экстенсивным хозяйством, потому что ими определяется цена хлеба.

Обычный прием исследований и трактатов о земельной ренте начинается с такого рода примера. «Возьмем два участка земли неодинакового плодородия, на которых ведется капиталистическое хозяйство», и т. д. При этом предполагается, что эти участки значительно отличаются по плодородию; поэтому совершенно справедливо и основательно доказывается, что эта разница в плодородии есть земельная рента. При таком приеме аргументации прежде всего должен бы явиться вопрос: зачем же землевладелец будет распахивать худшую землю, когда у него есть лучшая земля? Вместо того, чтобы делать затраты на обработку первой—лучше затратить этот капитал снова в лучшую землю. В самом деле,

[1]) Данные, приводимые некоторыми агрономами о том, что в среднем стоимость производства хлебов в интенсивных хозяйствах ниже, чем в экстенсивных, ничуть не опровергает положения о менее производительной затрате последнего капитала, потому что первоначальные затраты могут быть более производительны.

[2]) Dr. Rudolph Meyer, „Das Sinken der Grundrente“ 1894 г., стр. 95.

если на участке А при затрате 15 руб. получается 60 пуд. хлеба, а на участке В при той же затрате получается 30 пуд., то нет основания при каких бы то ни было условиях распахивать участок В, если новые затраты на участке А будут не менее производительны, чем первая затрата. Очевидно, начинать объяснение образования земельной ренты с констатирования различного плодородия почв нельзя. Нужно еще сделать предпосылку, что дальнейшие затраты капитала на тот же более плодородный участок земли А менее производительны, чем первые, и не более производительны, чем затраты первого капитала на худшей земле. Какой смысл обрабатывать худшую землю, когда на лучшую землю можно затратить новый капитал? Иными словами, перед исследованием законов ренты предполагается уже факт падения производительности труда в последовательных затратах капитала против первых затрат. Есть исследователи, которые начинают так, как мы выше указали, и отрицают в то же время факт падения производительности последних затрат капитала. Обыкновенно думают, что падение производительности последующих затрат на ту же землю должно вести к общему падению производительности труда в земледелии. Между тем происходит общее развитие производительных сил земледелия, при котором производительность и первых, и последующих затрат труда и капитала увеличивается. Производительность труда в земледелии в капиталистических странах увеличилась в несколько раз, но это ничуть не изменяет относительного падения производительности последовательных затрат на ту же площадь земли. Если первая затрата капитала давала 60 пуд., а вторая 30 пуд., то при развитии производительных сил первая затрата может дать 120 пуд., а вторая 60 пуд., производительность труда удвоится, а падение производительности труда при последовательных затратах капитала на ту же землю, останется неизменным. Это выразится в том, что при общем увеличении производительности труда в различных странах, цены на хлеб в странах с интенсивным хозяйством будут, тем не менее, выше, чем в стране экстенсивного хозяйства.

Представим себе, что, благодаря техническому прогрессу, улучшенным сельскохозяйственным орудиям, новому способу обработки или удобрения, производительность труда в земледелии увеличилась вдвое. Допустим, что раньше при последовательной затрате капитала на ту же землю получилось продукта:

При затрате первого капитала (a) в среднем по 15 руб на десятину (переложное хозяйство)	получалось хлеба 60 пуд.	90 п.	105 п.
При затрате второго капитала (b) в среднем по 15 руб. на дес. (трехпольное хоз без удобрения).	получалось хлеба + 30 пуд.		
При затрате третьего капитала (c) по 15 руб. на дес. (хозяйство с удобрением многопольное).	получалось хлеба + 15 пуд.		

Если норма прибыли равняется 7%, то многопольное хозяйство выгодно вести при цене хлеба в 1 руб. 7 коп., чтобы на последний запраченный капитал получить прибыль 1 руб. Издержки производства определяются тогда для экстенсивного хозяйства в $^{26}/_{60}$ = 27 коп. за пуд; для трехполья в $^{80}/_{90}$ коп. за пуд, и для хозяйства с удобрением в $^{48}/_{105}$ = 46 коп. за пуд. Так как цена хле-

ба 1 руб. 7 коп., то землевладелец получит ренту с первой и второй затраты капитала (48 р. + 16 руб.), между тем, как последняя затрата не может дать ренты. При увеличении производительности труда вдвое, хозяин получит:

При затрате первого капитала 7,5 руб. в среднем на десятину переложного хозяйства	= 60 пуд.	= 90 п.	= 105 п.
При затрате второго капитала 7,5 руб. в среднем на десятину трехпольн. хозяйства без удобрения.	+ 30 пуд.		
При затрате третьего капитала 7,5 руб. хоз. с удобрением.	+ 15 пуд.		

При той же норме прибыли, издержки производства во всех трех случаях упадут вдвое, до 13½ коп. за пуд при первой затрате капитала, до 15 коп. при второй и до 23 коп. при третьей. Во всех случаях мы предполагали, что издержки производства сократятся в одинаковой степени, хотя это не соответствует действительности. Всякое техническое улучшение в гораздо большей степени сокращает издержки производства в экстенсивном, чем в интенсивном хозяйстве. Напр., если жнитво и молотьба составляли по 5 руб. по $^1/_3$ всех расходов обработки экстенсивного хозяйства (из 15 руб.), то в интенсивном хозяйстве они составили гораздо меньшую долю расходов—только по $^1/_9$ (из 45 руб.). Следовательно, введение жнейки и молотилки, сокративши издержки на молотьбу и жнитво в 4 раза, сократят затраты в экстенсивном хозяйстве с 15 руб. до 7 р. 50 коп., так как из всех издержек в 15 руб., на жнитво тратится вместо 5 руб., только 1 руб. 25 коп. и на молотьбу также вместо 5 руб.—1 руб. 25 коп. В интенсивном хозяйстве общие издержки в 45 руб., сократятся только на ту же сумму—на 7 руб. 50 к., что составляет уже не половину всех расходов, а только $^1/_6$ часть. Другого рода улучшения могут и не увеличивать разницы производительности последовательных затрат капитала, но они не могут ее уничтожить.

Итак, необходимым условием для образования капиталистической земельной ренты является падение производительности последующих затрат на ту же площадь земли. При этом условии для увеличения производства хлеба необходим переход к другим, хотя бы и худшим участкам или к менее производительным затратам капитала. Различие производительности труда на различных по плодородию участках ведет к различной высоте ренты на неодинаковых по плодородию участках. Это условие для образования земельной ренты. Но при наличности этих условий капиталистической земельной ренты может и не быть. Чтобы возможно было сравнение производительности труда на различных участках и различных затрат труда на один и тот же участок, необходимо, чтобы продукты земледелия производились для рынка. Только на рынке одинаковые затраты труда в земледелии могут получить различную оценку вследствие различия производительности труда.

С. Булгаков указывал на падение производительности труда при последовательных его затратах как на «закон» хозяйственного развития, но совершенно не понял его значения. Г—н С. Булгаков, повидимому, представляет этот «закон» в

вие постепенно увеличивающейся трудности добывания продуктов земледелия в процессе хозяйственного развития общества. Мы старались показать, что такое понимание факта падения производительности затрат совершенно не верно. Общая производительность труда в земледелии, благодаря техническому прогрессу, может увеличиваться, и, действительно, увеличивается, но различие между первыми и последующими затратами труда на ту же площадь земли остается. Технический прогресс не может задерживать или уничтожить факта падения производительности последовательных затрат, как думает г. С. Булгаков, а, напротив, как доказывалось выше, увеличивает разницу производительности труда.

Разница производительности последовательных затрат служит причиной образования ренты. Но эти последовательные затраты не одинаковы. В анализе ренты мы принимаем их одинаковыми, хотя они могут быть то больше, то меньше друг друга. Так, например, первая затрата может быть 10 руб. на десятину и дать 40 пудов хлеба. Вторая затрата 20 руб. (10 руб.+10 руб.) и дать 50 пудов хлеба; т. е. если вторую затрату разделить на две, то они дадут одинаковое количество хлеба по 25 пуд. Третья затрата 15 руб. (10 руб.+5 руб.) даст 30 пуд хлеба и т. д.

Может быть даже такой случай: первая затрата для получения продукта должна быть очень большой. Например, на землях, требующих искусственного орошения, лишь дальнейшие затраты уже на орошаемой земле будут менее производительны. В общем в отдельных конкретных случаях на различных землях бывает различная производительность различных последовательных затрат; неизменен лишь общий факт: **все естественные силы земли не используются для урожая вследствие падения производительности последующих затрат труда на ту же площадь земли. Падение производительности последовательных затрат труда и капитала на ту же землю, по мере увеличения потребности в продуктах земледелия, побуждает переходить или к менее производительным затратам на ту же площадь земли, или к обработке худших участков.**

ГЛАВА LVI.

Капиталистическая земельная рента.

Рикардо считал земельную ренту платой земельному собственнику за естественное плодородие земли. Различие плодородия земли и служит, по его мнению, источником земельной ренты. Такое определение, наиболее общепринятое, совершенно неверно. При определении различия прибыли предпринимателей, имеющих различные машины часто выражаются так: предприниматель А, получая больше прибыли, чем предприниматель В, потому что производительность его машин выше, чем производительность машин предпринимателя В. Такое определение настолько же неправильно, как и приведенное определение ренты. В обоих случаях доход получается вследствие различия производительности труда на участках земли различного плодородия или при различных затратах капитала, при различных машинах. Различие производительности труда вследствие естественных условий или вследствие экономических условий ведет к

различию издержек производства для получения одинакового количества продуктов. Земельная рента и является доходом земледельца, получаемым вследствие различия производительности труда, (ведущего к различию издержек производства) или на различных участках земли, или при последовательных затратах капитала и труда на ту же площадь земли, или для доставки на рынок. При этом вовсе не предполагается переход к худшим, менее плодородным землям. Могут обрабатываться сначала худшие, менее плодородные земли, но **требующие меньше затрат труда и издержек на обработку** [1]). Земли, требующие орошения, расчистки, дренажа и т. п., могут быть более плодородны, чем земли, не требующие таких капитальных затрат, и тем не менее будут обрабатываться уже после менее плодородных земель, но требующих меньших затрат.

Если при одинаковой затрате труда и капитала на участки земли А, В, С с первого участка получается продукта 100 пуд. хлеба, со второго—125 пуд., с третьего—150 пуд., то сверх обычной прибыли, получаемой предпринимателем с первого участка, с участка В получится добавочный доход 25 пуд. хлеба, а с участка С—50 пуд. Этот доход и будет земельной («дифференциальной», по терминологии Маркса) рентой.

Такое же значение имеет расположение земель, так как с более отдаленных от рынка участков земли требуется большая затрата труда, больше издержек на доставку продукта на рынок, чем с ближайших участков.

Если на один и тот же участок земли затрачивается последовательно несколько единиц труда и капитала и если результаты этих затрат выразятся в различном количестве получаемого продукта, т. е. если производительность труда и капитала при этих затратах неодинакова, то разница между количеством продукта, получаемого от различных затрат, и будет земельной рентой. Например, если при переложном хозяйстве затрачивается на десятину 15 руб. и получается продукта 60 пуд., а в хозяйстве с удобрением земли навозом с той же земли получается при затрате на десятину 30 рублей—90 пудов, то разница в 30 пудов при затрате первого и второго капиталов составит земельную ренту.

Все перечисленные виды ренты, в конце концов, сводятся к одному и являются следствием различной производительности труда и капитала, затрачиваемых в земледелии. Разница высоты ренты в различных районах, при одинаковом естественном плодородии почвы, определяется стоимостью провоза продуктов к рынку, определяющему их цены. Цены на хлеб должны иметь наибольшее влияние на высоту ренты, потому что при различных ценах на хлеб и рента выразится в различной денежной сумме при одинаковом количестве продуктов.

Доход в виде земельной ренты делается источником дохода для отдельных лиц при условии частной собственности на землю.

Право владения землею приобретает такое же значение, как и владение ка-

---

[1]) При этом имеет значение стоимость провоза продуктов к месту потребления их. Возражения Родбертуса на теорию Рикардо, что население не всегда переходило к менее плодородным землям, совершенно справедливо, но попадает мимо цели. На более тяжелой плодородной земле, особенно при плохих орудиях, труд может быть менее производителен.

питалом. капитал, как и земля, находится в монопольном владении. Каждая новая единица капитала и земли не только увеличивает производительность труда, но и является необходимым условием для его приложения.

Если рабочий пользуется вместо простейших орудий лучшими, то производительность его труда увеличивается. Точно также, если он не затрачивает излишнего труда на ту же площадь земли, чтобы получить некоторое количество добавочного продукта, а прилагает этот труд на новую площадь земли, то его труд тоже будет производительнее. Между тем как с развитием производительных сил, капитал, которым располагает общество, растет, поверхность удобной земли остается почти неизменной; поэтому или требуются новые, менее производительные затраты для добывания сельскохозяйственных продуктов, или **распашка более отдаленных земель;** рента начинает расти вместе с увеличением расстояния этих земель от рынка и падает вместе с удешевлением транспорта; условия транспорта сельскохозяйственных продуктов приобретают главное, почти решающее значение в росте земельной ренты и даже в определении системы хозяйства в различных районах капиталистической страны [1]).

Представим себе, что, например, в России плодородие земли одинаково и центральным рынком для хлеба и других сельскохозяйственных продуктов является Москва. Различие в стоимости провоза продуктов из Московской, Саратовской и Оренбургской губерний создает и различную земельную ренту. Если цена хлеба в Московской губернии 60 коп., стоимость провоза из Саратовской губ. до Московской равна 15 коп., а из Оренбургской 30 коп. за пуд, то при одинаковой затрате капитала на десятину, по 16 руб., при норме прибыли 12½% и урожае по 60 пуд. с десятины получится:

	Цена 1 пуда хлеба.	Стоим произв.	Урожай	Цена всего прод.	Прибыль.	Рента.
в Оренбургск. губ.	30 коп.	16 руб.	60 пуд.	18 руб.	2 руб.	—
„ Саратовской „	45 „	16 „	60 „	27 „	2 „	9 руб.
„ Московской „	60 „	16 „	60 „	36 „	2 „	18 „

Если затрата 16 руб. на десятину является наименьшей затратой на единицу площади земли и если под плугом находится только третья часть удобной земли, т. е. существует экстенсивное хозяйство, то высокий доход с затрачиваемого капитала, получаемый в Московской и Саратовской губерниях, поведет к расширению запашки, так как каждая единица эксплуатируемой площади дает добавочный доход.

Если бы новая затрата капитала на ту же площадь земли давала такое же количество продукта, как первая затрата, то хлеб не мог бы доставляться на московский рынок из Оренбургской и Саратовской губерний; да и в Московской губ. эксплуатировалась бы не вся площадь земли, так как не имеет смысла распахивать другую десятину земли, если такая же затрата на ту же пло-

---

[1]) Значение условий транспорта в определении высоты ренты и системы хозяйства выяснено Тюненом в его классической работе: „Der isolirte Staat", основные теоретические положения которой остаются, в общем, правильными и для настоящего времени.

щадь земли даст не меньшее количество продуктов. Если затрата 16 руб. на десятину дает 60 пуд. хлеба, на сумму 36 руб., причем добавочный доход, кроме прибыли, получается в 18 рублей, то затрата новых 16 рублей на десятину должна бы дать новых 18 рублей. Разумеется, при таком условии нет смысла платить аренду и распахивать другую десятину, если при новой затрате капитала на тот же участок можно получить такое же количество продукта.

Если расширение запашки при этом условии было бы не выгодно арендатору, то оно настолько же невыгодно и землевладельцу, имеющему свою запашку, так как землю приходится покупать. В самом деле, допустим, что новая затрата капитала на ту же площадь земли дает такое же количество продукта. Если у землевладельца 100 десятин распаханной земли, на которые он затрачивает по 16 руб., и получает с десятины сверх 2 рублей прибыли по 18 рублей ренты, и если новая затрата по 16 рублей на ту же площадь земли даст такое же количество продукта, то он сохранит запашку до 50-ти десятин, затратит на них по 32 руб. и получит столько же прибыли и ренты, сколько получал раньше со 100 десятин. Если дальнейшая затрата капитала даст снова такое же количество продукта, то, затративши на 25 десятин тот капитал, который в первом случае затрачен на 100 дес., предприниматель получит ту же прибыль и ренту, и т. д. Очевидно, что, при условии неуменьшающейся производительности новых затрат труда на ту же площадь земли, не имело бы смысла стремление эксплуатировать наибольшую площадь земли, а, напротив, явилось бы стремление сократить, по возможности, площадь распашки, потому что такое сокращение лишь повысило бы добавочную прибыль. Очевидно также, что в Оренбургской губ., где, по нашему предположению, нет земельной ренты, даже при той же производительности, новая затрата капитала на ту же площадь земли не даст добавочной прибыли, потому что ее не дает и первая затрата.

Итак, рента, может существовать только тогда, когда последние затраты капитала на ту же площадь земли дают меньшее количество продукта, чем предыдущие затраты.

В Московской губ., по нашему предположению, цена хлеба настолько высока, что выгоден привоз хлеба из Оренбургской губ., и с земель, ближайших к рынку, получается очень высокая добавочная прибыль—18 руб. с десятины сверх обычной прибыли. Очевидно, что при такой цене хлеба в Моск. губ. будет выгодной новая затрата капитала b на ту же площадь земли, на которую уже затрачен первый капитал 16 руб. (a), если даже новая затрата даст меньшее количество продукта. Допустим, что затрата 8 руб. (капитал b) даст уже не 30 пуд., а 20 пудов с той же десятины. При цене хлеба в Оренб. губ. 30 к., затрата нового капитала на ту же площадь земли будет невыгодна, потому что, затративши 8 руб., предприниматель выручил бы за эти добавочные 20 пудов только 6 руб.; производство оказалось бы убыточным. Следовательно, в Оренб. губ. должно сохраниться самое экстенсивное хозяйство, требующее, по нашему предположению, 16 руб. на десятину, причем могут быть совершенно непригодные земли, потому что расширение запашки не даст добавочной прибыли: сохранится переложное хозяйство.

В Саратовской губ. затрата второго капитала b на ту же площадь земли оказалась бы выгодной, так как, получивши 20 пуд. хлеба при затрате 8 руб., предприниматель выручит за них 9 руб.; предпринимательской прибыли он получит по обычной норме—1 руб., но добавочной прибыли не получит.

Наконец, в Московской губ., при затрате второго капитала b, кроме прибыли в 1 руб., получится добавочная прибыль 3 руб., потому что, при цене хлеба 60 коп. за пуд., 20 пуд. стоят 12 руб.

Если в Московской губ. получается добавочная прибыль со второго капитала b, то, разумеется, предприниматель будет затрачивать новый капитал c на ту же землю, ибо последний добавочный капитал не даст никакой добавочной прибыли, кроме средней предпринимательской. Какой смысл имело бы расширение запашки, дающее среднюю норму прибыли, если бы вновь затрачиваемый добавочный капитал давал еще добавочную прибыль?! Арендуя новый участок земли, предприниматель может оставить себе только обычную прибыль (на 8 р. 1 руб. прибыли), так как добавочную прибыль, ренту, он отдает землевладельцу. Затрачивая же новый капитал c на тот же участок, за который рента уже уплачена, он может еще получить добавочную прибыль сверх этой предпринимательской прибыли.

Очевидно, капитал будет затрачиваться в землю до тех пор, пока последний капитал ничего не даст, кроме средней нормы прибыли. Точно так же должен рассуждать и землевладелец, имеющий собственную запашку. Следовательно, в Московской губ. должна быть еще затрата нового капитала c в 8 руб. на ту же площадь земли, если этот капитал даст только 15 пуд. хлеба, при цене 60 коп. за пуд—1 рубль прибыли.

Разумеется, при понижающейся производительности вновь прилагаемого капитала землевладелец будет получать всю добавочную прибыль в виде ренты, так как дополнительные, менее производительные, затраты могут производиться только тогда, когда вся поверхность удобной земли так или иначе эксплуатируется. Это условие и создает монополию землевладения, возможность получать добавочную прибыль в виде ренты.

Итак, первая таблица у нас превратится в следующую:

	Цена 1 п. хлеба.	Стоим. произв.	Урожай	Цена прод. с дес.	Прибыль.	Рента
в Оренб. губ.	30 коп.	16 р. (a)	60 п.	18 руб.	2 р.	0
„ Сарат. „	45 „	16 р. +8 р. (a+b)	60 п. + 20 п.	36 „	3 „	9 р. (9+0)
„ Москов. „	60 „	16 р. +8 р. +8 р. (a+b+c)	60 п. +20 п. +15 п.	57 „	4 „	21 р. (18+ +3+0)

Во всех трех районах последний затрачиваемый в производство капитал должен и может давать только нормальную прибыль. В зависимости от цен на хлеб будет находиться и та граница, за которой дальнейшее приложение капитала будет невыгодно. Так, в Оренбургской губ. возможно только наиболее экстенсивное переложное хозяйство, так как оно является наиболее производительным и требует наименьшей затраты капитала на единицу площади земли. В Саратовской губ. будет более интенсивное хозяйство, так как менее производитель-

ные затраты капитала дают нормальную прибыль, и, наконец, в Московской губ. будет наиболее интенсивное хозяйство [1]). Разумеется, при возможности вести интенсивное хозяйство является стремление использовать наибольшую поверхность земли и сократить выгон, пустыри и проч.

Если и последний капитал, затрачиваемый на ту же площадь земли, может давать только нормальную прибыль, то, очевидно, **абсолютной земельной ренты не может существовать, так как абсолютной считается рента на наименее производительно затрачиваемый капитал.**

Допустим, что землевладельцы вздумали бы брать ренту сверх той добавочной прибыли, которая получается благодаря различию производительности затрат капитала, различию сотношения трудовых или урожайности. Если цена хлеба остается неизменной, то повышение ренты невозможно, потому, что тогда исчезла бы предпринимательская прибыль [2]).

Но повышение ренты возможно через повышение цены продукта. Допустим, что благодаря увеличению спроса на хлеб цена его поднялась в Московской губ. до 80 коп. за пуд.

Если раньше последний добавочный капитал давал только обычную прибыль, то теперь он даст добавочную прибыль, так как 15 пудов будут стоить на рынке не 9 руб., а 12 руб. Очевидно, предпринимателю выгодно затратить на ту же землю еще добавочный капитал, хотя бы последний давал меньшее количество продукта; выгодно затратить еще капитал d, 8 р., хотя бы от этого получилось продукта только 11½ пуд., потому что при цене хлеба в 80 копеек предприниматель получит прибыль на капитал даже несколько высшую, чем от предыдущих затрат.

Таким образом, как бы ни повышалась цена хлеба, как бы землевладельцы ни повышали земельную ренту, затрата последнего капитала не может давать добавочной прибыли, а следовательно, и абсолютной ренты, потому что никто не может помешать затрате капитала на тот же участок земли, если эта затрата дает прибыль. Точно также не даст абсолютной ренты худшая земля, дающая при затрате первого капитала a такое же количество продукта, какое дает на лучшей земле капитал d, потому, что последний не дает абсолютной ренты. Кто же будет платить ренту за худшую землю, если то же количество продуктов при той же затрате можно получить с добавочного капитала на лучшей земле без платежа ренты?

Из изложенной нами вкратце теории земельной ренты очевидно, что капиталистическое земледельческое хозяйство не может дать землевладельцу ничего, кроме **дифференциальной** ренты, получающейся благодаря различию производительности затрат капитала. Между тем мелкая крестьянская аренда, являясь в большинстве случаев единственным средством существования для массы

---

[1]) Средний сбор ржи за 5-летие 1896—1900 гг. был: в Ц. Польском 56,3, в 50 губ. Европ. России 46.7, в Сибири 42 7

[2]) Здесь у нас идет речь о чисто-капиталистических отношениях. Поглощение прибыли рентой возможно в некоторых случаях, например, тогда, когда арендатор ведет некапиталистическое хозяйство и принужден выплачивать землевладельцу аренду, значительно выше ренты с земли; эти случаи, разумеется, не опровергают общего закона земельной ренты.

крестьянства, может дать землевладельцу больший доход: мелкий собственник не может уж получить прибыль, а стремится найти только необходимые средства для существования и, чтобы приобрести их посредством аренды, отдает в арендной плате не только капиталистическую ренту, но и ту прибыль, которую получил бы арендатор-капиталист.

В последнем приведенном нами примере цена хлеба в Московской губ. повышена до 80 коп. за пуд. При стоимости провоза из Оренбургской губ. 30 к., цена хлеба там повысится до 50 коп. и становится выгодной затрата нового капитала d, если он дает только 20 пуд. и даже несколько меньше: земля будет давать ренту, равную разнице производительности труда при приложении первого и второго капиталов. Следовательно, если худшие земли дают ренту, то это обусловливается тем, что прилагаемый к ним капитал производительнее, чем последний капитал, затрачиваемый в земледелии на лучшей земле. Иными словами, **худшие земли не будут до тех пор обрабатываться, пока приложение последнего капитала, затрачиваемого на лучшей земле, не будет менее производительно, чем** приложение первого капитала на худшей земле, т. е. пока худшая земля не будет давать больший доход на первый капитал против дохода с последнего капитала на лучшей.

Приложению нового капитала на ту же землю никто не может помешать, если капитал дает обычную прибыль, одинаково, арендуется ли земля, или сельский хозяин сам является собственником земли. Поэтому и право владения землей при условии свободной конкурренции не может создать никакой абсолютной ренты, кроме ренты дифференциальной.

Участки земли могут различаться не только по производительности затрат на перевозку продукта до рынка,—этот случай мы и рассматривали,—но и по производительности различных затрат на самое производство. Разумеется, будут ли излишние издержки употреблены на производство или на перевозку,—для землевладельца оне одинаково отражаются на высоте денежной ренты его земель.

ГЛАВА LVII.

О теории земельной ренты Родбертуса и К. Маркса.

Бегло изложенная нами теория ренты несколько отличается от теории ренты К. Маркса и Родбертуса. В виду того, что К. Маркс и отчасти Родбертус являются наиболее высокими авторитетами в политической экономии, мы несколько подробнее остановимся на доказательстве большей правильности нашего понимания земельной ренты.

И Маркс и Родбертус 1) отрицают факт падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, как условие образования ренты. 2) Маркс и Родбертус [1]) признают существование абсолютной ренты,

[1]) „Родбертус первый указал на то, что получающийся таким образом излишек прибыли в сельском хозяйстве есть источник земельной ренты". „Капитал", т. III., примечание Энгельса.

образующейся вследствие различного строения земледельческого и промышленного капиталов.

На этих двух пунктах мы и остановимся.

1) В главе об условиях образования капиталистической земельной ренты мы достаточно подробно рассматривали значение падения производительности труда при последних затратах капитала. Из приведенных нами соображений неизбежно вытекает вывод, что без падения производительности труда при последних затратах капитала земельной ренты не может существовать.

В самом деле, допустим, что в приведенных выше примерах, при последовательных затратах труда и капитала на ту же землю, производительность труда не падает. Тогда:

	Цена 1 пуд. хлеба в коп	Стоимость производства в рублях
в Оренбургской губ.	30	16+16+16+16 и т. д.
„ Саратовской „	30	16+16+16+16 и т. д.
„ Московской „	30	16+16+16 и т. д.

	Урожай с десят. в пудах.	Прибыль.	Рента
в Оренбургской губ.	60+60+ и т. д.	1+1+1+1 и т. д.	0
„ Саратовской „	60+60+ и т. д.	1+1+1+1 и т. д.	0
„ Московской „	60+60+ и т. д.	1+1+1+1 и т. д.	0

т. е. и цена хлеба, и стоимость производства, и прибыль были бы одинаковы во всех районах. Размеры земледелия, как в индустрии, определялись бы не размерами площади земли, а размерами капитала. Предприниматель будет затрачивать последовательно все свои капиталы, напр., на одну десятину, если новые затраты дают такую же прибыль. Разумеется, при этом, рента исчезла бы. Но этого в действительности никогда не бывало. Предприниматель, землевладелец и фермер затрачивают капитал при падении производительности труда в последовательный его затрате. Благодаря этому первые затраты дают прибавочный продукт сверх обычной нормы прибыли на капитал. Последняя затрата капитала должна дать только нормальную прибыль, потому что при высшей прибыли последуют новые затраты капитала на ту же площадь земли, при низшей — затрата капитала невыгодна. Изменение техники земледельческого производства ничуть не изменяет это это принципа. Будут ли применяться в земледелии машины или ручной труд, одинаково, пока продукты питания не производятся на фабрике, а в земледелии, принцип остается неизменным. История земледелия показывает, что он и оставался неизменным. Почему земледелие в густо населенных странах интенсивнее и хлеб дороже, чем в редко населенных? Разумеется, только потому, что последние затраты капитала и труда на ту же площадь земли дают менее продукта; и потому, что в густо населенных странах только при более высоких ценах на хлеб вводится интенсивное хозяйство. В редко населенных странах хлеба производится достаточно и при экстенсивной системе хозяйства, цена хлеба ниже и нет рассчета при низкой цене хлеба вести интенсивное хозяйство. Конкурренция «свежих» колониальных земель, есть ни более, ни

менее как конкурренция экстенсивного хозяйства с более производительным трудом, подрывающего интенсивное хозяйство, хотя земля в таком хозяйстве обладает в несколько раз большей урожайностью.

Если бы последовательные затраты капитала на ту же площадь земли, ведя к интенсификации хозяйства, были так же производительны, конкурренция новых земель сразу исчезла бы, так как стоимость провоза ложится, помимо издержек производства, на цену хлеба.

2) Абсолютной ренты в том смысле, какой употребляет Маркс, не существует: ее обоснование, поскольку оно сделано Марксом в III томе «Капитала», противоречит всему третьему тому. При условиях капиталистического производства она не может существовать.

Как известно, распределение прибыли пропорционально величине затраченного капитала тесно связано с условиями капиталистического производства: как бы много предприниматели какой либо отрасли промышленности ни получали прибавочной ценности, благодаря низкому строению капитала (преобладанию ручного труда), норма прибыли у них будет стремиться к среднему уровню. Величина прибавочной ценности не имеет **никакого** влияния на норму прибыли, получаемой **этими** предпринимателями, а влияет на среднюю норму прибыли в стране. Несмотря на различие строения капитала **во всех** отраслях промышленности, прибавочная ценность как таковая, **нигде** не может влиять на образование добавочной прибыли. Конкурренция предпринимателей стремится уравнять норму прибыли и приблизить ее у каждого предпринимателя к среднему уровню в стране. Если бы даже строение капитала в предприятии было настолько высоко, что предприниматель непосредственно от своих рабочих получал ничтожную прибавочную ценность (такие предприятия есть: например, водоснабжение, где затрачивается почти исключительно основной капитал), он получит прибыль из прибавочной ценности других предпринимателей при обмене, продавая продукт выше ценности его производства. Строение капитала выше или ниже среднего общественного капитала не может дать ни одной копейки предпринимателю, так как распределение прибавочной ценности происходит по другому принципу. Это относится одинаково ко всем отраслям промышленности. Между тем абсолютная рента получается, будто бы, благодаря низкому строению земледельческого капитала. «Если бы среднее строение земледельческого капитала было одинаково со строением среднего общественного капитала или, если бы оно было выше последнего, то абсолютная рента, именно в исследованном значении, исчезла бы, т. е. рента, которая отличается и от дифференциальной ренты и от ренты, основывающейся на монопольной цене» [1]).

[1]) K. Marx. Das Kapital, B. III. S. 298. Русск. перев., стр. 631 и дальше. Это противоречие теории абсолютной ренты всей теории распределения, изложенной в III томе, настолько резко бросается в глаза, что его можно объяснить лишь тем, что III том — посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора. Это единственная глава (об абсолютной ренте), где противники экономической теории Маркса могли бы выловить „фетишизм" ценности, где на целой двух страницах своего трехтомного труда автор, как будто, допускает влияние строения капитала в отдельных предприятиях на норму прибыли отдельных предпринимателей.

Так как строение капитала не влияет ни на цену продукта, ни на норму прибыли и вообще на распределение прибавочной ценности между предпринимателями, то оно не может создать никакой ренты. Если строение земледельческого капитала ниже промышленного, то дифференциальная рента получается из прибавочной ценности, получаемой в земледелии же, но это не имеет значения для образования ренты. Следовательно, если бы «строение» капитала изменилось, это ничуть не повлияло бы на ренту. Размер ренты ничуть не определяется характером ее происхождения, а единственно только вышеуказанным различием производительности труда при различных условиях.

Попытка Родбертуса об'яснить существование земельной ренты различным строением капиталов в земледелии и в индустрии по тем же основаниям является несостоятельною.

Сущность теории ренты Родбертуса сводится к следующему: в индустрии обрабатывается сырой продукт, даваемый земледелием. Если этот сырой продукт составляет ценность в 1000 руб., заработная плата 500 руб. и прибавочная ценность 500 руб., то ценность продукта будет 2.000 руб. Родбертус предполагает, что продукт всегда продается по его ценности, и прибыль капиталиста состоит из прибавочного продукта, получаемого от неоплаченного труда его рабочих. Тогда прибыль $\frac{500}{1000+500} = 33\%$ прибавочной ценности, деленной на авансированный капитал. В земледелии сырой продукт не входит в авансированный капитал, так как этот продукт как раз и добывается в земледелии. Поэтому здесь прибыль будет равняться $500/500 = 100\%$. Но прибыль в стране определяется, по мнению Родбертуса, ее нормой в индустрии, следовательно $= 33\%$. Тот избыток прибыли, который получается в земледелии сверх этой средней прибыли, и получается земледельцем в виде земельной ренты [1]).

[1]) Родбертус иллюстрирует свою теорию следующим „неопровержимым примером земельной ренты". Если при помощи производственного капитала PC в земледелии и индустрии создается ценность PW, то в фабричной промышленности, где в качестве сырого материала фигурирует земледельческий продукт PW, уровень прибыли будет $\frac{PW}{PC+PW} = X$. Но в земледелии такого материала нет и потому PW будет делиться только на PC. Если допустить, что PC$=$PW, то $\frac{PW}{PC}$ (уровень прибыли)$=2X$. Во всяком случае, если PW величина положительная, то $\frac{PW}{PC+PW}$ будет меньше, чем $\frac{PW}{PC}$. Но так как уровень прибыли в стране$=X$ (в фабричной промышленности), то, выделивши X, как процент прибыли на капитал PC, в земледелии, вследствие стремления к равенству прибылей, останется еще некоторая величина, в данном случае еще X. Это и есть земельная рента.

Принимая условия Родбертуса, получим с участка земли A ренту 1 X благодаря затрате капитала PC. Но если затрата капитала PC даст прибавочной ценности 2 X (1 X прибыли$+1$ X ренты), то будет гораздо более выгодно затратить новый капитал PC на этот же участок A, если бы этот новый капитал дал меньше продукта, например $1^1/_2$ X и даже 1 X, так как уровень прибыли в стране 1 X, а рента уже оплачена, как предполагает Родбертус, 1 X.

Маркс решает вопрос по существу так же, только вместо сырого продукта в его построении фигурирует основной капитал, «строение» авансированного капитала. Маркс утверждает, что в индустрии более высшее строение капитала вследствие лучшей техники и относительно большие затраты на орудия, машины и пр. понижают норму прибыли. Приведенный выше цифровой пример применим и к объяснению ренты Марксом, только 1.000 руб. будут представлять ценность вообще постоянного капитала, а не только сырья. Абсолютная рента получается из того избытка прибавочной ценности, который получается в земледелии сравнительно с индустрией.

Анализ обмена продуктов капиталистического производства показывает, что в обмене продуктов, в производстве которых участвовали капиталы различного строения, цена этих продуктов определяется издержками производства. Трудовая ценность не выражается точно в цене отдельных продуктов потому, что предпринимателю—капиталисту важна вовсе не меновая ценность продукта, а прибыль, которая определяется издержками производства и рыночной ценой продукта. Средняя цена каждого продукта регулируется издержками производства, отклоняясь то вверх, то вниз от его трудовой ценности. Трудовая ценность не обладает самодовлеющей силой, которая, вопреки стремлению каждого предпринимателя получить прибыль, заставила бы изменить меновые отношения. Напротив меновые отношения товаров соответственно их ценности не проявляются **потому**, что постоянно действующая сила конкуренции изменяет эти отношения сообразно действующим в организации производства интересам. Цены продуктов различных отраслей производства колеблются около трудовой ценности не потому, что последняя влияет на колебание цен товаров непосредственно, а потому, что издержки производства плюс прибыль в конечном счете, в **сумме**, сводятся к трудовой ценности. Предполагать, что трудовая ценность сама по себе, как сущность, присущая товару, заставляет продавать продукт выше или ниже издержек производства,—т. е. вопреки интересам предпринимателей,—значит допускать некоторый фетишизм, значит допускать, что ценность не есть выражение определенных общественных отношений, а свойство самих предметов. В III т. «Капитала» Маркс прекрасно доказал, что прибыль каждого отдельного предпринимателя заключается в разнице цены и издержек производства, какова бы ни была ценность продукта, превышает ли она или ниже их цены.

Из этого ясно, что рента не может образоваться вследствие превышения ценности продукта против издержек производства и средней прибыли, вследствие низкого строения капитала. Если бы, благодаря этому, образовалась рента в земледелии, то она была бы во всех производствах с низким органическим строением капитала и, прежде всего, в отраслях промышленности с дешевым сырым материалом. Например, в производстве кирпичей сырой материал стоит не дороже, чем в земледелии, в промыслах с отсталой техникой строение капитала низкое и т. д.

Поэтому затрата новых капиталов на ту же землю будет выгоднее затраты их в индустрии до тех пор, пока прибыль на последний капитал не понизится до 1 X. А это сводится к изложенной нами теории (дифференциальной) ренты.

Предположение **Маркса и Родбертуса основано на том, что прибыль стремится к одному уровню,** так как только при этом условии возможно говорить о средней прибыли. Стремление прибыли к одному уровню возможно только вследствие конкурренции капиталистов, вследствие того, что капиталы стремятся переместиться в ту отрасль промышленности, в которой норма прибыли выше. **Но эта предпосылка уничтожает теорию абсолютной ренты и Маркса и Родбертуса** на следующем основании: ни в одной из капиталистических стран естественные силы земли и света, падающего на поверхность земли, целиком еще не использованы, и приложение новых единиц труда и капитала на ту же площадь земли может дать увеличение продукта с той же площади. Арендатор, по теории Маркса—Родбертуса, уплатит землевладельцу в приведенном нами примере весь избыток прибавочной ценности сверх обычной нормы прибыли. Затративши 500 руб., он получит 500 руб. прибавочной ценности, из которых 33% получит в виде прибыли, а 67% отдаст землевладельцу. Допустим, что это происходит в Новороссии, где интенсификация хозяйства возможна, и где арендатор за 50 дес. земли уплатит 333 руб. ренты, а получит прибыли при затрате 500—167 р. В Новороссии ведется экстенсивное хозяйство и наш арендатор был бы плохим предпринимателем, если бы ограничился затратой 500 руб. на участок, уплативши из своего дохода $^2/_3$ землевладельцу. Если интенсификация хозяйства, в виду новой затраты 500 руб., даст такое же количество продукта, то арендатор получит прибыли уже не 25%, а 100%, так как мы допустили, что арендатор, при первой затрате капитала, уплачивает 333 руб. ренты. При новой затрате капитала на ту же землю арендатор получит прибыль в три раза большую, чем в индустрии и чем при первой затрате, если производительность этих затрат одинакова. Так как прибыль при дальнейших затратах на ту же землю в несколько раз выше, чем в индустрии (на этом и основывается теория ренты Родбертуса) и так как рента уже уплачена, то капиталы из индустрии перельются в земледелие, пока норма прибыли не уравняется. (Это вытекает из предпосылки равенства прибылей). Следовательно, арендатор затрачивает в землю капитал до тех пор, пока он не даст обычной средней прибыли на капитал 25%. То есть та же конкурренция, которая, по мнению Маркса—Родбертуса, уравнивает прибыль в индустрии, заставит затрачивать в землю капитал до тех пор, пока последний капитал не даст обычной средней прибыли—25%. Но, если последний затраченный в землю капитал даст только среднюю прибыль и не даст ренты, то вся теория ренты Родбертуса и теория абсолютной ренты Маркса исчезает: остается «дифференциальная» рента, получаемая от различной производительности труда при последовательных затратах. Рента с «последнего» затрачиваемого капитала, рента Родбертуса и абсолютная рента Маркса исчезнет, **потому что арендатор всегда может сделать «последний» капитал «предпоследним», если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли.** Если при затрате первых капиталов он довольствовался средней прибылью (предполагается, что излишек он отдает землевладельцу в виде ренты), то ему выгоднее, сокративши площадь аренды, затрачивать новые капиталы в ту же землю, так как они дадут избыток над прибылью, да-

дут ренту и арендатору. Т. е. разбираемая теория приводит логически к тому, что или последний затрачиваемый капитал в земледелии не дает ренты, следовательно, приводит к отрицанию этой теории, или к тому, что и арендатор получает тем большую ренту, чем интенсивнее ведет хозяйство; следовательно, теория приводит к абсурду.

Абсолютной ренты не может существовать потому, что новые затраты на ту же площадь земли **ограничиваются не землевладельцем**, а только конкурренцией. Предприниматель, будет ли это землевладелец или арендатор, будет затрачивать капитал на ту же землю до тех пор, пока последний затраченный капитал не даст ничего, кроме средней прибыли.

Но Маркс указывает на неспоримый факт, что худшие земли землевладелец не будет сдавать в аренду, если за них не уплатят земельной ренты. При каких же условиях будут обрабатываться худшие земли?

Очевидно, сдаваться в аренду худшие земли будут при условии, если затрата первого капитала на худших землях даст больше продукта, чем затрата последнего капитала на лучших землях.

Допустим, что существуют участки A, B, C, из которых первые два дают, при цене хлеба 1 р. 7 к. за пуд, дифференциальную ренту: при затрате капиталов a, b и c на участке A и капиталов a и b на участке B, получим:

	Стоимость производст.	Урожай.	Цена прод.	Прибыль.	Рента.
	Рубли.	Пуды.	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Участок A	15+15+15 (a+b+c)	60+30+15	64+32+16	1+1+1	48+16+0
Участок B	15+15 (a+b)	30+15	32+16	2	10+0
Участок C	15 (a)	15	16	1	0

Если на участке A и B последний затраченный капитал дает только среднюю прибыль, а на участке C эту прибыль дает только первый капитал, то последний участок худшей земли может обрабатываться только самим землевладельцем. Арендатор не может платить за него ренты, так как он даст только обычную прибыль, и участок останется без обработки или войдет в обработку только тогда, когда цена хлеба повысится и он сможет давать ренту. Но при этом условии **последний капитал на участках A и B будет давать меньше продукта, чем на участке C**, на следующем основании: допустим, что с участка C, вследствие повышения цены хлеба, землевладелец может получать ренту в 8 руб., т. е. цена хлеба поднялась до 1 руб. 60 коп. за пуд. Тогда на участках A и B будет затрачен новый капитал, который даст обычную прибыль. Это необходимо допустить, потому что вследствие повышения цены на хлеб, прибыль с последнего капитала повысилась бы в несколько раз, а именно:

	Стоимость производст.	Урожай.	Цена прод.		
	Рубли.	Пуды.	Рубли.		
Участок А	15+15+15+15	60+30+15+10	96+48+24+16	1+1+1+1 80+82+16+0	Приб. Рента
Участок В	15+15+15	30+15+10	48+24+16	1+1+1 32+8+0	Приб. Рента
Участок С	15	15	24	1+8	Приб. и рента.

При повышении цены хлеба, участок С войдет в обработку и будет давать ренту, потому что последний капитал, затрачиваемый на лучших участках А и В, будет давать меньше продукта, чем первый капитал на худшем участке С.

Этим объясняется, почему при современной форме землевладения, рядом с интенсивно обрабатанными землями существуют запущенные земли, не дающие никакой ренты. Мы видели, что при цене хлеба в 1 руб. 60 коп., будут обрабатываться участки А, В и С и все будут давать ренту. При падении цены хлеба до 1 р. 7 к., участок С уже не будет обрабатываться, так как без платежа ренты землевладелец его не сдаст. Тем не менее, последний капитал не даст ренты, а рента с худших участков получится вследствие разницы производительности труда на худшем участке и производительности последнего капитала С.

3) Факт наименьшей производительности труда при последней затрате капитала на землю ведет к рассеянию земледелия. Поэтому, с улучшением путей сообщения, экстенсивное земледельческое хозяйство редко населенных стран, понижает цену продуктов земледелия, понижает ренту с интенсивно обрабатывавшихся участков земли и иногда заставляет запускать пашни под луга (в нашем примере участок С). Если бы последние затраты не были менее производительны, т. е. если бы не было факта или «закона» «уменьшающегося плодородия почвы», то не было бы стремления земледелия к рассеянию, не было бы конкурренции земель экстенсивного хозяйства, понижающей цену земледельческих продуктов.

Из всего вышеизложенного ясно, что: 1) если бы не было факта уменьшения производительности последних затрат капитала, не было бы и земельной ренты; 2) вследствие ограниченности земли и необходимости получать большее количество продуктов, благодаря росту населения, оно прибегает к интенсификации хозяйства, к менее производительным затратам труда и капитала на ту же площадь земли. Это ведет к повышению ренты. Расширение эксплуатируемой площади земли, чему содействует в особенности облегчение доставки из редко населенных земель, действует обратно. Поэтому, на образование ренты имеет решающее влияние стоимость провоза продуктов из районов экстенсивного земледелия [1]).

[1]) В густо населенных странах цены на сельско-хозяйственные продукты повышаются против цен в районах экстенсивного земледелия лишь на стоимость провоза. А так как интенсификация земледелия (затраты новых капита-

С другой стороны, технический прогресс, увеличивая производительность труда при **всякой** культуре хозяйства—и при экстенсивной, и при интенсивной, следовательно, при **всякой** затрате капитала на ту же площадь земли,—задерживает повышение цен, которое могло происходить при увеличении населения, при интенсификации хозяйства.

ГЛАВА LVIII.

Влияние развития производительных сил на земельную ренту.

Образование и возрастание ренты происходит лишь при условии падения производительности последовательных затрат труда и капитала на ту же площадь земли. Поэтому важным условием возрастания капиталистической ренты является интенсификация хозяйства. Не менее важным условием (по социальным последствиям) для возрастания капиталистической ренты является увеличение производительности земледельческого труда.

Факт увеличения производительности земледельческого труда ничуть не находится в противоречии с фактом падения производительности труда при увеличении затрат капитала на тот же участок земли. На высоту земельной капиталистической ренты они действуют в одном направлении и в странах промышленных, рента повышается вследствие взаимодействия обеих причин.

Одинаковое влияние на высоту капиталистической ренты двух противоположных факторов объясняется тем, что падение производительности последовательных затрат капитала на ту же землю создает различие между доходностью последовательно затрачиваемых капиталов, а увеличение производительности труда **увеличивает** это различие.

Иллюстрируем это на старом примере.

Цена хлеба в Европе регулируется производством его в странах экстенсивного земледелия, поэтому примем ее за величину постоянную.

При увеличении производительности труда вдвое получится следующая рента. Вместо прежней схемы:

	Стоимость производст. в рублях.	Урожай в пудах.	Цена продукта в рублях.	Прибыль в рублях.	Рента в рублях.
Участок A . .	15+15+15	60+30+15	64+32+16	1+1+1	48+16+ 0
будет иметь участок A . .	15+15+15	120+60+30	128+64+32	1+1+1	112+48+16

При той же цене продукта, вследствие увеличения производительности труда, рента повысилась больше, чем повысилась производительность труда.

Если цена хлеба понизится, то и рента, разумеется, упадет.

лов и труда) определяется ценами на сельско хозяйственные продукты, то производство экстенсивных стран начинает регулировать культуру хозяйства и систему полеводства и высоту ренты в странах, ввозящих хлеб, в странах с интенсивным хозяйством, мешает быстрому повышению земельной ренты и даже понижает ее по мере удешевления транзита. Это ведет к так называемому „кризису“ сельского хозяйства.

Таким образом, **если вследствие роста народонаселения спрос на хлеб увеличится, но цена хлеба и при техническом прогрессе не повысится, а останется неизменной, то все-таки капиталистическая рента возрастет быстрее, чем увеличится производительность труда** [1]). Рента возрастает как в том случае, когда при тех же затратах увеличится количество продукта на том же участке, так и в том случае, если при сокращении затрат количество продукта осталось неизменным.

Из приведенного примера видно также, что при увеличении производительности труда и при той же цене продукта не только должна повыситься рента, но должна повыситься интенсивность хозяйства, культура земли, должны быть сделаны новые затраты на ту же площадь земли. Из последней схемы видно, что, при увеличении производительности труда, последний капитал, не дававший ренты, теперь дает некоторый остаток, ренту в 16 руб. сверх прибыли. Следовательно, предпринимателю выгодно затратить новый капитал на ту же землю, который, будучи менее производительным, дает, тем не менее, обычную прибыль. Следовательно, при увеличении производительности труда повышается культура земли, ее урожайность. Разумеется, эти условия тогда возможны, если весь накопляющийся в земледелии капитал не отливает в индустрию или не уничтожается непроизводительно,—что исключает и рост производительности труда.

Эти выводы имеют огромное значение для объяснения многих явлений в борьбе капиталистического хозяйства с продовольственным хозяйством. Как увидим ниже, некапиталистическая рента (продовольственная аренда) повышается при противоположных условиях. Но условия повышения или понижения того или другого типа ренты определяют и преимущества того или другого типа хозяйств. Повышение капиталистической ренты против некапиталистической ведет к тому, что капиталистическое хозяйство,—арендаторское или не арендаторское—все равно,—выгоднее некапиталистического, продовольственного хозяйства, которое может и арендовать и сдавать в аренду свою землю. При обратных условиях, при повышении некапиталистической ренты и при понижении капиталистической, будет побеждать мелкое продовольственное хозяйство. Победа того и другого типа выразится в аренде, в покупке земли, в раздроблении участков или в их соединении и т. д.

Процесс интенсификации хозяйства под влиянием повышения производительности труда, без повышения цен на хлеб, происходит в некоторых странах Западной Европы, напр., в Германии. Благодаря конкурренции экстенсивных стран, цена хлеба не повышается, а урожайность и рента растут. Такой же процесс происходит в Соединенных Штатах, где сбор пшеницы с десятины увеличился с 53,6 пуд. в 90 г., до 60,8 пуд. в 1891-96 г.г., между тем как цена

[1]) В Германии арендная плата за гектар, принимая ее в 1849 г. за 100, повысилась в 1869 г. до 224,9, в 1879 г. до 256 и в 1890—91 г. до 280,2; между тем как цены на рожь были: 100, 131, 128, 109, а рост населения—100, 115, 125, 140. При незначительном повышении, а в последние годы даже при понижении цен на хлеб, земельная рента возрастала быстрее роста населения в несколько раз.

на сельскохозяйственные продукты не только не повысилась, а даже понизилась.

Таким образом, капиталистическая земельная рента повышается:

1) При повышении хлебных цен. Это делает выгодными новые, относительно менее производительные затраты капитала на ту же площадь земли.

2) При увеличении производительности земледельческого труда, хотя бы хлебные цены не изменились. Этот случай также ведет к интенсификации хозяйства.

Капиталистическая рента **понижается** при падении производительности труда также, как и при падении цен на хлеб.

ГЛАВА LIX.

Некапиталистическая рента [1]).

(Продовольственная аренда).

1.

Тот вид дохода, который называется капиталистической рентой, вовсе не предполагает непременно арендных отношений между землевладельцем и арендатором. Землевладелец может вести собственное капиталистическое хозяйство, но земельную ренту он будет считать как необходимый доход сверх предпринимательской прибыли. Если сверх прибыли он не получит земельной ренты, то предпочтет сдать свою землю в аренду.

Арендаторы земли при настоящих условиях ведут хозяйство или для получения прибыли из земледельческого хозяйства, или для того, чтобы **иметь место** для приложения своего труда и, по выплате арендной цены, получить с земли средства, необходимые для существования. Последняя форма некапиталистической аренды дает землевладельцу ренту не от предпринимателя-капиталиста, а от бедных крестьян, для которых остаток от выплаченной ими ренты служит средством для существования. Несомненно, вследствие различия типов хозяйства, и условия образования некапиталистической ренты резко отличаются от условий образования, повышения и понижения капиталистической земельной ренты.

Для повышения капиталистической ренты главное значение имеет высокая цена хлеба и увеличение производительности земледельческого труда. И то и другое условие возможно при росте неземледельческого населения.

Для развития и роста некапиталистической ренты главное значение имеют противоположные условия: 1) падение производительности земледельческого труда, происходящее при росте земледельческого населения, и 2) низкие цены на хлеб. Падение некапиталистической ренты вызывается также противоположными условиями—повышением производительности труда.

---

[1]) Мы разумеем под некапиталистической рентой (продовольственной арендой) ренту при капиталистических отношениях рядом с капиталистической рентой. Аренда существовала и в докапиталистическую эпоху, но ее высота определялась другими условиями.

Эти, повидимому, совершенно нелепые «законы» образования некапиталистической ренты вытекают из следующего:

При развитии денежного хозяйства крупные предприниматели-землевладельцы стремятся расширить свою запашку, чтобы получить больший доход со своей земли. С другой стороны, рост земледельческого населения побуждает последнее получать большее количество земледельческих продуктов для своего пропитания. Если это население имеет свои земли, то оно начинает прибегать к некапиталистической аренде тогда, когда продуктов, получаемых с собственных участков земли, недостаточно для сносного существования. Чем большая часть земледельческого населения должна прокормиться на ограниченной территории, тем большая настоятельность в аренде земли. Но так как последовательные затраты труда на ту же площадь земли менее производительны, то при земледельческом перенаселении в мелком хозяйстве занято более рук, чем это необходимо. Иными словами, при избыточном земледельческом населении труд менее производителен, так как, во первых, избыточный ручной труд применяется там, где он мог бы быть заменяем машиной, лучшим орудием; во вторых, этот избыточный труд применяется и в том случае, если он дает ничтожное количество земледельческих продуктов. Малая производительность труда и его избыток побуждают арендовать землю, если даже от аренды получается ничтожный остаток продукта. Допустим, что 1000 человек земледельцев имеют 1000 дес. земли, с которых получают 100 тыс. пуд. хлеба или по 100 пуд. на одного рабочего. Допустим далее, что производительность труда не увеличилась, а, благодаря увеличению населения, уменьшилась, а урожай хлеба увеличился на 10 тыс. пудов. Тогда 2000 чел. с 1000 дес. земли получат несколько больше хлеба—110 тыс. пудов или только по 60 пудов на одного рабочего. Заработок на своей земле (или на арендованной), несмотря на повышение урожайности, при этом условии, сокращается почти вдвое. Это не только побуждает прибегать к расширению аренды, чтобы достать необходимое количество хлеба и конкурренцией повышать арендную плату, но и дешевле продавать свою рабочую силу под видом некапиталистической или «голодной» аренды. При падении производительности труда, вызванном увеличением земледельческого населения, в приведенном нами случае со своей земли 1 работник получит хлеба вместо 100 пудов только 60 пудов при большей величине урожая. Если норма потребления на 1 рабочего (вместе с семьей и скотом) 80 пуд., то для поддержания существования крестьянин должен арендовать землю во что бы то ни стало и дать большую арендную плату против капиталистической ренты, чтобы землевладелец предпочел сдать землю этому крестьянину, а не вести собственное хозяйство и не сдать в аренду предпринимателю-капиталисту. Условия роста некапиталистической ренты, так же, как и рост ренты капиталистической, можно точно учесть.

Устранивши все осложняющие условия, как это делали мы при анализе капиталистической ренты, допустим, что земледельческое (крестьянское) население по отношению к находящейся в его руках территории возрастает без изменения технических условий, и население принуждено прибегать к аренде земли. Допустим далее, что приложение труда 100 рабочих на своей земле дает 4000 пуд.

хлеба. Следовательно, каждый рабочий производит 40 пуд., которыми более или менее сносно удовлетворяются потребности этих рабочих с их семьями. Допустим далее, что население на той же территории увеличилось до 200 рабочих, которые, прилагая свой труд на той же земле, получат ничтожное количество продукта сверх того, который получился раньше 100 рабочими. Но труд первого и второго работника в семье ничем не отличается один от другого. Поэтому, если раньше 100 работников производили 4000 пудов хлеба по 40 пуд. на каждого, то теперь на той же земле произведется 4000 пуд. уже не 100 работниками, а двумя стами; производительность их труда упадет вследствие малоземелья до 20 пуд. на рабочего. Если раньше каждый из 100 работников обрабатывал одну десятину, то теперь каждый из 200 раб. обрабатывает ½ десятины. Очевидно, что теперь, при образовании избыточного населения, каждый работник может арендовать участок земли в 1 дес., отдавши в виде аренды 20 пуд. и получивши за свою работу 20 пуд., **так как на своей земле он получит столько же.** В данном случае половина урожая в виде арендной платы будет минимальной рентой на арендуемых землях при данной производительности труда. Эта рента будет минимальной потому, что при всяком повышении цен, при всяком техническом прогрессе капиталистическая рента будет вытеснять некапиталистическую и гнать последнюю вверх. Следовательно, некапиталистическая рента (ее minimum) определяется разницей между тем количеством продуктов, которые при данных технических и экономических условиях население **может** произвести на своей земле, и количеством продуктов, которое ему необходимо для существования. Очевидно, чем меньше земли, приходящейся на все наличное **земледельческое** население, тем выше некапиталистическая рента. Maximum ее определяется разницей между суммой необходимых для существования населения продуктов и суммой продуктов, которую производят арендаторы и на своей, и на арендованной земле. Подняться выше этого maximum'а рента не может, потому, что население или будет вымирать, или уходить [1]). Очевидно также, что наиболее благоприятными условиями для повышения некапиталистической ренты (продовольственной аренды) является избыточность **земледельческого** населения и малоземелье. Безземельные крестьяне будут стремиться уйти на промыслы или заняться ими на месте. У крестьян с большим наделом разница между тем количеством продукта, которое они производят на своей земле, и тем, которое могут произвести — незначительна, и капиталистическая рента в большинстве случаев ее превышает. У малоземельных

[1]) Можно представить себе такое положение населения, при котором minimum некапиталистической ренты приближается к maximum'у. При этих условиях рента и будет определяться maximum'ом—будет существовать „голодная рента". Наделение сельско-хозяйственных рабочих небольшими участками, на которых ведется „собственное хозяйство", для землевладельцев чрезвычайно выгодно как при найме рабочих, так и при сдаче земель в аренду за отработки, для издельного найма и проч. Тогда получается наибольший maximum; но нужно заметить, что в определение этого maximum'а входит сумма производимых арендатором продуктов, а она тем меньше, чем ниже производительность труда; это ведет к сокращению разницы между existenz minimum'ом и суммой производимых арендаторами продуктов. Поэтому при разорении населения некапиталистическая рента может упасть, хотя она будет „голодной" рентой.

же крестьян производительность на своей земле ничтожна, между тем, как количество рабочих рук огромно. Далее, при наблюдении различных районов России, мы видим, что распределение капиталистической и некапиталистической аренды находится в тесной зависимости от указанных условий.

Капиталистическая рента возрастает **при росте неземледельческого** населения, когда расширяется местный рынок и цена хлеба повышается. Этот вывод вытекает из приведенного выше анализа капиталистической ренты. Некапиталистическая рента повышается при противоположном условии.

Иллюстрируем на конкретном примере, каким образом растет некапиталистическая рента.

Допустим, что в крестьянском хозяйстве, имеющем одного работника, напр., в хозяйстве отделившегося от старой семьи сына имеется две десятины земли, с которых получается 60 пуд. хлеба.

При данной культуре земли, один работник обрабатывает эту землю и получает хлеба достаточно для удовлетворения потребностей своей семьи. Но вот подрастает в семье другой работник; семья в то же время растет, и хлеба, получаемого с двух десятин, становится недостаточно, да и производительные силы двух работников лишь в половину используются при обработке двух десятин [1]). Если теперь для продовольствия семьи требуется 80 пуд. хлеба, и если оба работника будут обрабатывать свои две десятины, с которых получается только 60 пуд., то производительность труда каждого работника упадет вдвое, так как раньше один работник производил столько же хлеба. Но теперь получаемых с двух десятин 60 пуд. хлеба недостаточно для продовольствия семьи, и один работник должен затрачивать свои силы для добывания продукта сверх того, который получается со своей земли; этот лишний работник может или зарабатывать недостающее количество хлеба продажей своей рабочей силы, или хозяйство будет арендовать землю, чтобы использовать рабочую силу и получить с арендуемой земли то количество хлеба, которого недостает для продовольствия. Но для того, чтобы арендовать землю, нужно платить за нее арендную плату, которая определяется высотой ренты. Землевладелец не сдает своей земли в аренду даром, потому, что, имея свою запашку или сдавая землю капиталисту-арендатору, он получит капиталистическую ренту, определяемую условиями капиталистического производства: высотой цен на хлеб, стоимостью провоза до рынка и т. д. Следовательно, при аренде земли крестьянин должен уплатить арендную плату большую, чем капиталистическая земельная рента, получаемая землевладельцем. Это объясняют тем, что крестьянину не нужно прибыли. Какое великодушие... теоретиков!

Но и крестьянин может платить не больше известного maximum'а. Он может продавать свою рабочую силу в качестве сельскохозяйственного рабочего, уйти в город или переселиться, если эти выходы будут давать ему значительно большую выгоду, чем аренда земли. Очевидно, чем выше заработная плата, чем легче передвижение населения, чем больше рабочих поглощает индустрия, тем maximum продовольственной ренты будет ниже, так как крестьянину легче представляются

[1]) Предполагается, что каждый работник может обработать 2 десятины, а с десятины получается 30 пуд. хлеба.

другие, кроме аренды, выходы из малоземелья. Этот вывод имеет огромное значение; дальше мы на нем остановимся. Теперь же вернемся к maximum'у продовольственной ренты.

Наше продовольственное хозяйство, имея двух работников, может обработать две арендованных десятины, кроме своих двух десятин. Для существования ему необходимо 80 пуд., из которых 60 пуд. получается со своих двух десятин. Если с арендованных двух десятин получается также 60 пуд., то больше 40 пуд. продовольственное хозяйство не может платить арендной платы, так как ему останется 80 пудов (20 п. + 60 п.) и со своей и с арендованной земли,—количество, необходимое лишь для поддержания жизни. Больше платить ренты хозяйство не может, потому, что при обычных, нормальных условиях все другие выходы (различные формы продажи своей рабочей силы) дают от minimum. В противном случае начинается вымирание, как и было в голодные годы. Следовательно, maximum ренты определяется разницей между количеством продуктов, которое получается при использовании всех рабочих сил семьи и на своей и на арендованной земле, и количеством продуктов, необходимых для существования. Выше этого maximum'а продовольственная рента подняться не может даже при отсутствии заработков, так как дальнейшее более или менее постоянное превышение maximum'а повело бы к голодовке, к вымиранию или к оленению.

Minimum продовольственной ренты должен был бы определиться собственно выше и капиталистической ренты, так как капиталист уплачивает ренту, как доход от земледелия, получаемый сверх обычной прибыли. Но конкурренция из-за аренды земли многочисленных продовольственных хозяйств существует не только и не столько с капиталистическим хозяйством, но и между продовольственными хозяйствами. В нашем примере в продовольственном хозяйстве каждый работник на своей земле производит 30 пуд., так как с двух десятин при двух работниках получается 60 пудов. Если представить себе целый ряд хозяйств с таким же количеством земли по отношению к числу работников, то, очевидно, каждое хозяйство будет стремиться арендовать землю, отдавая арендную плату в 30 пуд. с двух десятин и получая 30 пудов, т. е. столько же, сколько получается на каждого работника на своей земле. Таким образом, наше продовольственное хозяйство, арендуя две десятины, отдает 30 пудов с арендованной земли.

Каждое хозяйство будет стремиться арендовать за такую плату, потому, что два работника, обрабатывая только свою землю, получат по 30 пудов. Правда, труд их может быть легче, так как они вместе обрабатывают две десятины, но хлеба, получаемого со своей земли, недостаточно, необходимо прибегать к сторонним заработкам. Уплачивая minimum продовольственной ренты, наше хозяйство получит всего хлеба 90 пудов (60 пуд. со своей земли и 30 пуд. с арендованной), следовательно, на 10 пуд. больше, чем необходимо для поддержания существования.

Допустим далее, что при сохранении той же площади и культуры земли население увеличилось, и наша типичная семья состоит из трех работников при двух десятинах, между тем как потребность в хлебе возросла до 100 пудов. Работая только на своей земле, каждый из работников получил бы хлеба $^{60}/_{3}$—по

20 пудов. Вследствие необходимости арендовать землю, чтобы получить необходимое для существования количество продукта, хозяйства будут прибегать к аренде земли, но теперь minimum продовольственной ренты совпадет с maximum'ом: население будет находиться на границе голодовки, так как, уплачивая по 20 пудов с десятины и получая 40 пудов с 4 десятин, которые могут арендоваться хозяйством с 3 работниками (каждый работник обрабатывает по 2 десятины), хозяйство только получит необходимое для поддержания своего существования количество продуктов. Оно получит 60 пудов со своей земли и 40 пудов с арендованной, т. е. как раз сто пудов. В данном случае minimum ренты приблизился к maximum'у, и продовольственная рента не может уже повышаться. Население будет уходить на заработки, выселяться или, наконец, вымирать, если оно не найдет другого выхода, но повышать арендную плату оно уже не сможет. Следовательно, если **капиталистическая рента** будет превышать этот maximum **продовольственной ренты**, продовольственная **аренда** будет уступать место капиталистической **аренде**.

В вышеприведенном примере мы брали одно типичное продовольственное хозяйство с определенным количеством земли и числом работников, имеющее необходимые орудия производства. В действительности, разумеется, существует крайне разнообразие хозяйств по количеству собственной земли, по количеству работников и инвентаря. Хозяйства, не имеющие достаточно инвентаря для обработки арендуемой земли, во взаимной конкурренции мелких хозяйств должны прежде всего уступить и добывать недостающее количество хлеба какими нибудь заработками. Из вышеизложенного ясно также, что наиболее упорно добиваться аренды будут хозяйства, имеющие больше работников в семье, так как на своей земле прилагаемый ими труд будет наименее производителен. Таким образом, при взаимной борьбе за аренду, продовольственные хозяйства находятся в различном положении, и наибольшим успехом будут пользоваться хозяйства, имеющие необходимый инвентарь и больше работников.

2.

Мы брали наиболее благоприятные условия для роста продовольственной ренты, условия, при которых ее minimum приближался к maximum'у. Но часто случается, что: 1) продовольственному хозяйству очень немного недостает земли для использования всех рабочих сил семьи и следовательно, труд на своей земле более производителен; или 2) обратно, своей земли так мало, что производительность труда на своей земле ничтожна.

Возьмем первый случай. Допустим, что семья с тремя работниками имеет не две десятины, а 4 десятины, с которых получается 120 пудов хлеба, между тем, как для поддержания существования семьи мы предполагали необходимым 100 пудов. Каждый работник производит на своей земле по 40 пудов. Если хозяйство, имея это количество хлеба, арендует еще две десятины, чтобы использовать все рабочие силы, то такая аренда вызвана уже не недостатком в средствах существования, а стремлением к расширению хозяйства. Если бы не существовало капиталистического хозяйства, если бы не существовало хозяйств, стре-

мящихся к безграничному расширению, то арендная плата упала бы очень низко, так как на своей земле в хозяйстве производится достаточно хлеба. Но при современных условиях хозяйство может расширяться, используя рабочие силы не только семьи, но и наемных рабочих. Поэтому создается конкурренция хозяйств при аренде для получения **прибыли**, создается и капиталистическая рента, высота которой определяется особыми законами и которая не дает опускаться арендной плате ниже капиталистической ренты. Следовательно, при достаточном наделении землей будет существовать капиталистическая аренда, которая будет вытеснять продовольственную: арендовать будут хозяйства, стремящиеся к расширению производства и к получению прибыли [1]). Чем меньше избыточное земледельческое население, тем благоприятнее условия для капиталической аренды, потому что тем ниже продовольственная рента.

Рассмотрим второй случай. Допустим, что арендующее продовольственное хозяйство совсем не имеет своей земли или имеет ничтожный клочок. Не получая хлеба со своей земли или получая ничтожное его количество, продовольственное хозяйство может существовать, получая необходимые средства существования лишь с арендуемой земли или от продажи своей рабочей силы. Выше мы нашли maximum арендной платы равным разнице между количеством продукта, необходимым для существования, и количеством продуктов, которое хозяйство может произвести. Выше этой разности продовольственная рента не может подняться, потому что население будет уходить или вымирать. Ниже опуститься рента не может, потому, что будет мешать этому не только капиталистическая рента, но и взаимная конкурренция продовольственных хозяйств, не имеющих собственной земли или имеющих ее недостаточно. Легко, однако, заметить, что при отсутствии собственной земли продовольственные хозяйства не могут платить такую высокую ренту, как хозяйства, имеющие небольшой клочок земли.

Удовлетворение minimum'а потребностей необходимо как в хозяйствах, имеющих свою землю, так и в хозяйствах, не имеющих своей земли. Получая со своей земли некоторую долю продуктов, необходимых для существования, хозяйства со своей землей могут удовлетворяться меньшей долей продуктов с арендуемой земли, чем хозяйства, совершенно не имеющие своей земли. Поэтому, при существовании рядом хозяйств со своими клочками земли и хозяйств совершенно безземельных, первые в конкурренции со вторыми будут иметь все шансы на успех. Точно также борьба капиталистического хозяйства с продовольственным скорее ведет к победе первого, тогда, когда последнее не имеет своей земли, так как продовольственная аренда не может подняться до такого уровня, как при мелком землевладении. Следовательно, капиталистическое хозяйство легче может победить или тогда, когда продовольственное хозяйство

[1]) В некоторых (северных) уездах Оренбургской губ. до проведения Сибирской железной дороги, вследствие обилия земли у казаков и крестьян, аренда десятины земли стоила 15—20 коп. С проведением железной дороги цены на хлеб поднялись, рента возросла, и крупные распашки расширились. Арендные цены выросли до одного рубля за десятину, местами до 3—4 руб.

имеет много земли, или когда оно совсем ее не имеет. На многоземельных окраинах России, точно также как и в Англии, при безземелии фермеров, преобладает капиталистическое хозяйство, между тем как в центральной России ясно заметно преобладание продовольственной аренды.

Английское фермерское капиталистическое хозяйство заставляет тотчас же вспомнить об ирландском мелком хозяйстве, существующем также на арендуемой земле и вытеснившем капиталистическое крупное хозяйство. Очевидно, есть условия, которые и при отсутствии мелкого землевладения содействуют победе мелкого хозяйства. Об этих условиях мы уже упомянули: чем выше заработная плата, чем легче передвижение населения, чем больше рабочих поглощает индустрия, тем легче побеждает капиталистическое хозяйство; и обратно: чем хуже условия для ухода населения из земледелия, чем ниже minimum, необходимый для его существования, тем прочнее держится мелкое хозяйство. Чем хуже и безвыходнее положение населения, тем меньшую долю продукта, получаемого с арендуемой земли, может оно оставить себе [1]). Влияние minimum'а потребностей на распространение продовольственной аренды обусловливается тем, что продовольственная рента определяется степенью нужды населения в аренде и чем ниже minimum, т. е. чем больше нужды, тем выше может подняться продовольственная рента.

Повышение потребностей населения, легкость отыскания других заработков, кроме земледелия, понижая продовольственную ренту, облегчает для капиталистической аренды борьбу с продовольственной. Возможность отыскания других заработков, кроме земледельческих связана с развитием индустрии и вообще с развитием производительных сил страны. Эти условия вместе с тем ведут к повышению капиталистической ренты, следовательно, еще более содействуют победе капиталистического хозяйства над продовольственным.

Капиталистическая рента растет: 1) при повышении хлебных цен, следовательно, при развитии индустрии, и выпадающем потребность в продуктах земледелия.

2) При увеличении производительности земледельческого труда, следовательно, при техническом прогрессе и введении всяких усовершенствований в земледелии.

Продовольственная рента и выпадает как раз при противоположных условиях: 1) Чем более падает производительность земледельческого труда, тем выше поднимается продовольственная рента, пока не дойдет до maximum'а

---

[1]) В приведенном выше примере, (minimum арендной платы приближается к maximum'у,) аренда двух десятин, поглощающая силы третьего работника семьи, даст хозяйству только 20 пудов хлеба. Очевидно, если на стороне продажей своей рабочей силы этот работник заработает не больше 20 пудов хлеба, то хозяйство предпочтет голодную аренду и не может повысить minimum'а своих потребностей. Это ведет к полуголодному существованию при кабальной аренде. Если, в качестве индустриального или сельско-хозяйственного рабочего, этот третий работник получит значительно больше, чем при аренде земли, то и продовольственная рента не повысится до такой нормы, при которой остается за работу только 20 пудов. Следовательно, наличность сторонних заработков, повышение заработной платы, развитие индустрии ведут к устранению кабальных форм аренды. Но при этих условиях повышается как раз капиталистическая рента.

выше которого она может подняться лишь приводя к полному разорению продовольственные хозяйства.

2) Чем меньше сторонних заработков, чем менее развита индустрия, следовательно, чем ниже цена хлеба, тем выше поднимается продовольственная рента (**по отношению** к продукту, остающемуся в пользу продовольственного хозяйства), потому что продовольственному хозяйству нет других выходов, кроме аренды земли.

Развитие сельского хозяйства ведет к развитию капиталистической аренды, и обратно: остановка сельскохозяйственного развития, вследствие ли конкуренции стран с экстенсивным хозяйством и более производительным трудом, или вследствие каких либо других условий, ведет к сохранению и даже развитию продовольственного хозяйства, продовольственной аренды.

3.

Какое же значение имеет падение и рост того или другого типа ренты для развития хозяйств того или другого типа?

Существование и возможность развития капиталистического хозяйства обусловливаются общими социальными условиями страны. При крепостном праве не мыло развиваться капиталистическое хозяйство, потому что общие социальные условия были неблагоприятны для существования хозяйства с наемным трудом. Теперь и продовольственное хозяйство, получая больше количество продуктов, чем необходимо для потребления членов хозяйства, может реализовать избыток продукта в деньгах и расширять производство. Поэтому, если продовольственные хозяйства имеют больше земли, чем это необходимо для продовольствия, они или арендуют, или сдают в аренду этот избыток. Но такого рода аренда будет уже капиталистической арендой. При таких условиях арендаторы-крестьяне, сосредоточивая в своих руках землю, могут получать прибыль и пользоваться наемным трудом.

Если крестьяне имеют меньше земли, чем необходимо для поддержания своего существования,—так бывает в большинстве случаев,—то условия существования такого хозяйства определены выше: при росте капиталистической ренты, при повышении заработков вне своего хозяйства и при невозможности арендовать для продовольствия, вследствие повышения капиталистической ренты, хозяйство падает; оно может лишь служить подспорьем при сезонных работах и ведет лишь к понижению заработной платы.

Таким образом, «законы» развития продовольственной и капиталистической ренты как раз противоположны: условия, благоприятные для укрепления продовольственного хозяйства, неблагоприятны для развития капиталистического, и обратно. Так как капиталистические и продовольственные хозяйства существуют **в одно время в одной и той же стране**, то развитие или падение того или другого типа хозяйств к определяется условиями, более благоприятными для которого либо из них.

Условия, определяющие падение и рост капиталистической и продовольственной ренты, влияют на хозяйства и не-арендующие. На эты может быть та-

кого рода возражение. За пользование своей землей продовольственное хозяйство не платит никакой ренты, следовательно, хозяйство, имеющее собственную землю, не вступает ни в какую конкурренцию с другими хозяйствами.

Это возражение было бы справедливо, если бы законы роста и падения продовольственной ренты (как и капиталистической) рассматривались независимо от производительности труда в хозяйстве на собственной земле. Между тем падение и рост продовольственной ренты находятся в тесной связи с производительностью труда на собственной земле. Чем ниже производительность труда благодаря недостатку собственной земли, тем меньше остается хозяйству и от аренды, тем выше арендная плата. Разумеется, если труд на своей земле непроизводителен от недостатка средств производства, то и арендовать хозяйство не может: если нет средств обработать две десятины, то их недостаточно и для четырех десятин.

Таким образом, борьба между капиталистическим и продовольственным хозяйством существует во всех случаях, где продовольственное хозяйство имеет или больше, или меньше земли, чем это необходимо для его поддержания. **А так как земля не растет вместе с семьей и с населением, то каждое хозяйство, в тот или иной период роста семьи, выталкивается из устойчивого равновесия,** или побеждая капиталистическое хозяйство мелкой арендой, или продавая свою рабочую силу этому хозяйству.

Теория капиталистической и продовольственной ренты имеет значение не только при существовании крупного и мелкого землевладения, а при **всех формах** землевладения, раз существуют капиталистические отношения. Допустим, напр., что вся земля находится в общинном землевладении крестьян. Такие условия существуют во многих районах России: в Оренбургской губ. в некоторых уездах, в сибирских губерниях и т. д.

При больших наделах крестьян капиталистическая рента превышает продовольственную тем больше, чем выше техника производства и чем выше хлебные цены. Капиталистическое хозяйство с тем большим успехом расширяет свою запашку на счет продовольственного хозяйства, чем выше технический прогресс, чем больше разница производительности труда в продовольственном и капиталистическом хозяйстве. Продовольственное хозяйство не может приобретать молотилки, жнейки, сеялки, потому что, во-первых, эти орудия могут быть использованы только в хозяйстве более крупном, во-вторых, потому что мелкое хозяйство не настолько заинтересовано в экономии труда, чтобы делать затраты на приобретение этих орудий. Оно не столько заинтересовано и потому, что затрата на приобретение этих орудий имеет смысл тогда, когда сбереженное ими время будет затрачено на расширение хозяйства, т. е. тогда, когда продовольственное хозяйство стремится превратиться в капиталистическое. Поэтому, при обилии у крестьян земли, находящейся в общинном землевладении, капиталистические крестьянские хозяйства быстро прогрессируют, и продовольственное хозяйство уступает место капиталистическому, как более произво-

тельному. Это выражается обыкновенно в сдаче в аренду целиком или частично земельных наделов [1]).

При недостатке земли для всех продовольственных хозяйств и при отсутствии крупного землевладения, условия для развития того или другого типа хозяйства не изменяются. Продовольственные хозяйства все не могут существовать, если все они не могут получить достаточно средств для существования от земли. Часть из них должна в той или иной форме передать землю или продовольственному или капиталистическому хозяйству. Очевидно, условия, благоприятные для роста продовольственной или капиталистической ренты, и определят, который из этих двух типов хозяйства удержит за собою землю, т. е. при техническом прогрессе и при высоких ценах на хлеб победит капиталистическое хозяйство, при обратных условиях—продовольственное.

Такое же значение имеет рост капиталистической и продовольственной ренты тогда, когда не существует аренды, а земля находится в частной собственности мелких землевладельцев-крестьян. При таких условиях рост того или другого типа ренты выразится в ценах на землю, которые определяются капитализацией ренты. Если повышается капиталистическая рента, то капиталистическое хозяйство будет скупать земли по высшей цене, чем продовольственное хозяйство, и обратно: при повышении продовольственной ренты земля будет держаться в мелких продовольственных хозяйствах. Чем более развивается обмен и мобилизация земельной собственности, тем ярче выразится победа того или другого типа хозяйства, связанная с общими условиями, определяющими высоту земельной ренты.

4.

Разумеется, в изложенную нами выше схему роста капиталистической и некапиталистической ренты и их борьбы, действительность не укладывается целиком. Жизнь гораздо сложнее, и наряду с разнообразием типов хозяйств, существуют комбинации различных условий. Кроме разнообразия по количеству необходимого инвентаря и средств производства, продовольственные хозяйства различаются по количеству земли в каждом и по количеству работников. Но это различие еще укладывается в вышеприведенную схему роста продовольственной ренты, так как количество земли и работников в хозяйстве учитывается в борьбе продовольственных хозяйств между собою и с капиталистическим хозяйством: увеличение количества работников в семье дает возможность повысить продовольственную ренту и побить конкуррентов. Это на опыте знают и землевладельцы, оплакивающие распадение крестьянской семьи. Гораздо более осложняет борьбу хозяйств из-за аренды различие в средствах производ-

[1]) Управление оренб. каз. войска, для устранения пролетаризации казачества и сосредоточения общинных земель в руках капиталистов-казаков, **запретило** долгосрочную аренду, назначило minimum арендной платы и приняло некоторые другие меры (нормальный надел у казаков 30—36 десятин). Разумеется, все эти меры ни к чему не приводят, так как всегда есть достаточно путей, чтобы обойти исполнение тех или иных предписаний.

ства, так как под влиянием их может понижаться временно minimum необходимых для семьи средств существования. Это изменение можно наблюдать в центральном земледельческом районе, где постепенно «проедается» даже необходимый для земледелия инвентарь, и где, следовательно, рента уплачивается даже из той доли, которая составляет minimum, необходимый для существования. Налоги также влияют на продовольственное хозяйство, обостряя его борьбу за существование и побуждая его расширять запашку на арендуемой земле, повышать продовольственную аренду на счет необходимых средств для производства и понижать свои потребности.

Точно также капиталистические хозяйства не организованы по одному шаблону и представляют крайне разнообразные типы. Тем не менее, теория капиталистической и некапиталистической ренты дает ясное понимание условий борьбы и развития того или другого **типа** хозяйств. Индивидуальные хозяйства могут одни развиваться, другие падать; но при одних условиях будут развиваться хозяйства **капиталистического типа**, при других **продовольственные.**

Minimum и maximum продовольственной ренты ограничивается капиталистической рентой. Когда продовольственная рента опускается вследствие отсутствия настоятельной потребности хозяйств в аренде, капитал захватывает землю уплатой капиталистической ренты. Когда рента, вследствие конкурренции капиталистических хозяйств, поднимается выше того maximum'а, который продовольственное хозяйство может платить, последнее само отступает перед капиталистическим хозяйством, так как для поддержания существования необходим некоторый minimum продуктов. Чем меньшими средствами обладает продовольственное хозяйство, тем раньше оно уступает, так как при ничтожной производительности труда ему остается слишком ничтожная доля. При этом имеют значение и другие осложняющие условия: кредитоспособность, размер семьи и т. п.

Очевидно, что из продовольственных хозяйств, располагающих различными средствами производства, различным количеством работников и земли, будут прочнее те, которые, при перечисленных выше условиях, могут платить высшую продовольственную ренту, т. е. хозяйства многосемейные, лошадные, т. е. такие хозяйства, которые при понижении продовольственной ренты до капиталистической могут развиться в капиталистические хозяйства с наемным трудом.

Социальные условия, благоприятные для развития производительных сил страны, для технического прогресса и для повышения потребностей населения, ведут к развитию капиталистического хозяйства. Это происходит путем повышения капиталистической ренты и понижения продовольственной, так как при таких условиях мелкое хозяйство не вынуждено «отказываться» не только от некоторых настоятельных потребностей, но и от прибыли, от которой за него великодушно «отказываются» его защитники. Отказываться от каждого фунта хлеба, получаемого с арендуемой земли, заставляют крестьян не преимущества мелкого хозяйства, а его нужда и безвыходность положения. Отыскивание таких

«преимуществ»—какое-то издевательство над положением мелкого хозяйства, а не защита его.

В настоящее время некоторые писатели хоронят марксизм, с его представлением о роли крупного хозяйства; но мы напрасно стали бы искать в экономической литературе другой аргументации, кроме ссылки на то, что в деревне Нееловке, Неурожайке и других мелкое хозяйство не только держится, но и арендует землю у крупных землевладельцев. Увы! это Пиррова победа мелкого землевладения!

Выводы защитников мелкого хозяйства основаны на следующих силлогизмах: 1) хозяйства a, b, c, d и т. д. существуют, удовлетворяя потребности продуктами собственного производства, следовательно, все мелкие хозяйства устойчивы; 2) хозяйства a, b, c, d вытесняют крупное производство, следовательно вообще мелкое хозяйство имеет преимущества над крупным. Наш анализ исходит из условий, общих всем мелким хозяйствам и всем крупным. Мелкие хозяева-крестьяне все имеют привычку питаться хлебом, от которой они никак не могут отвыкнуть, несмотря на постоянные попытки заменить его суррогатами. Вследствие этого, мелкие хозяйства должны производить некоторый minimum продуктов. А так как площадь земли не растет вместе с ростом семьи, то из-за земли происходит конкурренция, которая дает победу тем, кто больше может уплатить. Капиталистические хозяйства все стремятся получить прибыль, следовательно, дают и капиталистическую ренту.

Первые два силлогизма построены неправильно, потому что: 1) существование нескольких хозяйств, которые довольствуются продуктами, полученными с собственной земли, ничуть не доказывает, что другие хозяйства могут довольствоваться ими; 2) вытеснение в некоторых случаях капиталистического хозяйства продовольственным, также нельзя распространять на другие случаи борьбы крупного и мелкого хозяйств. Общий вывод возможен лишь из анализа условий, общих для всех хозяйств данного типа. Чтобы доказать неправильность нашего вывода, нужно доказать, что крестьянин может бросить «привычку» есть хлеб. Так как жить без пищи невозможно, то существование продовольственного хозяйства поставлено в рамки maximum'а и minimum'а продовольственной ренты, при которой может сохраниться продовольственное хозяйство. При повышении капиталистической ренты выше продовольственной, мелкое хозяйство может существовать лишь как товаропроизводительное хозяйство (подгородные огородники, садоводы и т. п.); но здесь борьба с крупным хозяйством уже ведется не столько на почве ренты, сколько на почве техники, при чем побеждает то хозяйство, которое может пользоваться более производительным трудом, техническим прогрессом.

Чистый доход землевладельца, имеющего экономическую запашку, равняется разности между издержками производства и ценой продукта. Minimum продовольственной ренты равняется разности между количеством производимых им продуктов и количеством средств, необходимых для существования.

Сравним эти два типа доходов. Если производительность труда в обоих случаях одинакова, то как в первом, так и во втором случае, издержки на ору-

дия пр изводства одинаковы и в первом случае величина дохода определяется высотой заработной платы: исключая стоимость орудий производства, доход от экономической запашки есть разность между заработной платой и ценой продукта. Во втором случае, при продовольственной аренде, разность между валовым доходом и средствами, необходимыми для существования, тем выше, чем ниже последняя сумма. Следовательно, при данной цене продукта и при одинаковой технике продовольственная рента выгоднее для земледельца, если продовольственное хозяйство довольствуется меньшей долей, чем батрак. Повышение производительности наемного труда благодаря техническому прогрессу, машинам делает при прочих равных условиях более выгодной экономическую запашку. Такое же значение, как технический прогресс, имеют цены на хлеб, потому что продовольственное хозяйство должно получить необходимый minimum продукта, каковы бы ни были его цены, между тем как капиталистическое хозяйство при повышении цены на хлеб, и наемный труд стремится сократить живой труд машиной. Поэтому повышение капиталистической ренты, вызванное повышением цен на хлеб и стоимости наемного труда, сопровождается техническим прогрессом, применением жнеек, молотилок, сеялок и т. п.; поэтому на окраинах России применяются эти машины, между тем как в центре России применение их крайне ограничено.

Из вышеизложенного видно, какое значение имеют размеры землевладения мелких хозяйств, и как они влияют на положение продовольственного хозяйства. Условия роста продовольственной ренты показывают, что чем выше такого рода рента, тем стеснительнее положение мелкого хозяйства. А продовольственная рента выше тогда, когда у крестьянина не слишком мало и не много земли. Наиболее благоприятны условия для развития из крестьянских хозяйств капиталистических при земельном просторе, когда хозяйство может расширить посевы. **При таких условиях, не затрачивая свой доход на уплату ренты, хозяйства могут быстро расширяться, увеличивать производительность труда улучшенными орудиями и превращаться в капиталистические хозяйства.** Правда, при таких условиях рост капиталистической ренты ведет к вытеснению более слабых хозяйств, которые или сдадут свои наделы в аренду, или продадут землю при праве на продажу ее; но продовольственная рента исчезает, следовательно, исчезают и кабальные формы сельскохозяйственных отношений. Чем реже земледельческое население, чем больше сторонних неземледельческих заработков, чем больше развиваются производительные силы населения, тем легче беднейшей части населения порвать с землей и тем более благоприятны условия для роста капиталистической ренты, капиталистического хозяйства. Поэтому земельный простор не укрепляет крестьянское продовольственное хозяйство, а разрушает его, содействуя развитию крестьянского капиталистического хозяйства с тем большим успехом, чем благоприятнее условия для роста капиталистической ренты,—условия, о которых мы выше говорили.

Резюмируем все сказанное. 1) **Размеры и форма** землевладения не изменяют **законов** роста капиталистической и продовольственной ренты.

2) Высота продовольственной или капиталистической ренты указывает на развитие того или другого типа хозяйства, следовательно, условия, благоприятные для роста продовольственной ренты, ведут к распространению продовольственного типа хозяйств, благоприятные условия для роста капиталистической ренты—к развитию капиталистического хозяйства.

3) Продовольственная рента растет: а) при падении производительности земледельческого труда, вызванном избытком земледельческого населения, следовательно, при недостатке собственной земли для удовлетворения всех потребностей хозяйства, и б) при медленном развитии индустрии, задерживающем отлив населения в обрабатывающую промышленность. Недостаточное развитие индустрии сопровождается низкими ценами на хлеб вследствие отсутствия близи рынка.

4) Капиталистическая рента растет: а) при техническом прогрессе в земледелии, увеличивающем производительность труда; б) при росте хлебных цен, связанном с развитием индустрии и близостью рынка.

Развитие того или другого типа хозяйства определяется, следовательно, общими социально-экономическими условиями. Если нет надежды на хозяйственный прогресс страны, то продовольственному хозяйству мы можем предсказывать дальнейшее развитие на счет капиталистического, и обратно: благоприятные условия для развития производительных сил должны повести к противоположным результатам. Искать выхода для массы крестьянского населения нужно в общих социальных условиях страны: изменение их, благоприятное для развития производительных сил страны, дает, правда, толчок к развитию капитализма, но вместе с тем вытолкнет и из пассивного и безнадежного состояния голодающих собственников и арендаторов.

Чем больше недостаток в средствах существования арендатора, тем настоятельнее необходимость арендовать землю. Следовательно, **чем теснее земледельческое население**, чем более непроизводительно затрачиваются избыточные рабочие силы в земледелии, тем **выше арендная некапиталистическая рента**, тем более она вытесняет капиталистическую ренту. При этом некапиталистическая рента может расти быстрее, чем падает производительность земледельческого труда [1]). Это обусловливается теми же причинами, благодаря которым цены на хлеб растут гораздо быстрее, чем недостаток в хлебе. Чем выше арендная плата, тем меньше остается арендатору от арендного посева для своего собственного потребления, тем больше у него настоятельность в аренде.

Крестьянин-арендатор в приведенном выше примере нуждается в хлебе для пропитания, а не для продажи и получения барышей. Ему гораздо важнее получить большую абсолютную сумму хлеба, а не разницу в стоимости его производства и рыночной цены. Поэтому при низкой цене хлеба, хотя бы оставшийся у него хлеб, по выплате ренты (денежной или натуральной) представлял ничтожную ценность, аренда выгоднее, чем при высокой цене хлеба, если в пер-

[1]) Не нужно смешивать падения производительности труда с урожайностью, которая может при этом повышаться.

вом случае абсолютное количество хлеба, оставшееся от уплаты аренды, больше, чем во втором случае. Между тем, при низкой цене хлеба капиталистическая аренда может быть выгодной только в том случае, если арендная плата низка и предпринимателю остается достаточное количество продукта, чтобы дать ему прибыль, и обратно: при высокой цене хлеба, уплачивая высокую аренду, предприниматель-капиталист найдет выгодной аренду, если небольшой остаток продукта представляет высокую ценность.

В настоящее время, при существовании рядом капиталистической и некапиталистической аренды, происходит своего рода борьба между этими двумя формами хозяйства. Расширение той или другой формы аренды может происходить только на счет другого вида аренды или на счет крупного хозяйства самого землевладельца. Благодаря противоположности условий, при которых может развиваться тот или другой вид аренды, **исход этой борьбы двух хозяйственных форм определяется изложенными законами возрастания капиталистической и некапиталистической ренты.** При земледельческом перенаселении, когда избыточные рабочие руки ищут в земледелии приложения труда, хотя бы и при низкой его производительности, когда потребности понижаются до minimum'а и население ищет куска хлеба, тогда должна преобладать натуральная аренда, которая и вытеснит аренду капиталистическую. Капиталистическая аренда определяет тот minimum ренты, ниже которого аренда не может спуститься, так как явится арендатор-капиталист. Мелкий арендатор должен поднять арендную плату выше, чтобы арендовать землю. Чем ниже цена хлеба, тем ниже тот maximum ренты, которую может платить капиталист, и обратно: чем выше цена хлеба, тем выше этот maximum, тем труднее конкурировать с капитализмом. Чем труднее найти незем.ледельческие промыслы, чем, следовательно, больше конкурренция некапиталистических арендаторов и чем меньшим заработком они принуждены довольствоваться, тем меньше производительность их труда и тем выше арендная плата, тем меньшим остатком от ренты довольствуются арендаторы. Низкая производительность труда в данном случае обусловливается главным образом избытком затрачиваемого живого труда для получения данного количества продукта.

«Аграрный кризис», выражающийся в падении цен благодаря конкурренции экстенсивных стран, должен быть более благоприятным распространению некапиталистической аренды, так как понижает капиталистическую ренту. С другой стороны технический прогресс, ведущий к увеличению производительности труда в земледелии, ведет к повышению капиталистической земельной ренты и благоприятствует капиталистическому хозяйству.

Противоположность условий возрастания и падения капиталистической ренты отчасти намечается, хотя весьма неопределенно, и агрономами. Чтобы судить об арендах с точки зрения народнохозяйственной», говорит проф. А. Шишкин, «мы можем [illegible] **ме аренд трудовых, в стране не существует и по недостатку сторонних заработков,** под влиянием увеличивающейся густоты населения (нужно добавить—земледельческого. П. М.), арендные цены на них поднялись при свободной конкур-

ренции до очень большой высоты. Результат будет следующий: хозяйство на арендуемой земле будет вестись крайне несовершенно, доход землевладельцев не будет достаточно высок и притом он будет основан на том, что съемщик работает на их земле чуть не даром (Ирландия); в такой стране и обрабатывающая промышленность в рассчете на внутренний сбыт развиваться не может, ибо нищенствующее сельское население покупать фабрикатов ее не может; б) в стране никаких других аренд, кроме аренд коммерческих, не существует. Результат будет следующий: хозяйство на арендованных землях будет вестись с возможной энергией и осмотрительностью, крестьянин не будет работать на арендованной земле чуть не даром, а за свой труд будет получать приличное вознаграждение, доход землевладельцев вследствие более рационального ведения хозяйства и вследствие более аккуратных платежей будет отнюдь не ниже, а выше, чем в предыдущем случае. В такой стране и **обрабатывающая** промышленность **имеет все шансы для своего развития**, ибо для нее открыт широкий сбыт внутри страны, (Соед. Штаты Сев. Амер.)» [1]). В данном случае автор лишь **описал** капиталистическую и некапиталистическую аренду и ее последствия, но не объяснил, **почему** происходят такие последствия и **почему** преобладает та или иная форма аренды. Между тем из теории ренты вполне и последовательно вытекает вывод, что самая форма аренды обусловливается теми причинами, которые проф. Шишкин принимает за последствия. При развитии производительных сил и должна преобладать капиталистическая аренда, хотя и она, как увидим, в свою очередь, влияет на хозяйственное развитие страны.

Теория земельной ренты, и капиталистической, и некапиталистической, имеет значение не только для арендного хозяйства, но и для хозяйства, которое ведется на собственной земле. Конечно, при этом не получается никакой арендной платы, а в некапиталистическом хозяйстве не получается и ренты, но выводы относительно доходности хозяйства имеют значение для развития того или иного типа хозяйства. Потребительное хозяйство не получает рентных доходов, но сумма валового дохода, по отношению к затрате труда, выражает его «доходность» как сумма издержек производства, по отношению к денежному валовому доходу, выражает доходность капиталистического хозяйства.

При избыточном земледельческом населении, повышающем продовольственную аренду, и при существовании рядом капиталистического хозяйства, борьба между двумя типами аренды капиталистической и некапиталистической быстро гонит арендные цены вверх. Границы этого повышения определяются изложенными выше условиями.

5.

Согласно теории капиталистической ренты, в московском районе должно быть наиболее интенсивное хозяйство, в районе Саратовской губ.—более экстенсивное и, наконец, в Оренбургской губ.—самое экстенсивное, требующее наименьшей затраты труда и не дающее ренты.

[1]) А. Н. Шишкин. «Сельско-хозяйственная экономия», ч. I. стр. 182—3; курсив наш.

В действительности мы видим, что развитие земледельческого хозяйства в различных районах России шло приблизительно таким путем. В восточных оренбургских, но главным образом в тургайских степях получение корма для скота почти не требует никакого приложения труда. Скот и зимою пасется на «тебеневке»: хлеб добывается посредством распашки наиболее удобных земель, которые бросаются по мере их истощения. Очевидно, что такое хозяйство, особенно при пользовании теми техническими усовершенствованиями, которыми пользуется крупное хозяйство, является наиболее производительным.

Если приложение новых капиталов на ту же площадь земли может не оправдываться пропорциональным увеличением добываемого продукта, то интенсификация хозяйства не всегда и выгодна.

Это положение, всякому очевидное и известное, тем не менее постоянно забывается, когда идет речь о тех или иных явлениях в сельском хозяйстве. Например, существование относительно более интенсивных крестьянских хозяйств для защитников мелкого хозяйства служит доказательством устойчивости и преимуществ мелкого хозяйства, его рациональности. Между тем, без анализа причин, которыми вызвана большая или меньшая урожайность в мелких хозяйствах, вывод об их рациональности и преимуществах может быть совершенно не верным.

Допустим, что крестьянин имеет под распашкой 2 десятины земли. При цене хлеба в 60 коп. за пуд в Московской губернии будут выгодны затраты средств производства по 32 руб. на десятину (капиталы a, d и e), так как, затративши 16 р.+8 р.+8 р., крестьянин получит за хлеб 57 руб. с десятины. Для предпринимателя дальнейшие затраты капитала на ту же землю будут невыгодны, нерациональны, если затрата нового капитала d, 8 руб., даст только 11½ пудов хлеба на сумму 6 р. 90 к., т. е. меньше, чем затрачено. Но крестьянин, у которого нет больше земли, а две десятины собственной земли не поглощают всей его рабочей силы, не имеет возможности обрабатывать большую поверхность земли и принужден затрачивать свой труд на тот же участок земли, хотя этот добавочный труд соответственно и не вознаграждается. Крестьянин может необыкновенно тщательно обрабатывать свой клочок земли «с достаточной тщательностью и прилежанием» (Герц) и затрачивать на его обработку в несколько раз большее количество труда, чем это допускается условиями рынка, и тем не менее его добавочный труд будет нерациональной затратой, потому что он не вознаграждается соответственным увеличением продукта. Последняя затрата средств производства (капитала d), сделанная мелким собственником в виде затраты собственного труда, ценностью в 8 руб., даст продукта только на 7 руб. 20 коп. Тем не менее, он может еще затратить новое количество труда, ценностью в 8 руб. (капитал e), которое даст ему продукта еще 6 пудов; хозяйство будет крайне интенсивным, так как десятина земли будет давать на (12 п.+6 п.) 18 пудов больший урожай, чем в капиталистическом хозяйстве, и тем не менее, крестьянское хозяйство будет нерациональным, а труд чрезвычайно малопроизводительным. Такого типа мелкие парцеллярные хозяйства преобладают в Западной Европе, где часто растения, доступные полевой культуре,

культивируются при чрезвычайно интенсивной огородной культуре, например, картофель и различные корнеплоды.

С другой стороны, меньшая урожайность в мелком хозяйстве сравнительно с капиталистическим может также служить признаком нерациональности и падения мелкого хозяйства.

Допустим, что крестьянин имеет 6 дес. земли. Положим, что средств производства он может затратить в сумме 96 рублей, т. е. или вести экстенсивное хозяйство, затрачивая на каждую десятину по 16 р. (капитал a), или обработать более интенсивно 4 десятины, затратив на каждую десятину по 24 руб. (капиталы a и d), или еще более интенсивно обрабатывая 3 десятины, затрачивая на десятину по 24 руб. (капиталы $a+d+c$). В всех трех случаях затрата капитала будет одинакова, но количество продуктов, получаемое им, будет различное. В первом случае он получит с 6 десятин по 60 пуд.—360 пуд. хлеба; во втором случае с 4 дес. по 80 п.—320 пуд. и в последнем случае по 95 пуд. с 3 дес.—285 пуд.

Несомненно, крестьянину выгоднее вести экстенсивное хозяйство, так как при тех средствах, которыми располагает крестьянин, он может получить наибольшее количество продуктов, эксплуатируя наибольшую площадь земли.

Как бы цена хлеба ни повышалась, такое хозяйство, **при недостатке средств производства**, будет для крестьянина наиболее выгодным потому, что с 6 десятин получится больший урожай, чем с 3-х десятин, при одинаковой затрате на обработку тех и других. Но мы видели, что при цене хлеба в 60 коп. рациональней будет последовательная затрата на ту же землю трех капиталов a, d и c. Следовательно, при рациональном, наиболее выгодном при данных условиях хозяйстве, для обработки 6 дес. земли необходимо средств производства 192 руб., потому что только при такой затрате получится наибольшее количество хлеба при наибольшем доходе.

В странах с густым населением и с высокой земельной рентой крестьянин, имея небольшой участок земли, стремится, разумеется, использовать его наиболее интенсивной, хотя бы и не рациональной обработкой. **Во время аграрного кризиса, при падении хлебных цен, когда рента на землю в крупных хозяйствах должна падать, когда дополнительные затраты капитала для крупного предпринимателя становятся не выгодны, тогда мелкое хозяйство начинает побивать крупное, потому что первое дополнительными затратами труда еще более повышает земельную ренту**, арендную плату и цену на землю против капиталистической ренты, капиталистической цены на землю.

От кризиса меньше всего терпят те хозяйства, которые меньше сбывают на рынок продуктов земледелия. Поэтому кризис должен повести к увеличению числа мелких или средних крестьянских хозяйств, производящих значительную часть продуктов для собственного потребления. Хотя развитие народного хозяйства в общем ведет к развитию обмена между хозяйствами, к их рационализации, тем не менее кризис, вызванный реорганизацией хозяйства, перераспределением земледельческого производства по районам, под влиянием улучшения транспорта ведет к временной остановке развития.

Основываясь на явлениях, вызванных кризисом, многие экономисты поспешили обобщить их и пришли к заключению, что мелкое производство само по себе имеет преимущества перед крупным, и на этом основании делают соответствующие предсказания относительно будущего народного хозяйства.

Если бы развитие производительных сил не имело решающего значения в определении тенденции развития хозяйства, то, может быть, рассуждения о преимуществах мелких хозяйств и были бы убедительны: развитие мелкого хозяйства кажется наиболее прямым путем для улучшения положения массы земледельческого населения, потому что во многих странах замечается увеличение количества мелких хозяйств и потому что при господстве капиталистического производства мелкие хозяйства увеличивают количество занятых рук в земледелии, пока сельское хозяйство не переходит к обработке получаемого в нем сырья. Но нужно принять во внимание, что только крупному хозяйству вполне доступна **технически-рациональная** культура, что сложная организация труда, делающая его наиболее производительным, при машинном производстве доступна только в крупном капиталистическом или кооперативном земледельческом предприятии. **Экономически-рациональная** культура также доступна только в крупном хозяйстве, располагающем достаточным количеством земли и капитала.

После сделанного краткого теоретического анализа земельной ренты в связи с системой хозяйства станет понятным утверждение, что интенсивное хозяйство парцеллярного землевладельца-крестьянина в Бельгии, получающего высокий урожай со своего участка, так же нерационально, как экстенсивное хозяйство русского крестьянина, получающего низший урожай против владельческого.

В первом случае дальнейшее приложение труда на тот же участок земли в 2 десятины настолько мало даст дохода, что крестьянину выгоднее зарабатывать продажей своего труда недостающие ему средства для существования. Во втором случае недостатком средств производства обусловливается недостаток производимых продуктов, что и заставляет пополнять его продажей своей рабочей силы.

В странах редко населенных, например, в некоторых областях России, является преобладающим второй случай, плохая обработка мелких участков. Это объясняется не только тем, что здесь цены на хлеб ниже против цен в густо населенных западно-европейских странах, но и тем, что мелкие собственники, в большинстве случаев, не обладают достаточным количеством средств производства для тщательной обработки земли. Здесь урожайность крестьянских земель ниже, чем урожайность владельческих.

В Западной Европе в густо населенных областях часто встречается второй случай—наивысшая урожайность, достигаемая чисто-огороднической культурой почвы. И в том, и в другом случае мелкое хозяйство располагает чрезвычайно малопроизводительным трудом [1]) не только по указанным нами соображениям, но и потому, что располагает худшими орудиями производства.

[1]) Проф. А. Людогóвский формулирует изложенные нами соображения следующим образом: «1) Всякой комбинации цен: с одной стороны земледельческих продуктов (ва-

6.

Определивши экономические условия, которые влияют на способ обработки земли и ведение хозяйства, мы должны определить различные типы хозяйств по экономическим и техническим признакам. К сожалению, агрономическая наука не дает точных определений различных типов хозяйства отдельно по экономическим и техническим признакам [1]). Поэтому, не считаясь с определениями агрономии, мы будем давать следующие определения для каждого типа хозяйства, поскольку они отличаются **экономическими признаками**.

Теория ренты прежде всего побуждает разделить хозяйства, по отношению их к рынку, на хозяйства, имеющие целью производства непосредственное потребление продуктов в хозяйстве и производящие на рынок. Тот и другой тип отличаются друг от друга экономической **организацией хозяйства** [2]).

Хозяйства могут различаться по характеру и качеству производимых продуктов, в одном случае производя, главным образом, продукты животноводства, в другом—зерновые продукты и т. д. Это различие обусловливается различием **системы хозяйства**.

Хозяйства могут отличаться по количеству последовательных затрат капитала на ту же землю, следовательно, по урожайности земли, по высоте ее культуры. Такое различие обусловливается различием **культуры хозяйства** или земли или интенсивности и экстенсивности ее обработки.

Наконец, по размерам (**по форме**) крестьянские хозяйства разделяются на мелкие, в которых значительную долю хозяйственного дохода составляют какие нибудь промыслы вне своего земледельческого хозяйства; средние, в которых потребности членов хозяйства удовлетворяются доходом, получаемым в земледельческом хозяйстве; крупные, в которых большая часть дохода получается от эксплуатации наемного труда. Разумеется, количество и ценность продуктов, продаваемых на рынке, возрастает при переходе к высшей категории хозяйств.

Из определения технического прогресса, которое мы дали в первой главе, естественно, вытекает, что под техническим прогрессом в земледельческой про-

---

лового дохода), а с другой—труда и капитала, соответствует только одна определенная, выгоднейшая высота урожая с данного пространства; 2) выгоднейшая высота урожая совпадает с такою затратою труда и капитала, при которой последне-прибавленные количества последних равняются по ценности с производимою ими прибавкою к урожаю; 3) достижение выгоднейшей высоты урожая в каждом частном случае представляет собою экономический предел интенсивности системы хозяйства, отыскание которого должно составлять главнейшую роль рационального сельского хозяина». «Основы сельскохоз. экономии», стр. 82

[1]) Агрономия считается, главным образом, с техническими признаками в своих определениях различных типов хозяйств, и это, разумеется, недостаток, так как экономические признаки не менее важны и не совпадают с техническими.

[2]) **Техническая организация** хозяйства может быть различной при одинаковой экономической организации, так как касается распределения производительных сил и капитала в хозяйстве между различными хозяйственными функциями. Впрочем, у агрономов встречается крайнее разнообразие определений. Определение, которое мы даем, как техническую организацию хозяйства, близко подходит к тому, что проф. Шишкин называет системой хозяйства

мышленности нужно понимать такое изменение техники, при котором увеличивается **производительность труда.** Между тем многие обыкновенно понимают под словами «технический прогресс» изменение в технике сельского хозяйства, увеличивающие производительность земли. Из вышеизложенного ясно видно, что увеличение производительности труда и производительности земли—явления вовсе не тождественные, а часто противоположные. То, что часто называют изменением техники хозяйства, ближе подходит под определение «изменение культуры хозяйства».

Отдел восьмой

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО*).

ГЛАВА LX.

Тенденции образования мирового хозяйства.

1.

В своих «Übersichten über die Weltwirtschaft» Нейман Спалларт, между прочим говорит, что интернациональные отношения всех народов земли создают новый строй жизни, при котором отдельные народные хозяйства исполняют функции отдельных членов организма, соединяясь в хозяйственные группы [1]).

С другой стороны, Richard Kalwer [2]) находит, что «самостоятельность отдельных членов—государств настолько велика, что еще нельзя говорить о мировом хозяйственном «организме».

И тот и другой экономисты подходят к вопросу в качестве статистиков и не анализируют причин развития мирового хозяйства; они лишь констатируют факт развития мирового обмена.

Чтобы подойти к анализу условий развития мирового хозяйства, нужно искать причин этого развития в тех же факторах, которые раньше привели к образованию из изолированного хозяйства—общинного, потом районного и национального хозяйства.

С развитием хозяйства, изменяются социальные отношения людей; изменяется техника, организация производства и прочее, но некоторые условия остаются неизменными. Таким условием является, например, факт падения производительности последовательных затрат на ту же землю, который, как мы старались показать, всегда побуждал население расселяться. Требуется выяснить, какое влияние оказывает этот факт на развитие из национального мирового хозяйства. Главным фактором хозяйственного развития является развитие производительных сил населения. Требуется выяснить, как влияет указанное нами условие—падение производительности последовательных затрат—на направление развития производительных сил, на их распределение и проч. Эта сторона вопроса и мало освещена, и, по нашему мнению, освещается не всегда правильно.

Рассматривая развитие организации хозяйства, превращение его из изолированного в общинное, потом в районное, национальное и наконец в мировое, мы замечаем в связи с этим развитием перераспределение производительных сил между различными отраслями промышленности. В общинном хозяйстве с

[1]) Übersichten über die Weltwirtschaft. 1878.
[2]) Einführung in die Weltwirtschaft. 1906. S. 2.

*) **Две заключительных главы (XIX и XX) из „Теории развития народного хозяйства“ (СПБ., 1910).**

поместьем во главе, начинает выделяться обрабатывающая промышленность—ремесло—в отдельные рабочие руки.

В районном хозяйстве обрабатывающая промышленность сосредоточивается в городах. Размеры обрабатывающей промышленности находятся в тесной связи с количеством продуктов, которые получаются господствующими классами от эксплуатации крестьян, так как количеством отчуждаемых земледельческих продуктов определяется и количество городского населения, живущего ремеслом.

Развитие кустарного, а потом капиталистического производства и превращение земледельческих хозяйств в товарные, производящие хлеб для рынка, дает сильнейший толчок перераспределению производительных сил между индустрией и земледелием, так как теперь значительная часть, а иногда и все орудия производства и предметы непосредственного потребления кроме пищи, производятся индустрией, отделившейся от земледелия. Таким образом, уже самый процесс развития товарного производства ведет к увеличению промышленного городского населения и к относительному сокращению чисто земледельческого населения. Этот процесс ускоряется не только эксплуатацией крестьян земледельцев, но еще конкурренцией стран с экстенсивным хозяйством, доставляющих более дешевый хлеб.

Перераспределение производительных сил в стране с развитым товарно-капиталистическим обменом, выражается прежде всего в относительном увеличении затрат капитала на обрабатывающую промышленность, сравнительно с земледелием, в относительном понижении заработной платы там, **откуда** передвигаются производительные силы,—в данном случае в земледелии,—и в относительном повышении заработной платы там, **куда** направляются производительные силы. Поэтому население, живущее заработком, естественно, передвигается туда, где выше заработная плата,—в города.

Передвижение сельских рабочих в города отмечается всеми экономистами, и каких только причин не находят этому явлению! Не замечают только главной причины, на которую мы указали выше. Например, Зомбарт пишет [1]): «Заработная плата обнаруживает тенденцию отставать от заработной платы в индустрии. (*Автор упускает из виду, что эта «тенденция» существует только в более плотно населенных районах. П. М.*). Это потому, что поземельная рента входит в издержки производства, вследствие чего понижается норма прибыли сельско-хозяйственного производства». Чрезвычайно остроумное об'яснение. Когда идет речь о ренте, то высота ее определяется вычитанием **прибыли** и издержек производства из общей цены продукта, а когда Зомбарт говорит о прибыли, то вычитает **ренту** и этим об'ясняет низкую норму прибыли. Однако, почему же при экстенсивном хозяйстве, **куда** направляются рабочие силы из интенсивных районов, заработная плата, так же как и прибыль, высока! Ведь там «норма прибыли» также существует? Там действительно земельная рента ниже, но **потому**, что не делается дополнительных, менее производительных затрат на землю, потому что там **экстенсивное** хозяйство, туда тянется капитал и рабочий труд. Очевидно, причина относительно низкой заработной платы, низкой прибыли на ка-

[1]) Современный капитализм. Т. II, стр. 239.

питал и отлив его в индустрию в плотно населенных странах, обуславливается перераспределением производительных сил между индустрией и земледелием, перераспределением, которое обостряется и усиливается конкурренцией экстенсивных районов. Землевладельцы эксплуатируют общество, пользуясь падением производительности последовательных затрат и берут себе разницу между производительностью первых и последних затрат, так как цены определяются последними затратами. От этого перераспределения производительных сил терпят прежде всего сельскохозяйственные рабочие и крестьяне, так как предприниматели получают свою прибыль, а землевладельцы ренту, понижая заработок сельских рабочих и крестьян. Индустрия не может поглотить всех «лишних» рабочих выбрасываемых земледелием, и сельские рабочие принуждены работать за низкую плату, настолько низкую, что сельские хозяева не считают нужным применять сельско-хозяйственные машины (жнейки).

Поэтому, сколько нибудь значительное улучшение положения сельско-хозяйственных рабочих возможно только на ряду с улучшением положения городских рабочих.

Повышение потребления рабочих масс (как мы видели) даст огромный толчек развитию внутреннего рынка, развитию индустрии. При этом условии индустрия в большем количестве может привлекать рабочие руки, отвлекать избыток их из деревни в город, расширить рынок и для продуктов земледелия и в последнем также увеличить спрос на рабочие руки.

Если бы теперь существовал не капиталистический, а социалистический строй, то перераспределение производительных сил из земледелия в индустрию и в реже населенные страны также происходило бы, но планомерно и не путем голодания рабочих и их конкурренции, понижающей заработную плату в сельских хозяйствах до минимума, а путем планомерного сокращения рабочих рук в земледелии и увеличения их в индустрии. Искать причины перераспределения производительных сил между индустрией и земледелием в земельной ренте, как это делает Зомбарт и многие другие экономисты, нецелесообразно, потому что эти причины гораздо глубже, чем обыкновенно думают. Не лучше, чем В. Зомбарт, подходит к этому вопросу и проф. Dietzel *), который при рассмотрении причин перехода от национального к местному хозяйству ограничивается общими местами и останавливается, главным образом на том, какая должна быть экономическая политика, а не на том, почему хозяйство развивается в определенном направлении.

В своей книге «Мировое хозяйство» **), проф. Исаев также останавливается на причинах развития мирового хозяйства из национального и, по нашему мнению, выясняет вопрос не более удачно, чем Зомбарт и Дицель.

Исаев перечисляет все признаки развития капиталистического производства и эти признаки считает причинай развития мирового хозяйства. Развитие капитализма сопровождалось развитием техники и ростом производительности тру-

[1]) Dr. Heinrich Dietzel. Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. Dresden, 1900.
[2]) А. А. Исаев. Мировое хозяйство. 1910

да, переменами в общественном строе, развитием крупного производства и ростом богатства, войнами,—все эти явления оказываются причинами образования мирового хозяйства. Даже войны, по мнению автора, вели к развитию хозяйства и он задает, например следующий курьезный вопрос: «был ли бы в 1900 году уровень народного хозяйства в Германии и Франции, вместе взятых, так же высок, как он был, если бы не произошло войны в 1870 г.?».

Можно сколько угодно задавать таких безплодных вопросов, перечислить все признаки развития капитализма и все таки ни на шаг не подвинуться вперед в выяснении причин развития мирового хозяйства и закономерности этого развития.

Обыкновенно на изучении мирового хозяйства останавливаются экономисты-статистики (Rich. Kalwer, Neumann-Spallart, Juraschek, von-Halle и проч.), но не выясняют причин его развития, а просто констатируют факт, устанавливаемый из статистических данных.

2.

Развитие организации хозяйства от изолированного до национального хозяйства происходило при условии постоянного существования факта падения производительности последовательных затрат на ту же землю и при постоянном руководстве хозяйствующих людей принципом экономии энергии.

Развитие производительных сил при этих указанных нами условиях, неизбежно вело к расширению общественной организации производства. Падение производительности последовательных затрат побуждало к перераспределению производительных сил между плотно и редко населенными странами, так как принцип экономии труда толкал производительные силы общества к добыванию тех продуктов, при производстве которых в данных условиях труд был наиболее производителен, т. е. в редко населенных районах к добыванию продуктов земледелия, в плотно населенных—продуктов индустрии, в районах, богатых металлами и минералами к добыванию последних и т. д. Таким образом, создается разделение труда между отдельными странами, вызванное различием производительности труда проявилась, как мы знаем, еще в каменный период, но для широкого развития разделения труда, было необходимо главное условие, которое могло возникнуть только при капиталистическом строе,—глубокое разделение труда между хозяйствами в пределах национального хозяйства, вызванное развитием производительных сил, массовым капиталистического производства и развитого обмена.

Производство для других хозяйств, развившееся с возникновением товарно-капиталистического хозяйства, вызвало колоссальный товарный обмен и колоссальные затраты капитала на средства передвижения и обмена. В свою очередь улучшение путей сообщения **облегчило** перевозку товаров, и тем самым облегчило и ускорило тот процесс разделения труда между странами, который **обусловливался** различием естественных и социально-экономических условий.

Следовательно, развитие путей сообщения, являясь результатом такого разделения труда, облегчало процесс дальнейшего его развития, но ни в каком случае не служило его причиной.

В связи с разделением труда между странами и перераспределением производительных сил сообразно такому разделению труда происходит и перераспределение населения. Благодаря факту падения производительности последовательных затрат, происходит перенесение центра тяжести земледелия в реже населенные страны и ведет к переселению земледельцев из плотно населенных стран в реже населенные. Этот процесс обостряется и ускоряется безграничной эксплуатацией крестьянского населения, которой оно подвергается как со стороны землевладельцев, захвативших земли еще в доканиталистический период, так и со стороны капиталистической буржуазии: «Казалось бы,—говорит проф. Исаев,—работники промышленности должны играть выдающуюся роль среди переселяющихся. Само занятие делает их подвижными, они не прикреплены к одному месту. Умственно более развитые нежели сельские массы, они способны легче оценить все выгоды, которые представляет им возможность на новом месте, быстрее понять, как трудно отыскать выгодное занятие на родине. В действительности же мы видим не то. Среди русских переселенцев в Сибирь люди не принадлежащие к крестьянству, являются только единицами. И среди переселенцев Запада, люди земледельческого труда составляют подавляющее большинство. Начиная от сороковых годов, из Германии двигались за океан младшие сыновья крестьян домохозяев; на долю этой молодежи не выпало ничего из отцовского (*земельного П. М.*) наследства. Во Франции, где выселения совсем незначительны, они ограничиваются земледельческими местностями, главным образом в Бретани и департаментах Альп. Из областей Италии земледельческий юг поставляет наибольшее число переселенцев. Испания и Португалия посылают в Алжир и Америку довольно много работников для сельского хозяйства. Таковы же в значительном числе и выселенцы из Великобритании: среди них много людей, которые оторвались от сельского хозяйства в Ирландии, Шотландии и Уэльсе [1])».

Проф. Исаев это явление пытается объяснить вкусами (!) сельского населения и ограниченностью его потребностей. «Вкусы этих людей,—говорит автор,—очень просты, запросы к тому, что дается современной культурой, ограничены [2])».

Как раз эти «причины» должны были бы удерживать сельское население на месте, а не заставлять его ехать куда то за море, если бы дома сельское хозяйство обеспечивало его существование. Но именно в сельском хозяйстве, как мы заметили, должно происходить перераспределение производительных сил из плотно населенных стран Европы в редко населенные колонии вследствие падения производительности последовательных затрат труда на ту же землю, вследствие большей производительности экстенсивного хозяйства: земледельческое население передвигается туда, где его труд наиболее производителен.

[1]) Исаев Мировое хозяйство. Стр. 64.
[2]) Там же. Стр. 65.

Перераспределение производительных сил между странами, расширение земледелия в новых странах и относительное его сокращение в старых и передвижение земледельческого населения в реже населенные страны,—это два явления, которые временно обусловливают друг друга и тесно связаны.

Перераспределение производства продуктов и расселение населения крепко связывают национальные хозяйства друг с другом в одно неразрывное целое,— в мировое хозяйство.

Различие естественных и социальных условий, с другой стороны, также делает более выгодным товарный обмен между странами. Накопление капитала в старых капиталистических странах ведет не только к удешевлению продуктов обрабатывающей промышленности, благодаря лучшей технике, но и к эмиграции капиталов в новые страны где норма прибыли выше.

ГЛАВА LXI.

Перераспределение производительных сил между различными странами.

1.

При анализе систем хозяйства мы видели, какое большое значение имеет факт падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли. Мимоходом мы указали, что рассеяние населения, происходящее благодаря этому «факту», не останавливается и при капиталистическом строе, хотя при капитализме, как и в период крепостного права, первостепенное значение приобретает борьба классов, захват земли привилегированными классами и т. д.

Но при развитом капитализме имеет место еще новое явление. Плотно населенные капиталистические страны начинают ввозить хлеб из других, реже населенных стран и в обмен за продукты земледелия—вывозить [1]). Благодаря общинному развитию товарного обмена между различными странами, создается между ними перераспределение производительных сил, при чем реже населенные страны начинают производить продукты земледелия не только для внутреннего потребления, но и для потребления индустриальных стран. Напротив, в промышленных странах производство продуктов земледелия **относительно** сокращается. Это выражается не только в сокращении земледельческого населения, но и в относительном сокращении количества производимых продуктов земледелия из всей суммы потребляемых данной страной земледельческих продуктов.

Таким образом, перераспределение производительных сил между плотно и редко населенными странами является одним из условий развития мирового хозяйства, потому что в колоссальных размерах содействует развитию обмена между странами. Это перераспределение производительных сил между отдельными странами сопровождается **рассеянием** земледельческого населения по всему зем-

[1]) Продукты земледелия вывозятся и из такой плотно населенной страны, как Индия, но вывоз оттуда хлеба обусловливается не большей производительностью труда в Индии, а вследствие насильственного сокращения потребления населения Индии и эксплуатации ее Англией.

ному шару: земледельцы Англии, Германии, Италии, даже России и других стран бросают земледелие на родине и переселяются в реже населенные районы и страны и там начинают производить продукты земледелия для своей родины.

Этот факт стремления земледельческого населения более равномерно расселиться по всему земному шару имеет огромное значение для мирового хозяйства. Разумеется, указанная нами тенденция не реализовалась таким образом, что земледельческое население на всем земном шаре достигло одинаковой плотности, —этому препятствуют не только различные почвенные и климатические условия но и расстояние от рынка, на который должны доставляться продукты земледелия, тем не менее указанная тенденция существует, и на причинах ее следует остановиться. А для этого нужно выяснить условия образования капиталистической ренты и значение факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли.

Итак, почему хлеб из редко населенных районов начинает ввозиться в плотно населенные страны?

Прежде чем найти ответ на этот вопрос, нужно выяснить условия, при которых становится возможным в крупных размерах товарный обмен между странами.

При анализе распределения производительных сил, происходящем во время развития товарного производства, мы указали, что необходимым условием для развития обмена является увеличение затрат труда на орудия и средства обмена. Улучшение путей сообщения и удешевление фрахтов, является одним из главных условий для того, чтобы продукты могли доставляться на мировой рынок из тех районов, где они производятся с наименьшими издержками, где труд при их производстве наиболее производителен, в районы с менее производительным трудом. Другим условием является достаточное развитие товарного производства не только в тех странах, которые ввозят хлеб, но и в тех, которые вывозят. И, наконец, третьим условием является различие производительности труда в обменивающихся странах при производстве тех продуктов которыми страны обмениваются. На это условие мы указывали при рассмотрении возникновения обмена.

2.

Прежде всего остановимся на фактах, которые иллюстрируют процесс перераспределения производительных сил между различными странами.

Благодаря все большему и большему улучшению путей сообщения и удешевлению провоза продуктов, конкурренция редко населенных стран понижает цены на мировом рынке и увеличивается ввоз продуктов сельского хозяйства в индустриальные страны. Цены за 1 квартер пшеницы были в:

1871— 75	гг.	54	шилл.	8	п.	в процентах 100%
1876— 80	„	47	„	6	„	„ 87%
1881— 85	„	40	„	1	„	„ 73%
1886— 90	„	31	„	5	„	„ 57%
1891— 95	„	27	„	11	„	„ 51%
1896—900	„	28	„	7	„	„ 52%
1901—904	„	27	„	6	„	„ 50%

В соответствующие годы в Англии внутреннее производство и ввоз составляли процентов [1]):

внутр. произв.	ввоз.
53,4	46,6
40,8	59,2
35,9	64,3
27,4	72,6
24,4	75,6
20,0	80,0

При этом доля ввоза заокеанских редко населенных стран все более и более увеличивается. Так, в 1870-74 г.г. из России и других европейских и ближайших к Европе стран ввоз в Англию составлял 48%, а в 1900-04 г.г. только 15,7%, между тем как из заокеанских стран в 1870-74 г.г. ввозилось 52%, а в 1900-04 г.г. уже 84,3%.

Особенно быстрое увеличение ввоза произошло из наиболее редко населенных стран: Аргентины, Канады и Австралии.

На основании статистических исследований Harris'a и Кроуфорда, стоимость производства пшеницы в Англии в 2—3 раза выше, чем в Австралии и западных Штатах С. А. [2]). В восточных штатах, как видно из данных census'a и как подтверждает и исследование Зотова, благодаря интенсивной культуре стоимость производства выше, чем в западных.

Одновременно с понижением цен на хлеб земельная рента в Англии понизилась с 1881 по 1894 год на 40,73%.

Тот же процесс перераспределения производительных сил, увеличения ввоза земледельческих продуктов констатируется и в других европейских странах: Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии и т. д.

В то же время, например, в Соединенных Штатах Северной Америки производство хлеба с 1 миллиарда бушелей в год за пятилетие 1870-74 г.г. возросло до 2.670 милл. бушелей в год за пятилетие 1904-08 г.г., между тем как число лиц, занятых, земледелием с 1870 по 1900 год, увеличилось с 5.922 тыс. до 10.438 тыс. человек [3]). Производительность труда каждого земледельческого рабочего возрасла, также как увеличилось в колоссальных размерах общее производство продуктов земледелия. При этом нужно заметить, что увеличение производства произошло главным образом в реже населенных штатах, а в плотно населенных штатах производство зерна (пшеницы) даже сократилось.

Напротив, в таких редко населенных штатах, как Оклагома производство пшеницы с 1894 по 1908 г.г. увеличилась в семь раз при плотности населения в 10,3 чел. на кв. милю в 1900 году, Вашингтон—производство пшеницы с 1883 года увеличилось в 9 раз, при плотности населения в 1900 г. в 7,7 на кв. милю. Ута—увеличение с 1883 по 1908 г.г. в 4 раза; плотность населения 3,4 чел. и

[1]) Таблицы взяты из обстоятельного исследования А. Зотова «Очерки землевладения и земледелия в современной Англии». СПБ. 1909 г.
[2]) Ibid, стр. 20.
[3]) Вычислено по Statistical abstract of the U. S. A. 1908.

т. д. [1]). При этом в редко населенных районах рост населения **отстает** от роста производства земледельческих продуктов, между тем как в плотно населенных штатах производство земледельческих продуктов отстает от роста населения, и районы или страны, вывозившие хлеб, при уплотнении населения начинают его ввозить. Производительность труда каждого земледельческого рабочего редко населенных штатов Северной Америки, т. е. в районах экстенсивного хозяйства, значительно выше, чем в районах, плотно населенных, с интенсивным хозяйством. То же явление констатируется и в России, где в редко населенных районах юга и востока страны производительность труда земледельческого рабочего значительно выше, чем в плотно населенных малоземельных областях центрального черноземного района.

Вместе с тем, как мы заметили, в плотно населенных штатах производство хлеба не только не расширяется, но даже сокращается. Наибольший процент обработанной земли находится в штатах Иова и Иллинойс; а именно: в первом 86% площади земли, а в последнем 84% [2]), между тем как производство хлеба в Иове в 1884 г. достигло 31.270.000 бушелей, а в Иллинойсе 32.374.000 бушелей, в 1900 году в Иове оно упало до 8.068.000 буш., а в Иллинойсе до 30.212.000 бушелей.

Рост производительности труда в сельском хозяйстве С. А. Соединенных Штатов ясно виден из следующих цифр.

Число лиц, занятых в сельском хозяйстве, увеличилось с 1870 по 1900 г.г. с 5.922 тыс. человек до 10.438 тыс., т. е. на 85%, между тем как количество добываемых продуктов увеличилось:

Пшеницы на 121% (с 236 милл. бушелей до 522 м. б.), маиса на 92% (с 1.094 милл. буш. до 2.105 м. б.), хлопка на 203% (с 3.115 тыс. baller до 9.436) и сахара на 217%) с 47 тыс. тонн до 149 [3]).

Сравнивая производительность труда сельско-хозяйственных рабочих в С. А. Соединенных Штатах и в Германии, мы находим, что труд в Соединенных Штатах при экстенсивном хозяйстве значительно производительнее. Если даже число лиц, занятых сельским хозяйством в Германии с 1895 года, не увеличилось до 1907 года (по переписи 1895 г. их было 8.292 тыс. чел.), то и тогда производительность труда в сельском хозяйстве будет сравнительно низкой. Продукция 1907 года [4]) всех хлебов, кроме картофеля, достигает 253,4 милл. метр. центнеров и картофеля 455,4 милл. м. ц. Между тем в С. Штатах в том же году произведено хлебов, кроме картофеля, 980 милл. метр. центнеров и картофеля 82,6 милл. метр. центнер.; таким образом С. Штаты производят зерновых хлебов почти в 4 раза больше, чем Германия, между тем, как число лиц, занятых в сельском хозяйстве Соединен. Штатов, больше на 20—30%, чем в Германии. Правда, в Германии производится больше картофеля, но, с другой стороны, мы не считали производство в С. Штатах животных продуктов, которые получаются

[1]) Ibid.

[2]) См. R. Calwer Op. cit., S 50.

[3]) Вычислено по данным, заимствованным из книги „Amerika“ von Dr. Ernst v. Halle.— Hamb 1905 S. 66.

[4]) Geogr.-Stat Tabellen von Otto Hübner S S. 93—94.

там в колоссальном количестве, а также не приняли в расчет огромного производства в С. Штатах хлопка. В С. Штатах за 3 года (1893—95) на одного **работника** в сельском хозяйстве урожай дал **650** бушелей зерна, а в Германии за то же время 72 бушеля, в 9 раз меньше [1]). Вот факты. Чем же об'ясняются?

3.

Обычные об'яснения причин успешной конкурренции стран с экстенсивным хозяйством сводятся к следующему: новые колонизуемые страны пользуют естественное плодородие земли; в большей степени пользуясь даровыми силами природы, они могут дешевле продавать хлеб. Этим они давят на сельское хозяйство европейцев; благодаря этому понижается земельная рента и европейцы не могут вести более интенсивного хозяйства.

На первый взгляд такие выводы кажутся неоспоримыми и, насколько мне известно, никто не пытался их оспаривать. Попытаемся, однако, рассмотреть это общепризнанное положение. Поставим, прежде всего, себе вопрос,—отличается ли какими либо естественными преимуществами почва Америки, Австралии или Африки от почвы Европы? Иными словами, если бы, например, луга Англии оставить совсем без удобрения и обработки—также как поля Аргентины или Дальнего Запада Соединенных Штатов,—можно ли бы было вести на них, например, дикое скотоводческое хозяйство с таким же успехом, и с такими же ничтожными издержками, как в Аргентине или в других районах дикого скотоводства? Ответ, безусловно, должен быть положительным. Почва, естественное ее плодородие в Англии выше, например, почвы и ее плодородия в нашей Закаспийской области, где на чахлой траве ведется дикое скотоводческое хозяйство, поставляющее самый дешевый скот. Обыкновенно европейские экономисты, пишущие об экстенсивном хозяйстве Америки или России, имеют неправильное представление об условиях хозяйства в этих районах. Предполагается, что земли в этих районах обладают какими то особыми качествами, «не требуют» удобрения, скот не нуждается в стойлах, корнеплодах и т. д. Разумеется, все это не правильно. Например, в Оренбургской губ. в течение не одного столетия ведутся посевы пшеницы, скот там обладает такими же желудками, как и «цивилизованный» европейский скот, но не содержится в стойлах, а пасется на лугах; пшеничные поля не удобряются, но все время дают одинаковые, не уменьшающиеся урожаи, **потому что** до настоящего времени там ведется **рациональное экстенсивное** хозяйство. Если там удобрять поля, то они дают высокие урожаи, но при низких ценах на хлеб и редком населении там **не выгодны** дополнительные затраты. Ведется **переложное** хозяйство, т. е. одна треть полей находится под запашкой, а две трети—под выгоном. Когда поле истощается, его оставляют под выгон и запахивают другую треть, бывшую под выгоном. Хотя урожаи там низки, но и затраты труда на получение этих урожаев в несколько раз меньше, чем в Европе. До проведения железной дороги пуд пшеницы стоил 20—30 к-

[1]) Исаев. Мировое хозяйство. Стр. 42.

пеек, а в Европейской России—80 коп.—1 рубль, хотя заработная плата в Оренбургской губ. была выше. Точно также для получения корма для скота не имеет смысла засевать корнеплоды, когда достаточно естественных лугов. Земли все заняты, но при обилии их по отношению к населению, земельная рента не может подняться и крайне ничтожна. До проведения железной дороги арендная плата была 15—30 коп. за десятину. Если передвигаться от восточных окраин к центру России, то можно наблюдать увеличение интенсивности хозяйства и параллельное повышение хлебных цен. Такие же земли удобряют, потому что это выгодно, для содержания скота засеваются поля травой и т. д. Для каждого очевидно, что при естественном произрастании травы, т. е. при экстенсивной культуре, на корм для скота требуется меньше затрат труда, чем при травосеянии или посеве корнеплодов.

В Англии, в Бельгии, в Германии запущенные под выгон или под сенокос поля дадут больший урожай травы, чем, например, в Сибири, и скот мог бы также кормиться на подножном корму. Естественные луга давали бы не меньший укос сена. Следовательно, содержание скота требовало бы таких же ничтожных издержек, как и в Сибири. При естественном, (т. е. без посева, удобрения и пр.), произрастании травы один человек может скосить в среднем одну десятину в день, да на уборку сена с этой десятины требуется один рабочий день. Если допустить, что требуется всего два и даже три рабочих дня для получения готового сена с одной десятины, то, несмотря на то, что урожай травы будет ниже, чем на вспаханной и удобренной земле, производительность труда будет чрезвычайно высокой. В Швейцарии, где укос травы производится несколько раз в год, где урожаи травы на поливаемых и удобряемых землях очень высоки, производительность труда в несколько раз ниже, чем, например, на Урале, потому что площадь земли, эксплуатируемой каждым рабочим на Урале, в несколько раз больше, чем в Швейцарии. Разумеется, при экстенсивной системе и количество десятин земли на каждую голову скота в несколько раз больше, чем при интенсивной системе. В Швейцарии при наличности зимних, весенних и летних лугов, скот мог бы пастись круглый год на полях, и при экстенсивной системе полеводства весь труд заключался бы только в пастьбе скота, т. к. на добычу корма для скота не требовалось бы никакой затраты, как в Аргентине или в наших азиатских степях. Производительность труда была бы наилучшей, но количество скота могло бы содержаться при такой культуре минимальное, а рабочих рук потребовалось бы в несколько десятков раз меньше, чем в настоящее время.

Сейчас мы не будем останавливаться на том, почему при возможности пользоваться наиболее производительным трудом, для населения выгодней работать менее производительно, чтобы получить большее количество продуктов. Мы констатируем лишь факт, что европейцы могли бы также пользоваться «естественным» плодородием почвы, как и американцы, что последние никаких в этом отношении преимуществ не имеют.

В Зауралье уборка навоза вследствие большого количества скота у земледельца требует таких больших затрат, что навоз в перемежку с подстилкой из соломы накопляется годами, и крестьяне находят более выгодным переносить

постройки, чем убирать накопившийся навоз, образующий огромный слой в 2—3 метра.

И это происходит не от незнания употребления навоза. Некоторые хозяева пытались вывозить навоз на поля, но стоимость удобрения, вывозки навоза оказалась выше стоимости добавочного количества продукта, получаемого с удобряемых полей. Опыты удобрения полей, сдаваемых в аренду по 1 рублю за десятину в год, оказались неудачными, потому что вспахать новую десятину поля выгоднее, чем удобрять старую.

Если бы в Европе велось **такое же** экстенсивное хозяйство, как и в новых странах, то **урожайность** хлебов в ней была бы ниже, но **производительность** труда, была бы выше, чем теперь, и не ниже, чем в новых, редко заселенных странах Очевидно, преимущества заокеанского производства хлеба заключаются не в естественных преимуществах почвы внеевропейских земель, а в чем то другом.

Эти преимущества заключаются, говорят нам, в обилии земли по отношению к населению, в **наличности нераспаханных безрентных земель.** Совершенно верно. Разберемся в этом факте. Мы уже заметили, что если бы в Европе велось такое же экстенсивное хозяйство, как в Аргентине, на Дальнем Западе Соединенных Штатов, в Южной Африке и пр., то производительность труда в сельском хозяйстве Европы была бы не ниже, чем в перечисленных странах но... продуктов производилось бы в несколько раз меньше. Теперь, при удобрении почвы, при травосеянии получается травы с данной площади земли в несколько раз больше, чем в районах дикого скотоводства, а при стойловом содержании скота данным количеством травы можно прокормить гораздо больше скота, чем при пастьбе на необработанных полях. Таким образом, ведя в Европе такое же экстенсивное хозяйство, сельские хозяева могли бы получать продукта, в данном случае—скота, в несколько раз меньше, чем при современном интенсивном хозяйстве, хотя **производительность труда** в первом случае увеличилась бы в несколько раз: уход за скотом, производство корма (главным образом, пастбищного) требовали бы такой же ничтожной затраты труда, как в Аргентине или в средне-азиатских русских владениях. Между тем, благодаря густоте населения, земледельческих продуктов требуется значительно больше, чем возможно было бы получить при таком экстенсивном хозяйстве. Количества зерна также как и количества скота было бы недостаточно даже для четвертой части населения, если бы значительная доля поверхности земли была занята дикими скотоводческим хозяйством, а остальная земля экстенсивным переложным хозяйством. Отличие новых, мало-заселенных стран заключается не в том, что там имеются земли с особенно высоким плодородием, а в том, что обилие земли по отношению к наличному населению допускает возможность ведения экстенсивного хозяйства и получения огромного количества хлеба немногочисленному земледельческому населению.

Итак, в плотно населенных странах не ведется экстенсивное хозяйство, несмотря на то, что **труд в нем производительнее,** потому что требуется больше продуктов, чем возможно получить при такой культуре. Здесь вводится интен-

сивная культура, хотя при ней труд менее производителен и продукты обходятся дороже.

Теперь поставим обратный вопрос: почему в районах многоземельных не вводится интенсивная культура? Почему в Аргентине или в западных штатах Америки ведется дикое скотоводческое хозяйство, а не стойловое содержание скота? Почему там не вводится плодосмен, удобрение и пр.?

На первый взгляд такой вопрос и кажется диким, так как для каждого очевидно, что экстенсивная культура существует там потому, что интенсивная культура «не выгодна».

Но что значит «не выгодна»? Это значит, что труд при интенсивной культуре менее производителен, чем при экстенсивной культуре. Возьмем самостоятельного земледельца, работающего лично на своем участке. При обилии земли он будет вести переложное хозяйство, скот пасти на полях, а не держать в стойлах, потому что при таких условиях он при наименьшей затрате труда получит больше продуктов, правда, с большей площади земли. Но так как выгодность производства зависит от производительности в нем труда, а не урожайности земли, и так как земледелец многоземельного района тоже смотрит с точки зрения выгоды, то его хозяйство и будет **экстенсивным**: нелепо было бы затрачивать труд на удобрение земли, на стойловое содержание скота, когда при меньшей затрате труда можно получить такое же количество продукта, но только с большей площади земли.

Читателю может показаться, что из этого должны быть сделаны мальтузианские выводы, что Мальтус был прав, когда утверждал, будто бы производительность труда в земледелии растет медленнее, чем рост населения.

Между тем выводы Мальтуса и мальтузианцев безусловно неправильны. Развитие техники и увеличение естественно-научных знаний ведут к тому, что производительность **каждой** затраты труда и капитала на землю увеличивается. Разумеется нельзя сделать производительнее естественное произрастание травы, но даже и тут, при ее эксплуатации, производительность труда в несколько раз возрастает благодаря техническому прогрессу: вместо косы употребляется сенокосилка, вместо граблей конные грабли и т. д. При культуре зерновых хлебов имеет огромное значение как рост техники, так и более рациональные затраты капитала. Усовершенствование плугов углубляет вспашки и в экстенсивном и интенсивном хозяйстве, усовершенствование бороны, молотилки, жнейки и т. д. в несколько раз увеличивают производительность сельско-хозяйственного труда, а лучшие методы употребления удобрений и производства новых удобрений, дающих лучшие результаты, все это настолько увеличивает производительность труда, что в несколько раз удешевляет производство хлеба в экстенсивном хозяйстве и препятствует вздорожанию хлеба при интенсификации хозяйства. Тем не менее, никакой технический прогресс до настоящего времени не мог сделать труд в интенсивном хозяйстве более или также производительным, как в экстенсивном, если последнее также пользуется техническим прогрессом, как и первое.

Из этого мы можем сделать два вывода. Во первых, что в земледелии как и в индустрии, основным фактором, влияющим на производство, является стрем-

ление наиболее производительно использовать труд. Следовательно критерием должна быть **производительность** труда, а не производительность земли. Во вторых, что в экстенсивном хозяйстве труд производительнее, чем в интенсивном.

В своих «Социальных письмах к Кирхману» Родбертус, стараясь опровергнуть теорию ренты Рикардо, доказывает, что земледельческое население не всегда переходило от более **плодородных** земель к менее плодородным, что часто происходит обратный процесс, переход от менее плодородных земель к более плодородным. Ясно, что Родбертус ставит вопрос так же не верно, как и Рикардо. Земледельцы могут переходить от обработки менее плодородных земель к более плодородным и обратно.—это не имеет значения для выяснения вопроса о правильности законов земельной ренты Рикардо, потому что **рента образуется не вследствие различия производительности земли, а вследствие различия производительности труда на различных участках или при различных затратах капитала на ту же землю.** Родбертус прав, указывая на то, что земледельцы часто переходили от обработки менее плодородных земель к обработке более плодородных, но это происходило **только** потому, что при данных технических условиях труд на менее плодородных землях был **производительнее**, чем на более плодородных. Сельский хозяин, где бы то ни было и на каком бы культурном уровне он ни стоял, всегда, как мы заметили, стремится затратить наименьшее количество труда для получения наибольшего количества продуктов. Переход к интенсивной культуре или к худшим участкам земли (не по плодородию, а по производительности труда на них) происходит вследствие недостатка лучших земель, вследствие, повышения цен на продукты до такой нормы, при которой и менее производительный труд становится выгодным.

Родбертус утверждает, что часто происходит переход к «лучшим» (т. е. более урожайным) землям [1]).

В доказательство этого он приводит пример из практики своего хозяйства. Он дренировал, осушил почву под заболоченным лугом и стал получать с этой земли высокие урожаи. Его аргументы лишь подтверждают мою мысль и опровергают мысль Родбертуса. В самом деле, для того, чтобы получать высокие урожаи травы с болота, нужно предварительно затратить колоссальное количество труда для получения таких результатов. Между тем, в имении того же Родбертуса были, разумеется, сухие луга, на которых трава произрастала, может быть, и в меньшем количестве, чем на дренированном луге, но зато без всякой затраты труда со стороны человека. Если раньше не пользовались лучшим, но заболоченным лугом, то именно потому, что на других лугах **труд** был производительнее. Цены на продукты могут так подняться, что, может быть, будет выгодно получать высокие урожаи на крышах домов, где будут заводить огороды, но это не значит,

---

[1]) Могут быть, благодаря проведению дорог, расселению и проч., открыты земли, где труд более производителен, чем на старых землях. Ясно, что этот факт не опровергает вышеизложенного. Население не обрабатывало эти земли только потому, что они были недоступны. Как только сделаются доступными новые земли, из них поступают под обработку те, на которых труд производительнее.

что переход к разведению культуры растений на крышах домов явится переходом к более производительному труду.

Точно также Кэри доказывает, что в Америке земледельцы переходили от культуры менее плодородных легких почв к культуре более плодородных тяжелых почв. Но и эта историческая ссылка лишь доказывает, что при существовавших технических условиях производительность труда на легких, менее урожайных, но **легче поддающихся обработке** почвах была выше, чем на урожайных тяжелых почвах. И пример Кэри лишь подтверждает ту мысль, что население всегда стремится использовать более производительный труд.

С изменением техники возможно, что эта почва, на которой труд был более производителен, уступает место другой почве.

Возражения Родбертуса выводам Рикардо кажутся справедливыми потому, что Рикардо неправильно формулировал свой собственный закон земельной ренты. Земельная рента получается собственником земли не за естественное плодородие почвы, которое само по себе не имеет никакой ценности, а за относительно большую **производительность труда** и капитала на различных участках или при различных затратах капитала и труда на том же участке.

Захвативши земли, земельный собственник присваивает себе избыток от более производительного труда. Переход к менее производительному труду на худших участках или на том же участке, благодаря новым затратам капитала, ведет к повышению и земельной ренты. Смешение урожайности земли с производительностью труда послужило источником ошибки как Рикардо, так и Родбертуса.

В индустрии предприниматель, имеющий орудия производства, увеличивающий производительность труда, сравнительно с другими предпринимателями в том же производстве так же будет получать ренту до тех пор, пока техническое преимущество его предприятия не сделается достоянием других предпринимателей. В обрабатывающей промышленности можно сделать лучшую машину, между тем как лучшую землю нельзя «сделать». Таким образом, земельная рента имеет характер постоянного источника дохода при капиталистическом строе, пока существует различие в производительности труда на различных земельных участках и при последовательных затратах.

Так как рынок учитывает затраты труда и издержки не только производства, но и доставки на рынок, то производительность труда при доставке на рынок также учитывается в земельной ренте. Для доставки продукта на рынок с отдаленных земель затрачивается больше труда, а с ближайших земель,—меньше. Ясно, что преимущества ближайших земель также учитываются, как и преимущества земель, на которых производительность труда в производстве хлеба выше.

Теперь мы вернемся к установленным нами выше положениям. Мы констатировали, что в экстенсивном хозяйстве труд производительнее. Если производительность труда при перевозке хлеба увеличивается, благодаря, например, паровому транспорту, то продукты земледелия из отдаленных районов экстенсивного хозяйства будут продаваться дешевле, чем продукты интенсивного хозяйства,

хотя и близкого к рынку. Производительность труда в экстенсивном хозяйстве настолько высока, что с избытком покрывает расходы на перевозку.

История общественного развития во все нам известные эпохи, при всяких технических условиях, показывает, что сделанные нами выводы правильны.

Как при диком охотничьем и скотоводческом хозяйстве, так и в современную капиталистическую эпоху, во все времена население стремилось расселиться, чтобы не переходить к более интенсивному хозяйству, к которому побуждало его собственное размножение. Переселение народов, как и современное переселение и эмиграция, ведут к экстенсификации хозяйства, к расширению площади эксплуатируемой земли экстенсивным хозяйством.

Спешу оговориться. Благодаря производству хлеба на рынок, благодаря захвату земли в частную собственность, земельные собственники используют в своих выгодах ограниченность земли и меньшую производительность последующих затрат капитала на ту же площадь земли. Они еще более обостряют необходимость переселения и эмиграции, но и в до капиталистическую эпоху—период, когда земли еще не были частной собственностью—было все-таки стремление к расширению эксплуатируемой территории, благодаря росту населения.

Но, возразят мне, если при примитивной технике и мала, или земледельца, имевшего натуральное хозяйство, интенсификация земледельческой культуры была менее производительна, то при техническом прогрессе, который произошел в течение тысячелетий, это явление должно бы исчезнуть. Ведь, производительность сельско-хозяйственного труда за последние столетия возрасла в несколько раз и, несмотря на рост земельной ренты и интенсификации хозяйства цены на хлеб не повышаются, а даже понижаются.

Производительность труда возрасла, благодаря техническому прогрессу, но она возрасла одинаково как в экстенсивном хозяйстве, так и в интенсивном и даже гораздо больше в первом, чем в последнем. Улучшение сельско-хозяйственных орудий, удешевление транспорта, улучшение культур семян и проч. являются огромным прогрессом, который повел к удешевлению продуктов, но этими улучшениями пользуется даже в большей степени экстенсивное хозяйство, чем интенсивное.

4

Я уже указывал, что, если бы в Европе велось, такое же экстенсивное хозяйство, как, например, в Соединенных Штатах или в Сибири, то производительность труда была бы одинакова. Но при большей плотности европейского населения получаемых продуктов было бы недостаточно и для четвертой части населения. Европейское земледелие поэтому переходит к дальнейшим, менее производительным затратам на ту же площадь земли. Цена хлеба определяется производительностью этих последних затрат, а землевладелец получает разницу между производительностью первых и позднейших затрат. По мере интенсификации хозяйства цены на хлеб повышаются. Но с улучшением путей сообщения удешевляется доставка продуктов земледелия из районов экстенсивного хозяйства, так как там производительность труда выше. Ясно, что конкурренция новых земель является не вследствие того, что там население больше пользуется «естествен-

ными силами природы», а потому, что ведется экстенсивное, более производительное хозяйство. «Естественные силы природы» используются и в интенсивном и в экстенсивном хозяйстве. **Интенсивное хозяйство Европы может всегда сделаться экстенсивным, т. е. также пользоваться «естественными силами природы». Если это не делается, так только потому,** что благодаря росту населения цены на хлеб поднялись до **такой нормы, при которой выгодны менее производительные** затраты **на интенсификацию хозяйства.** Землевладельцы пользуются разницей производительности труда первых и последующих затрат и присваивают прибавочную прибыль от более производительных затрат в виде земельной ренты.

Земельная рента повышается. Если улучшаются пути сообщения, и экстенсивное хозяйство редко населенных стран может доставлять дешево продукты земледелия, цены на хлеб понижаются, земельная рента падает, падают и цены на землю (при одинаковой высоте процента капитализации ренты).

Ясно, что не земельная рента в Европе повышает цены на продукты земледелия, а цены на продукты земледелия повышают земельную ренту и цену на землю [1]).

Если цена хлеба понизится, то предприниматель перестает затрачивать в землю последний капитал, который давал только нормальную прибыль и не давал ренты, потому что при понижающейся цене на хлеб он не получит и нормальной прибыли. Понизится и рента. Если цена хлеба повысится, предприниматель будет затрачивать новый капитал, пока последняя затрата не будет давать только нормальной прибыли.

Ибо при повышении цены хлеба **прежний** последний капитал стал давать сверх прибыли еще и ренту, следовательно, стали выгодны новые затраты капитала. В Англии при понижении хлебных цен, значительная часть пашен была запущена под луга, т. е. под более экстенсивное хозяйство, именно под влиянием конкурренции Америки и России.

Мы не будем останавливаться на влиянии на высоту земельной ренты технического прогресса, который при данной цене хлеба повышает земельную ренту, хотя этот вопрос и заслуживает внимания. Во всяком случае, влияние технического прогресса не изменяет констатированного выше закона, что высота хлебных цен определяет необходимость последней затраты на интенсификацию хозяйства, а эта последняя затрата не может дать ничего, кроме нормальной прибыли. А если это так, то как же может цена на землю влиять на хлебные цены?

«На чем основывалось,—спрашивает Парвус,—сельско-хозяйственное превосходство Америки? В ответ на этот вопрос обыкновенно указывают на ее **экстенсивную культуру:** земля там, правда, дает меньшие урожаи, но зато требует и гораздо меньше труда для обработки. Однако, сущность дела не в этом, а в наличности **свободной земли**—земли, не обремененной **земельной рентой.** Американец не вынужден ничего платить никаким землевладельцам».—Этот стран-

[1]) Цены на продукты земледелия определяются наименее производительными затратами, следовательно, в конечном счете, ими определяется и высота ренты.

ный вывод основан на очевидном недоразумении. Прежде всего, что значит «свободные земли»? Земли, которые не являются ничьей собственностью. Но, во первых, такие земли чрезвычайно трудно найти; во вторых, если такие земли и есть, они не обрабатываются и не имеют влияния на цены продуктов; в третьих, если бы все американские земли были объявлены собственностью тех или других юридических лиц, то этого еще земельная рента не поднялась бы, в особенности до уровня европейских цен. Если понимать под «свободными землями» **необработанные земли**, то таковые есть и в каждой стране Европы, но здесь это худшие земли. Очевидно, сказать, что в Америке есть «свободные земли»—значит ничего не сказать в объяснение земельной ренты. В Америке действительно много еще **не эксплоатируемых хороших земель**, а в Европе не эксплуатируются только самые плохие земли. Почему? Я уже объяснял. По мере роста населения, оно расширяло запашки и давно было принуждено **приступить к обработке** земель второго, третьего и т. д. разряда и увеличивать интенсивность хозяйства, т. е. в том и другом случае переходить к менее производительному труду. В Америке, вследствие наличности хороших необработанных земель, еще нет необходимости переходить к обработке плохих земель или к интенсификации хозяйства, особенно на Дальнем Западе. Т. е. наличность не эксплуатируемых еще земель дает возможность вести экстенсивное хозяйство с более производительным трудом. Если бы интенсивное хозяйство было производительно, в Америке **при низкой земельной ренте** его вести было бы выгоднее.

Европейский фермер, ведя интенсивное хозяйство, платит огромную земельную ренту. Если он получает 150 пуд. с десятины, то 50 пуд. он отдает в виде земельной ренты.

Но в Америке вследствие большого количества необработанных земель, земельная рента ничтожна. Если теперь фермер в Америке уплачивает при урожае 50 пудов—5 пуд.—10% ренты и ему остается только 45 пудов, то при интенсивном хозяйстве он получил бы 150 пудов с десятины, а ренту он уплатил бы в том же количестве 5 пуд.—только 3%.—т. е. ему осталось бы 145 пудов с десятины. Ясно, что ему было бы выгоднее вести при низкой ренте более интенсивное хозяйство, если бы это не вело к падению производительности труда. Но так как интенсификация хозяйства ведет к резкому падению производительности труда, то фермер предпочитает больше арендовать земли по низкой арендной плате, платить больший процент ренты и вести экстенсивное хозяйство. Если восточные и юго-восточные окраины Европейской России производят очень дешевый хлеб, то не потому, что там хотя бы одна десятина была «свободной». Все земли так или иначе эксплуатируются, но только экстенсивно: огромные площади земли под выгоном дают возможность доставлять дешевый скот, шерсть, кожи и пр., огромные посевы пшеницы при экстенсивном хозяйстве доставляют дешевый хлеб, а «свободные» земли в Англии или Германии не могут доставить ни того, ни другого, потому, что это худшие, «неудобные» земли, а лучшие интенсивно эксплуатируются мало производительным трудом.

Россия в техническом отношении отсталая страна, но сопоставим ее с Гер-

манией. В Таврической губ. при современной технике обработки, считается нормой 20 десят. посева на работника[1]). Принимая средний урожай 40 пудов, один работник произведет хлеба 800 пудов. В Германии урожай с десятины получается в три раза больше, но один работник едва ли справится с 5 дес.: повышение урожайности требует огромного количества ручного труда. Нечего и говорить, что в производстве корма для скота труд на юго-восточных окраинах России, при худших орудиях производства, в несколько раз производительнее. Правда, немецкий предприниматель скосит сено косилкой, а русский—косой, но первый должен затратить значительное количество труда на удобрение, на вспашку (при трехпольном).

На востоке Европейской России, например, в Оренбургск. губ., все земли заняты, но рента была низка, потому что при экстенсивном хозяйстве хлеб был дешев. И почему европейские землевладельцы могли поднять ренту до настоящей высоты, а в Оренбургской губ. не могут? Разумеется, не потому, что там есть не занятые земли—таковых давно уже нет,—а потому, что там экстенсивное хозяйство, которое может доставить массу хлеба при незначительных затратах труда и капитала.

Когда цены на хлеб поднялись вследствие проведения железной дороги и увеличения спроса на хлеб, сразу в несколько лет расширились посевы, и арендные цены поднялись в течение 10-тилетия в 3 раза. Очевидно, цены на хлеб повышают ренту, а не обратно, не рента повышает цены на хлеб.

А цены на хлеб определяются **стоимостью производства при наименее благоприятных условиях, т. е. при затрате последнего капитала на лучшие земли, а не стоимостью производства на худших землях. Ибо** худшие земли обрабатываются тогда, когда труд на них производительнее, чем последняя его затрата на лучших землях.

Итак, рента является не потому, что земля делается частной собственностью, а обратно: земля делается частной собственностью после того, как она начинает давать ренту. Потому что при капиталистическом строе само по себе право частной собственности на землю не имеет никакого значения, если оно не даст ренты. Поэтому, как только земля начинает давать земельную ренту, начинается ее расхищение. Чем дальше проходят железные дороги, чем больше улучшаются пути сообщения, тем энергичнее идет захват земель в частную собственность там, где раньше существовало общинное пользование землей.

5

Изложенных соображений достаточно для того, чтобы анализировать тот процесс эволюции мирового хозяйства, который происходил и будет происходить в ближайшем будущем.

По мере увеличения населения, особенно—промышленного населения,—земледельцам нужно было добывать все большее и большее количество хлеба с той же площади земли. По мере увеличения спроса на продукты со стороны промышлен-

[1]) См. «Аграрный вопрос в России», изд. IV, стр. 289.

ного населения, цены на хлеб повышались, и земледельцы увеличивали интенсивность хозяйства, так как менее производительные затраты оплачивались более высокими ценами на хлеб. Но повышение цен на хлеб вело к тому, что стало выгодно привозить хлеб из более отдаленных районов экстенсивного хозяйства, так как издержки провоза окупались более высокой ценой на хлеб. Ясно, что улучшение путей сообщения и удешевление провоза земледельческих продуктов облегчало конкурренцию районов экстенсивного хозяйства и угнетало земледелие промышленных районов. Ясно также, что улучшение путей сообщения и удешевление транспорта имело такое значение **именно потому**, что экстенсивное хозяйство производительнее интенсивного.

Итак, индустриальные страны начинают обменивать продукты обрабатывающей промышленности на продукты земледелия стран с экстенсивным хозяйством и происходит перераспределение производительных сил. Увеличивается количество промышленных рабочих и сокращается число земледельческих, так как часть необходимых земледельческих продуктов производится уже за границей.

По мере уплотнения населения в земледельческих странах и развития в них индустрией и земледелием внутри страны, но и между различными странами. При этом индустриальная страна сокращает количество земледельческих рабочих и увеличивает количество индустриальных для того, чтобы получить в обмен из районов экстенсивного хозяйства **земледельческие** продукты.

По мере уплотнения населения в земледельческих странах и развития в них индустрии, там будет повышаться интенсификация хозяйства, будут повышаться цены на хлеб и земельная рента. Так как на стоимость продуктов, привозимых из земледельческих стран, ложится еще стоимость провоза, то хлебные цены должны будут повышаться и в индустриальных странах. Поэтому уплотнение населения в колониях, доставляющих теперь хлеб в Европу, поведет к сокращению привоза и к новому перераспределению производительных сил в европейских индустриальных странах.

До настоящего времени происходило перераспределение производительных сил населения Европы и центральной России таким образом, что вследствие конкурренции окраин, количество рабочих рук в земледелии сокращалось и заработная плата относительно понижалась. Она была выше в индустрии и в земледелии экстенсивных районов, т. е. в Америке, в южной и юго-восточной России и т. д.

По мере увеличения интенсивности хозяйства при предстоящем сокращении конкурренции в экстенсивных районах заработная плата в земледельческих хозяйствах Европы относительно должна будет повышаться и уравниваться с заработной платой в индустрии. Приведенные выше соображения, основанные на анализе развития сельского хозяйства, как мы уже показали, подтверждаются и статистическими данными.

Сравнивая относительное количество лиц, занятых в земледелии С. А. Соед. Штатов и Германии, мы находим, что в Соед. Штатах процент земледельческого самодеятельного (berufsthätige) населения меньше, чем процент занятых земледелием (erwerbsthätige) в Германии, а именно: в 1895 г. в Германии

erwerbsthätige в земледелии, садоводстве и проч. составляли 16% всего населения [1]), между тем как в Соединенных Штатах berufsthätige в земледелии составляли в 1890 году 14% всего населения.

Данные промышленной переписи показывают, что земледельческое население относительно сокращается и в Германии и С. А. Соединенных Штатах, но на развитии хозяйства это сокращение отражается не одинаково. Между тем как в Соединенных Штатах земледельческое население производит продуктов так много, что ими удовлетворяются не только потребности местного населения, но все больше и больше продуктов вывозится за границу. В Германии относительное сокращение земледельческого населения сопровождается увеличением ввоза земледельческих продуктов. Ясно, что, во-первых, производительность труда американского земледельческого населения значительно выше, чем производительность труда германского земледельческого населения, так как при одинаковом проценте земледельцев, Соединенные Штаты вывозят хлеб, а Германия его ввозит. Во 2-х, в Соединенных Штатах производительность труда в земледелии растет быстрее, чем в Германии, так как в Соединенных Штатах относительное сокращение земледельческого населения сопровождается увеличением вывоза, а в Германии увеличением ввоза земледельческих продуктов [2]).

Причина такого различия в развитии производительных сил земледельческого населения заключается в том, что в Соединенных Штатах техническим прогрессом пользуются для расширения запашки при помощи того же количества рабочих. Освобождающиеся благодаря машинам рабочие руки используются для расширения посева. Технический прогресс сокращает затраты труда на единицу площади земли и дает возможность одному рабочему обработать большую площадь земли, разумеется, экстенсивно. В Германии сокращение рабочих благодаря техническому прогрессу не может повести к расширению запашки. Сокративши число рабочих, сельский хозяин или совсем не нанимает оказавшихся излишними рабочих, или может употребить их на интенсификацию хозяйства, т. е. на повышение урожайности земли. И действительно, урожайность земли в Германии вдвое выше, чем в Соединенных Штатах (напр., урожаи пшеницы с 1894 по 1901 г. в среднем в Соединенных Штатах были 13 бушелей на акр, а в Германии 26 бушелей [3]), между тем, как производительность труда американского земледельческого населения значительно выше, чем германского. Очевидно, дополнительные затраты труда в Германии, повышая урожайность земли, менее производительны. Поэтому 16% населения в Соединенных Штатах, несмотря на низкую урожайность земли, производят так много хлеба, что он вывозится в колоссальном количестве за границу, между тем как в Германии те же 16% насе-

[1]) Вычислено по данным Statistik des Deutschen Reichs. B. III, S. 27 В Германии erwerbsthätige составляют 44.2% всего населения, между тем как в Соед. Штатах berufsthätige составляют 36.3%. Таким образом, процент занятых земледелием и в Германии и в Соед. Штатах приблизительно одинаков.

[2]) Ibid. S. 276.

[3]) См «Amerika» Herausgeg. von Dr. Ernst von Halle S. 173

ления при вдвое высшей урожайности не производят достаточного количества продуктов даже для местного потребления.

Но и в Северо-Американских Соединенных Штатах не везде ведется экстенсивное хозяйство: в некоторых районах культивируются растения, требующие интенсивной культуры. (табак, хлопок). Сравнивая производительность труда в районах интенсивной и экстенсивной культуры в Соединенных Штатах, мы находим, что в районах экстенсивной культуры труд в несколько раз производительнее, чем в районах интенсивной культуры. В южных и северо-восточных Штатах чистый доход от земледельческого рабочего составляет 162—298 долларов, между тем, как в западных штатах он достигает до 509 долл. *). На основании этих данных можно заключить, насколько высока производительность труда наиболее экстенсивного хозяйства Соединенных Штатов, если она превышает производительность труда южных и восточных штатов в 2—5 раз.

Эти статистические данные показывают, что в сельском хозяйстве существуют одновременно две тенденции: увеличение производительности труда, благодаря техническому прогрессу и падение производительности труда благодаря дополнительным затратам на ту же землю. В Соединенных Штатах при возможности расширять запашки на новых землях преобладает первая тенденция; новый труд затрачивается не столько на увеличение урожайности земли, не столько на ее интенсификацию, сколько на расширение запашки. Технический прогресс дает возможность **уменьшать** затрату на единицу площади земли.

В европейских странах, при отсутствии новых земель, делаются дополнительные, менее производительные, затраты на ту же площадь земли. Поэтому наряду с увеличением производительности труда, благодаря техническому прогрессу сильное влияние имеет противоположная тенденция,—падение производительности дальнейших затрат труда на ту же землю. Таким образом, например, в Германии несмотря на технический прогресс в земледелии, производительность труда повышается на столько мало, что при **неизменяющемся** количестве лиц, занятых (erwerbsthatige) земледелием (в 1882 г. их было 8.236 тыс., а в 1895 г.—8.292 тыс.), продуктов земледелия ввозится в страну все более и более; местное производство не может удовлетворить потребности возрастающего населения в продуктах земледелия.

Падение производительности последовательных затрат ведет к тому, что по мере уплотнения населения количество добываемого хлеба на душу населения падает пропорционально росту населения, хотя в то же время урожайность земли

*) «Amerika» S 172.

растет по мере интенсификации земледелия. Количество добываемого хлеба на душу населения в 1907 году в различных странах было следующее [1]):

СТРАНЫ	Плотность населения на 1 кв. км	Сбор хлебов на 1 душу населения в тоннах.
Великобритания	131	0,15
Германия	112	0,4
Франция	73	0,478
Венгрия	59	0,6
Европейская Россия	24	0,36
Соединенные Штаты	10,8	1,15
Канада	1,3—8,6	1,44
Аргентина	2,1	1,47

Мы видим, что по мере уплотнения населения, добывание хлеба на душу населения падает с правильной последовательностью. Только Россия, повидимому, несколько уклоняется от установленного нами вывода, но только потому, что в земледельческих районах население значительно плотнее, чем средняя плотность населения по всей Европейской России. Северная часть Европейской России при редком населении не дает хлеба, между тем, мы не могли исключить ее из подсчета, как сделали с Аляской в Соед. Штатах и северными округами Канады.

В Аргентине добывается в 10 раз больше хлеба на душу населения, чем в Англии. Даже в России хлеба добывается в 2,5 раза больше, чем в Англии. Ясная из таблицы закономерность, разумеется, не является случайностью, а доказывает неизбежность перераспределения производительных сил между странами, которая вызывается фактом падения производительности последовательных затрат в земледелии.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

[1]) Данные о количестве населения взяты из «Résultats statistiquets du recensement gé, néral de la population éffectué l« 4 mars 1906» т. I, стр. 108 – 119 Данные о сборе хлебов из «Die Weltwirtschaft» изд. v. Halle, III Jahrg., 1908 I. Th.; Dr. Ballod Landwirtschaftliche Erzeugnisse, S. 18

ОГЛАВЛЕНИЕ II ВЫПУСКА.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Стр.

Общественные классы и распределение 3

Заработная плата.

ГЛАВА XX. — Образование рабочего класса 5
» XXI. — Зарождение капитализма и перераспределение производительных сил 11
» XXII — Перераспределение производительных сил и образование рабочего класса 20
» XXIII. — Образование резервной рабочей армии 25
» XXIV. — Перераспределение производительных сил в земледелии и заработная плата 34
» XXV. — Образование минимума заработной платы 43
» XXVI. — Сельские рабочие в индустрии 55
» XXVII — Почему крестьянское хозяйство вскармливает рабочих для индустрии 60
» XXVIII — Перераспределение производительных сил в индустрии и заработная плата 64
» XXIX. — Перераспределение производительных сил и квалифицированный труд 78
» XXX. — Теория заработной платы 85
» XXXI. — Норма заработной платы 99
» (XXXII*) XXXIII. — Норма заработной платы и норма прибыли 107
» XXXIV. — Кризисы и безработица 116
» XXXV. — Положение рабочих в связи с процессом развития и перераспределения производительных сил 124
» XXXVI. — Значение роста заработной платы 129
» XXXVII. — Стоимость рабочей силы и заработная плата . . . 132
» XXXVIII. — Заработная плата и размножение населения . . . 140
» XXXIX. — Спрос и предложение труда 147
» XL. — Заработная плата, как проблема распределения национального дохода 150
» XLI. — Рабочее движение и заработная плата в России 164
Выводы 172

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

Прибыль и социальная проблема.

» XLII. — Источники прибыли 174
» XLIII. — Прибыль и социальная проблема 179
» XLIV. — Потребление национального дохода 180
» XLV. — Современное понимание социальной проблемы**) 184
» XLVI. — Значение проблемы потребления 203

*) Ошибка, допущенная при нумерации глав в тексте.

**) В главе этой пропущено обозначение параграфа 4, начинающегося с последнего абзаца 192 стр.

Стр.

ГЛАВА XLVII. — Проблема продукции в понимании предпринимателей . 207
» XLVIII. — Проблема производства и распределения 212
» XLIX. — Формы непроизводительного потребления 222
» L. — Перераспределение производительных сил 235
» LI. — Классовые интересы 245
» LII. — Продукция 254
» LIII. — Распределение, как этическая проблема 267
» LIV. — Кооперация и народное хозяйство 271

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

Земельная рента

» LV. — Условия образования капиталистической ренты 289
» LVI. — Капиталистическая земельная рента 296
» LVII. — О теории земельной ренты Родбертуса и Маркса 302
» LVIII. — Влияние развития производит. сил на земельную ренту 310
» LIX. — Некапиталистическая рента (продовольственная аренда) . 312

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.

Мировое хозяйство

ГЛАВА LX. — Тенденции образования мирового хозяйства . . . . 33[illegible]
» LXI. — Перераспределение производительных сил между различными странами 340

ДОПОЛНЕНИЕ.

Вследствие упущения переписчиков в тексте 1 выпуска все ссылки на иностранные источники были пропущены. Здесь мы приводим цитируемых иностранных авторов в последовательном порядке.

Dr. Schumpeter. „Das Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie". Leipzig 1908, S 79.

Julius Lippert „kulturgeschichte der Menschheit". B. 1, S. 168.

Friedrich Ernst „Einfuhrung in Wirtschaftgeografie". Leipzig 1908, S. 27.

Rich Hildebrand. „Recht und Sitte auf den primitiveren wirtschaftlichen Kulturstufen" Jena 1907, S 29.

Dr. Fr. Ratzel. „Volkerkunde". Leipzig 1888 III B., S. 57.

E. Hahn „Die Hausthiere ir ihrer Beziehung zur Wirtschaft der Menschen", 1896 S. 135.

Caesar De bello gallico. Lib VI

Bagehot. „Phisics and politics". 1896.

Dr Inama-Sternegg „Grosse Grundherrschaften in Deutschland". Leipzig, 1878 S 73—4.

L Brentano. Arbeitergilden I. Berlin 1870. Einleitung, S. 36.

Pallas. Reise durch versch. Prov. des Russ Reiches II. S. 257.

Wiebe. Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII. Jahrh. S. 125.

Eugen Rübling. Die Handelswege der Mittelalters. Ulm. 1901. S. 29.

H. Harpudes. Entstehung und Entwickelung des Wirtschaftsleben. München 1908. S 10—12.

Manufactures, 1905 Part I. Edit. by Bureau of the Census Washington 1907. General tables.

Hauspile, „Das Ausgabebüdget der Privatwirtschaften" Sammlung nationalökonom. und statist Abhandlungen von D-r Joh. Conrad. B IV. Jena 1885—8, S. XXXVIII.

Dr. A. Grotjahn. Uber Wandlungen in der Volksernärung. Leipzig 1902 S. 58.

Berliner Statistik. Herausg. von Stat. Amt. der St. Berlin. 3 Heft 1904.

Statistique générale de la France. Resultats statistiques du dénombrement de 1891. Troisiè^e partie. Paris 1894.

Statistik des Deutchen Reichs. Band III. Berlin 1899.

Census of England and Walles 1891. Vol III and IV. Цитировано по St. des Deutschen Reichs.

Census ot Ireland 1891. Цитирован там же.

Report on population of the Unit. St. at the elevanth Census 1890, part. I and II Waschington 1895—7.

Statistisch.-Jahrb. für das Deutsche Reich. 1908. Anhang S. 29.

Neuman-Spallart. Übersichten über die Weltwirtschaft 1878

Rich. Kalwer. Einführungen in die Weltwirtschaft 1906, S. 2.

Dr. H. Dietzel. Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. Dresden 1900. SS. 3—4.

„Statistical abstract of the Un. St. 1908". Washington 1909.

Dr. Ernst „Amerika" 1905. S S 66 und 173.

„Geogr.-Stat Tabellen" von Otto Hübner. S 93—99

„Die Weltwirtschaft". Herausgeg. Dr. Ernst von Halle III Jahrg. 1908 VI

Dr. Ballod: „Landwirtschaft". Erzeugnisse, S. 18.